ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР АКАДЕМИИ НАУК СССР

К.Е.ЧЕРЕВКО

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНЫЕ ВОПРОСЫ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И СССР С ЯПОНИЕЙ

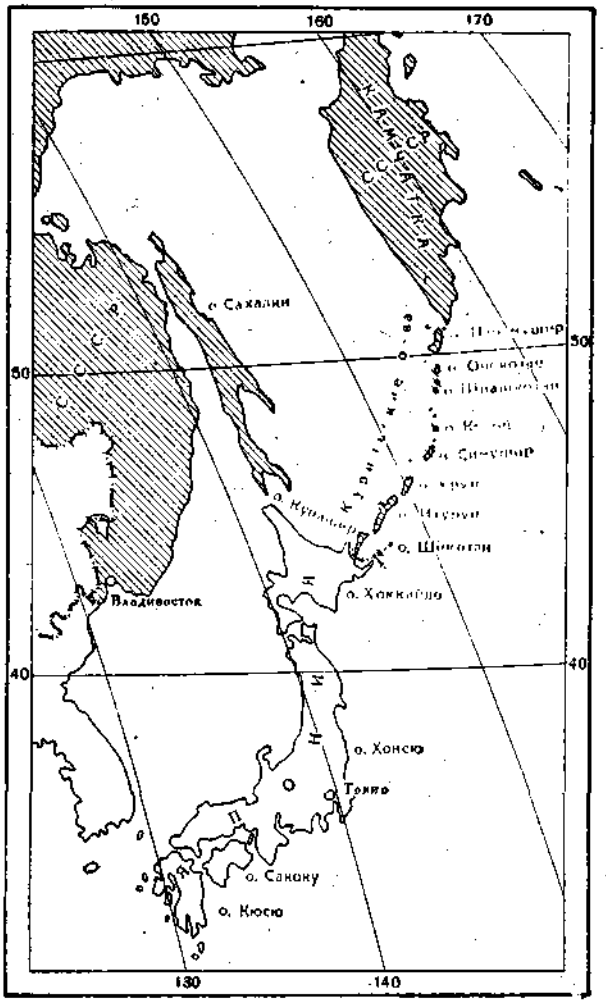
Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

К. Черевко

Москва, 1992

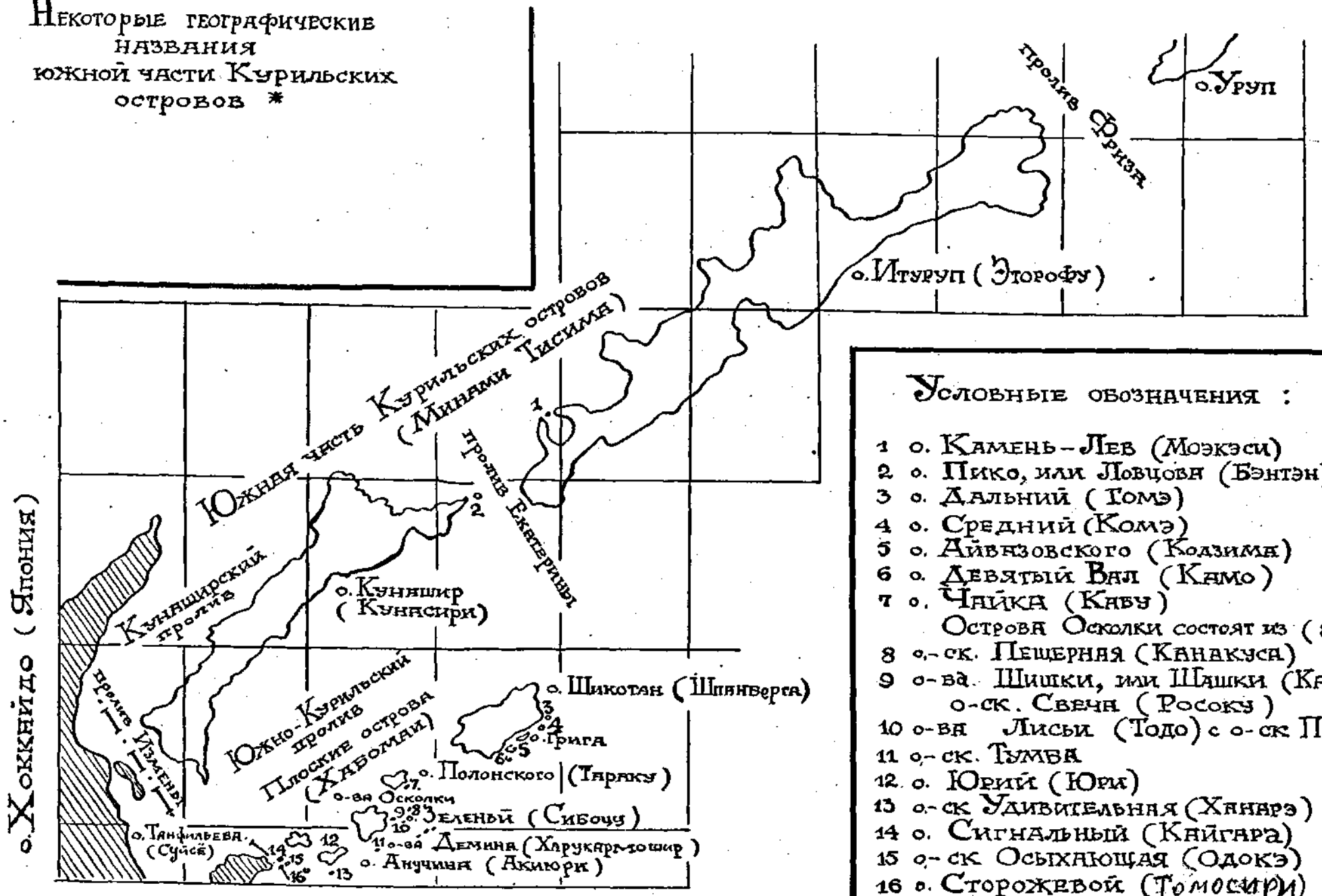
№ I

Пограничные районы Советского Дальнего Востока



№ 2

Некоторые географические названия южной части Курильских островов *



Условные обозначения :

1 о. Камень-Лев (Моэкэси)
2 о. Пико, или Ловцова (Бэнтэн)
3 о. Дальний (Гомэ)
4 о. Средний (Комэ)
5 о. Айвазовского (Кодзима)
6 о. Девятый Вал (Камо)
7 о. Чайка (Кабу)
Острова Осколки состоят из (8, 9, 10)
8 о.-ск. Пещерная (Канакуса)
9 о-ва. Шишки, или Шашки (Кабуто с
о-ск. Свечи (Росоку)
10 о-ва Лисьи (Тодо) с о-ск Парус (Хок
11 о.-ск. Тумба
12 о. Юрий (Юри)
13 о.-ск Удивительная (Ханарэ)
14 о. Сигнальный (Кайгара)
15 о.-ск Осыхающая (Одокэ)
16 о. Сторожевой (Томосири)

* Составлены зам. директора Института Землеведения АНСССР Ю.К.Ефремовым с участием автора

ВВЕДЕНИЕ

I. Постановка проблемы

В настоящей работе впервые предпринята попытка проанализировать историю формирования русско-японской границы с периода сближения рубежей этих двух государств до наших дней. При этом правомерность присоединения и владения территорией рассматривается с точки зрения принципов международного права в их историческом развитии.

До сих пор при изучении проблем формирования русско-японской границы не уделялось достаточного внимания исследованию правовой составляющей внешней политики страны. В диссертации предполагается использовать эту компоненту в качестве методологической функции. При этом, несмотря на сложность выделения этой функции международного права, автор придерживается мнения, что такую роль "несут лишь наиболее общие понятия, а равно приемы и способы исследования"[I], которыми и предполагается руководствоваться в процессе работы.

Добрососедские отношения между России и Японией имеют большое значение для международного климата в целом и на Дальнем Востоке в особенности. Однако до сих пор, спустя несколько десятилетий после окончания второй мировой войны, между Россией и Японией не заключен мирный договор, который бы значительно укрепил и расширил базу для всестороннего развития отношений между двумя странами. Как известно, правительство Японии отказывается заключить такой договор, ставя условием возвращение ей южной части Курильских островов.

История советско-японских политических отношений после второй мировой войны свидетельствует о том, что в значительной

мере определяющее воздействие на эти отношения оказывает проблема северных территорий.

В указанный период в результате неудач вплоть до второй половины 80-х годов в проведении политики разрядки, взаимного форсирования гонки вооружения резко обострились отношения между странами Запада и Востока. Именно в этот период кампания за возвращение северных территорий приобрела в Японии широкий характер.

Размеры территории, "подлежащей возвращению", трактуются двояко. В узком смысле в "северные территории" включаются южная часть Большой Курильской гряды - о.Кунашир (Кунасири), о.Пико, или Ловцова (Бэнтен) и о.Итуруп (Эторофу) с прилегающими островами Лебедя и о.Камень-Лев (Моэкэси), все острова Малой Курильской гряды - о.Шикотан, или о.Шпанберга (Сикотан), с прилегающими островами Девятый Вал, Дальные скалы и о.Грига (о.Осима), а также Плоские острова (Хабомаи) - о.Сигнальный (Кайгара) с о-вом Сторожевой (Томосири) и островом-скалой Осыхающая (Одокэ), о.Танфильева (Суйсё), о.Юрий (Юри) с о-вами Дёмина (Харукаримосири), о-ск.Удивительная (Ханарэ), о.Анучина (Акиюри), о.Зеленый (Сибоцу) и о.Полонского (Тараку) с о-вами Лисьи (Кабуто и Тодо), Шишки, или Шашки (Кабу и Канакусо). По протяженности южная часть Курил составляет треть, а по общей площади - около половины (почти 5 тыс. км) площади всех Курильских островов (10,6 тыс. кв. км). В широком смысле в "северные территории" включаются также все остальные Курильские острова и южная часть о.Сахалин.

Первой из этих двух точек зрения придерживаются официальные круги Японии и их сторонники. Второй - крайне правые, националистически настроенные круги, это различие накладывает отпечаток и на историографию исследуемого вопроса.

В противоположность этому официальные круги СССР вплоть до начала 90-х годов, ссылаясь на международные соглашения военного и послевоенного времени, придерживались мнения об обоснованности перехода южной части Сахалина с прилегающими островами и всех Курильских островов, включая острова Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан) во владение Советского Союза. И хотя в конце 80-х годов советская сторона признала наличие проблемы территориального размежевания в отношениях с Японией, а руководство РСФСР выразило готовность пойти на компромисс в отношении южной части Курил, большинство населения Сахалина и Курильских островов активно выступают против каких бы то ни было территориальных уступок Японии, а жители южной части Курил в декабре 1991 г. обратились в ООН с просьбой установить над ними опеку этой организации. Причем и в Японии, и в нашей стране широко используется концепция исконной принадлежности спорных территорий соответствующей стране.

Это придает острую актуальность как исследованию истории формирования русско-японской границы в этом районе, так и изучению обоснованности прав на владение или претензий на эти права в отношении спорных территорий с точки зрения действующих международных договоров и соглашений и основанных на них актах внутреннего законодательства сторон.

В рассмотрении истории формирования границы России и СССР с Японией с целью объективного выяснения, с одной стороны, правомерности владения нашей страной упомянутыми территориями, а с другой стороны, правомерности претензий Японии на возвращение ей южной части Курил и состоит задача настоящей работы.

В соответствии с такой постановкой задачи история формирования русско-японской границы будет рассмотрена в строго

определенном ракурсе – выявлении, когда и как та или иная спорная территория переходила из рук в руки фактически и по международным соглашениям и как стороны фиксировали в этих документах свое понимание отказа от той или иной их части в прошлом и в настоящее время с учетом изменения этого понимания в зависимости от развития международной обстановки.

Из этого вытекает, что при изучении данной проблематики приоритет будет отдан актам международного права на основе принципов историзма, то есть в их современном толковании, и они будут иметь решающее значение, а актам внутреннего законодательства будет отведена вспомогательная роль, позволяющая понять позицию сторон в тот или иной период истории, так как последние, несмотря на связь внутригосударственного и международного права не влекут за собой прямых международно-правовых последствий.

2. Периодизация

Тема данного исследования охватывает период начиная со второй трети XУП века, когда русские и японцы вышли к району Сахалина, вступили в контакт с его коренным населением и тем самым положили начало непосредственному территориальному сближению двух государств, и до 90-х годов XX века. В целях полноты выяснения подлинной истории формирования границы между двумя странами, рассматривается также и предыстория вопроса – территориальное размежевание между коренным населением указанного района и пришельцами с Японских островов.

Границы нашей страны с Японией формировались сначала в дореволюционный, а затем в советский периоды. Каждый состоит из двух этапов.

Первый этап досоветского периода характеризуется открытием, изучением и первоначальным освоением русскими Сахалина и Курильских островов, а второй – вытеснением русских из этих районов в результате расширения территории Японии.

На первом этапе (до первой половины 90-х годов XVIII в.)досоветского периода происходило непосредственное сближение границ России и Японии в районе Сахалина и Курильских островов, в результате чего после открытия, первоначального исследования и частичного освоения русскими они были включены в сферу влияния Российско-Американской компании. Этот этап можно разделить на две стадии; первая – 40-е годы XVII века – 60-е годы XVIII века, когда происходило открытие, исследование и первоначальное освоение русскими главным образом Северного Сахалина и северной части Курил, прилегающих к Азиатскому материку, и вторая – 60-е годы XVIII века – последняя четверть XVIII века, когда после разрешения экспедиций к "мохнатым курильцам" (южным айнам) по указу Сената 1761 г. Россия начинает активное исследование и освоение южных районов этих островных территорий. Процесс сближения территорий России и Японии переходит в процесс их размежевания.

На втором этапе досоветского периода (конец 80-90-е годы XVIII в.), пользуясь тем, что русские не закрепили здесь свой административный контроль, японцы занимают эти территории и устанавливают свои сторожевые посты. Эти действия привели к тому, что Российско-Американская компания попыталась без санкции своего правительства силой удалить японцев с Сахалина и Курил. В результате японское правительство приняло в 1807 году решение воздержаться от претензий на Сахалин и Курильские острова к северу от о. Кунашир. Но затем, пользуясь слабостью России на Дальнем Востоке в период наполеоновских войн, оно вернулось к политике расширения

своей территории в этом районе, и на о.Итуруп также были установлены японские сторожевые посты. В 1855 году в период Крымской войны, южная часть Курил была уступлена Россией Японии. Сахалин был признан неразделенной территорией. Эти положения были включены в первый русско-японский договор о дружбе, заключенный в г.Симода.

После заключения в 1875 году Петербургского договора Япония в обмен на Курильские острова от Урупа до Камчатки признала права России на весь Сахалин.

В результате русско-японской войны, начатой нападением японской эскадры на Порт-Артур, Япония при посредничестве американского президента Т.Рузвельта получила по Портсутскому мирному договору в 1905 году южную часть Сахалина.

На первом этапе советского периода попытки Японии в 1918-1922 годах ликвидировать молодую республику на Дальнем Востоке путем совместной интервенции с войсками стран Антанты, включая захват японскими войсками ряда районов Советского Дальнего Востока, в том числе Северного Сахалина, окончилась неудачей. В 1925 году была заключена Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, по которой признавался Портсутский договор, устанавливались дипломатические отношения и была прекращена оккупация Северного Сахалина.

Перед началом и во время второй мировой войны на границах СССР и Маньчжурии, захваченной Японией в 1931-1932 годах, происходили вооруженные инциденты. Япония в 1940 году заключила союз с Германией и Италией прежде всего против США (тройственный пакт) и в 1941 году разработала планы нападения на СССР.

На втором этапе советского периода разгром фашистской Германии и милитаристской Японии в 1945 году привели к возвращению

нашей стране южной части Сахалина и передаче СССР юрисдикции над Курильскими островами в соответствии с международными соглашениями военного и послевоенного времени.

Позже, в 1951 году был заключен Сан-Францисский мирный договор, по которому Япония отказалась от Южного Сахалина и Курил. Но в 1955 году Япония перестала признавать южную часть Курил советской. В 1956 году была подписана Совместная декларация правительства СССР и Японии о прекращении состояния войны и нормализации межгосударственных отношений. Советский Союз согласился уступить Японии Малую Курильскую гряду (о.Шикотан и группу островов Хабомаи), но фактически передать их после заключения мирного договора, который до сих пор не подписан.

Правительство Японии рассматривает острова Кунашир и Итуруп, как якобы не входящие в состав Курильских островов. В 1960 году, вопреки принципам добрососедства и дружбы, сформулированным в упомянутой выше декларации, в условиях усиления конфронтации между Западом и Востоком, Япония пошла на заключение японо-американского договора о взаимном обеспечении безопасности. В связи с изменением обстоятельств Советский Союз обусловил передачу Японии островов Малой Курильской гряды выводом с ее территорий иностранных военных баз. Позднее, во второй половине 80-х годов, проявив гибкость, СССР вновь согласился обсудить территориальный вопрос.

3. Обзор источников

В данной работе автор опирался на архивные и иные документы - неопубликованные и опубликованные - как наиболее достоверные источники. При этом предпочтение отдавалось официальным источникам, которые позволяют ссылаться на действительные позиции сторон по вопросу о границе между двумя государствами при его

международно-правовой трактовке. Этот подход к этим источникам ранее применялся лишь фрагментарно.

В качестве основных источников по вопросам первоначального освоения Сахалина и Курил, а также территориального разграничения между Россией и Японией были использованы материалы Архива внешней политики России, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива военно-морского флота СССР, Архива внешней политики СССР и отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

В Архиве внешней политики России главное внимание было обращено на фонды "Главный архив" (в особенности рассекреченные инструкции Е.В.Путятину), "Японский стол", а в Центральном государственном архиве древних актов – на фонды I96 (Портфели Миллера) и "Госархив" (разряд УП). Было установлено авторство не Г.Ф.Миллера, как считалось ранее, а известного русского землепроходца-первооткрывателя Курильских островов И.П.Козыревского в отношении "Описания Японского государства", включающего прилежание к нему острова Большой Курильской гряды, и уточнена датировка документа. Он был впервые опубликован автором в журнале "Проблемы Дальнего Востока" (I975, № 2) с его комментарием и примечаниями.

Из фонда Госархива автором были подготовлены для опубликации в сборнике документов "Русская тихоокеанская эпопея" (Хабаровск, I979) материалы, касающиеся первоначального освоения русскими землепроходцами и мореплавателями Курильских островов, в особенности их южной части, и принятия местных жителей в подданство России во второй половине XУШ века. Публикация была снабжена комментарием и примечаниями, свидетельствующими о приоритете России в приобретении этнического и экономического суверенитета над этими островами, не закрепленного, правда, в актах международного права. (Содержание некоторых документов 70-х годов XУШ века из ЦГАДА и

ЦГАВМФ СССР (фонд гр.И.Г.Чернышева) было доложено автором на Всесоюзной научной конференции "Сибирь в прошлом, настоящем и будущем", проведенной в октябре 1981 г. Сибирским отделением АН СССР в связи с 400-летием начала освоения Сибири русскими землепроходцами и мореплавателями).

По вопросу о формировании русско-японской границы в XIX веке были проработаны фонды "Главный архив" с документами экспедиций Ф.И.Крузенштерна и Е.В.Путятина, а также фонд "Японский стол" с отчетами русских дипломатических представителей в этой стране.

Для изучения главным образом политики правительства Советского Союза и политики японского правительства по вопросу о территориальном урегулировании между ними после второй мировой войны был использован Архив внешней политики СССР (Фонд 146). Часть его материалов по данному вопросу была подготовлена автором в период работы в посольстве СССР в Японии в 1965-1970 гг.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки автор изучил биографические материалы о Е.В.Путятине и коллекцию рукописных китайских карт П.Е.Скачкова с изображением прибрежных и островных районов Северо-Восточной Азии (фонд 273) и ряд еще не инвентаризованных карт.

Из японских неопубликованных материалов в научный оборот автором впервые вводятся переписка между различными ведомствами об изменении статуса Курильских островов и соответствующие постановления.

Использованы некоторые фрагменты неизданной личной переписки первого посланника Японии в России вице-адмирала Такэаки Эномото, посвященной экспедиции Е.В.Путятина[5].

Были изучены присланные из архивов Токийского государственного университета и Государственной библиотеки парламента Японии рукописи "Сахалинский обзор. Свиток I" ("Карафуто гайран. Сёхэн")

конца XУШ века и "Запись об обычаях земле Эдзо" ("Эдзоти фудзоку какиагэ") - "Размышление о нравах в стране Камчатка ("Камусяккакоку фусэцуко") I7I5 г., в которых упоминаются русский землепроходец XУП века Юрьев, получивший в I649 г. "на Камчатке"* первые сведения о Курильских островах, и русские поселенцы на Сахалине в I650 г.

В опубликованных русских архивных источниках XУП - первой половины XIX века - как документах, так и материалах, наибольший интерес для нас представляют вопросы открытия и первоначального освоения русскими Сахалина и Курильских островов.

На опубликованные архивные источники, главным образом документы середины XIX - середины XX веков, автор опирался при изучении вопросов первоначального разграничения России с Японией и последующего изменения границ России и его правопреемника - Советского государства в этом районе.

Были использованы документы также на японском языке, охватывающие оба из выделенных периодов сближения государственной территории России и Японии и последующего разграничения между ними.

По периоду раннего средневековья были использованы династийные хроники УШ века "Анналы Японии" ("Нихон сёки", или "Нихонги") и "Запись о делах древности" ("Кодзики")[6] с комментариями ведущих английских и японских ученых, что позволило выяснить убедительны ли ссылки на эти самые первые из японских памятников, сохранившихся для "подкрепления" концепции об исконной принадлежности Японии "северных территорий".

---

* Очевидно, не п-ове, а о-ве, который тогда изображался на картах на месте Северного Сахалина.

По периоду средневековья представляют интерес материалы об этническом размежевании между нивхами и айнами, о появлении русских в районах, примыкавших к Северной Японии в XУП веке: "Хроника Эдзо", "Наследие Такэсиро Мацуура", "Дополнительные материалы Такэсиро Мацуура", а также материалы об аннексии Японией южной части Курильских островов в конце XУШ века, например, "Доскональный отчет" о положении в Северной Японии и на Курилах за I799–I807 гг. (тт.I–9) Сэйё Хабуто, японского военачальника, которому было поручено управление о-вом Эдзо (Хоккайдо) после неправомерного выдворения русских из южной части Курильских островов.

По периоду новой истории Японии в связи с истолкованием в настоящее время правительством и историками Японии Курильских островов как не включающих их южную часть наше внимание привлекли "Полные сборники законов" за I869, I876 и I885 годы (Токио, I887, I890 и I904 годов), в которых представлена иная точка зрения.

По периоду после второй мировой войны были использованы документы и материалы о политике Японии по вопросу территориального урегулирования СССР, а именно: о репатриации японского населения с Южного Сахалина и Курильских островов и об изъятии их из состава территории Японии по ее внутреннему законодательству.

Из опубликованных источников на английском языке привлекались главным образом документы периода второй мировой войны и после ее окончания по вопросу о послевоенном территориальном урегулировании с Японией американской стороной, а также совместные соглашения по этому вопросу великих держав – СССР, США, Великобритании и Китая.

Проведенный автором критический сопоставительный анализ ряда важнейших англоязычных международных документов (Потсдамская декларация, Крымское соглашение трех держав по вопросам Дальнего

Востока I945 г.) вскрыл существенные неточности как в официальном русском переводе, так и в их толковании. Их уточненный перевод и толкование некоторых из этих документов на основе сопоставления с другими англоязычными источниками в части, касающейся изъятия из-под юрисдикции Японии островов менее крупных, чем четыре ее главных острова, и их правового статуса, позволяет более объективно изложить позицию Советского Союза в отношении Японии и США по данному вопросу[8]. Прокомментированные документы по теме исследования содержатся в приложении к монографии по теме настоящей работы.

В книге помещены также опубликованные ранее картографические материалы как на русском, так и на иностранных языках. Описание некоторых из японских карт в научный оборот на русском языке введено нами впервые[9].

Исследованы также карты Дальнего Востока, опубликованные в трудах по исторической географии[I0]. Автор учитывал также материалы, содержащиеся в мемуарах, дневниках и записках разных авторов на русском, японском и западноевропейских языках, что позволило дополнить представление о формировании русско-японской границы, полученное из первоисточников, и на этой основе далее в первой главе перейти к более углубленному рассмотрению историографии вопроса для того, чтобы определить, что было исследовано по данной теме, какие области остались неизученными и какие оценки событий и фактов требуют пересмотра.

Территориальные претензии правящих кругов Японии к Советскому Союзу резко усилились начиная в последнее десятилетие, особенно в период визита в Японию в I99I г. Президента СССР М.С.Горбачева, что придало исследованию территориального сближения и последующего разграничения между двумя странами еще более важный и актуальный характер.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ

I. Японская историография формирования русско-японской границы

I.I. Японская историография XУШ - первой половины XX веков

В настоящем разделе исследуются взгляды японских ученых и публицистов на проблему принадлежности "северных территорий", начиная с XУШ века,когда стали публиковаться работы, содержащие географические, экономические и исторические представления о северных районах, пограничных с метрополией, и кончая началом XX века,когда эта проблема привлекла внимание исторической науки, опирающейся на эти представления как на первоначальную базу.

Территория Японии, объединенной под властью сёгуната Токугава в начале XУП века, была значительно меньше площади, занимаемой японским государством сегодня. Фактически власть сёгуната распространялась лишь на три из нынешних четырех основных японских островов: на Хонсю, Сикоку и Кюсю. Однако постепенно в процессе укрепления экономической мощи страны у центрального правительства усиливался интерес к колонизации непосредственно примыкающих к Японии северных районов, и прежде всего о.Эдзо (Хоккайдо). Этот процесс колоницации объяснялся рядом причин.

Победа дома Токугава над другими феодальными кланами сопровождалась широкой экспроприацией земель его давних противников - крупных феодальных князей (даймё) и насильственным переселением последних в районы постоянных столкновений с айнами - коренными жителями о.Эдзо. Таким образом, освоение северных земель осуществлялось в основном высланными даймё.

В XУП-XУШ вв. в северо-западную часть Тихого океана стали проникать как русские, так и западноевропейские мореплаватели. В самой же Японии росту интереса к колонизации северных районов способствовало стремление поставить под контроль центрального правительства

торговлю княжества Мацумаэ (о.Эдзо) с русскими.[1] Крепнувший сёгунат Токугава отнюдь не собирался отдавать в абсолютной владение своим бывшим соперникам в борьбе за власть весь север страны. Возросшее военное и экономические возможности сёгуната позволяли ему самому приступить к активной колонизации северных областей. Это сулило правящему дому, с одной стороны, приток дополнительных богатств, а с другой - установление эффективного контроля над деятельностью высланных в северные районы князей. Естественно, что правящий дом Японии стремился получить сведения о пределах северных земель и опереться на то или иное теоретическое обоснование необходимости колонизации районов, граничащих с русскими владениями. Именно в этот период проблему северных территорий начинают рассматривать в японских исторических трудах.

Представители различных течений в японской историографии поразному подходили к данному вопросу.

В XVIII - XIX веках японская наука была представлена тремя направлениями: господствующим прокитайским ("кангаку"), а также оппозиционными - традиционалистским , "национальным направлением", опирающимся на догмы синтоизма ("кокугаку"), и новым голландским ("рангаку"), которое ориентировалось на западноевропейскую науку, проникавшую в Японию через факторию Нидерландов в г.Нагасаки (на о.Дэсима) - единственное представительство европейской страны в Японии.

Первое из них было проникнуто идеями неоконфуцианства, морально-этические принципы долга вассала перед сюзереном которого способствовали укреплению феодального режима сёгуната Токугава (1603-1868гг) и исходило из того, что все не придерживающиеся его принципов народы, в том числе русские (акаэдзо - букв.рыжие айны) являются варварами, которые в силу этого должны быть подвластны олицетворяющему цивилизацию императорскому дому. Варвары делились ими на фактически "покоренных" и являющихся таковыми лишь номинально. Выступая против

официальной идеологии, второе направление, связанное с высланными феодалами ("тодзама даймё"), ратовало за возрождение исконно японской культуры и прежде всего национальной религии - синтоизма. Что касается подхода ученых этого направления к территориальным проблемам, то их концепции вытеснения айнов на север практически совпадали с принципами ученых "китайского" направления, хотя и базировались на другой идейной основе. Согласно синтоизма, все неяпонские народы, прежде всего вытесненные на север от японской метрополии айны, делились на покоренных и непокоренных (приносящих или не приносящих дань), которым в силу божественного происхождения японского императора надлежит быть под его властью.

Третье направление выступало против засилья конфуцианства в Японии и ратовало на приобретение естественно научных знаний, что могло способствовать развитию японского общества. Это направление, отражая идеи европейской науки периода первоначального накопления капитала, наиболее активно выступало за открытие и колонизацию новых земель, которые находились прежде всего в районах, прилегающих к японской метрополии с севера. Для взглядов представителей "рангаку" ("голландоведов") было характерно таким образом тесное переплетение феодальной идеологии и утилитарного подхода к европейской науке при сохранении сильных националистических настроений.

Как же представители различных школ в японской исторической публицистике и историографии подходили к вопросу об освоении северных территорий, пограничных с японской метрополией, в первую очередь о.Сахалин и Курилы?

В изданной в I720 г. книге "Описание Эдзо" известный японский ученый-конфуцианец Хакусэки Араи (I657-I725), близкий к сёгуну Иэнобу Токугава (I662-I7I2), излагая официальную концепцию подвластности айнов императору, тем не менее писал, что японцы о.Эдзо

осуществляли примитивный торговый обмен с населением Курил, выгружая товары на берег и выбирая то, что те оставляли только в их отсутствие, то есть даже не вступали с ними в прямой контакт.[2] В те же годы другой представитель этой школы - Тэмин Намикава внес предложение об освоении Эдзо, а его брат Сэйсё Намикава провел опытные посадки риса в этом районе.[3]

Особенно возрос интерес в Японии к северным землям в конце XУШ века в связи с продвижением русской вольной колонизации к границам японских владений вплоть до о.Эдзо. На повестку дня встали проблемы взаимоотношений с Россией.

в "Описании Мацумаэ", законченном к началу I78I г., близкий родственник правителя клана Мацумаэ, которому принадлежали владения на юге Эдзо, историограф Хиронага Мацумаэ писал: "Хотя утверждают, что земли северных айнов - обширны, нельзя допускать расширения пространства северных варваров (русских - К.Ч.); это, по моему мнению, объясняется тем, что их земли охватывают все острова нашего Северо-Востока."[4] Хотя этот ученый и придерживался в отношении Эдзо официальной доктрины, такое признание распространения влияния русских до Северной Японии весьма примечательно и подтверждается данными, что в I778-I779гг. русские во время пребывания в Аккэси, на северо-востоке о.Эдзо, предложили японской стороне установить торговые отношения и стали принимать в подданство России коренных жителей южной части Курильских островов и о.Эдзо.[5]

Одна из наиболее ранних работ о северных пределах Японии представителя школы "кокугаку" Кандэан Мацумия (I686-I780) "Собрание бесед об Эдзо" была издана в I7I0 г. Этот ученый писал, что айны восточных районов Эдзо привозят шкуры морской выдры с о.Выдры (Уруп), которые они получают в результате меновой торговли Дплее он добавлял:"Никто не знает расстояния до о.Выдры. Говорят,

что для путешествия туда и обратно требуется около трех лет."[7]

Последнее неправдоподобное известие, вопреки концепции о подвластности айнов японскому императору, свидетельствует о том, что Курильские острова в начале XУШ века, не только не являлись территорией Японии, но что даже её ученые - располагали весьма туманными знаниями о районах к северу от неё.

В другом труде, многотомной "Истории великой Японии"(I7I5г) подготовкой которого занимался большой коллектив японских авторов под руководством даймё Мицукуни Токугава, главы антисёгунской "исторической школы" клана Мито, прямо говорилось о том, что почти все земли Эдзо не входят в состав Японии так же, как и земли тунгусских племен мохэ, которые проживали в Приамурье.[8]

В конце XУШ века в Японии резко усилилось влияние школы "рангаку". Это было связано с новыми моментами в истории феодальной Японии: в стране возникли и набирали силу элементы капиталистического уклада и сторонников ее развития по пути Западной Европы становилось все больше.

Если представители "китайского" и "национального" направлений науки включая в состав японского населения "покоренных варваров" выступали за изоляцию страны с целью консервации феодальных отношений, то ее западное ("голландское") направление с самого начала выступило против изоляции Японии, за политическую, экономическую и военную экспансию, в том числе в северном направлении в районы занятые русскими. При этом многие идеологи этой школы, например, Сихэй Хаяси (I738-I793) считали, что земли Эдзо не что иное, как иностранные территории. В I785 году в своей книге "Обозрение трех стран", а именно: Кореи, Рюкю и Эдзо, Хаяси ставил земли Эдзо в один ряд с такими самостоятельными государствами, как Корея и королевство Рюкю, которое располагалось на одноименных островах между Японией и Китаем, то есть рассматривал

их ка фактически независимые от Японии.[9]

Один из активных идеологов самурайства С.Хаяси, находясь под влиянием слухов о готовящемся нападении России на Японию, полученных в Нагасаки через голландцев от бежавшего с Камчатки венгерского барона М.Бенёвского, выдвинул в этой книге предложение о превентивном захвате и колонизации Японией в союзе с Англией районов, расположенных к северу от острова Хонсю, до прихода русских.[10]

В другой книге - "Военные беседы для морской страны" (1787-1791) он развил эти идеи и впервые поставил вопрос о необходимости создания в Японии сильного военно-морского флота. В качестве одной из причин этого Хаяси выдвинул возможность нападения на Японию России как могущественной державы, которая "прошла победным маршем до самых отдаленных пределов Татарии, Сибири и даже Камчатки" и "обратила свои взоры на Курильские острова".[11]

Несколько иную позицию в отношении освоения русскими районов граничащих с северной Японией, занял другой представитель школы "западников" - Хэйсукэ Кудо (1732-1800). В книге "Размышления по поводу слухов о рыжих варварах"(1783г.) он предложил расширить разработку золотых приисков на о.Эдзо и использовать для развития торговли с Россией, которую уже тайно вел клан Мацумаэ. По мнению Кудо, это не только способствовало бы форсированной колонизации острова до прихода сюда русских, но и значительно улучшило бы финансовое положение сёгуната.[12]

Идеи Х.Кудо оказали серьезное влияние на взгляды японского правительства в отношении территорий к северу от Японии и сыграли важную роль в решении направить в 1785 г. на о.Эдзо, Курильские острова и о.Сахалин первую японскую военную экспедицию.

С более широкой по сравнению с Х.Кудо программой территориальной экспедиции в северные районы выступил японский ученый

Тосиаки Хонда (1744–1821) известный как сторонник развития Японии по пути капиталистических стран Запада.

С одной стороны, Т.Хонда считал, что благодаря приобщению айнов к более рациональным способам ведения хозяйства русские смогли присоединить всю Камчатку и Курильские острова, и призывал установить с Россией добрососедские торговые отношения, создав на о-вах Итуруп и Кунашир центры русско-японской торговли.[13] Но, с другой стороны, Т.Хонда выдвинул план после "мирной" колонизации Японией о.Эдзо начать переговоры с русским правительством о передаче Японии прав на Камчатку, Курильские острова и Сахалин и включить их в состав Японской империи. Ее центральной провинцией он предлагал сделать Камчатку как район, заселенный якобы айнами, принадлежащими, по его концепции, к той же расе, что и японцы (хотя это не соответствует действительности). Это будто бы могло послужить основным аргументом в пользу передачи упомянутых районов Японии.[14]

Проблемой колонизации северных районов занимались и другие ученые - "западники", такие как Рикэн Накаи (1733–1817), Кодзо Хираяма (1758–1828), Сёин Ёсида (1830–1859) и Санаи Хасимото (1834–1859).

Если Рикэн Накаи, так же как и большинство японских историков, считая Эдзо не принадлежащим Японии островом, предлагал сохранить его в качестве буферной зоны, заселенной айнами, чтобы предотвратить соприкосновение границ России и Японии[15], то Кодзо Хираяма выступал с идеей установления контроля Японии над о.Эдзо с помощью создания на севере Японии сильной армии, в которую были бы привлечены пираты, бандиты и другие деклассированные элементы.[16]

К середне XIX века, в особенности после превращения Китая после "опиумной войны" I839-I842гг. в полуколониальную страну, зависимую от Англии, Франции и США, перед правящими группировками Японии еще более остро встал вопрос об обороне страны и выработке позиции в связи с попытками иностранных держав открыть японские порты.

К о г д а в I854 году это открытие под угрозой применения силы (в противном случае эскадра США намеревалась обстрелять г.Эдо) стало свершившимся фактом, Япония вынуждена была подписать в I856-I858гг. с США, Англией, Францией, Голландией и Россией соответствующие договоры, по которым им представлялось право экстерриториальности и ограничивалась таможенная автономия Японии.

Заключение японским правительством этих неравноправных договоров привело к формированию в стране дворянско-буржуазной антисёгунской оппозиции, которая позднее сомкнулась с широким крестьянским движением и в I868 г. добилась свержения феодального правительства.

Другой японский специалист по вопросам колонизации северных районов - Сёин Ёсида стал известен в середине 50-х годо XIX века как провозвестник идей японского ультранационализма и территориальной экспанции на Дальнем Востоке, в том числе в районе о.Сахалина и Курильских о-вов. В работе "Записки заключенного" (I854 г.) С.Ёсида призывал к немедленному утверждению власти японских феодалов на о-вах Эдзо и Сахалин с последующей экспансией на Курилы и Камчатку и установлению японского господства на всем побережье Охотского моря, так же как и в Корее, на островах Рюкю и Формоза (Тайвань), на Филиппинах, в Маньчжурии и других районах Азиатского материка.

Иную точку зрения высказывал С.Хасимото, который признавал успехи России в освоении территорий, расположенных к северу от Японии, и считал возможным временно сохранить за русскими, которые осваивали Сахалин и Курильские о-ва и появлялись также на о-вах Эдзо и Цусима, все эти земли во имя сколачивания военного блока с царизмом с целью совместного покорения народов Азии.[17]

Отстаивая право Японии на владение Сахалином и Курильскими о-вами, представители японской исторической науки большое внимание уделяли попыткам доказать, что именно Японии принадлежит честь их первооткрывания. Так, историк Тёкэн Мацунага в 1905 г. писал: "В Кодзики(Запись о деяниях древности) в отделе о происхождении провинций имеется имя Эссюу и рассказывается, что было дано рождение двум близнецам-островам, которых назвали Ама-но-футацуя. Эти два острова Близнеца, составляющие Эссюу, и образуют о-ва Эдзо (Хоккайдо - К.Ч.) и Карафуто (Сахалин - К.Ч.)"[18]. Однако в действительности, как подтверждают и наиболее авторитетные современные японские ученые, комментаторы этого "древнейшего исторического памятника и первой во времени подлинной эпопеи Японии" (712 г.),[19] в "Кодзики" имелись в виду не самые северные, а самые южные Японские острова - по-японски Осима (Остров Мужчина) и Мэсима (остров Женщина) из архипелага Гото к юго-западу от Кюсю.[20]

В конце XIX века после официального присоединения о.Эдзо к Японии на правах префектуры и создания на острове колонизационного управления здесь стала складываться местная научная школа по изучению истории культур бассейна Охотского моря, основы которой закладывали Т.Мацуура, Т.Могами, и Р.Мамия. Ее особенность состояла в комплексном подходе к исследованию этого региона-историческом, этнографическом и археологическом. В этой школе можно выделить два направления. Первое из них отстаивало концепцию принадлежности Хоккайдо, Сахалина, Курил и Южной Камчатки

айнам как исконным обитателям этих земель и в то же время подданным Японии. Второе направление подходило к этому вопросу с позиций объективности, допуская возможность различного толкования данной проблемы.

О "первооткрытии" японцами южной части Сахалина в 1613 г. при Кимихиро (Кимифиро) - седьмом правителе клана Мацумаэ с целью описания и картографирования местности сообщается также известным немецким японоведом XIX в. Ф.Зибольдом (1796-1866) в "Примечаниях" к неоднократно издававшемуся в Германии капитальному труду "Япония"[21] Однако эти сведения о якобы имевшей место в самом начале XVII в. экспедиции с первой половины XIX в. вплоть до последнего времени повторяются и некоторых работах русских и советких авторов,[22] являются ошибочными, так как Кимихиро стал править с 1617 г.

Известный путешественник, ученик конфуцианца Р.Хирамацу, монах буддийской секты дзэн Такэсиро Мацуура (1817-1878гг.), находясь вместе с тем под влиянием идей "западников", как и С.Хаяси, выступал за ускоренную колонизацию северных районов японцами.[23] В 40-50-х годах XIX в. он совершил несколько путешествий на о-ва Хоккайдо и Сахалин и обобщил обширные материалы китайских и японских хроник по истории и современному положению района Эдзо. В 1869 году, после буржуазной революции в Японии, Т.Мацуура был назначен советником начальника колонизационного управления Японии в Саппоро (о.Хоккайдо). Т.Мацуура оставил после себя большое количество работ по географии, истории и этнографии района Эдзо. Некоторые из них впервые были опубликованы лишь в 60-х годах XX века.[24] Работы Т.Мацуура, которые явились результатом его путешествий на Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова, преподносятся японскими историками как доказательство освоения японцами "северных территорий" в XIX веке и используются на этом основании

для "научной аргументации" прав Японии на Курильские острова, в пользу хотя к реальному административному контролю Японии над ними эти путешествия отношения не имели.

Особый интерес представляют работы Т.Мацуура, содержащие сведения о пребывании русских на Курилах и Сахалине в XVII-XVIII вв., а также о вытеснении айнами коренного населения - нивхов и других народов (ныне жителей Советского Дальнего Востока) с Сахалина и Курильских островов.[25]

В работе "Курильские острова", которая была написана, повидимому, во второй половине 60-х годов XIX века, Т.Мацуура констатирует, что в период Сётоку (1711-1716) русские решили присоединить все Курильские острова.

В период Хоряку (1715-1763) они дошли до о.Симушир, в период Мэйва (1763-1770) достигли о.Уруп, с которого затем перешли на о. Итуруп и далее на о.Кунашир. Наконец в первые годы периода Кансэй (1778-1789) русские добрались до района Нэмуро на о.Эдзо, где оставили 10 человек, которые стали предлагать коренным жителям принять подданство России. При этом японский историк отмечает вклад русских в приобщение айнов европейской культуре и новым способам ведения хозяйства, в результате чего они стали охотиться с ружьями, носить головные уборы и обувь, стричься, изучать русский язык и принимать православие, и связывает с этим изменение названий Курильских островов с айнских на русские.[26]

В "Летописи Эдзо" (1870 г.), в которой широко использованы извлечения из более ранних японских работ, Т.Мацуура указывает, что в 1649 г. "русский Юфуру (Юриев, т.е.Юрьев москвитин - К.Ч.) первым открыл Камчатку"[27], которая изображалась на картах до начала XVIII века как остров в районе Северного Сахалина. По сведениям

японских ученых конца XIX - начала XX вв. Рюноскэ Окамото и Тёкэн Мацунага, русский Юфуру, путешествуя по Камчатке впервые узнал о Курильских островах.[28] Однако Р.Окамото и Т.Мацунага датируют это событие 1643 годом. Подобная датировка событий Т.Мацуура представляется более близкой к истине, чем выдвигаемая Р.Окамото и Т.Мацунага. Последние, видимо, ошибочно совместили дату легенды о путешествии на Камчатку спутников С.Дежнева - 1649 г. с датой пребывания на Курилах и Сахалина в 1643 г. голландца Мартина де Фриза.

Сведения Р.Окамото сопоставимы с опубликован .. русскими источниками, в которых сообщается, что в 1649 г. в соприкосновении с коряками в районах прилегающих к Камчатке вступил известный землепроходец М.Стадухин, который направил в Якутск первую пробную партию добытой моржовой кости.[29]

Определенный интерес представляют исследования известного ученого конца XIX - начала XX вв. Фумихико Оцуки (1847-1928), который сочетал в своих трудах принципы неоконфуцианской и европейской историографии. В первые годы после буржуазной революции 1867 -1868гг Ф.Оцуки подготовил "Этнографическое описание Хоккайдо" ("Хоккайдо фудоки") в 30 томах, издание которого было завершено в 1902 году. Последний том посвящен японо-русским отношениям, в частности вопросам территориального разграничения в районе Сахалина и Курильских островов.

Обращает на себя внимание признание Ф.Оцуки, что в Японии имелись сторонники отказа от Сахалина,[30] который интенсивно осваивался в тот период русскими. Будучи последователем С.Хаяси, Ф.Оцуки исходит из того, что Хоккайдо и близлежащие к России территории представляют собой отдельную страну, заселенную главным образом айнами. В работе Ф.Оцуки приводятся, - правда, в тенденциозной оценке, - сведения о продвижении русских в район южной части Курильских островов во второй половине XVШ века.[31] Выступая в первых

томах своего труда против беспощадной эксплуатации айнов, японский историк в заключительном томе высказывается в пользу того, что в все районы их обитания должны находится под властью японского императора.

В первые десятилетия XX века различия между последователями неконфуцианского, национального и европейского направлений в японской историографии все более стираются. Японские историки стали активно использовать методологию западно-европейской историографии, в особенности позитивисткие концепции немецких ученых Л.Ранке (1795-1886) и Ф.Мейнекке (1862-1964), которые оценивали события с точки зрения государственных интересов. Из работ японских ученых первой половины XX века, использующих эту методологию, полезный фактический материал по теме нашего исследования содержится, например, в работах историков Ёсабуро Такэкоси, Тикамицу Сайто и Итиро Нумада.

Е.Такэкоси неправомерно рассматривает появление русских во второй половине XVIII века на Курильских островах и на северо-востоке о.Хоккайдо, не входивших в состав Японии, как проявление военной угрозы со стороны России[32], тогда как цель русских экспедиций состояла в том, чтобы найти путь к установлению торговых связей с Японией. Вместе с тем японский историк отмечает, что в 1769 г. русские поставили своих старшин во главе айнских родов на каждом из Курильских островов и стали взимать с каждого жителя подать по одной лисе (в год - К.Ч.)[33]. Эта подать носила символический характер, но в соответствии с международным правом того времени означала распространение власти России на Курильские острова. Японская колонизация южной части Курил, как признает Ё.Такэкоси, началась только с 1799 г., когда японцы, узнав о том, что русские в 1797 г. воздвигли на Итурупе крест как символ принадлежности острова России, направили сюда чиновников центрального правительства, которые низвергли этот крест и поставили столб с обозначением

принадлежности острова Японии.[34] Японский историк вынужден констатировать, что, хотя правители княжества Мацумаэ и утверждали, что им принадлежат Курильские острова и Сахалин, к концу XVII в. здесь "японской системы управления фактически не существовало", "сюда лишь приезжали айны с о.Эдзо для торгового обмена", и поэтому "право владения достаточно ясно определено не было".[35] Е.Такэкоси пишет, что северная часть Сахалина была русской издавна, а в 1780 г. русские появились и в южной части острова. Значительно позднее, лишь в 1807 г., центральное правительство Японии предприняло попытку захватить Сахалин, однако в сентябре того же года русские моряки под командованием Н.А.Хвостова и Г.И.Давыдова восстановили власть России над южной частью острова, и представитель японского правительства с резиденцией в Хакодатэ, ответственный за управление Сахалином, сложил с себя полномочия.[36]

Работа другого историка этого периода - Тикамицу Сайто "История Японии" содержит подробные данные о постепенном введении законов, запрещавших японцам выезд за границу, и о закрытии страны для въезда иностранцев. Это имеет важное значение для оценки роли ранних экспедиций японцев на Сахалин и Курильские острова в 30-40-х годах XVII в. с точки зрения права первого открытия. Т.Сайто, в частности, приводит сведения о том, что правительственным указом от 28 февраля 1633 г. был запрещен выезд за пределы собственно Японии и ограничены поездки за ее пределы с возвращением обратно, так как этого требовалось специальное разрешение представителя центрального правительства. Это было подтверждено указами 1634-1635 гг., а в 1636 г. на выезд из страны и въезд в нее налагалось абсолютное запрещение, и его нарушение каралось смертной казнью.[37] Перечисленные мероприятия были связаны с борьбой против проникновения христианства, которые, будучи поддержано крестьянством и городскими низами, представляло собой угрозу для правящего класса японских феодалов.

Но вместе с тем, изолировав Японию, правящие круги создали юридические препятствия для колонизации и включения в состав государ-

ства территорий к северу от японской метрополии, заселенных неяпонским населением.

Это приводило к противоречию с исконной концепцией подвластности всех северных варваров японскому императору, за что ученые и политики, помещающие Эдзо в состав иностранных государств подвергались резкому осуждению оппонентами.

Некоторые важные сведения по истории территориального размежевания России с Японией содержаться в работе Итиро Нумада "История японо-русских отношений"[38], опубликованной в годы второй мировой войны. Неоходимо учесть, что в это время Япония активно готовилась к нападению на СССР. Поэтому И.Нумада стремился представить освоение русскими Сибири и Дальнего Востока, в частности Сахалина и Курильских островов, как направленную против Японии агрессию. Но в той же работе содержатся данные, которые свидетельствуют об агрессивной политике центрального правительства Японии. Руководитель направленного им на север отряда Токунай Могами в 1786 г. подверг аресту русских, поселившихся на о.Итуруп и переправил их на о.Кунашир, откуда им было приказано вернуться к себе на родину. Эта акция изображается как мера по возвращению земель, якобы исконно принадлежавших Японии. О положении Сахалина в конце XVШ в. И.Нумада придерживается мнения, что принадлежность его была неясной, хотя и признает, что русские селились на этом острове, в том числе на южной части, до прибытия туда чиновников центрального правительства Японии.[39]

Итак, несмотря на различия в конкретных подходах к проблеме исторических прав Японии и России на Сахалин и Курильские острова и их колонизацию, в японской исторической публицистике и историографии XVШ - начала XX веков в качестве доминирующей прослеживается тенденция доказать, что Сахадин и Курильские острова должны по праву принадлежать Японии.

I.2. Японская историография после второй мировой войны

Проблема формирования русско-японской границы приобрела для Токио после второй мировой войны особое значение. Это было связано с выдвижением японскими правящими кругами незаконных территориальных претензий к Советскому Союзу, которые оказали заметное влияние на историографию.

Вопросы формирования русско-японской границы освещаются с разных позиций, начиная с поддержки политики России и СССР в вопросе о территориальном размежевании с Японией и кончая с ее осуждением.

Начиная с 50-х годов в связи с усилением в Японии движения за установление и развитие нормальных добрососедских отношений с Советским Союзом по этой проблеме был опубликован ряд работ группы историков, поддерживающих политику России и СССР - К.Иноуэ, С.Окоти, С.Судзуки, С.Накамура, Ё.Корияма, К.Маэсиба, С.Манабэ и некоторых других. В работах одних из них акцент делается на истории русско-японских отношений по данному вопросу, а в исследованиях других - на советско-японских отношениях.

С.Мураяма и Х.Вада

Ряд историков этой группы признает справедливость восстановления прав Советского Союза не только на южную часть Сахалина, но и на Курильские острова и подвергает критике правящие круги США за их отказ вскоре после окончания войны от своих обязательств перед СССР по Ялтинскому соглашению и Потсдамской декларации.[40]

В книге С.Накамура "Японцы и русские"[41] в разделе, посвященном первоначальному территориальному размежеванию между Россией и Японией, обращает на себя внимание описание встречи в 1786 году японцев и русских. Японский историк пишет, что в 1785 г. в айнском местечке Шаршам на о.Итуруп поселились русские моряки с корабля "Св.Павел" во главе с С.Извововым. Пользуясь покровительством старейшины айнов Икотоя, они обучили местных жителей русскому языку,

занялись миссионерской деятельностью и поставили здесь русские кресты. Когда в следующем году на этом острове появился с сопровождающими японский чиновник Т.Могами и стал утверждать, что южная часть Курил - это земли айнов, подвластных Японии, Извозов резонно возразил ему, что по мнению местных жителей, ни один из японцев не управляет ими и последнего из них до этого они видели 30 лет назад, когда к берегу штормом прибило японскую лодку. Указав на то что Япония не располагает правами на эти земли, Извозов заявил, что их может утвердить для себя Россия. Исчерпав все аргументы, японский представитель выхватил меч и, арестовав русских моряков, силой оружия выдворил их с острова.[41]

Таким образом очевидно, что попытки аннексии Японией южной части Курил были связаны с насильственными действиями, которые в противоречии с нормами права по вопросам приобретения территории действовавшими в XVIII веке (доктрина интемпорального права), были предприняты без объявления войны.

Против концепции агрессивности России выступает историк С.Манабэ. Он пишет, что после того, как цинский Китай вынудил Россию уступить в конце XVII в. Приамурье и Приморье, цель русских заключалась в том, чтобы, установив торговые связи с Японией, получать необходимые продукты питания и другие предметы повседневного спроса, которые привозили из европейской части России для населения русского Дальнего Востока из более близких районов.

Японский историк показывает, что такая политика России объяснялась слабостью позиций царской и что ее продвижение в район Курильских островов и Сахалина не было главным направлением ее внешнеполитического курса, а лишь средством установления с Японией торговых отношений. "Если опираться на исторические факты, - заключает С.Манабэ, - будет совершенно ясно, что политика России в отношении Японии всегда носила мирный характер и не опиралась на силу как средство претворения этой политики в жизнь".[42]

Особое место среди трудов японских историков прогрессивной ориентации занимает монография "Изучение истории японо-русских отношений в конце периода бакумацу"[43] профессора Кагосимского университета Ёсимицу Корияма. На основе объективного анализа японских источников и русских архивных материалов японский ученый убедительно показал, что попытки обосновать притязания на Курильские острова как на "исконно японские" беспочвенны[44]. Он писал, что глава японского правительства С.Мацудайра потому и не возражал против появления русского посла А.Лаксмана в 1792 г. в г.Нэмуро на Северо-Восточном Хоккайдо, что в этот период "даже Нэмуро не рассматривался как японская территория, не говоря уже о южной части Курил"[45]. Кориями подчеркивает, что аннексия южной части Курил "означала территориальную экспансию" Японии[46] и что такой курс противоречил традиционной политике изоляции Японии, которая проводилась в соответствии с законами о закрытии страны с 30-х годов XVII в. до середины XIX в.

Профессор Токийского муниципального университета Ситиро Мураяма в монографии "Курильские острова: текстологическое исследование" (1987)[46а] подробно обосновал неаутентичность территориальных положений японского текста первого русско-японского договора 1855 г. русскому тексту и что особенно важно - его голландскому тексту, который являлся текстом языка-посредника между сторонами и был заверен ими. С.Мураяма обратил внимание на то, что японский ошибочный перевод дал повод японской стороне толковать этот договор как ограничивающий их с юга островом Уруп.

Профессор же Института социологии при Токийском университете Харуки Вада опубликовал в своей монографии "Размышления о северных территориях" (1990 г.) первоначальный стилистически неотшлифованный перевод с голландского текста этого договора на китайский язык, из которого видно, что переводчик Э.Мориями

ошибочно принял иероглиф "прочие" за похожий в полускорописном написании иероглиф "земля" и затем перенес его в японский текст договора. Тем самым Х.Вада выявил причину неаутентичности его в важнейшей части голландскому и русскому текстам, а следовательно, и несостоятельность попыток МИД Японии исключить из международно-правового понятия Курил их южную часть[46б].

Эти факты свидетельствуют о научной несостоятельности попыток японской историографии оправдать территориальные претензии к СССР ссылками на исконную принадлежность японцам северных территорий.

Из работ историков, посвященных отношениям между СССР и Японией, в качестве типичного примера приведем обзорную статью К.Маэсиба. Этот ученый пишет, что Япония была государством, которое самым последним прекратило вмешательство во внутренние дела СССР, оккупируя Северный Сахалин до 1925 г., то есть до восстановления межгосударственных отношений между СССР и Японией. Маэсиба обращает внимание на то, что и после этого Япония, подписав в 1936 г. антикоминтерновский пакт с Германией и Италией, продолжала проводить политику, направленную на отторжение дальневосточных территорий СССР. Заключение Советским Союзом в 1945 г. Ялтинского соглашения с США и Англией, по которому предусматривались восстановление суверенитета на?ей страны над южной частью Сахалина и передача ей

Курильских островов, японский историк считает закономерным, так как, несмотря на заключение в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете между Японией и СССР, сразу же после нападения Германии на СССР она стала блокироваться с нею в войне против Советского Союза.[47] Вопросы формирования северной границы Японии затрагивают не только историки и специалисты по изучению общественной мысли, но и этнографы и археологи. Одни из них главное внимание уделяют истории территориального размежевания Японии с Россией, другие - с Советским Союзом.

Проблемам "северных территорий" посвятили ряд исследований, в частности, ученые, входящие в настоящее время в Японскую Ассоциацию по изучению проблем мира.

Так, Рэй Сиратори утверждает, что коренные жители Курильских островов якобы находились в вассальных отношениях с центральным правительством Японии в 1615 году, а русские экспедиции стали осваивать эти острова с начала XVII в. и дошли будто бы только до о.Уруп, где уже обитали японцы. Следовательно, рассуждает Сиратори, положения Каирской декларации 1943 г., включенные в Сан-Францисский мирный договор с Японией 1951 г., об изгнании Японии с территорий, захваченных в результате применения силы, не имеют отношения к островам Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан, никогда не входившим в состав территории иностранных государств.

В то же время этот ученый считает, что требования о возвращении "северных территорий" на переговорах о мирном договоре с СССР чреваты опасностью возрождения воинствующего национализма и препятствуют решению других важных вопросов в отношениях между двумя странами. Тем не менее Сиратори после пространных рассуждений о необходимости подойти к вопросу о границе между Японией и СССР "с более широких позиций с целью сохранения и упрочения мира"[48] приходит к бездоказательному заключению, что Япония сохраняет права на южную часть Курил.[49]

Нестоятельность такой "исторической аргументации" вскрывается японскими учеными, которые стремятся подойти к предмету исследования с объективных позиций. Одни из таких исследователей на передний план выдвигают изучение отношений между японцами и айнами в зоне территориального размежевания Японии и России, другие - отношения между японцами и русскими. Так, Хидэо Фудзимото, член правления Этнографического общества Японии и Ассоциации археологов Японии, в своей работе "Северные могильники"[50] публикует результаты последних археологических исследований японских ученых в районах, непосредственно примыкающих к границам Советкого Союза. Эти результаты подрывают позиции тех сил, которые обосновывают "права" Японии на Сахалин и Курилы правом первого открытия.

Японский ученый излагает основные этапы борьбы айнов Хоккайдо против японских угнетателей начиная с XУ в., выражая сочувствие их борьбе. Он подробно останавливается на мощном востании, вспыхнувшем под руководством вождя айнов Шакшаина в конце 70-х годов XУП в. в южной части острова. Шакшаин сумел сплотить все айнские племена Хоккайдо на борьбу против поборов японских купцов, которым князь клана Мацумаэ отдавал на откуп различные районы острова принадлежавшие айнам. Автор отмечает, что подобные восстания проходят красной нитью через всю историю японской экспансии в северном направлении, в результате которой айны обречены на постепенное вымирание и их численность была сведена до нескольких тысяч.

Фудзимото обращает внимание на то, что на юге Хоккайдо для отпора японским завоевателям местное айнское население создало земляные крепостные валы, позволяющие судить об истинных переделах "исконно японской территории" к концу XУП в., когда русские землепроходцы уже открыли Сахалин и Курильские острова.

Книга этого ученого содержит большой фактический материал о первых обитателях Хоккайдо, Сахалина и Курил, пришедших из континентальной Азии, и тем самым показывает несостоятельность взглядов

ученых, пытающихся подвести "историческую" базу под концепцию "исконной принадлежности" Японии "северных территорий".

Близкой к взглядам Фудзимото является концепция историка Гэндзо Сарасина, изложенная в книге "Айны и японцы"[51] В ней автор специально останавливается на истории русско-айнских и русско-японских отношений и затрагивает вопрос о формировании русско-японской границы. Особый интерес представляют сведения японского историка о том, что полоса айнских восстаний против попыток японского клана Мацумаэ поработить местное население не позволила японским властям в XVII в. развенуть деятельность по колонизации Хоккайдо, не говоря уже о Сахалине и Курильских островах.

Сарасина признает большой вклад русских землепроходцев и мореплавателей в освоение Курильских островов, Сахалина о полуострова Камчатка в XVII-XVIII вв. Японский исследователь специально останавливается на походе И.П.Козыревского в район северной части Курил в 1711 г. и плавании М.П. Шпанберга к средней и южной частям Курильских островов в 1739 г., в результате чего они впервые были нанесены на географическую карту, а также на последующем промысловом освоении русскими этих открытых ими районов, богатых рыбой и морским зверем.

"В 1750-х гг., - пишет Сарасина, - когда клан Мацумаэ только начал направлять торговые суда на Кунашир, русские, которые к тому времени продвинулись по Курильским островам к югу, уже переименовали по-русски многие из них, расположенные в северной части, обратили в свою веру местных жителей и стали взимать с мужского населения ежегодную подать..." Тогда же, по данным этого автора, русские стали зимовать на Урупе, а вскоре перешли и на Итуруп.[52]

Японский историк отмечает, что айны даже южной части Курильских островов Итуруп и Кунашир, несомненно, находились к середине XVIII в. в сфере хозяйственно-культурного влияния России.[53] И хотя

Сарасина русскую колонизацию Курил считает "агрессией", приводимые им объективные исторические данные опровергают такую оценку. Вместе с тем они опровергают такую оценку. Вместе с тем они опровергают концепцию правящих кругов Японии, в соответствии с которой южная часть Курильских островов якобы представляет собой "исконную" территорию Японии.

Книга историка, ответственного секретаря Общества японо-советских связей, Акира Такано "Япония и Россия" обращает на себя внимание стремлением, в отличие от многих других историков, объективно осветить вопросы зарождения и развития отношений между двумя странами, в том числе некоторые вопросы формирования русско-японской границы. Это объясняется тем, что его взгляды формировались в русле либеральной историко-филологической традиции, характерной для крупнейшего неправительственного университета Васэда. Такано возражает против характерной для японской историографии концепции, в соответствии с которой Россия рассматривается как мощное феодальное государство, осуществляющее в течение нескольких столетий экспансию на Азиатском материке. Он пишет, что как стремления России к расширению своей хозяйственной территории на основе главным образом вольной колонизации малонаселенных пространств Сибири вплоть до берегов Тихого океана, так и стремление Японии как островной страны замкнуться в своих исконных пределах (острова Хонсю, Кюсю, Сикоку и юг Хоккайдо) вплоть до середины XIX в. представляли собой различны но по существу естественные попытки , направленные на борьбу против господства ведущих мировых держав.[54]

Такано приводит также выдержку из книги известного японского ученого Идзуру Симмура "Запись о южных варварах"[55] о том, что в XVII-XVIII вв. успехи России в постепенном продвижении к Тихому океану и освоения новых хозяйственных территорий резко контрастировали со стремлением японских властей ограничить свою территорию пределами

метрополии, которое отчетливо проявилось в политике строгой изоляции страны. И ведь это имело немаловажное значение для определения исконной принадлежности районов, где происходило сначала сближение рубежей России и Японии, а затем территориальное размежевание между этими государствами.[56]

Такано отмечает большой вклад в науку русских землепроходцев и мореплавателей И.П.Козыревского, Д.Я.Анцифирова, Ф.Ф.Лужина, И.М.Евреинова, М.П.Шпанберга, В.М.Головнина, А.К.Лаксмана и др., поскольку они "почти целиком заложили основу географических исследований Курильских островов в XVШ - начале XIX вв."[57]

Ученый справедливо отмечает, что блестящим успехом русских людей в изучении Курильских островов" способствовали поддержка, которую оказывали им местные народы, в частности камчадалы и курилы (айны), а также японцы, время от времени случайно попадавшие в этот район в результате кораблекрушений.

Особенно высоко японский ученый оценивает геодезические измерения на Курилах, проведенные в начале XIX века В.М.Головниным, в результате чего первые были установлены точные размеры островов этого архипелага.

А.Такано признает, что территория собственно Японии в сознании японцев ограничивалась их этнической территорией, а прилегающие к ней районы рассматривались как достаточно ясно не определенные прилежащие, или пограничные пределы под которыми обычно японцы понимали заселенный айнами остров Хоккайдо.

Ссылаясь на японских ученых конца XVШ в. С. Хаяси и Т. Могами Такано пишет, что айны-аборигены Сахалина и Курильских островов рассматривались ими как народность, живущая не в японской метрополии, а обитающая в другой стране, такой, какой является, например, Корея. Более того, опираясь на свидетельства других японских историков, Такано пишет, что в тот период Курильские острова представляли собой земли, на которые не ступала нога японца, и

вместе с тем-островную страну, заселенную ее коренными жителями айнами.

Японский историк отмечает, что уже в конце 30-х гг. XVIII в. русская экспедиция М.П.Шпанберга и В. Вальтона, "не создавая угрозы для японской стороны, добилась успеха, первой вступив на Курильские острова, в частности на острова их южной части - Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан", и что "морская карта района южной части Курил с геодезическими измерениями В. Вальтона до сих пор хранится в Главном архивном управлении СССР"[58]. При этом Такано подчеркивает, что первая японская официальная экспедиция на южную часть Курильских островов (где к тому времени уже закрепились русские) была направлена центральным правительством Японии только в 1785 году.[59]

В монографии советолога Сатоси Такаяма, посвященной советско-японским отношениям, разбираются вопросы формирования границ Японии главным образом в послеоктябрьский период.

"Проблема севе ных территорий" занимает книге особое место, и анализ ее влияния на советско-японские отношения после второй мировой войны. Отмечая, что СССР рассматривал как беспочвенное требование Японии в отношении "северных территорий", японский историк пишет, что позиции Японии недоставало последовательности. В качестве примера он приводит резкое изменение позиции японской делегации на переговорах о заключении советско-японского мирного договора в Лондоне в 1955-1956 годах."В тот момент, пишет Такаяма,- когда уже был почти достигнут компромисс об условиях передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан, последовала новая инструкция: "Во что бы то ни стало требуйте также острова Итуруп и Кунашир!", и советская сторона, возмущенная этим изменением позиции, прервала переговоры в Лондоне".[60] Одной из главных идей книги является мысль что, вопреки усилиям Японии, "пострадавшей" стороны, Советский Союз занял в дальнейшем непреклонную позицию в "территориальном вопросе" и не желает идти ни на какие компромиссы с целью улучше-

ния отношений с Японией.

Иной характер носят оценки политики Советского Союза японских советологов.

Рассматривая политику Советкого Союза в отношении Японии в период оккупации они утверждают, что после капитуляции Японии СССР через Союзный Совет по Японии безуспешно стремился захватить ведущие позиции в управлении страной. Но о последовательной борьбе советского представителя в этом Совете и в Дальневосточной комиссии за демократизацию Японии обычно ни словом не упоминается. Советский Союз обвиняется в отказе от подписания сепаратного Сан-Францисского мирного договора с Японией 1951 г., закреплявшего положение Японии как одного из флангов в глобальной стратегии США, не касаясь вопроса о том, что этот договор был направлен против СССР.

Нормализация советско-японских отношений в 1956 году изображается этими учеными, как и историками , только как результат выдвижения советским правительством в середине 50-х годов "дипломатии мирного сосуществования", без упоминания о том, что после окончания американской оккупации наиболее дальновидные руководители Японии, в том числе премьер-министр М.Хатояма, поняли необходимость укрепления ее политической независимости.

Рассматривая влияние нормализации японо-китайских отношений на отношения между Японией и СССР, С.Такаяма, например, утверждает, что не Советский Союз, а Япония взяла на себя "инициативу", направленную на то, чтобы вывести отношения между двумя странами из "тупика". Имеется в виду поездка в СССР в сентябре 1973 г. премьер-министра Японии К.Танака через 17 лет после исторического визита И.Хатояма. На передний план вновь искусственно выдвигается все тот же вопрос о территориальных притязаниях к СССР. Хотя упоминание о нем отсутствует в подписанном по окончании визита совместном советско-японском заявлении, включение в него положения об "урегулировании"

нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны, и о том, что "заключение мирного договора внесет вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами", произвольно трактуется как признание Советским Союзом существования "территориального вопроса". Японский советолог предпринимает тщетную попытку создать впечатление, что успехи в развитии советско-японских отношений являются заслугой главным образом Японии, а замедление в их развитии объяснить неуступчивостью советской стороны.

Автор не соглашается с теми японскими политиками, которые отстаивают лозунг объединения усилий Японии и Китая против СССР. Вместе с тем он выступает как сторонник той точки зрения, что заключение японо-китайского "договора о мире и дружбе" не изменит якобы генеральной линии политики Японии, исходящей из принципа "равного отстояния от СССР и Китая".[61]

В работе С.Такаяма подробно рассматривается в связи с этим советский проект договора с Японией о добрососедстве и сотрудничестве, предложенный правительством СССР правительству Японии в 1978 г. Резко отрицательное отношение к нему со стороны японского правительства С.Такаяма объясняет тем, что его целью, которая по мнению Токио, состоит в том, чтобы практически похоронить решение вопроса о "северных территориях", хотя в преамбуле проекта договора ясно говорится о намерениях сторон "продолжить переговоры о заключении мирного договора". Он утверждает также, что ст.3 и 12 направлены против японо-китайского "договора о мире и дружбе", хотя в первой из них говорится лишь о том, что "СССР и Япония обязуются не допускать использования своей территории для совершения каких-либо действий, могущих нанести ущерб безопасности другой стороны", а в ст. 12 - о том, что "СССР и Япония не претендуют сами и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права

или преимущества в мировых делах, включая притязания на доминирование в Азии и в районе Дальнего Востока".

Кроме того, в этой работе содержится неправильная интерпретация ст. 3 об "обязательстве не допускать использования своей территории против безопасности друг друга" и ст.4 договора, в котором говорится, что "высокие договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от каких-либо действий, поощряющих любую третью сторону предпринимать агрессивные акции против любой из них". С.Такаяма утверждает, что на базе этих положений СССР может поставить вопрос о существовании американских военных баз на территории Японии и тем самым попытаться "вбить клин" в японо-американские отношения. Этот аргумент также не выдерживает критики, так как в этих статьях речь идет об общепринятых нормах международного права, зафиксированных в Уставе ООН, и они ни в коей мере не направлены на подрыв японо-американских отношений.

Подчеркивая, что по своему содержанию проект этого договора очень похож на договоры, заключенные Советским Союзом с Индией и другими странами Азии, С.Такаяма высказывает предположение, что они призваны лишь в основу предлагаемой СССР системы коллективной безопасности в Азии. С.Такаяма не одобряет эту советскую инициативу, утверждая, что она якобы направлена на изоляцию Китая и ослабление многосторонних и двухсторонних соглашений стран Азии и США об обеспечении безопасности.

В октябре 1980 г. в Токио была опубликована монография "Советская дипломатия", автором которой является Акио Кимура - сотрудник исследовательского отдела газеты "Асахи", ее корреспондент в Москве с 1967 по 1972 год[62].

Автор полагает, что причиной ухудшения советско-японских отношений является заключение Советским Союзом договора с Вьетнамом и размещение советских войск на южных Курилах. Он обвиняет

советкую делегацию на двусторонней конференции "круглого стола" в 1979 г. в Токио в том, что она не пожелала "исходить из этой реальной ситуации", а пространно изложила в своем основном докладе, какие усилия СССР прилагает для упрочения мира и безопасности и потребовала от японской стороны отказаться от территориальных претензий к СССР, вступить в переговоры о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве и выступить совместно в интересах достижения соглашения о разоружении.[63]

А.Кимура пишет, что явным успехом советской стороны явилось включение в совместное коммюнике, принятое на пленарном заседании, положения о целесообразности подготовки "документа о принципах дружественных добрососедских отношений между двумя государствами" на конференции "круглого стола" в Москве в 1980 г.

Японские советологи не оставляют без внимания советско-японские торгово-экономические отношения. В этой области неизбежно возникновение тех или иных проблем. Но особенность японской советологии проявляется в том, что всю ответственность за трудности, возникающие в советско-японских отношениях, они пытаются целиком возложить на Советкий Союз.

Так, японские советологи пытались создать впечатление, что ограничение квоты ловы рыбы у берегов СССР, в том числе в его территориальных водах, противоречит традиционным "правам" японцев, которые начали заниматься промыслом в этих районах с последней трети XIX в., закрепив их в русско-японском соглашении 1907 г. и советско-японском соглашении о рыболовстве 1928 г.

Ответственность за трудности, возникшие на переговорах по вопросу рыболовства, они пытались переложить на советскую сторону под тем предлогом, что постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1977 г. "О введении временных мер по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в районах Тихого и Северного Ледовитого океанов, прилегающих к территории СССР", включает в

200-мильную зону акватории у южной части Большой Курильской гряды (о.Кунашир и о.Итуруп) и Малой Курильской гряды, являющихся якобы исконной территорией Японии.

Однако японские ученые Такаси Иногути и Нобухару Миятака признают, что, связав эти два вопроса, японское правительство намного усложнило и затянуло переговоры. Оно использовало трудности, возникшие на советско-японских переговорах о рыболовстве, и недовольство японских рыбаков, которые не могли из-за отсутствия соглашения своевременно выйти в 1977 г. на промысел, для раздувания антисоветской националистической кампании территориальных притязаний к СССР в масштабах всей страны. Эти ученые считают, что изменения отношений между СССР и Японией в области рыболовства, которое придало им "непредсказуемый" характер, сопровождалось изменением характера советско-японских отношений и в других областях[65].

Критикуя внешнеполитический курс Советского государства, многие либеральные ученые в то же время некритически оценивают политику правящих кругов Японии в отношении СССР, которые вопреки своим собственным декларациям не предпринимают реальных шагов в деле полной нормализации и дальнейшего улучшения отношений с соседом в вопросе о границах между двумя странами.

Ракурсы рассмотрения вопросов консервативными историками отличаются также разнообразием. Из них меньшинство и после второй мировой войны продолжало отстаивать перекликающиеся с работами гитлеровских геополитиков концепции "устремленности" Японии в сторону Азиатского материка в силу ее исторических связей с этим регионом[66]. Другие придерживались провиденциалистских концепций, в соответствии с которыми присоединение к Японии земель, заселенных в прошлом айнами, коренными обитателями древней Японии, является исторической миссией японской нации. Показательны, например взгляды историка Р.Окума, одного из руководителей в прошлом правящей Либе-

рально-демократической партии Японии, в которых концепции геополитического толка эклектически сочетаются с попытками с националистических позиций подойти к проблеме государственной территории, представив требования о передаче Токио "северных территорий" как национальное чаяние всего японского народа[67].

Одним из типичных представителей консервативно-апологетического направления в японской историографии, посвященной формированию русско-японской границы, является сотрудник кабинета по изучению северных культур при Хоккайдоском университете историк Синъитиро Такакура. По заданию японского правительства он стал разрабатывать концепцию "исконной принадлежности" Японии Сахалина, Курильских островов и даже южной части полуострова Камчатка к югу от линии р.Большая - Авачинская губа. Такакура исходит из того, что эти районы в XVII-XVIII вв. якобы стали входить в сферу экономической, а затем и политической зависимости от японского клана Мацумаэ, который рассматривал их в качестве зависимых территорий.

Вместе с тем японский историк приводит немало фактов и утверждений, которые вступают в прямое противоречие с им же самим выдвинутой концепцией. Так, Такакура констатирует, что в конце XVII в. "русские пришли с севера на Курильские острова и,постепенно продвигаясь на юг, в конце концов овладели большинством из них"[68]. В результате, пишет Такакура, в течение XVIII в. коренные жители указанных районов в своих торгово-экономических и политических связях стали ориентироваться на Россию при одновременном ослаблении этих связей с японцами. По признанию самого японского историка, связи айнов Сахалина и Курильских островов с японцами носила опосредованный, а не прямой характер, так как осуществлялись через айнов северных и северо-восточных районов Хоккайдо[69]. Такакура показывает, что первоначально отношения торгового обмена между японцами и айнами, заселившими указанные районы, являлись равноправными.

Таким образом, ни о каком влиянии Японии на Сахалине и Курилах в XУП - первой половине XУШ в. не могло быть и речи. Даже если, следуя за Такакура, придерживаться принципа экономического и связанного с ним политического влияния как критерия государственной принадлежности территории, то и с этой точки зрения утверждения японского ученого, что Сахалин, Курилы и Южная Камчатка в это время принадлежали Японии, оказываются полностью опровергнутыми историческими материалами, которые приводит в своей книге автор.

Стремясь любым способом доказать "исторические права" Японии на Сахалин и Курильские острова, Такакура на останавливается перед фальсификацией документов. Так, в своей книге на русском языке он приводит не аутентичный текст ст.2 о Сахалине из русско-японского договора 1855 г., а ее тенденциозно интерпретированный перевод, из которого вытекает, что русская сторона якобы согласилась не проводить границы между Россией и Японией в пределах острова и сохранить его прежний статус, который, по утверждению японского ученого, позволял осуществлять здесь фактическое управление японского губернатора с Хоккайдо.

В действительности же ст.2 русско-японского договора 1855 г., говорилось, что Сахалин "останется неразделенным между Россией и Японией, как это было фактически признано до этого, в отношениях между Россией и Японией, означала, что оба государства сохраняли за собой право на заселение и освоение острова с тем, чтобы определить его принадлежность по частям или в целом тому или иному из этих государств в дальнейшем.

К такому же способу тенденциозной интерпретации положений по вопросу о возвращении нашей стране Сахалина и Курильских островов прибегает Такакура и при рассмотрении соглашений периода второй мировой войны[71].

С середины 70-х годов четко обозначалась тенденция к повышению

активности историков реакционного направления, Стремясь дискредитировать позиции СССР, некоторые реакционные историки прибегали к прямой фальсификации оценки истории формирования русско-японской границы.

Так, Такэхиса Симидзу, бывший дипломат, рассматривал в книге "Война СССР против Японии и Ялтинское соглашение"[72] внешнюю политику Советского Союза в отношении Японии с точки зрения принципов подхода Советского государства к территориальным проблемам, стремится доказать "незаконный", "противоречащий марксизму-ленинизму" характер воссоединения с СССР в период второй мировой войны ряда территорий. Отправным пунктом его "аргументации" служит упоминание В.И.Лениным в "Таблице колониальных захватов и войн" о том, что в 1875 г. "Россия берет Сахалин"[73]. Да, Россия действительно присоединила упомянутые районы, открытые русскими, но это не было отторжением чужой территории, а лишь результатом признания Японией больших успехов России в его фактическом освоении, причем при обмене на русскую часть Курил.

Симидзу также утверждает, что Ялтинское соглание 1945 г. являлось секретным и якобы ставило своей целью захват территорий других государств. При этом, ссылаясь, в частности, на то, что В.И.Ленин выступил против тайных договоров и аннексий[74], Симидзу подчеркивает, что, подписав указанное соглашение Советский Союз якобы нарушил основные принципы своей внешней политики. При этом Симидзу "забывает", что цель Ялтинского соглашения заключалась, во-первых, в обуздании японского милитаризма и обеспечении гарантии от повторения его агрессии с использованием выгодных стратегических рубежей, а во-вторых, в восстановлении исторических прав нашей страны.

Проблема"северных территорий" является предметом пристального изучения также японских советологов консервативного направления

В день, когда в японской печати было опубликовано изложение заявления МИД СССР, сделанного 16 февраля 1981 г. послу Японии в Москве Т.Уомото в связи с развернутой в Японии кампанией незаконных территориальных притязаний Советскому Союзу, кульминационным пунктом которой стал проведенный 7 февраля "день северных территорий" газета "Санкэй симбун" опубликовала под броским заголовком "Северные территории. Произвольная советская аргументация" статью профессора Центра славяноведения при Хоккайдском университете Хироси Кимура[75]. *Японский советолог пытается в этой статье обвинить советких ученых* в искажении истории освоения Сахалина и Курильских островов и тем самым поставить под сомнение справедливость позиции Советского Союза в отношении указанной кампании.

Х.Кимура не одобрил то обстоятельство, что в своей статье "Труд профессора Корияма" доктор исторических наук И.А.Латышев сделал акцент на тех аспектах книги японского историка, которые свидетельствовали о юрисдикции России над Курильскими островами, в том числе их южной частью, в конце XVIII в., за два десятилетия до того, как их попытались захватить японцы, вытеснив русских. Действительно, русские мореходы во главе с Д.Шебалиным и И.Антипиным в 1778-1779 гг. побывали на островах Уруп, Итуруп, Кунашир, Шикотан и Матмай (Хоккайдо) и приняли в подданство России более 1000 местных жителей-айнов, составив их поименные списки (на Урупе-181 человек, Итурупе - 345 человек, Кунашире - 438 человек, Хоккайдо - 137 человек)[77].

Х.Кимура обвиняет советского историка в том, что он якобы извратил смысл труда Ёсимицу Корияма "Изучение истории японо-русских отношений в конце периода бакумацу" (1980г.), поскольку японский ученый, дескать, считал, что до конца XVIII в. границ Японии на *севере установлено не было, а владения России по указу Александра I* и Привилегиям Российско-Американской кампании достигли только до о.Уруп. На самом деле, упомянутый указ лишь ограждал экономические

права России от посягательств иностранных держав до линии 100 итальянских миль (185,2 км) от русского берега, проходящей южнее Урупа[78].

Ссылкой на эти неправильно истолкованные акты законодательства России японский советолог пытается исказить мысль Е.Кориями о том, что все Курильские острова не являются "исконными территориями Японии" и что русские люди приступили к совоению даже самых южных Курил раньше японцев, а заодно и бросить тень на научную состоятельность статьи советкого японоведа.

Такой же подход проявился у Х.Кимура к книге В.Н.Березина "Курс на добросоведство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией"(М.,1977 год)[79].

Стремясь подчинить интересам кампании территориальных притязаний к СССР исследования тех японских ученых, которые высказывают объективные суждения в отношении истории освоения Сахалина и Курильских островов, японский профессор пытается изобразить их "жертвами цитирования", якобы вырванного из контекста. В их число он включил, в частности, сотрудника Хоккайдоского университета Тосиюки Акидзуки, который "осмелился" дать высокую оценку исследованиям русских землепроходцев и мореплавателей - первооткрывателей Курильских островов в первой половине XУШ в. В журнале "Проблемы Дальнего Востока" эта оценка была приведена в таком контексте, полностью учитывающим смысл статьи автора: "Эти открытия внесли большой вклад в географическую науку. Так, об экспедиции И.Козыревского (1711-1715) японский исследователь Т.Акидзуки писал: "В то время о Курилах в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда, в Японии не в состоянии были еще составить описания каждого из этих островов, отчет о них И.Козыревского имел поистине огромное значение"[80].

Казалось бы, с вопросом о приоритете в открытии Курильских островов все ясно, но Х.Кимура признавать этого не желает.

В декабре 1975 г. видный специалист по международным отношениям Кадзусигэ Хиросава, политический обозреватель из окружения бывшего премьер-министра Т.Мики, выдвинул предложение о заключении мирного договора между СССР и Японией на условиях совместной декларации 1956 г., то есть возвращения ей лишь островов Малой Курильской гряды и перенесения вопроса о принадлежности островов южной части Большой Курильской гряды. (о.Кунашир и о.Итуруп) на конец этого столетия с целью создать благоприятные политические условия для советско-японского сотрудничества в развитии Сибири[81].

Концепция К.Хиросава вызвала негативную реакцию со стороны таких японских советологов, специалистов по международным отношениям, как Т.Симидзу, Р.Харако и М.Сасэ.

Профессор Академии обороны Японии М.Сасэ пишет, что К.Хиросава правильно считает, что по этому вопросу возможно только политическое решение, ибо его юридическая природа очень сложна. Однако М.Сасэ допускает методологическую ошибку, предлагая проблему международной политики свести к меркантильному подсчету выгод от экономического сотрудничества с СССР в освоении Сибири. В той же работе он критикует т.Симидзу за статью "Проблема северных территорий (Контраргументы против статьи К.Хиросава)"[82] М.Сасэ считает, что эта проблема международной политики трактуется К.Хиросава в сугубо юридическом аспекте. Критике подвергается также Р.Харако за работу "Статья К.Хиросава противоречит национальным интересам"[83], поскольку расчеты Р.Харако на возвращение всех островов южной части Курил в результате "демократизации" политического строя в СССР в связи с якобы имеющим место ростом движения диссидентов внутри страны, по мнению М.Сасэ, носят явно нереалистический характер.[84]

М.Сасэ полагает, что "территориальный вопрос" в отношениях между СССР и Японией легче было бы разрешить в первые годы после окончания второй мировой войны, а позднее он постепенно превратился во все более усложняющуюся "проблему" международной политики, в подходе к которой определяющую роль играли не советско-японские, а советско-американские отношения, осложнившиеся в 60-70-е годы конфликтом между СССР и Китаем, также поддерживающим территориальные требования Японии.

М.Сасэ вносит предложение не создавать единый фронт с КНР в этом вопросе, о возможности которого говорит в своей статье Т.Симидзу, не размахивать СССР территориальными притязаниями а, наоборот, заявить, что "мы не имеем права определять принадлежность Курильских островов (Тисима) и Южного Сахалина (Карафуто) и с уважением относимся к положениям Советского Союза, с которыми он мог бы выступить на будущей международной конференции[85], которая была предусмотрена госсекретарем США Д.Даллесом при заключении в 1951г. мирного договора с Японией для окончательного определения их принадлежности"[86]. М.Сасэ писал, что эти территории не являются исконными территориями Японии, а районами, положение которых в истории русско-японских отношений менялось.[87]

Цель такого заявления состоит в том, чтобы "размягчить" позицию Советского Союза и навязать ему то решение о Курильских островах, которое бы противоречило международным соглашениям военного и послевоенного периода.

Итак, анализ японской литературы вопроса показывает, что кампания территориальных претензий к СССР находит непосредственное отражение в исторических исследованиях в этой стране, в неточном изложении японскими учеными исторических фактов.

2. Западноевропейская (и американская) историография формирования русско-японской границы

Западноевропейские ученые заинтересовались историей формирования границ России с Японией примерно в то же время, что и русские историки и картографы.

Первым из западноевропейских исследователей, который оставил свое имя в истории картографии районов, находившихся в XVII в. в зоне сближения рубежей этих двух государств, был голландец Н.Витсен (1641-1717). На его "Карте Татарии 1687 г." вблизи Камчатки помещен о-в Столп Каменной (о-в Алаид) из Большой Курильской гряды[88]. Курильские острова, изображенные как гряда между Камчаткой и Эдзо (Хоккайдо), были нанесены на карту в 1690 г. Ее составил побывавший в России датчанин И.Идес (ок.1660 - между 1704 и 1709), использовав также русские данные[89].

В 1692 г. голландец Н.Витсен опубликовал в Амстердаме книгу "Северная и Восточная Татария", в которой имеются сведения о контактах русских с айнами и помещена карта с изображением острова Сахалина[90]. Собранные в книге сведения имеют немаловажное значение, так как свидетельсвуют о том, что во второй половине XVII в. русские приступили к освоению упомянутых территорий.

В начале XVIII в. права России на Камчатку (Камчадальский нос) и смежную с ней территорию - Курильскую гряду признавались в Западной Европе. Так, знаменитый ученый В.Лейбниц 26 сентября 1712 г. в письме генерал-фельдцехмейстеру Я.В.Брюсу писал, что Камчатка и Курилы находятся во владении царя[91].

Территориальному размежеванию в начале XIX в. между двумя странами в районе Сахалина и Курильских островов посвятил одну из своих многочисленных работ английский японовед У.Астон. В его работе "русский десант на Сахалине и Итурупе"[92] (1872) некритически воспроизводится японская высадка в 1806-1807гг. русских моряков под командованием Н.А.Хвостова и Г.И.Давыдова, в соответствии с которой их действия, направленные на восстановление прав России на эти территории, преподносятся как попытка захватить эти якобы японские земли.

В дальнейшем вопросы формирования русско-японской грани-

цы из западных исследователей разрабатывали главным образом американские ученые.

Американский историк Ф.Голдер, начиная с периода первой мировой войны опубликовал ряд работ по истории освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. В 1914 г. он издал монографию "Русская экспансия на Тихом океане, 1641-1850 г.",[93] в которой стремился принизить действительные достижения русских землепроходцев и мореплавателей, в частности, в освоении районов, прилегающих с севера к Японии.

Тенденциозный подход Голдера к рассматриваемому вопросу вытекает из самого заголовка его книги, в которой главный упор делается не на освоении указанных районов как хозяйственных территорий, а на политике царского правительства, которая представляется как экспансия, хотя оно не играло определяющей роли при их освоении, осуществлявшемся в результате сочетания вольной колонизации казаками, купцами и промышленниками с правительственной.

Голдер положил начало работам других американских историков, которые рассматривали освоение Сибири и Дальнего Востока, исходя из концепции территориальной "экспансии", превратно представляющей, как уже отмечалось, сложный исторический процесс освоения Россией Сибири и Дальнего Востока, в том числе Приамурья, Приморья, Камчатки, Сахалина и Курильских островов. Имеются в виду работы таких американских ученых, как Р.Кернер, Ё.Куно, Д.Гаррисон, Д.Кин, Дж.Ленсен, Дж.Стефан и др.

Вслед за Ф.Голдером концепцию "завоевания" русскими Сибири и Дальнего Востока отстаивал Р.Кернер.[94] В начале 1930 г. с целью изучения вопроса о продвижении русских в направлении Северной Америки он организовал в Калифорнийском университете действовавший

в течение многих лет специальный семинар по проблемам Северо-Восточной Азии. Под редакцией этого историка вышла серия работ под тенденциозным названием "Русская экспансия на Восток".

Публикация такого рода работ осуществлялась в соответствии с концепцией презентизма в американской историографии, являющейся результатом преломления философии прагматизма в исторической науке США. Сторонники этого направления считают, что каждое поколение пишет историю в соответствии с собственными взглядами, которые выражают главным образом интересы правящих классов каждой исторической эпохи. Презентизм оправдывает "теорию национализма", в соответствии с которой экспансионистские устремления господствующих классов преподносятся как устремления всей нации.[95]

В 1940 г. была выпущена в свет подготовленная в рамках этого семинара двухтомная монография Ё.Куно "Японская экспансия на Азиатском континенте. Исследование истории Японии и ее отношений с Китаем, Кореей и Россией". Второе издание этой книги вышло в США в 1967 г.

В этой книге Куно рассматривает Японию, Россию и Китай как государства, одинаково стремящиеся на всем протяжении истории к территориальным захватам. Он считает, что сам характер этих захватов зависит лишь от расстановки сил в тот или иной исторический период. Такой подход к истории формирования границ оказывается оторванным от социально-экономического анализа положения в каждой из указанных стран в конкретный исторический период и потому искажает реальную картину.

Взгляды Куно характеризуются ярко выраженной антирусской направленностью. Так, он пишет: "Русская агрессия на Курильских островах осуществлялась успешно - были завоеваны и оккупированы все острова вплоть до о. Уруп включительно. В 1766 г. Россия

распространила свою власть на о.Итуруп, самый крупный из Курильских островов. Использовав его в качестве базы, русские стали продвигаться к Эдзо, который наиболее близко расположен с севера к Хонсю, главному острову Японии. Таким образом Россия создала угрозу северным границам Японии, и последняя забила тревогу".[96] Вместе с тем, несмотря на тенденциозность рассмотрения вопросов сближения границ России и Японии и территориального размежевания между ними. Куно, как это видно даже из приведенной цитаты, признает, что южная часть Курильских островов во второй половине XУШ в. фактически находилась под властью России. Раздувая "угрозу" Японии со стороны России, которая стремилась использовать Курильские острова прежде всего как базу для торговли с Японией,[97] Куно в то же время признает, что к 1785 г. русские поселения имелись на Урупе, Итурупе и других Курильских островах. Немаловажным является также и то обстоятельство, что по мнению этого историка, к концу XУШ в. в Японии не имели представления об истинных границах ее национальной территории, [98] и о.Хоккайдо, второй по величине остров Японии... ни в XУШ в., ни даже в первой половине XIX в. не рассматривался как неотъемлемая составная часть Японской империи.[99]

В 1953 г. профессор Университета Майами Д.Гаррисон издал монографию "Северная граница Японии. Предварительное исследование колонизации и экспансии со специальным экскурсом в область отношений между Японией и Россией."[100]

Этот американский историк признает, что продвижение русских в эти районы во второй половине XУШ в. значительно способствовало росту национального дохода японцев в результате заметного расширения японо-русской торговли, которая осуществлялась с японской стороны через автономное княжество Мацумаэ.[101]

Гаррисон пишет, что все заселенные айнами земли, то есть Хоккайдо, Сахалин и Курилы, еще в 1604 г. были дарованы сёгуном И.Токугава князю Мацумаэ и утверждает, что поэтому все они принадлежат Японии. В то же время, опровергая это положение, Гаррисон признает, что до второй половины XIX в. все эти земли не говоря уже о Сахалине и Курильских островах, не находился под властью японцев.[102]

В 1968 г. профессор Колумбийского университета Дональд Кин выпустил книгу "Японцы открывают Европу (1720-1830)",[103] в которой значительное место уделил вопросам формирования границ между Японией, Россией и Китаем.

Освоение русскими Сахалина, Камчатки и Курильских островов и стремление использовать продвижение в эти районы для установления взаимовыгодных торговых отношений с Японией ошибочно рассматриваются Д.Кином как "внешняя угроза" со стороны России.[104] Однако он приводит факты, которые свидетельствуют о том, что Япония сама могла представлять такую угрозу для России. Кин пишет о попытках идеолога японского национализма Тосиаки Хонда внушить центральному правительству Японии мысль о необходимости выйти за пределы традиционных естественных границ страны, главным образом на севере, захватив о.Хоккайдо, который в XVШ в. именовался также 22-м островом Курильской гряды,[105] и далее все остальные Курильские острова, Сахалин, Камчатку, Алеутские острова и Аляску. Какие же аргументы использует Кин для оправдания этой программы территориальной экспансии Японии в северном направлении?

Комментируя утверждение Т.Хонда о принадлежности айнов - коренных жителей Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо - к той же расе, что и японцы, автор ссылается на мифический

подход "императора" Дзимму на Курильские острова, имевший якобы место в УП в. до н.э. Из этого делается вывод, что Курилы будто бы подлежат возврату Японии.[106] С точки зрения современной этнографии неправомерным является отнесение айнов и японцев к одной расе, хотя вопросы территориального размежевания определяются отнюдь не расовыми, а политическими, экономическими и международно-правовыми критериями. Ясно, что такая "концепция" не имеет ничего общего с исторической наукой.

В противоречие со своим утверждением, что русские якобы помышляли "об отторжении Сахалина от Японии", Д.Кин пишет, что чиновники автономного от центрального правительства японского княжества Мацумаэ считали, что Сахалин японским является только номинально, и признает, что первая японская официальная экспедиция Токуная Могами на о.Итуруп 1786 г. встретилась с зимовавшей там группой русских, которая была депортирована с острова по приказу японских властей. О японофильской позиции Д.Кина свидетельствует выраженное им сожаление о том, что японцы не воспользовались смертью Екатерины П, последовавшей в 1796 г., для захвата всей цепи Курильских островов, Камчатки и русской Америки.[107]

Значительное место в американской историографии русско-японских отношений занимают труды профессора университета штата Флорида Дж.Ленсена. В первых своих работах он исходил из концепции завоевания Камчатки, Сахалина и Курильских островов царизмом (не уделяя внимания вольной, народной колонизации этих районов). В дальнейшем, изучив обширный материал по истории русско-японских отношений, и, в частности, истории формирования границ между Россией и Японией, он пишет о большом положительном влиянии русской культуры, которую несли с собой землепроходцы, моряки и дипломаты даже на Хоккайдо.[108], но подспудно проводит мысль

о том, что это влияние представляло собой угрозу национальным интересам Японии.[109]

В целом Ленсен правильно оценивает политику России в середине XIX в., которая в отличие от политики западных держав носила мирный ненасильственный характер,[110] в том числе при решении проблемы территориального размежевания. Но наряду с этим американский ученый стремится приуменьшить вклад русских землепроходцев и моряков в освоении Сахалина и Курил, пытаясь представить право России на данные территории в качестве спорной проблемы, "объективно" возникшей в отношениях между Россией и Японией. Ленсен, например, считает, что в 1711 г. И.Козыревский побывал лишь на одном из Курильских островов, а в 1713 г. - лишь на двух из них,[111] хотя в русских источниках указывается, что в 1711 г. И.Козыревский побывал на островах Шумшу и Парамушир, а в 1713 г. - островах Шумшу, Парамушир и Анциферова.[112] Он также утверждает, что [illegible] группа русских моряков с корабля "Св.Павел" [illegible] добровольно покинул в 1786 г. о.Итуруп,[113] а не был депортирован вместе с другими русскими поселенцами с этого южнокурильского острова, вопреки мнению японских историков. Его данные свидетельствуют, что после того, как японцы задержали его на о-ве Кунашир приказав возвратиться на родину, он вернулся обратно на Итуруп, где жил до 1791 г.[114]

Ленсен не использует данных русских источников об открытии Сахалина в середине XVII в., не признает приоритета русских землепроходцев в открытии и освоении Сахалина и южной части Курильских островов. В то же время американский ученый приводит немало фактического материала, полезного при его критическом осмысливании для изучения истории формирования русско-японской границы.

В монографии американского историка профессора Джона Стефана "Сахалин: история" [115] впервые в работах на западноевропейских языках собраны и обобщены имеющие немалое познавательное значение обширные документальные данные не только английских, но и русских, китайских и японских авторов.

Пытаясь поставить под сомнение права Советского Союза на остров Сахалин, Стефан пишет, что приводимые советским историком Б.П. Полевым сведения об открытии о.Сахалина во время похода 1639-1640 гг. отрядом И.Ю.Москвитина являются недостаточными для обоснования прав СССР на эту территорию.[116]

Однако Б.П.Полевой пишет не только об открытии Сахалина русскими, но также о том, что подати в пользу России стали уплачиваться местным населением западной части самого острова Сахалина (Чангни, Мангаль, Танги и Дуэ) во время пребывания в 1655-1656 гг. русских первопроходцев из отряда О.С.Кузнеца.[119] Не упоминает автор и о том, что такого рода факты, о которых писал Б.П.Полевой, были отнюдь не единичными.[120]

Вместе с тем американский историк приводит отсутствующие в источнике, на который он ссылается, данные о составлении японской карты Сахалина в 1638 г., "подтверждающие " открытие ими первыми этого острова.[121]

Дж.Стефан выпустил также книгу "Курильские острова. Русско-японская граница на Тихом океане",[122] которая была рекомендована издательством как первое всестороннее исследование данного района. Выражая интересы определенных кругов США, американский историк сетует на близорукость американской политики в отношении Курил, вследствие которой эти острова, несмотря на близость их принадлежащим США Алеутским островам, были отданы в "дар" Советскому Союзу на Ялтинской конференции глав правительств

СССР, США и Великобритании в 1945 г. По мнению Стефана, первые достоверные сведения о знакомстве русских с Курилами относятся лишь к 90-м годам XVII в., точнее к 1696 г., когда Л.Морозко Старицын получил о них данные на юге Камчатки.

Утверждения Стефана опровергаются исследованиями советских ученых, а именно: пересмотром гипотезы С.П.Крашенинникова - И.И. Огрызко о плавании в 1649 г. к Курилам Ф.Попова и интерпретацией Б.П. Полевым обозначения на карте голландского исследователя Сибири и Дальнего Востока Н.Витсена о-ва Алаида с высоким вулканом в северной части этого архипелага " " как восходящего к его наименованию в "Росписи" к "Чертежу Сибири" 1667 г. - "Столп каменной". Игнорирует американский историк и данные японских источников о получении русским по имени Юрий сведений о Курилах в 1649 г.

Наряду с этим американский историк вводит в научный оборот большой и интересный фактический материал, который нередко подводит американского историка к правильным выводам по отдельным периодам истории формирования границ между Россией и Японией. Стефан не без основания считает, что голландская экспедиция М. де Фриза 1643 г. в такой же мере открыла Курильские острова, в какой внесла путаницу в географию данного района, от которой его исследователи страдали в течение более двух столетий, пока в конфигурацию всего архипелага не была внесена ясность географическими открытиями русских землепроходцев и мореплавателей.[123]

Стефан пишет о захвате японской экспедицией Дзюдзо Кондо в 1798 г. южной части Курил и низвержении здесь русских крестов с обозначением принадлежности этой территории России как об акции, которая якобы подтверждает убеждение японцев в "справедливости территориальных требований, предъявляемых Советскому

Союзу."[123] В то же время автор осуждает русскую экспедицию Н.И. Хвостова и Г.И.Давыдова на Сахалин в 1806 г. и Итуруп в 1807 г. для освобождения этих островов от японцев, замечая при этом, что японский историк Кодзо Синкава рассматривает этот конфликт как "первую русско-японскую войну."[124] Ссылаясь на документы о разграничении восточной части Курил - письмо сёгунату от иркутского губернатора 1813 г. и ответ сегуната 1814 г., а также на указ Александра I от 1821 г., автор критикует советских историков М.А. Сергеева, С.Б. Окуня и Л.Н. Кутакова за их вывод о том, что были узаконены права России на весь архипелаг,[125] хотя первые из этих документов не были утверждены сторонами, а в последнем говорилось не о пределах суверенитета России до о. Уруп, как считает автор, а о праве торговли на этом острове, где имелась самая южная русская фактория. При этом упускается из виду, что в соответствии с Правилами Русско-американской кампании 1799 г. и Указом Адмиралтейств коллегии от 22 декабря 1786 г., за русскими сохранялось право занимать более южные районы и включать их в состав России.

Заслуживает внимания наблюдение Стефана, что в XVIII в. постепенно менялись цели продвижения русских по Курильским островам - от поисков районов, богатых мехами, к открытию пути в Японию с целью установления с ней взаимовыгодных торговых отношений [177]. Интересным, с точки зрения вклада русских мореплавателей в первоначальное освоение Курил, является его вывод, что в 1721 г. русские мореплаватели И.Евреинов и Ф.Лужин исследовали Большую Курильскую гряду и представили Петру I карту всего архипелага. По справедливому мнению этого ученого, после того, как русская экспедиция М.Шпанберга в 1738-1739 гг. установил

что южная часть Курил также не принадлежит Японии, Россия перешла к их заселению, стало приводить в подданство местное население и активно насаждать свою религию, в особенности с I760-х годов XУШ в., после распоряжения на этот счет Сибирского приказа. I28

Дж.Стефан критикует как документально не подтверждаемые японские версии о распространении суверинитета Японии на территорию нынешнего советского Дальнего Востока в середине УП в. после похода Абэ-но Хирафу 658-660 гг., о присоединении о-ва Кунашир к владениям японского князя Какидзаки в I449 г., об экспедиции Хиронори Мураками, вассала князя Мацумаэ, на Курилы в I635 г. В последнем случае были собраны лишь довольно неопределенные, спорные сведения о Курилах, о чем свидетельствует их изображение как беспорядочного скопления островов на неориентированном чертеже самого конца XУШ в., представленном центральному правительству Японии. Торговый пункт, основанный на Кунашире в I754г. Кюбэем Хидая, Дж.Стефан считает первым японским торговым пунктом на Курилах, а первым японским исследователем - Токунай Могами. Но он умалчивает, что Т.Могами изгнал с Итурупа группу русских. I29

Стефан правильно полагает, что к 50-м годам XУШ в. завершился процесс сближения рубежей России и Японии и начался процесс первоначального размежевания территорий, который привел в I875 г. к закреплению за Россией всего Сахалина, и уступке Японии всех Курильских островов.

Активное продвижение России на Дальнем Востоке в середине XIX в. и утверждение ее позиций в Приамурье, Приморье, на Сахалине и Курильских островах Стефан вслед за Дж.Ленсеном рассматривает как оборонительное, представляющее собой реакцию на усиление вмешательства Англии и Франции в дела этого региона в период Крымской войны I853-I856 гг. Это подтверждается фактом захвата

Урупа 26 августа 1855 г. и объявления этого острова кондоминиумом этих двух государств.[130]

Работы Стефана написаны с позиций буржуазного объективизма и представляют собой, даже вопреки желанию автора, исследование, которое значительно помогает разработке рассматриваемого вопроса.

В целом американская историография формирования русско-японской границы так же, как и историография в других странах Запада, стремясь "обосновать" общую с их правящими кругами антисоветскую стратегию, разрабатывает концепцию усиления т.к. угрозы Японии с Севера, со стороны России и позднее СССР, смыкаясь в этом вопросе с японской буржуазной историографией. Тем не менее в работах ряда западных исследователей содержится немало фактов, которые при более объективном освещении могут быть использованы для изучения данной проблемы.

3. Русская и советская историография формирования русско-японской границы

По вопросам формирования русско-японской границы, начиная с XУП в., в отличие от формирования границ с другими государствами Дальнего Востока, например с Китаем, специальных исследований в дореволюционной России не проводилось. Эти вопросы частично затрагивались только в работах, посвященных освоению районов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Первым источником Сибири, который, продолжив традиции русских летописей, обобщил огромный исторический и географический материал, в том числе о районах ,прилегающих к Японии (Сахалин, Курилы, Камчатка), и первым изобразил их на карте был С.У.Ремезов. Он придерживался в целом феодально-монархических и теологических взглядов на деятельность русских по присоединению Сибири.[131]

Дворянский период русской историографии начинается в XУШ в. с работ Г.Ф. Миллера[I32] и И.Е. Фишера [I33], которые рисовали присоединение к России восточных районов как результат покорения их коренных народностей. Они объясняли данный процесс христианской миссией России, задачей просвещения этих народностей. Но если Миллер сочетал идеи провиденциализма с идеями пользы присоединения Сибири для русского монархического государства как движущего стимула продвижения русских на Восток, то Фишер обращает больше внимания на частную инициативу русского купечества и казаков.

В дальнейшем основоположник областнического течения в историографии сибиревед П.А.Словцов не меньшее значение, чем государству, стал придавать предприимчивости вольницы промышленников[I34] Идеи Словцова развил Н.М. Ядринцев, сформулировавший теорию вольной народной колонизации этого края.[I35]

Более глубокое понимание освоения Сибири и Дальнего Востока как процесса, связанного преимущественно с деятельностью крестьянства - основной производительной силой феодального общества - впервые намечается в работах С.П. Крашенинникова и А.Н.Радищева, а позднее - в работах революционных демократов А.И.Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А.Добролюбова и других.[I36]

Первой оригинальной работой об освоении Дальнего Востока русскими является труд Н.Г. Спафария,[I37] посла России, совершившего поездку в Китай в I675-I678 годах. Спафарий приводит наиболее полные для своего времени сведения о Сахалине, источником которых были сообщения русских казаков, начиная с отряда И.Ю.Москвитина.[I38]

В середине XУШ в. новый этап в историографии прибрежной Северо-Восточной Азии открыл фундаментальный труд С.П.Крашенин-

никова,[139] участника академического отряда Камчатской экспедиции В.Беринга. В труде Крашенинникова содержались новые сведения о Камчатке, Курильских островах и Сахалине, а также о раннем этапе освоения этих районов русскими.

По его мнению, Курильские острова вошли в состав России как территория, прилегающая к Курильской земле (Южная Камчатка), что соответствует определению государственной принадлежности территории на основе принципа смежности с метрополией.[140]

Большое внимание освоению и обороне русского Дальнего Востока, в том числе Курильских островов, уделял М.В.Ломоносов. Он писал, что "имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти..., чтобы сие открытие не досталось в чужие руки...на Камчатке, или около устьев реки Уды, или на Курильски островах, где климат как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом.." [141]

Позднее в традициях официальной, дворянско-буржуазной историографии были написаны, например, работы А.Полонского [142] и Н.В. Кюнера. [143] Концепция же о преимущественно торгово-промысловой и отчасти крестьянской колонизации Сахалина и Курильских островов проводится П.А. Тихменевым, Д.М. Позднеевым и С.И. Новаковским.[144] Работы ученых этого направления создали предпосылки для подлинно научного изучения освоения этих территорий в советский период.

Русские историки посвятили немало работ изучению формирования границы между Россией и Японией в различные периоды,

начиная с XУП века. Однако специальному исследованию данная проблема в их работах не подвергалась.

Глубокая научная разработка вопросов освоения Сибири и Дальнего Востока началась только после Великой Октябрьской социалистической революции, со второй половины 20-х годов. Эти вопросы затрагиваются как в общих работах, в которых содержится историческая и правовая трактовка принципиальных вопросов освоения Дальнего Востока и территориального размежевания России с другими государствами, в том числе с Японией, так и в специальных исследованиях, где рассматриваются вопросы формирования границ России с Японией.

Постановка проблемы о формах освоения русскими Сибири и Дальнего Востока принадлежит С.В.Бахрушину, который впервые наметил пути их изучения в 1927 г. на I-м Сибирском краевом научно-исследовательском съезде.

С.В.Бахрушин, с одной стороны, выступил против преувеличения роли военно-правительственного освоения восточных районов нашей страны, положив конец господству идей дворянско-буржуазной историографии, а, с другой стороны, против свойственной народникам и их последователям абсолютизации теории вольной колонизации. Он показал, что в период первоначального присоединения к России указанных районов, в отличие от последующего периода - периода хозяйственного освоения, вольная колонизация играла вспомогательную роль, дополняя ведущую торгово-промысловую, а также военно-правительственную колонизацию.[145]

А.В. Ефимов справедливо подчеркивал значение русских экспедиций в Тихом океане в конце XУП в. - начале XУШ в. для обеспечения безопасности границ России на Дальнем Востоке,

выступая против сосредоточения внимания преимущественно на их значении для развития научных, географических представлений об этом районе мира. "Конечно, и вопросы географии, и вопросы открытия у границ России неведомых еще стран, богатых пушниной или золотом, - все эти моменты играли большую роль, но все они были подчинены другой, гораздо более важной государственной задаче..., - писал А.В.Ефимов. - Тогда совсей остротой встал вопрос о безопасности границ России на Востоке...[145]

Вопрос о формах освоения Сахалина и Курильских островов с учетом встречного колонизационного процесса со стороны Японии специальному исследованию не подвергался. Однако нельзя сказать, что эти вопросы вообще не исследовались советскими учеными, изучающими историю международных отношений на Дальнем Востоке.

Академик Н.И. Конрад писал, что в середине XIX в. о.Хоккайдо, "хотя и числился за японским государством, но фактически лишь в некоторых частях представлял собой приобщенную к общему целому в смысле жизни и культуры территорию", что "под вопросом стояли Курильские острова, на которые претендовали русские; неясно было и положение Сахалина, который как будто бы числился за Японией, но фактически находился в сфере влияния России." [146] В период Мэйдзи (1868-1911), отмечал Н.И.Конрад, японское правительство, осуществив экспансию в северном направлении - на Хоккайдо, Сахалин, Курилы, в южном направлении - на острова Рюкю, "юридически ему прочно не принадлежавшие", и на Тайвань, раздвинуло границы своей империи "до небывалых доселе размеров." [147]

Образцом исследования встречных колонизационных процессов во второй половине XIX в. служит исследование академика А.Л. Нарочницкого, где убедительно показывается в отличие от японской политики активный характер освоения Сахалина русскими.[148]

Освоение Сахалина и Курил в период феодализма в историко-географическом плане получило широкое освещение в работах М.А.Сергеева,[149] А.И. Алексеева,[150] Б.П. Полевого,[151] а периода капитализма в историческом плане - в работах И.А.Сенченко.[152]

В.Н. Березин выступает против притязаний правящих кругов Японии на южную часть Курильского архипелага, утверждающих, что она якобы не входит в состав островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, а представляет собой отдельное географическое понятие "Южные Курилы" [153] Приводя факты об огромном вкладе русских землепроходцев в освоение этих островов, автор пишет, что уступка царизмом в 1855 г. южной части , а в 1875 г. - остальных Курил утратили международно-правовую силу в результате агрессивных действий Японии против нашей страны, которые были предприняты ею в нарушение заключенных договоров.

Неблаговидные цели, которые преследуют правящие круги Японии, выдвигая так называемый территориальный вопрос в отношениях с СССР, вскрываются также в работах Р.Ш.Алиева,Л.Н.Кутакова, И.А. Латышева, Д.В.Петрова, и Х.Т. Эйдуса.[154]

Вопрос о территориальном размежевании в русско-японских отношениях рассматривался в монографии Л.Н. Кутакова "Россия и Япония"[155], в которой впервые в советской историографии освещаются эти отношения за более чем двухвековой период.

В работе ставится цель сосредоточить главное внимание на вопросах, вызывающих острые идеологические споры, или тех, которые, хотя и имеют меньшее значение, но, слабо изучены русистами и японоведами.

Из острых принципиальных вопросов мнения по которым расходятся, имеются в виду прежде всего вопрос о территориальном размежевании между двумя странами.

Обстоятельно разбирая концепцию буржуазной историографии об агрессивности России, автор показывает, что она восходит к слухам, которые в 1771 г. стал распространять венгерский авантюрист барон М.А. Беневский, бежавший с Камчатки, где он отбывал ссылку.

В книге с использованием японских источников ХУП в.убедительно показано, что это мнение, поддержанное руководством голландской фактории в Нагасаки, опасавшейся торгового соперничества с Россией на японском рынке, в целом оказалось несостоятельным.[156] И его живучесть вполне обоснованно объясняется интересами сначала самурайства, а позднее в XIX - начале XX вв. в буржуазно-феодальных кругов, проводивших - политику экспансии в Азии как в южном так и в северном направлении и для ее прикрытия нуждающихся в распространении взглядов о "русской угрозе". Следуя историческим фактам, автор справедливо признает, что несанкционированная русским правительством экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на Южный Сахалин и Южные Курилы в 1806-1807 гг. была единственным исключением.[157]

Большое значение имеют также с точки зрения правооснований России на Курильские острова, включая самые южные, по ее внутреннему законодательству, приведенные в книге данные подённых

ведомостей о добровольном принятии в русское подданство в I778-I779 гг. коренных жителей Урупа, Итурупа, Кунашира и Шикотана, составленных Д.Шабалиным и И.Антипиным, а также указ Екатерины П от 30 апреля I779 г., по которому отменялся ясак, собиравшийся с курильцев (айнов) в течение нескольких десятилетий как с российских подданных. I58

Автор создал емкое полотно зарождения и развития отношений между Россией и Японией в их исторической сложности и многообразии, сообщив полезные данные также по территориальному вопросу. Но как и большинство исследований рецензируемая монография не лишена, на наш взгляд, некоторых недостатков.

Так не учтенными оказались некоторые работы советских историков Тихвинского С.Л.I59, Маринова В.А.I60, Игнатьева А.В.I6I, Ефремова Л.Н.I62, Алексеева А.И.I63, Якобашвили И.А.I64, Сенченко А.И.I65, Моргун З.Ф.I66, Пасковой Н.И.I67, Балаевой И.И.I68 Макаровой Р.В.I69, Ли Бен Дю I70, Нехаенко Н. и др. (статьи, монографии и кандидатские диссертации)I7I

При освещении вопроса о правах России на Сахалин и Курильские острова, на наш взгляд, больше внимания целесообразно было бы уделить международно-правовым вопросам, более подробному обсуждению позиции японской стороны с развернутой контраргументацией против ее доводов. Такой диалог был, например, проведен в декабре I988 г. между с членом Политбюро ЦК КПСС Министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и министром иностранных дел Японии С. Уно.I72

В разделах о месте Курильских островов и Сахалина в истории русско-японских отношений Л.Н. Кутаков не подвергает критическому рассмотрению вопрос о первых японских экспедициях на эти острова и их картографирование в первой половине XУП в.I75, что имеет

большое значение с точки приоритета России в их открытии, изучении и хозяйственно-культурном освоении[174].

Территориально-пограничные вопросы обстоятельно расматриваются в отношениях СССР с Японией также в другой монографии Л.Н.Кутакова[175].

Однако в этой работе автор не ставит перед собой задачи специально сосредотачиваться на изучении проблемы территориального урегулирования между двумя странами, а исследует их как один из вопросов Советско-японских политических, экономических и культурных отношений.

4. Зарубежная политология о японо-советских отношениях и "проблема северных территорий"

В зарубежной политологии вопросам отношений Японии с СССР, в том числе проблеме территориального урегулирования, как важному элементу в системе международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе и в мире в целом уделяется значительное внимание.

Вполне естественно, что наиболее тщательно эта тематика разрабатывается в японской политологии, которая, однако, свои оценки зачастую черпает из методологического арсенала американских специалистов по внешней политике.

Близость и взаимосвязь японской и американской политологии, как это видно, например, даже из сопоставления названий школы "политического реализма" в США и школы "неореализма" в Японии, послужило основанием для совместного изучения взглядов ученых двух стран по избранной проблематике.

Зависимость Токио от Вашингтона в этом отношении проявляется, как пишет американский политолог японского происхождения Д.Окимото, в том, что при обсуждении в японском парламенте вопросов национальной безопасности его комитеты вынуждены опираться на информацию Конгресса США.[176] В результате поражения японского милитаризма во второй мировой войне в научно-академических кругах Японии в течение нескольких десятилетий преобладали пацифистские и нейтралистские настроения, готовность соблюдать условия Потсдамской декларации, в том числе по территориальному вопросу. Такие настроения начали постепенно преодолеваться правящими кругами страны лишь после того, как в 1951 г. был заключен японо-американский "договор безопасности". Тогда была сформулирована доктрина "национальной безопасности", которая исходила из задачи обеспечить в условиях, как это было заявлено в официальных документах, "угрозы" со стороны Советского Союза и Китая и сохранения в Японии капиталистического строя преимущественно военными средствами. Эта доктрина была сродни американским доктринам "сдерживания" и "гибкого реагирования". Но на практике она отличалась от них стремлением избежать втягивания в глобальные конфликты двух мировых систем.

В условиях разрядки международной напряженности в первой половине 70-х годов японские специалисты по внешней политике и государственные деятели стали все более активно пропагандировать доктрину национальных интересов", которая включает в себя прежний, теперь уже не главный, военный компонент, подразумевала использование для повышения престижа и укрепления позиций Японии на международной арене экономические, политические и другие средства достижения поставленных задач.

В отличие от предшествующего периода обеспечение национальных интересов как их понимали правящие круги страны, усматривалось прежде всего в поддержании мира и стабильности во всем мире", что расценивалось в силу уязвимости и зависимости экономики Японии от внешних рынков как неотъемлемое условие ее выживания.

Достижение основной цели - поддерживание стабильности мирового капиталистического хозяйства предполагалось достигнуть путем сохранения на глобальном уровне политического паритета между социализмом и капитализмом без втягивания в глобальные конфликты, а на региональном уровне - на основе сохранения напряженности в советско-китайских отношениях при проведении Токио политики "равных расстояний" от Москвы и Пекина без вмешательства в их двухсторонние отношения.

Разработка этой доктрины принадлежит группа японских буржуазных либеральных ученых, близких к американской "школе политического реализма", так называемым неореалистам. В 1960-70-е гг. они составляли ядро политико-академического комплекса Японии. В него вошли такие влиятельные ученые, как профессора Киотоского университета М.Косака и К.Вакаидзуми, профессора Токийского университета Ё.Сакамото и С.Это, профессора Токийского института

иностранных языков М.Накадзима и К.Сакамото, профессора университета Кэйо Ф.Камия и Т.Исикава, проректор университета ООН в Токио К.Мусякодзи, бывший заведующий отделом Академии обороны УНО Х.Маэда, главный редактор газеты "Асахи симбун" Д.Кисида и др.

Политологи этого направления выступают за развитие мирных многосторонних отношений с Японией со всеми государствами, включая Советский Союз, за мирное разрешение "проблемы северных территорий" за внеблоковую политику и оказание помощи развивающимся странам.[177]

На рубеже 1970-х и 1980-х годов правящие круги США и Японии и влиятельные группы политологов в обеих странах пришли к мнению о необходимости активной совместной борьбы против социализма, против его территориальной экспансии на глобальном уровне с участием государств, входящих в НАТО.

В связи с изменениями в международной обстановке в конце 1970-х гг. произошли определенные изменения в политическом влиянии, характере и составе различных направлений японской политологии и в их отношениях с американскими специалистами по международным отношениям.

Наибольший вес приобрели ученые, сформулировавшие доктрину "комплексного обеспечения национальной безопасности" в 1980г. В качестве советников они оказывают непосредственное влияние влияние на правительственные учреждения, в особенности кабинет министров и МИД Японии. В их число входят "реалисты" консервативного толка, именуемые в США "школой либерал-реализма", которые образуют по сравнению с "неореалистами" правое крыло японских политологов, ориентирующихся на американскую школу "политического реализма".

Кним относятся последователи профессора М.Казима, начиная с директора Института мира и безопасности профессора М.Иноки, а также профессор Токийского университета С.Сато, профессор Академии обороны М.Сасэ, генеральный секретарь Совета национальной обороны К.Ито, генерал-лейтенант УНО Н.Сакондзё, ответственные сотрудники МИД Японии Х.Оота и НИИ обороны М.Момои, директор центра по изучению вопросов обеспечения безопасности Японии О.Миёси, профессор университета "Аояма гакуин" в Токио Х.Тэратани, директор научно-исследовательского института Номура К.Саэки и др.

Доктрина "комплексного обеспечения национальной безопасности" исходит из необходимости прежде всего обеспечение "политической безопасности" на глобальном уровне посредством установления военно-стратегического превосходства капиталистических стран над странами "советского блока" в соответствии с планами Вашингтона на основе объединения военно-политических усилий Японии в том числе в вопросе о возвращении северных территорий с США и западноевропейскими государствами входящими в НАТО. При этом достижение "политической безопасности" связывалось с намерением использовать КНР против СССР, учитывая дружественный характер ее отношений со странами Запада и Японией.

"Экономическую безопасность" Японии авторы этой доктрины предлагают обеспечить посредством сохранения принципов свободного предпринимательства без вмешательства аппарата государственной власти в торгово-экономические отношения между капиталистическими странами, а также последних со странами третьего мира.

В отличие от доктрины "национальных интересов" первостепенное значение в новой доктрине уделяется военно-политическим средствам. В материалах японской стороны это объясняется ростом внешнеполитической активности Советского Союза и перспективой превращения Японии из экономической державы в один из центров военно-политической силы глобального уровня.[178]

Промежуточное положение между этими двумя направлениями "реалистов" занимают так называемые меркантилисты считающие, что Япония может развиваться как "торговая нация", в том числе в отношениях с СССР. В эту группу входят ответственные сотрудники Министерства внешней торговли и промышленности Японии и ряд видных представителей деловых кругов. Ее идейный руководитель профессор Такийского политехнического института Ё.Нагаи полагает, что в условиях военно-стратегического паритета СССР и США в мире существует "силовой мораторий" для других государств, при котором определяющую роль играет ее невоенный, а экономический и научно-технический потенциал.[179]

Всем этим трем школам противостоит направление "неонационалистов" - политологов крайне правого толка. Идеологом этого направления стал профессор университета Гакусюин в Токио К. Симидзу, выступивший за превращение Японии в перспективе в самостоятельную ядерную державу в ходе постепенного достижения равноправного партнерства с Вашингтоном и решения на этой основе[18(
проблем в отношениях с СССР, оставшихся после второй мировой войны.

К этому направлению принадлежат самые различные представители политической военной и экономической элиты, в частности бывший председатель объединенного комитета начальников штабов Х.Курису, бывший заместитель министра иностранных дел.С.Хогэн,

бывший посол в Японии Т.Касэ, профессор Токийского университета Х.Канагава, профессор Института славяноведения Х.Кимура, президент одной из ведущих организаций бизнеса Японской федерации предпринимателей Т.Сакурада и др.

Ведущие японские политологи, рассматривая политику СССР с точки зрения интересов Японии в контексте взаимоотношений Запад-Восток, исходят либо из субъективно-идеалистических, подчас даже откровенно расистских взглядов, либо из объективно-идеалистических установок, среди которых видное место занимает геополитические и геостратегические концепции, характерные для школы "политического реализма". Ее основоположниками считаются Г.Моргентау, З.Бжезинский, Г.Киссинджер и другие. Представители этой школы отошли от традиционной концепции "экспорта революции" из СССР, в силу ее политической несостоятельности, поскольку сама действительность опровергла содержащиеся в ней антисоветские постулаты.

Путем преднамеренного нивелирования внешнеполитических принципов социалистических и капиталистических государств "политические реалисты" попытались обосновать, что Советскому Союзу, как и всякому другому крупному государству свойственно "извечное" стремление к удовлетворению своих национальных интересов в борьбе с другими "центрами силы", стремление к большей власти и большему величию на все более расширяющейся территории. По их мнению, то, как на практике реализуется это стремление, зависит от многих факторов, таких как географическое положение страны, ее экономический и военный потенциал, исторические традиции, и других, в совокупности формирующих внешнеполитическую стратегию любого государства.[181]

И хотя абстрактно-метафизический характер этой схемы, не учитывающей конкретные связи между политикой и определяющей ее экономикой становится вполне очевидным, она представляет собой гораздо более гибкое, чем используемые ранее идеологические установки антисоветизма, орудие, с помощью которого западная политология подвергает критике принципы советской внешней политики.

В рамках этой схемы в основном иследуют политику СССР и японские политологи. Отвергая марксизм-ленинизм, они со своих позиций истолковывают происходящие на международной арене перемены, не жалея черных красок для характеристики внешнеполитического курса СССР до середины 80-х годов.

"США, благодаря которым мир обрел послевоенный порядок, уже более десятилетия идут по пути деградации, и Советский Союз от паритета с Америкой начинает переходить на позиции превосходства, - пишет в книге под тенденциозным названием "Глобальная стратегия советского империализма" директор японского исследовательского центра по обеспечению безопасности Осаму Миёси, приписывая внешнеполитическому курсу Советского Союза, цели не имеющие ничего общего с его действительной направленностью.

Не менее критическими по своим стратегическим установкам являются идеи, высказываемые в полуофициозе МИД Японии журнале "Гайко дзихо" профессором Токийского университета Хикомапу Канагава. Они характерны для наиболее правых кругов, близких к внешнеполитическому ведомству Японии.

Исходя из модернизированной на расистский манер "теории кризиса цивилизации", заимствованный им у А.Тойнби и П.Сорокина,

Х.Канагава пишет: "Нельзя правильно понять и показать развитие современного общества только через призму истории международных отношений...Для этого необходимо рассматривать его с более широкой точки зрения, а именно: истории и теории кризиса цивилизации". I82

Повышение роли СССР в международных делах японский историк объясняет "коварством истории", заключающимся в том, что англосаксонская цивилизация во имя достижения победы над Германией, Японией и Италией в годы второй мировой войны воспользовалась помощью другой, славянской цивилизации. По мнению Х.Канагава, история стоит перед альтернативой установления либо мирового господства славянской цивилизации, либо победы в борьбе с нею восточноазиатской цивилизации во главе с Японией. I83

А достижение такой победы японский ученый считает возможным при опоре на США и поддержании линии на самостоятельность в отношениях с КНР и Советским Союзом, который рассматривается как абсолютный антипод Японии как по масштабам своей территории, простирающейся от берегов Балтики до Курильских островов, и географическому положению, так и военной мощи, что якобы делает в перспективе ее столкновение с ними неизбежным. I84

Но о глобальном характере внешней политики Японии пока еще если и можно говорить, то только в плане ее экономического аспекта, считает Х.Канагава, поскольку в силу особенностей своего развития после поражения во второй мировой войне и демилитаризации страны по-прежнему сохраняется большой разрыв между общемировым значением ее финансово-экономической мощи и политическим влиянием, в основном не выходящим за пределы стран бассейна Тихого океана. Япония вынуждена, как считают в ее правящих кругах, в этом

отношении полагаться на Соединенные Штаты, обнаруживая зависимость от Вашингтона, несмотря на свой резко возросший экономический потенциал. Все это свидетельствует о противоречивом характере международного положения Японии оказывающем влияние на ее стратегию внешней политики, в том числе в отношении СССР, с которым у нее имеется территориальный спор. Вместе с тем, как считают в Токио. Для обеспечения своих национальных интересов Япония должна привести политическое влияние в соответствие с экономической мощью, проявить максимум гибкости и умения приспособиться к реальной обстановке в мире. Такова суть концепции Канагавы.

Большое место проблемы советско-японских отношений занимают в концепциях К.Саэки, директора научно-исследовательского института Номура. Решению указанной задачи, по мнению этого ученого, будут способствовать "традиции эмпиризма", свойственные внешней политике Японии на протяжении большей части послевоенного периода. Но в новой международной обстановке для решения поставленных ее руководством качественно иных задач на основе весьма амбициозных установок, как считает К.Саэки, без планирования внешней политики государству, претендующему на роль не только экономической, но и политической державы, обойтись нельзя.

Поэтому в течение последних лет в Японии предпринимаются шаги с целью выработки внешнеполитического курса на базе прогноза международного положения до конца этого века.
В этих прогнозах на ближайшие два десятилетия Япония рассматривается как "региональная держава", сохраняющая союз с США. Что же касается отношений с двумя соседними социалистическими державами - КНР и СССР, в них препочтение отдается первой, вопреки провозглашенной Токио "дипломатики равного удаления" от

Москвы и Пекина.

Это объясняется, как считает К.Саэки, большей удаленностью основных жизненных центров Советского Союза от Японии, чем соответствующих центров КНР, малонаселенностью и слабым экономическим развитием обращенных к Японии районов Восточной Сибири и советского Дальнего Востока, в том числе бывших территорий Японии, а также отсутствием у Японии с СССР столь длительной истории культурных контактов, как—ие имеются с Китаем.[185] Не только экономические, но и политические причины побуждают правящие круги Японии ограничивать связи с СССР. Утверждение Саэки, таким образом, не полностью отражает реальное положение дел.

Много внимания двусторонним отношениям Японии с СССР уделяет известный советолог, профессор Центра славяноведения Хоккайдоского университета Х.Кимура. Он считает, что приоритет в своей внешней политике СССР отдает Соединенным Штатам и что отношения с КНР также играют важную роль. Из этой посылки он делает вывод о том, что Япония должна относиться к СССР как к государству, которое рассматривает ее в качестве "побочного продукта" своих отношений с США и Китаем. И хотя именно в этом ключе Х.Кимура предлагает рассматривать политику Советского Союза в отношении Японии, он выдвигает принцип "комплексного подхода" к выработке курса в отношении Советского Союза, принимая в расчет как политические, дипломатические, так и военно-стратегические факторы.

Особенно важным козырем, которым Х.Кимура предлагает обязательно воспользоваться для удовлетворения со стороны СССР притязаний Токио на так называемые "северные территории", является согласие Японии на развитие торговли и экономического сотрудничестве с Советским Союзом, спекулируя на его заинтересованности

в развитии восточных районов страны. Однако, при этом он не учитывает того важного обстоятельства, что эта заинтересованность носит взаимный характер. Со стороны деловых кругов Японии она вызвана усиливающимся обострением конкурентной борьбы за рынки сбыта, сферы применения капитала и источники необходимого сырья и топлива. Как считает, Х.Кимура, в начале 70-х годов, находясь в условиях острого противоборства с Пекином, Москва проявляла серьезную заинтересованность в развитии отношений с Токио, о чем свидетельствовал в частности визит в Японию после шестилетнего перерыва министра иностранных дел А.А.Громыко в 1972 г.

Это, по мнению Х.Кимура, давало японскому правительству хорошие возможности для положительного решения вопросов, стоявших на повестке дня переговоров с СССР. Однако кабинет К. Танака, - рассуждает он далее, не реализовал их. В частности, по утверждениям эксперта, К.Танака не использовал, проявив дипломатическую слабость, согласившись с принципом разделения политики ("проблема северных территорий) и экономики (сотрудничество в экономическом освоении Сибири и Дальнего Востока, помешало Японии принять участие в освоении природных ресурсов восточных районов СССР. Подтверждение этому японский советолог усматривает в несоразмерно большом внимании в совместном советско-японском коммюнике о переговорах в Москве в 1973 г. к последнему вопросу по сравнению с "проблемой северных территорий", которая была изложена в расплывчатой формулировке о намерении сторон при обсуждении мирного договора решить вопросы, оставшиеся нерешенными после окончания второй мировой войны.[186].

В дальнейшем Япония, по мнению Х.Кимура, допустила новый просчет, не попытавшись после заключения в 1978 г. договора

с Китаем использовать в своих интересах "китайскую карту" в отношениях с Советским Союзом.

Цели советской внешней политики на Дальнем Востоке в начале 80-х гг. японский исследователь усматривает в "стремлении к усилению военно-стратегического положения" Советского Союза в этом регионе в контексте противоборства с США, в "сдерживании" сближения Токио с Пекином, демонстрации незыблемости своих суверенных прав на "северные территории", решимости отстаивать их путем "реализации" своей "угрозы" безопасности Японии. [187] Эти выстроенные на зыбкой основе антисоветизма измышления выдаваемые за "цели" советской внешней политики на Дальнем Востоке полностью рассыпаются при серьезном анализе последовательно миролюбивой политики СССР в этом районе, нашедшей свое выражение в многочисленных инициативах по оздоровлению обстановки в регионе и нормализации советско-японских отношений. Однако для такого анализа у этого японского советолога не нашлось места.

Рассматривая пути развития политики Токио в отношении СССР, другой видный японский ученый консервативного толка профессор университета Кэйо Ф.Камия, член директора Японской ассоциации политических наук писал, что в этой области возможны следующие варианты:

I)"Жесткое противоборство" на базе укрепления японо-американских отношений но, как уже отмечалось, этот курс вызывает недовольство со стороны общественности, в особенности в связи с высказыванием премьера Я.Накасоне о роли Японии как "непотопляемого авианосца" США, противостоящего Советскому Союзу, а также о намерении блокировать в случае возникновения "чрезвычайных обстоятельств" выход советских кораблей через проливы, ведущие

из Японского моря в Тихий океан. "Существует опасность того, что политика конфронтации с Советским Союзом, - пишет Ф.Камия, - вызовет отпор со стороны общественного мнения и ослабит позиции в Японии тех, кто больше всего озабочен советской угрозой." [189]

2) Иной путь, по его мнению, заключается в развитии советско-японских отношений на основе принципа "разделения политики и экономики". Японский ученый обращает внимание на отказ официальных кругов Токио придерживаться этого принципа на том "основании", что Советский Союз выступает против переговоров по таким "важным" международным вопросам как возвращение "северных территорий" Японии. Ф. Камия считает, что пока Токио не отойдет от своей жесткой позиции, по отношению к СССР, существенного расширения торгово-экономических связей между двумя странами не произойдет, но если экономический спад приобретет длительный характер и вынудит другие государства прибегнуть к протекционистским мерам против Японии, то принцип "разделения политики и экономики" сможет легко укорениться в отношениях с Советским Союзом.

Будучи сторонником правительственного курса, Ф.Камия солидаризируется с официальной точкой зрения в отношении того, что развитие советско-японского экономического сотрудничества без разрешения территориального вопроса усилит позиции СССР и тем самым нанесет ущерб японо-американскому союзу.

Любопытно, что в противоречии с этим своим утверждением Ф.Камия все же признает, что развитие экономических связей с Советским Союзом принесет Японии определенные выгоды, а также положительно отразится и на повышении ее престижа на международной арене, однако позитивных выводов он из этого не делает.

В конечном счете Ф.Камия стремится обосновать проводимый правительством так называемый промежуточный курс, состоящий в том, чтобы придерживаться линии на "осторожный диалог" с СССР, который ни в коем случае не повредил бы союзническим отношениям с США. Таким образом, в отношении СССР рекомендуется осуществлять совершенно нереалистическую политику "кнута и пряника". Кстати говоря, японский политолог сам признает, что претворить в жизнь такую двойственную политику будет довольно трудно. В целом же японские политологи различных направлений приходят к заключению, что наличие "неразрешенного территориального вопроса" оказывает сдерживающее влияние на развитие двусторонних политических и экономических отношений.

Серьезное влияние на Советско-японские отношения оказывает также позиции по этому вопросу основных политических партий Японии, которые требуют специального рассмотрения.

5. ОТНОШЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ЯПОНИИ К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ К СССР

I. Позиция Либерально-демократической партии Японии

По мнению руководства ЛДП, восстановление дипломатических отношений между Японией и СССР в 1956 году по Совместной декларации было обусловлено договоренностью обеих сторон о продолжении переговоров о заключении японо-советского мирного договора, из чего вытекает, что после нормализации японо-советских отношений Советский Союз и Япония должны были бы продолжить переговоры

о мирном договоре с целью разрешения "территориального вопроса", о чем "свидетельствует" также обмен нотами между С.Мацумото и А.А. Громыко от 29 сентября 1956 года, и поэтому утверждение советской стороны, что "территориальный вопрос" в отношениях между двумя странами уже разрешен, лишен юридических оснований.

ЛДП и правительство Японии стремятся обойти вопрос о юридической ответственности Японии за развязывание второй мировой войны на Дальнем Востоке и пытаются сосредоточить главное внимание на превратно толкуемой формально-юридической и исторической стороне вопроса.

При этом выдвигаются следующие "аргументы":

1) Ялтинское соглашение было совершенно секретным, поэтому оно не связывает Японию, а, наоборот, является свидетельством намерения СССР нарушить советско-японский договор о нейтралитете, заключенный в 1941 г.

2) Сан-Францисский мирный договор 1951 г. не содержит отказа от Курильских островов и Южного Сахалина в пользу СССР, на что в свое время указывал глава советской делегации на Сан-Францисской мирной конференции А.А. Громыко, который заявил, что проект указанного договора не содержит бесспорных обязательств Японии признать суверенитет СССР на упомянутые выше территории. Острова, расположенные между Итурупом и полуостровом Камчаткой не были приобретены "в результате насилия и алчности". Они были включены в состав территории Японии в результате японо-русского договора 1875 г. об обмене Сахалина на Курильские острова.

3) В Каирской декларации союзные державы провозгласили "принцип нерасширения территории", которые не позволяет истолковывать положение принятой Японией Подсдамской декларации 1945 г.

об ограничении суверенитета Японии четырьмя главными островами, а также более мелкими островами, которые укажут союзники, как право на изъятие из под суверенитета Японии в пользу СССР островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир, Итуруп и других, Курильских островов.

4) В понятие Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, не включаются острова к югу от о-ва Уруп. Такое ограничение понятия Курильских островов вытекает из японо-русских договоров 1855 и 1875 годов.

Однако из текста упомянутых договоров в той части, где они затрагивают вопрос о Курилах, вывод, сделанный правительством Японии, является неправомерным.

Не отличалась от позиции ЛДП и точка зрения отколовшейся от нее в 1976 г. партии Нового либерального клуба, позднее вновь вошедший в правящую партию.

2. Позиция Партии демократического социализма Японии.

Позиция Партии демократического социализма Японии, в прошлом правого крыла СПЯ, по "проблеме северных территорий" заключается в следующем: Острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп являются исконными японскими территориями и не могут быть объектом дипломатических переговоров. Острова, расположенные между Итурупом и полуостровом Камчаткой представляют собой территорию Японии, приобретенную на законном основании. Поэтому все указанные выше "северные территории" - острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, а также острова, расположенные между Итурупом и островом Камчаткой должны быть возвращены Японии.

Аргументация ПДС по данному вопросу сводится к следующему:

I. Острова Хабомаи и Шикотан исторически всегда были состав-

ной частью префектуры Хоккайдо. По японо-русскому договору 1855 г. острова Кунашир и Итуруп являются частью территории Японии.

2. Острова, расположенные севернее острова Итурупа, начиная с острова Уруп, были переданы Японии по договору 1875 г. об обмене Сахалина на острова, расположенные между островами Итурупом и полуостровом Камчатка.

3. Ссылка СССР на Ялтинское соглашение в подтверждение своих прав на "северные территории" является несостоятельной, ибо Япония юридически не связана этим соглашением.

Позиция Партии демократического социализма в данном вопросе смыкается с позицией либерально-демократической партии, так как ПДС, как и ЛДП, не считает, что японо-американский договор безопасности является препятствием для "решения вопроса о северных территориях".

В 1978 г. исполком Японской федерации труда, правой профсоюзной организации, которая стала опорой ПДС, принял решение о расширении "движения за возвращение северных территорий" как внутри страны, так и на международной арене, который стал осуществлять созданный в 1978 г. в рамках ЯФТ специальный комитет по проведению этой кампании.

3. Позиция партии Комэйто

В своей внешнеполитической деятельности мелкобуржуазная необуддистская партия "Комэйто" придает "проблеме северных территорий" еще большее значение, чем ЛДП. Ссылаясь на исторические права, а также на нормы международного права, эта партия выдвигает территориальные притязания к СССР, которые сводятся к следующему:

I) Острова Хабомаи и остров Шикотан должны быть немедленно "возвращены", так как они входят в профектуру Хоккайдо и составляют неотъемлемую часть территории Японии.

2) Южные Курилы (Минами Тисима) - острова Кунашир и Итуруп являются исконными японскими территориями, которые якобы никогда не были объектом дипломатических переговоров вплоть до конца второй мировой войны.

3) Хотя от территориальных прав на Курильские острова (средняя и северная части Курил), начиная с острова Урупа и кончая островом Шумшу, Япония отказалась по Сан-Францисскому договору 1951 г. они не включают в свой состав островов Кунашир и Итуруп. Необходимо определить, какой стране должны принадлежать Курилы.

Цепь островов, простирающиеся начиная с острова Урупа и кончая островом Шумшу, является неотъемлемой частью территории Японии, которая перешла под юрисдикцию Японии в обмен на Сахалин 7 мая 1875 г. в результате мирных дипломатических переговоров между Японией и Россией.

Эти районы также являются неотъемлемой частью территории Японии, которые не подпадают ни под категорию районов, которые Япония захватила или оккупировала с начала первой мировой войны в 1914 году, ни под категорию других территорий, которые Япония захватила "при помощи силы и в результате своей алчности", как об этом говорилось в Каирской декларации 1943 г.

Меры, направленные на то, чтобы добиться возвращения "северных территорий", по мнению партии "Комэйто", должны состоять в следующем:

I) Необходимо потребовать немедленного возвращения островов Хабоман, Шикотан, Кунашир и Итуруп.

2) Курильские острова (средняя и северная часть Курил) должны принадлежать Японии или быть поставлены под контроль Объединенных Наций.

В последнем случае Япония должна быть названа управляющей властью.

3) Для возвращения северных территорий Японии необходимо предложить трехсторонние переговоры между Японией, США и Советским Союзом. Острова Хабомаи и Шикотан, а также острова Кунашир и Итуруп должны быть исключены из состава Курильских островов (Тисима). Однако, принимая во внимание, что Советский Союз уже заявил о своих правах на "северные территории" в целом, Япония должна потребовать созыва конференции союзных держав в соответствии с 26 статьей Сан-Францисского мирного договора. В качестве первоначальной меры партия "Комэйто" предлагает трехсторонние переговоры между Японией, Соединенными Штатами и Советским Союзом, чтобы подготовить почву для возвращения Японии "северных территорий".

4. Позиция Социалистической париии Японии

Социалистическая партия Японии придерживается следующей позиции по вопросу о Курильских островах:

I) Все Курильские острова являются территорией Японии и "должны быть ей возвращены".

2) Исходя из реалистической политики, необходимо пойти на заключение японо-советского мирного договора на условиях возвращения Хабомаи и Шикотана. Вопрос о возвращении всех Курильских островов должен решаться после заключения мирного договора путем переговоров в обстановке смягчения международной напряженности на Дальнем Востоке.

3) Для этого необходимо прежде всего приложить усилия, направленные на ликвидацию японо-американской системы безопасности.

С целью развертывания кампании "за возвращение северных территорий" Исполком Генерального совета профсоюзов Японии массовой профсоюзной организации, который стал со времени своего основания стал работать под руководством СПЯ принял в марте 1978 г. решение о ее активизации, что вызвало протест со стороны ВЦСПС.

5. Позиция Коммунистической партии Японии

По окончании второй мировой войны Коммунистическая партия вышла из подполья и приступила к восстановлению своих рядов. На IУ и У съездах КПЯ, которые состоялись в декабре 1945 г. и в феврале 1946 г., были одобрены положения Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. Эта декларация предусматривала ограничение суверенитета Японии четырьмя главными островами и теми менее крупными островами, которые указаны союзниками, что означало, в соответствии с директивой главнокомандующего оккупационными войсками союзных держав в Японии генерала Д.Макартура от 3I января 1946 г., изъятие Южного Сахалина и Курильских островов из-под юрисдикции японских властей.

Эта позиция КПЯ была подтверждена в ее программе 1951 г. и на УI Всеяпонской партийной конференции в июле 1955 г. Уточняя свою позицию по этому вопросу, 28 января 1950 г. Компартия Японии в своем заявлении одобрила Крымское (Ялтинское) соглашение глав правительств трех великих держав СССР, США и Великобритании от II февраля 1945 г., по которому после победы союзников над милитаристской Японией Южный Сахалин возвращался Советскому Союзу,

а Курильские острова отдавались в его владение.[190]

I июля 1951 г. временное руководство КПЯ опубликовало заявление, в котором была поддержана памятная записка Советского правительства правительству Японии от 10 июня 1951 г. по вопросу о мирном договоре с Японией. В этом документе осуждались попытки правительства Ёсида и японских империалистов оспаривать принадлежность Южного Сахалина и Курильских островов Советскому Союзу, определенную Ялтинским и другими международными соглашениями, и использование "территориального вопроса в качестве яблока раздора".[191]

Позднее, излагая свое мнение о том, как в этот период велись переговоры по этому вопросу между руководителями компартий СССР и Японии, член Президиума ЦК КПЯ Ёдзиро Конно в интервью корреспонденту газеты Лиги демократической молодежи Японии "Минсю сэйнэн симбун" утверждал следующее: "В свое время И.Сталин в беседе с делегацией КПЯ заявил, что Курильские острова будут возвращены, если в Японии будет оформировано подлинно независимое и "демократическое правительство".[192]

Со второй половины 1950-х гг. по мере усиления в руководстве КПЯ группы, выступающей за "самостоятельный и независимый" путь развития Компартии Японии во главе с членом Президиума ЦК КПЯ, а затем и ее генерального секретаря Кэндзи Миямото позиция этой партии по рассматриваемому вопросу стала постепенно претерпевать изменения.

Так, в августе 1956 г. в своем заявлении ЦК КПЯ указал, что в "будущем, когда Япония освободится от подчиненного положения по отношению к США, этот вопрос необходимо будет решить справедливо с учетом исторических и географических факторов".[193]

Еще на У пленуме ЦК КПЯ, который состоялся в 1959 г., К.Миямото в целом поддерживал решения союзников по территориальному урегулированию между СССР и Японией после второй мировой войны. На этом пленуме руководитель КПЯ заявил: "Япония безоговорочно приняла Потсдамскую декларацию, направленную на недопущение японского милитаризма, и тем самым отказалась от Курильских островов, включая и Южно-Курильские острова". Он добавил далее: "Выдвижение территориальных претензий со стороны японского правительства к Советскому Союзу преследует цель оттянуть заключение мирного договора с Советским Союзом в угоду американским империалистам, оно направлено на сохранение спорных вопросов между Японией и СССР и лежит в фарватере американской политики распространения ненависти к Советскому Союзу. Эти претензии рассчитаны на превращение Южно-Курильских островов в военную базу США - базу атомной войны.[194]

Став генеральным секретарем ЦК КПЯ, К.Миямото стал более активно выдвигать требования к СССР по так называемому вопросу о северных территориях. Так, в статье "Вопрос о Курильских островах на переговорах между КПЯ и КПСС в 1959 г.", опубликовнной в газете "Акахата", говорилось, что делегация КПЯ на XXI съезде КПСС на этих переговорах "выразила уверенность" в том, что после того, как Япония превратится в независимое, миролюбивое и демократическое государство,"возникнут условия для того, чтобы по вопросу о Южных Курильских островах была занята (Советским Союзом - К.Ч.) новая позиция."[195]

Позже К.Миямото на пресс-конференции в г.Окая (преф. Нагано), стремясь в ходе избирательной кампании по выборам в палату представителей японского парламента заручиться голосами националистически настроенных избирателей, заявил: "В отношении возвращения

Курильских островов наша партия раньше, чем любые другие политические партии Японии, подняла этот вопрос перед руководством КПСС. Я сам лично, когда присутствовал на XXI съезде КПСС, в январе 1959 года, вел переговоры с руководством КПСС по этому вопросу, в результате чего была достигнута договоренность о возвращении Южно-Курильских островов после ликвидации японо-американского договора безопасности".[196]

Такой поворот в политике руководства КПЯ по вопросу о территориальном урегулировании между СССР и Японией после второй мировой войны стал отчетливо проявляться с середины 1960-х г.г.,[197] после того, как в 1964 г. КПЯ прервала связи с КПСС. В результате выступления генерального секретаря ЦК КПЯ на пресс-конференции 5 марта 1969 г. ее отказ от поддержки решений, принятых в Ялте и Потсдаме, приобрел открытый характер и стал широко муссироваться в буржуазной печати.

В настоящее время позиция КПЯ по данному вопросу состоит в следующем:

1. Юридических оснований и у правительства, и у Либерально-демократической партии требовать возвращения Курильских островов не имеется.

2. Все Курильские острова исторически принадлежат Японии. Это касается и Северных Курил, которые были приобретены Японией не в результате агрессивной войны, а на основе мирного договора.

3. Курильские острова были отданы Советскому Союзу на основе согласованного решения участников антифашистской коалиции. Таким образом, имеется юридическое закрепление факта такой передачи, с которым согласилось и японское правительство, подписав Сан-Францисский договор. Однако, совершая такой акт, участники

антифашистской коалиции нарушили провозглашенные ими совместно в Каирской декларации принцип "отказа от территориальной экспансии", который особенно последовательно должен был бы отстаивать Советский Союз, являющийся социалистическим государством.

4. Возвращение Курильских островов, в том числе Северных Курил, является справедливым требованием японского народа, который выступает за полное восстановление суверенитета своей страны. Компартия Японии, как самостоятельная и независимая партия, защищающая подлинные интересы японского народа, должна отчетливо высказывать свою позицию по вопросу о Курильских островах и нарисовать четкую перспективу решения вопроса об этих территориях.

5. Путь решения вопроса о Курилах состоит в следующем:

I) Немедленно заключить японо-советский мирный договор на основе признания "Совместной советско-японской декларации" (1956 г.) и осущест вить возвращение островов Хабомаи и Шикотана.

2) Вести переговоры с Советским Союзом о возвращении Японии не только южной части Курил, но и всех Курильских островов; обеспечить осуществление этих требований после расторжения договора безопасности и выхода Японии из военного союза с США, Что касается пункта "с" статьи 2 Сан-Францисского договора, то уведомить заинтересованные страны об аннулировании пункта этого договора, касающегося Курильских островов.

3) В случае, если японо-советский мирный договор не будет заключен до образования демократического коалиционного правительства, демократическое коалиционное правительство приложит усилия к тому, чтобы параллельно с расторжением японо-американского договора безопасности начать переговоры о заключении мирного договора с Советским Союзом и подписать японо-советский

мирный договор, включающий решение проблемы Курил.[197]

В конце 1969 г. в избирательной кампании по выборам в палату представителей парламента с наиболее "радикальными" требованиями и в наиболее активной форме выступала по "вопросу о северных территориях" Коммунистическая партия Японии. В органе ЦК КПЯ газете "Акахата" регулярно публиковались материалы по этому вопросу, подогревающие националистические настроения в Японии, что позволило КПЯ заполучить дополнительное число голосов избирателей.

Компартия Японии в ходе предвыборной кампании подчеркивали, что именно она наиболее активно поднимает и ставит перед советской стороной вопрос о "возвращении" Курильских островов и что при этом именно представители КПЯ получали от руководителей КПСС благожелательные ответы.

19 декабря 1969 г. К.Миямото заявил следующее:

"Относительно островов Хабомаи и острова Шикотан в ноте Советского правительства японскому правительству от 27 января 1960 г. говорится, что вследствие подписания японским правительством нового договора безопасности данные острова будут возвращены "лишь при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между Японией и Советским Союзом". Однако эти острова должны быть возвращены незамедлительно после подписания японо-советского мирного договора, как это предусматривает "Японо-советская совместная декларация" от 19 октября 1956 года.

Наша партия в марте нынешнего года опубликовала документ "Политика и требования коммунистической партии Японии по курильскому вопросу", в котором изложила реальную и научно-обоснован-

ную политику и требования в целях решения курильского вопроса. В последнее время правительство и либерально-демократическая партия, укрепляя в соответствии с японо-американским совместным коммюнике агрессивный характер военного союза с США, усиливает пропаганду, выдвигая лозунг "вслед за Окинавой - северные территории". В такой обстановке наша партия в целях действительно справедливого решения этого вопроса, являющегося одним из жизненно важных требований японского народа, передала вышеназванное заявление Советскому правительству.

В этом вопросе наша партия уделяет серьезное внимание аннулированию наряду с договором безопасности той части пункта "с" второй статьи Сан-Францисского "мирного" договора, где говорится о курильском вопросе. Это вызвано тем, что в этом договоре предусматривается, что наша страна "отказывается от всех прав, правооснований и претензий" на Курильские острова, а также тем, что при наличии японо-американского договора безопасности и данного пункта в Сан-Францисском "мирном" договоре возвращение Курильских островов трудно осуществимо.

В принципе, передача Курильских островов Советскому Союзу, в отличие от военной оккупации США Окинавы, основывается на договоренности между союзными державами. Однако эта договоренность противоречит принципу "отказа от расширения территории"[X] провозглашенном в Атлантической хартии президентом США и премьер-министром Англии 14 августа 1941 г. - совместной декларации союзных держав, а также в Каирской декларации, и несправедлива с

[X] В действительности - "отказа от территориальной экспансии", т.е. несправедливого захвата территорий, а не от любых территориальных приобретений, в частности тех, на которые имеются исторические права.

точки зрения послевоенного урегулирования. Кроме того, США на Сан-Францисской мирной конференции в сентябре 1951 года навязали нашей стране совместно с японо-американским договором безопасности "мирный" договор, включающий пункт об отказе Японии от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова. Следовательно, решение курильского вопроса является важной частью мероприятий, направленных на то, чтобы выйти из системы Сан-Францисского договора, которая лишила нашу страну независимости и суверенитета, и ставит под угрозу мир нашей страны. Это необходимо для создания независимой, демократической, мирной и нейтральной Японии. Именно аннулирование договора безопасности и той части пункта "с" второй статьи Сан-Францисского договора, где говорится о Курильских островах, является ключом к решению вопроса". [198]

19 декабря 1969 г. парламентская группа КПЯ направила в адрес правительства СССР письмо, в котором по так называемому "вопросу о северных территориях" предлагалось следующее:

"Мы настаиваем на том, чтобы вступить в переговоры с Вашим правительством относительно возвращения Курильских островов после заключения японо-советского мирного договора и после активной разработки следующих двух предпосылок.

Во-первых, аннулировать, сообщив об этом заинтересованным государствам, соответствующую часть пункта "с" статьи 2 Сан-Францисского "мирного" договора, по которому Япония отказалась от права на обладание Курильскими островами; во-вторых, аннулировать японо-американский договор безопасности, превращающий Японию в базу агрессии и провокаций со стороны американского империализма против социалистических стран Азии и национально-освободительного движения.

Таким образом, мы убеждены в том, что для справедливого решения вопроса было бы целесообразно, во-первых, как можно скорее заключить "японо-советский мирный договор" и передать Японии Хабомаи и Шикотан; во-вторых, аннулировать ту часть пункта "с" статьи 2 Сан-Францисского "мирного" договора, где говорится о Курильских островах, ликвидировать японо-американский военный союз и после того, как Япония станет мирным, нейтральным и независимым государством, добиться возвращения всех Курильских островов на основе переговоров с правительством Вашей страны.

Мы считаем, что перечисленные выше два вопроса, по которым мы внесли предложения, представляют собой важные задачи как для завоевания прочного мира в Азии и во всем мире, так и для подлинного укрепления дружбы между народами Японии и Советского Союза". I99

Подводя итог избирательной кампании, в своей предновогодней пресс-конференции 1970 года премьер-министр Японии Э.Сато дал такую оценку позиций различных партий, в том числе КПЯ, по данному вопросу:

"Высказывание о "потенциальном суверенитете" породило споры, связанные с тем, что оно якобы означает одобрение оккупации Советским Союзом северных территорий. Однако наша последовательная позиция по этому вопросу как раз и состоит в том, что мы не признаем советской оккупации. Но как бы то ни было, если мы не добьемся проведения переговоров, то не сможем достигнуть никаких результатов. Необходимо в первую очередь, не придираясь к выражениям, ясно заявить, что Япония имеет права на эти территории. Если только говорить с незаконной оккупации, то это ничего не даст.

К счастью, в нашей стране лозунг: "Разрешим вопрос о северных территориях!" получает горячее одобрение общественного мнения, в том числе Коммунистической партии Японии.

Мы хотели бы и в дальнейшем настаивать на наших требованиях по этому вопросу, опираясь на такую поддержку общественного мнения Японии".[200]

Далее премьер-министр Э.Сато заявил, что "по этому вопросу ("вопросу о "северных территориях" - К.Ч.) есть возможность проводить надпартийную линию".[201]

В марте 1971 г. во время визита в СССР в беседе с членом Политбюро ЦК КПСС М.А. Сусловым К.Миямото вновь выступил с притязаниями не только на острова Шикотан и Плоские (по-японски Хабомаи), но и о-ва Кунашир и Итуруп в случае аннулирования японо-американского договора безопасности, вывода из Японии американских войск и превращения ее в независимое, демократическое, миролюбивое и нейтральное государство.

Газета "Акахата" в своей передовой статье писала, что в ходе этого визита с руководством КПСС "была подтверждена договоренность" о том, что при этих условиях "возникнет возможность для нового подхода к разрешению вопроса о Южных Курильских островах".

В этом печатном органе ЦК КПЯ в 1971 г. был опубликован целый "ряд материалов, искажающих содержание состоявшегося во время переговоров обмена мнениями по мирному договору".[203]

В июне 1977 г. ЦК КПЯ опубликовал Открытое письмо в адрес ЦК КПСС, в котором вновь были выдвинуты территориальные притязания на Курильские острова.

В связи с публикацией этого письма руководству КПЯ был дан ответ, в котором в частности было сказано: "Подлинные марксисты-

ленинцы всегда считали принципиально недопустимым превращение вопроса о границах в предмет спора между коммунистами. "Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах ... - подчеркивал Ленин, - коммунисты расходится не должны" (В.И.Ленин, т.40, стр.45). И если руководство КПЯ, как показывает Открытое письмо, избрало путь разжигания территориальных споров, то такая позиция несовместима с марксизмом-ленинизмом, ее нельзя рассматривать иначе, как отход от пролетарского интернационализма[204].

Подчеркивая принцип нерушимости послевоенных границ, газета "Правда" писала, что руководству Компартии Японии неоднократно излагалась эта принципиальная позиция и поэтому говорить, как это делается в Открытом письме, о каких-то иных "договоренностях" между КПСС и КПЯ советская сторона не давала никаких оснований[205].

На проходивших в Москве в 1979 г. переговорах руководства КПЯ и КПСС японская сторона поставила вопрос о "возвращении" Японии о-вов Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан) с подписанием договора о добрососедстве и сотрудничестве, который бы предшествовал мирному договору между СССР и Японией.

В отношении эволюции позиции КПЯ по рассматриваемому вопросу можно сделать вывод, что она не под влиянием объективных обстоятельств, а в результате пересмотра взглядов и политики руководства КПЯ[20].

Таким образом, в отличие от ЛДП и ЛДС КПЯ также как и СПЯ и "Комэйто" выдвигает притязания не только на южную часть, но и на все Курильские острова. Эти претензии сопровождаются заявлениями о том, что требования еще более "радикальные", чем притязания правящей партии Японии, не должны служить средством для разжигания антисоветизма и милитаризма. Но фактически правящие круги в Токио, указывая на непоследовательность позиции СПЯ и КПЯ в данном вопросе, используют их притязания на Курильские острова именно в этих целях. Это дает определенные основания ЛДП и правительству утверждать, что они выступают с территориальными претензиями к СССР, исходя из "надпартийной платформы" и создавать благоприятные условия для

проведения курса в отношении СССР.

В связи со спецификой предмета исследования большое значение для разрешения территориального спора приобретает рассмотрение его международно-правовой трактовки японскими специалистами.

6. Правовые концепции японских ученых по проблеме территориального урегулирования между СССР и Японией.

Территориальные претензии СССР изучаются в Японии и с позиций международного права. Так известный деятель Либерально-демократической партии Японии историк Р.Окума приводит в своей книге несколько распространенных в Японии концепций о принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов[107].

I. Концепция относительного отказа. Согласно мирному договору с Японией (Сан-Францисскому) отказ от Южного Сахалина и Курильских островов следует считать своего рода "относительным отказом", так как он будто бы имеет юридический смысл только в отношении стран, которые подписали этот договор. Отсюда делается вывод, что Южный Сахалин и Курильские острова не утратили своего статуса как территория Японии.

2. Концепция предварительного отказа. По Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от Южного Сахалина и Курильских островов, но вопрос об их юридическом статусе будто бы не решен окончательно. Поэтому отказ этот якобы следует считать "предварительным". Согласно этой концепции принадлежность рассматриваемых территорий Советскому Союзу может стать неоспоримой лишь в том случае, если между СССР и Японией будет заключен

мирный договор, в который будут включены соответствующие положения, идентичные положениям Сан-Франциского мирного договора с Японией.

3. Концепция универсального отказа. По Сан-Францискому мирному договору Южный Сахалин и Курильские острова перестали быть территорией Японии. По данной концепции, Южный Сахалин и Курильские острова, от которых Япония отказалась по мирному договору, с юридической точки зрения превратились в ничейные, и территориальные права на эти районы были утверждены в соответствии с правом на приобретение территории в силу первичного завладения, то есть в силу заселения указанных районов жителями СССР после репатриации японцев и присоединения Курильских островов к СССР в соответствии с Ялтинским соглашением и внутренним законодательством СССР. Таким образом они стали территорией СССР.

Среди японских ученых-специалистов по международному праву бытует также концепция, по которой право на владение территорией должно рассматриваться как имущественное право. Пределы суверениета над территорией каждого из заинтересованных государств, согласно этой концепции, устанавливаются в ходе переговоров о правооснованиях на указанные районы. Если же в договорном порядке эти пределы не установлены, то в случае подписания мирного договора применяется "принцип признания статус-кво" в соответствии с которым "Кунашир и Итуруп изымаются из-под суверенитета Японии.[208]

В обобщенном виде официальная позиция японского правительства базируется на концепции "относительного отказа". При этом выдвигаются два аргумента, отражающие, так сказать, "программу максимум" и "программу минимум" японских правящих кругов в

отношении Курильских островов. Японское правительство ссылается на то, что Япония, с одной стороны, не участвовала в Ялтинском соглашении, а с другой, не отказывалась от Курильских островов в пользу СССР, поскольку он не являлся участником Сан-Франциского договора. Но, временно оставляя решение вопроса о возвращении всех Курильских островов Советскому Союзу, японское правительство требует возвращения Японии островов Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи на том основании, что в соответствии с русско-японским договорами 1855 и 1875 гг., в понятие"Курильские острова" указанные острова якобы не входят. Поэтому-де, подчеркивает японская сторона, упомянутые четыре острова не подпадают под определение территорий, "захваченных при помощи силы и в результате алчности", и не упоминались в Ялтинском соглашении и других международно-правовых документах союзников.

Правящие круги Японии всячески стремятся дискредитировать Ялтинское соглашение, доказать юридическую неправомерность содержащихся в нем положений относительно возвращения Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов. В частности, правителтство Японии ссылается на положение Каирской и Потсдамской деклараций, о том, что "союзные державы не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют помыслов о территориальной экспансии"[209]. Оно ссылается также на Атлантическую хартию 1941 г., к которой присоединился и Советский Союз, где говорится, что "США и Великобритания не стремятся к территориальным и другим приобретениям" и что "они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов".[210]

При этом выражение "не имеют помыслов о территориальной экспансии" ("рёдо какутё") [211], употребленное в официальном переводе этой декларации, заменяется [redacted] выражением "принцип отказа от расширения территории" ("редо фукакудай гэнсоку")[212]. Таким образом, понятие "экспансия", то есть захват территорий, на которую государства не имеют права, неправомерно подменяется понятием "расширение" занимаемой ими в данное время территории.

Более того, ссылки на принципы англо-американской Атлантической хартии являются несостоятельными еще и потому, что присоединяясь к этой декларации, правительство СССР, как уже указывалось выше, специально оговорило, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны.

Кроме того, важно иметь в виду, что Ялтинское соглашение не требовало одобрения квалифицированным большинством членов американского сената, как на этом теперь настаивают японская и американская стороны, так как это было исполнительное международное соглашение, которое президент США имел право заключить с целью скорейшего достижения победы в объявленной конгрессом США войне с Японией. По этому документу Советский Союз согласился участвовать в войне с Японией на стороне союзников при условии восстановления его суверенитета над Южным Сахалином и Курильскими островами.

Японские буржуазные теоретики намеренно "не замечают", что между приведенным положением Каирской декларации и передачей СССР Курильских островов никакого противоречия нет. Реше-

ние о возвращении СССР указанных островов не являлось актом экспансии, поскольку было мотивировано тремя важнейшими факторами: во-первых, историческими соображениями, в соответствии с которыми СССР сохранял все правооснования на Южный Сахалин и Курильские острова, во-вторых, как мера наказания агрессора, обусловленная нормами современного международного права, и, в-третьих, как средство обеспечения безопасности дальневосточных границ Советского Союза, поскольку эти острова во время второй мировой войны служили важнейшей базой агрессии японских милитаристов, средством отрыва Советского Союза от Тихого океана.

Принцип ответственности за агрессию (вплоть до изъятия территории, являющейся базой агрессии с целью ее предотвращения в будущем)[213] является одним из критериев изменения государственной принадлежности территории в современном международном праве.[214] При этом в тех случаях, когда из состава Японии и Германии в результате второй мировой войны изымались территории, выходившие за рамки возвращения ранее захваченных ими территорий, то это представляло собой воплощение не прежнего "права победителей", а нового прогрессивного принципа ответственности за агрессию, направленного на поддержание международного мира.[215]

Право изъятия из-под суверенитета бывших вражеских государств части их территории как мера наказания за агрессию и гарантия безопасноти от угрозы повторения агрессии с использованием выгодных стратегических рубежей вытекает из материалов и решений Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского международных трибуналов, а также из Устава ООН.

Так, в приговоре международного Военного трибунала в 1946 г. в Нюрнберге и в уставе Токийского трибунала подчеркивалась ответственность Японии за развязывание военных конфликтов и агрессив-

ных войн[216] и приводились документы, свительствующие о планах японского правительства, направленных на отторжение от СССР включенного в состав Японии Приморья и в сферу ее влияния и полного контроля Восточной Сибири до Омска – пункта разграничения с Германией[217].

В ст. 77 Устава ООН фиксируется специально выделенное понятие территорий, которые могут быть изъяты у вражеских государств в результате второй мировой войны[218].

Правда,такая возможность упомянута в Уставе ООН в связи с системой опеки. Но здесь говорится лишь о возможности включения их в эту систему (ст.77) в случае, если в отношении этих территорий не заключено какого-либо иного соглашения (ст.80), т.е., например, Ялтинского соглашения, в котором содержится решение о восстановлении суверенитета СССР над южной частью Сахалина и Курильскими островами

По Уставу ООН совершено недвусмысленно указывается на обязательства всех сторон, связанных международными соглашениями по послевоенному урегулированию,т.е. и с Ялтинским соглашением, которое предусматривало изъятие у Японии и передачу СССР части территории Японии как государства, признанного а г р е с с о р о м.
В ст. 107 Устава ООН утверждается:"Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими за такие действия ответственность правительствами (разряда – К.Ч.) в отношении любого государства, котрое было врагом любого государства, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям".[21] Правда эта статья, не содержит положения о подтверждении окончательного характера таких действий в отношении права на территории, обычно предоставляемые мирным договором.

Из факта одобрения в свое время Устава ООН законодательными органами СССР, США и других участников Ялтинского соглашения,

а также Японии вытекает непреложное обстоятельство, что положения упомянутого соглашения о восстановлении суверенитета СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами и в настоящее время сохраняют свою полную юридическую силу. Это обстоятельство позволяет применять к Японии принцип опосредованного согласия с решениями союзников по территориальному вопросу в силу фактического положения. Известно, что международное право не предусматривает необходимости в дополнительном признании решений, которые не только приняты, но и осуществлены, в силу принципа последующего молчаливого согласия (принцип "estoppel,

В.И.Ленин писал в работе "Предложение ЦК РСДРП" второй социалистической конференции": "Аннексией нельзя считать ни всякое присоединение "чужой" территории, ибо социалисты вообще говоря, сочувствуют устранению границ между нациями и образованию более крупных государств; ни всякое нарушение status quo, ибо, это было бы величайшей реакционностью и насмешкой над основными понятиями исторической науки, ни всякое военное присоединение, ибо насилие и войны в интересах большинства населения социалисты отрицать не могут.[220]

Советские юристы международники Б.М.Клименко и Н.А.Ушаков подчеркивают, что территориальные постановления Потсдамской конференции глав правительств трех великих держав 1945 г., на которой были приняты решения об ограничении суверенитета Японии после второй мировой войны ее метрополией как меры наказания за агрессию, соответствуют общепризнанным нормам международного права.[221]

Как указывает правовед-международник Г.И.Тункин, к государству-агрессору, каковым являлась Япония в годы второй мировой войны, могут быть применены санкции в виде изъятия части ее

территории, поскольку "безнаказанность государства-агрессора меньше всего соответствует современному международному праву, которое предусматривает суровую ответственность за нарушение мира".[222]

Но поскольку при капитуляции Японии Ялтинское соглашение союзников об изъятии у нее в пользу СССР части ее территории рассекречено и предъявлено со ссылкой на её ответственность [illegible] не было, это дало Токио основание оспаривать включение изъятых у нее территорий в состав СССР.

Специалист по договорному праву А.Н.Талалаев обращает внимание на то, что в конвенции о праве международных договоров, принятой на конференции ООН в 1969 г.(ст.75), следует, что Ялтинское соглашение и Потсдамская декларация 1945 г. в отношении Японии сохраняет свою силу. Если же, в соответствии со ст. 36 и ст. 37 Конвенции, из международного договора возникает для третьего государства какое-либо право, то оно не может быть отменено без согласия данного государства. Это имеет прямое отношение к правам СССР на территории, изъятые у Японии по Сан-Францисскому мирному договору.[223]

Переход Южного Сахалина и Курильских островов в полное владение Советского Союза вовсе не являлся результатом "советской экспансии", как это утверждают некоторые зарубежные ученые, а представлял собой акт, продиктованный необходимостью пресечь агрессивную политику Японии, которая начиная с 1904 г. вынашивала планы захвата русских территорий на Дальнем Востоке и неоднократно пыталась осуществить их на деле, отводя этим территориям роль важного плацдарма нападения на советский Дальний Восток.[224]

Концепции "предварительного отказа" стал придерживаться ряд японских специалистов по международному праву.

Так, мнение члена Японской ассоциации международного права, профессора международного права университета Мэйдзи Сигэки Миядзаки сводится к следующему.

По Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от

Курильских островов. США и Англия в свое время заверили СССР в том, что эти территории по Ялтинскому соглашению перейдут к нему. Даже если состоится международная конференция по этому вопросу, то с точки зрения норм международного права возможность подтверждения обещания союзников велика. Но поскольку эти обещания не реализованы, союзники не связаны между собой окончательным решением. С точки зрения международного права отказ от права на территорию без установления нового владельца означает не что иное, как признание ее ничейной. Поэтому, по мнению Миядзаки, утрата Японией прав на Курильские острова не означает, что она не может выступать против их окончательного присоединения к СССР. Япония, как утверждает он, вполне может выступать за передачу их под международный контроль на международной конференции по этому вопросу. Конференция, по его мнению, может I) либо окончательно определить эти территории как принадлежащие СССР, 2) либо с согласия последнего передать их под международный контроль. Япония якобы сама не имеет права без согласия стран - участниц Сан-Францисского договора, заключив с СССР мирный договор, передать ему суверенитет над частью своей бывшей территории, от которой она уже отказалась в пользу государств, подписавших с ней мирный договор. По словам С.Миядзаки, фактическое признание Курильских островов за СССР связано с тем, что СССР более активно, чем другие государства, претендует на их окончательное приобретение, что ставит в неблагоприятное положение других возможных претендентов, поэтому данный вопрос /———/ нужно окончательно разрешить на международной конференции.

Японские юристы-международники, придерживающиеся концепции "универсального отказа", считают, что, согласившись изъять

из упомянутой выше советско-японской декларации положение о переговорах по вопросу об уступке Советским Союзом Японии островов Кунашир и Итуруп и приняв положение о передаче Японии Советским Союзом при подписании мирного договора островов Хабомаи и о.Шикотан, правительство Японии зафиксировало в международно-правовом документе то обстоятельство, что в настоящее время указанные территории принадлежат СССР. Тем самым оно как бы дополнило Сан-Франциский мирный договор, признав СССР участником этого договора. По существу, такой же точки зрения придерживается и упомянутый выше видный историк Р.Окума. Он пишет: "Можно сказать, что указанная концепция исходит из того, что при подписании Совместной декларации СССР придерживается той точки зрения, что острова Кунашир и Итуруп входят в число Курильских островов, от которых Япония отказалась по мирному договору. Кроме того, является фактом, что один из главных авторов текста этого договора полномочный представитель США Д.Даллес на Сан-Франциской конференции заявил, что отвергнуть Ялтинское соглашение было бы невозможно."[225]

Концепцию "универсального отказа" одним из первых сформулировал юрист-международник Ю.Такано. По его мнению, вопрос о Сахалине и Курильских островах, в отличие от вопроса об итальянских колониях, был предрешен союзниками в Каирской декларации, Ялтинском соглашении и других документах в смысле передачи их Советскому Союзу. Он ссылается на заявления государственного секретаря США Д.Даллеса, который не был решительным сторонником того, чтобы порывать с Ялтинским соглашением. На пресс-конференции 28 марта 1951 г. Даллес заявил: "Самих японцев США ни в коем случае не будут поощрять на то, чтобы отвергнуть Ялтинское соглашение с целью возвращения

Японии Курильских островов".

Но по мере того как перспектива отказа СССР от подписания Сан-Франциского мирного договора усиливалась, писал Ю.Такано, Даллес стал в официальном порядке высказывать другую точку зрения. Так , в своей речи 31 марта 1951 г. он заявил: "Южный Сахалин и Курильские острова были предоставлены Советскому Союзу в Ялте и фактически находятся в его владении. Но для того, чтобы оформить права СССР по тому или иному мирному договору, необходимо, чтобы Советский Союз стал участником этого договора". И тогда же Даллес предложил новую формулировку мирного договора, согласно которой Япония отказывается от Тайваня, Пескадорских островов, Южного Сахалина, Курильских островов и ряда других территорий, но без указания нового суверена этих территорий.

В подтверждение своей точки зрения Ю.Такано ссылается также на позицию Индии. Он пишет, что выразив неудовлетворение американским проектом мирного договора с Японией, Индия бойкотировала Сан-Францискую мирную конференцию и, с одной стороны, подвергла критике факт передачи о.Окинава и островов Огасавара под опеку США, а с другой - выступила за то, чтобы зафиксировать в мирном договоре в соответствии с существующими соглашениями восстановление прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова, а также восстановление прав КНР на Тайвань и Пескадорские острова (нота индийского правительства США от 23 августа 1951г.)

По поводу юридического обоснования владения Советским Союзом вышеупомянутыми островами Ю.Такано говорил, что "оно зиждется на распределении территории, согласованном в свое время между союзниками в связи с принятием капитуляции Японии". Однако он тут же добавляет, что "окончательное решение в отно-

шении Южного Сахалина и Курильских островов - это вопрос, существующий в отношениях между СССР и союзными государствами, которые должны разрешить его в отношениях между собой, причем следует иметь в виду, что по этому вопросу заключено Ялтинское соглашение".[226]

В советской доктрине международного права государственная территория не является ни собственностью государства (объектная теория), ни пределом осуществления его верховенства (пространственная теория), ни сферой валидитарности национального юридического порядка (теория компетенции), а рассматривается как достояние, т.е. безраздельная собственность населяющих ее наций (или нации), материальным выражением ее верховенства, независимости и неприкосновенности.[227]

Коллизия правовых норм, которую японские юристы, в частности проф.Косаку Тамура, усматривают между отказом от Курильских островов и Южного Сахалина в отношении участников Сан-Франциского договора и отсутствием такового в отношении СССР, существует только с точки зрения

. "объектной теории" международного права, по которой участники правового отношения, касающегося территории, рассматриваемой как собственность государств, должны образовывать "объективно выраженную систему",[228] т.е. быть индивидуально поименованы. Эта коллизия устраняется с точки зрения общепризнанного принципа международного права, в соответствии с которым территория принадлежит населяющему ее народу, а отказ от нее, связанный с репатриацией, означает утрату этой территории как своего достояния и, следовательно, приобретает универсальный характер.

После капитуляции Япония эвакуировала население Южного Сахалина и Курильских островов. Этот факт нашел отражение во

внутреннем законодательстве СССР и Японии. Принятые законы и постановления являются убедительным доказательством в пользу того, что Южный Сахалин и Курильские острова полностью изъяты из под юрисдикции Японии и включены в состав Советского Союза, ибо известно, что соблюдение международных правовых норм обеспечивается государством как субъектом международного права изданием им соответствующих законов.[229] В данном случае имеется в виду законодательство СССР и Японии об административном делении, прописке бывших жителей Южного Сахалина и Курильских островов, их финансовых, имущественных и избирательных правах, а также о морском промысле в акватории этих островов.

В связи с утверждением японской стороны о том, что в состав Курильских островов (Тисима) якобы не входит южная часть Курильских островов, именуемая Южные Курилы (Минами Тисима), в число которых в настоящее время Токио включает острова Кунашир, Итуруп с прилегающими небольшими островами, включая острова Малой Курильской гряды (по-японски— острова Хабомаи и Шикотан), рассмотрим некотрые правовые документы.

Так, в тексте на японском языке русско-японского договора 1855 говорится, что "весь с.Уруп и Курильские острова к северу от него принадлежат России".[230] Следовательно, если считать, что в русско-японских договорах XIX в., имелись в виду, как истолковывает японская сторона, лишь о.Уруп и острова к северу от него до о.Шумшу включительно, перечисленные в русско-японском договоре 1875 г., то такое определение вступит в противоречение с приведенным выше употреблением этого понятия не только для обозначения группы островов начиная с Урупа до Шумшу, но и островов к северу от Урупа, то есть начиная с Симушира.

Не приведенный в русском переводе японский текст договора 1855 г., а только он подписан японскими уполномоченными, и его пусть даже обоснованное толкование - это разные понятия, и поэтому японская сторона исходит из того, что оно не влечет за собой юридических последствий, так как не признано в международно-правовом документе

с согласия Японии.

Нелогичность предложенного японской стороной определения Курил еще более отчетливо вытекает из русского текста русско-японского договора 1855 г., в котором указывается, что владения России составляют "весь о.Уруп и прочие (разрядка наша - К.Ч.)Курильские острова северу".[231]

Неправомерность сужения японской стороной этого понятия видна также из рассмотрения актов внутреннего законодательства Японии по этому вопросу. Например, приложении к указу премьер-министра Японии № 734 от 15 августа 1869 г. о присоединении уступленной Россией южной части Курил к префектуре Хоккайдо говорится о том, что в состав Курильских островов входят острова Кунашир и Итуруп[232]. То же самое находим в указе премьер-министра Японии № 2 от 14 января 1876 г. о присоединении к Японии уступленных ей Курильских островов и о включении в состав Тисима также и островов к северу от о.Итуруп ("Находящиеся под управлением наместника по делам освоения территорий Курильские острова отные присоединяются к провинции Тисима и Устанавливается подразделение последней на три уезда: Уруп, Симушир и Шумшу").[233] В указе же премьер-министра и министра внутренних дел Японии № I от 6 января 1885 г. говорится о включении в состав островов Тисима о.Шикотан ("Отные о.Шикотан уезда Ханасаки провинции Немуро префектуры Намуро включается в провинцию Тисима и получает наименование уезда Шикотан".[234]

Острова Малой Курильской гряды (по-японски - острова Хабоман и о.Шикотан), а также острова южной части Большой Курильской гряды (Кунашир и Итуруп с прилегающими островами) в официально-картографии Японии стали изображаться как японская территория лишь с конца 60-х годов.

После капитуляции Японии административным центром групп островов Хабомаи стал населенный пункт Хабомаи на острове Хоккайдо. В довоенной японской географической литературе эти острова - Суйсё (Танфильева), Акиюри (Анучина), Юри (Юрий), Сибоцу (Зеленый) и Тараку (Полонского) - именуются группой островов Суйсё. Называя эту группу островами Хабомаи, японцы, видимо, стремятся подчеркнуть, что эти острова якобы относятся к префектуре Хоккайдо, а не к Сахалинской области РСФСР, в которую входят Курильские острова. Однако в ряде официальных материалов, например в лоциях, изданных гидрографическим управлением министерства военно-морского флота Японии в 1928 и 1937 гг., острова Суйсё и Шикотан отнесены к Курильским островам.

Так, в "Лоции Южного Сахалина и островов Тисима" изданной в марте 1937 г. гидрогеографическим департаментом министерства военно-морского флота Японии, в разделе 3 "Южная часть островов Тисима" записано: "В этом разделе дается описание южных островов Тисима, в число которых входит 2 больших острова - Кунашир и Итуруп, острова Суйсё и остров Шикотан" (с.31). В этой же лоции, в разделе I указывается, что "Курильские острова - это гряда высоких гористых островов вулканического происхождения, состоящая из двух больших цепей островов. Первая цепь включает острова Кунашир, Итуруп, Уруп, Парамушир, идущие на северо-восток и юго-запад от точки, находящейся на середине воображаемой линии, соединяющей мыс Сиретоко и мыс Носаппу на острове Хоккайдо, до южной оконечности полуострова Камчатка; вторая цепь островов, идущая юго-восточнее параллельно первой, включает острова Броутон Райкоке, Чиринкотан, Экарма, Маканруш, Ширинки, Алаид. Сюда же относятся острова Суйсё и остров Шикотан, расположенные к севе-

№3.

Фрагмент карты Национального картографического управления Министерства внутренних дел Японии от 31 мая 1946 года

масштаба 1:25000

ро-востоку от мыса Носаппу". В разделе 5 "Лоции Хоккайдо и Ю.Сахалина" подчеркнуто, что острова Кунашир, Итуруп, Уруп вместе с островами Суйсё, Акиюри, Юри, Сибоцу и Тараку, а также Шикотан являются южной частью Курильских островов.

На картах, помещенных в I0-м томе Японской географической энциклопедии (I930 г.), а также в географическом атласе Японии (I936 г.) и в книге "Обзор географии и обычаев Японии" (I936 г.), все острова Хабомаи и остров Шикотан показаны как входящие в состав Курильских островов. В XIII томе Британской энциклопедии (I947 г.) указывается, что в число главных Курильских островов входит остров Шикотан.

На переизданной 3I мая I946 г. Картографическим управлением министерства внутренних дел Японии черно-белой карте Японии масштабом I:200 000 острова Кунашир и Итуруп (даже остров Шикотан в издании карты того же масштаба 25 мая I930 г.) показаны в составе Курильских островов (Тисима) (Рис. 3, 4).
На целом ряде послевоенных учебных карт Японии, утвержденных министерством просвещения, острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп отделены от самого северного острова Японии линией границы, причем на некоторых из них она является линией государственной границы. [236] При этом попытки некоторых депутатов парламента от Либерально-демократической партии в марте I96I г. добиться от правительства запрета на продажу таких карт были отведены премьер-министром Х.Икэда как незаконные.[237]

Из этого видно, что толкование правящими кругами Японии и США понятия "Курильские острова (Тисима)" противоречит тому, что было зафиксировано на картах Японии в соответствии с ее внутренним законодательством.

Судя по материалам Международного общества учебной инфор-

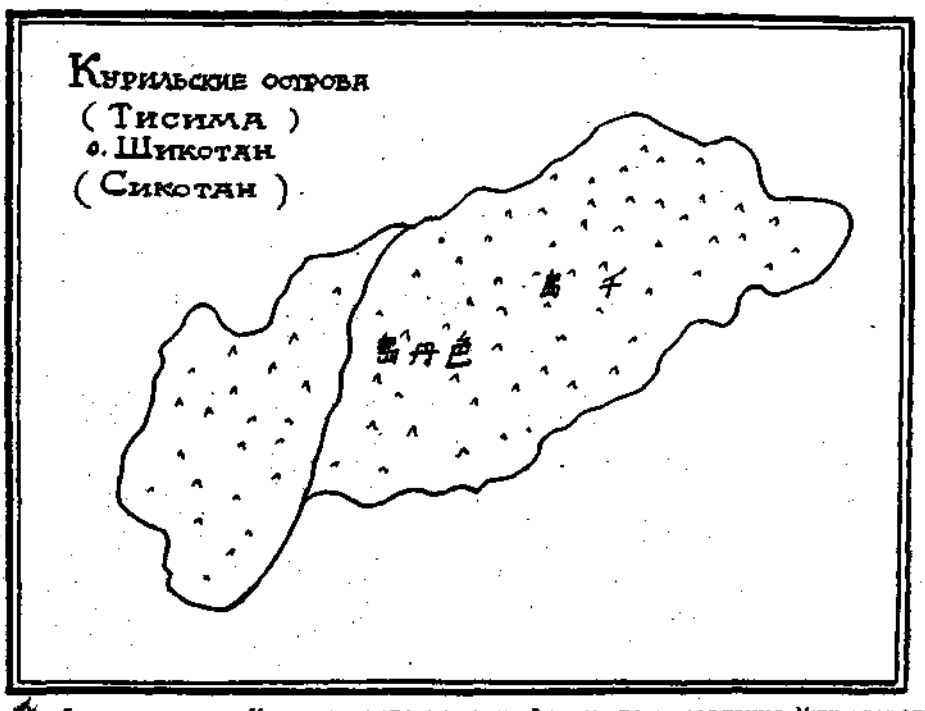


Рис. 4. Фрагмент карты Национального картографического управления Министерства внутренних дел Японии от 31 мая 1930 года (1:25 000)

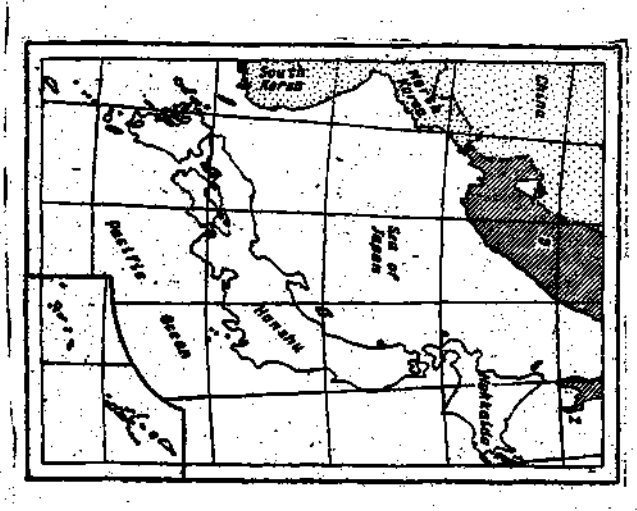


Рис. 5. Физическая карта Японии (США) с обозначением линий смены Курильских островов и Сахалина (цифры 1 и 2) как территории СССР

рис. карта сельскохозяйственного производства Японии

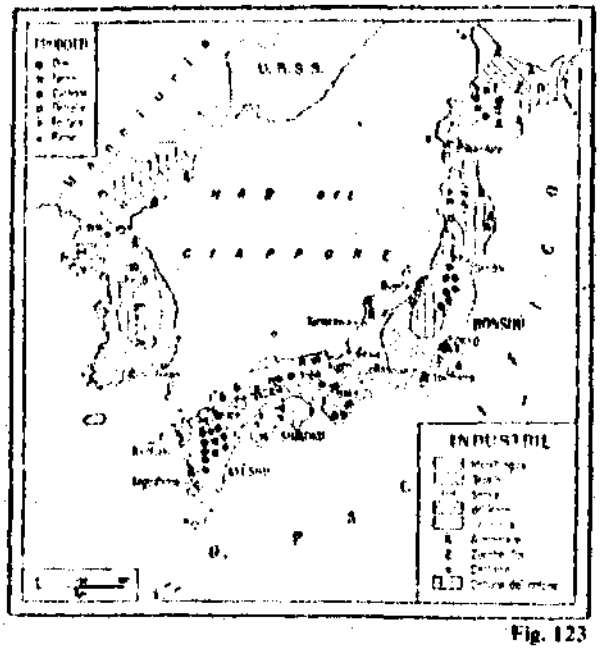


Fig. 123

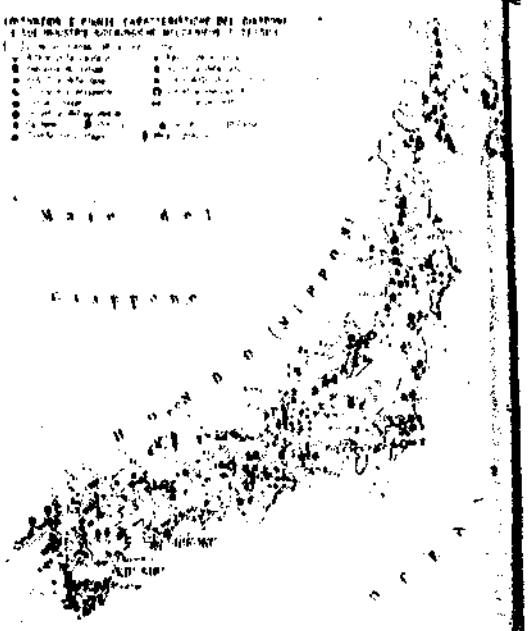


Fig. 124 (Italy)

Agricultural crops and industry. Though c... trees are still to be found in Shikoku and s... Kyushu, these are no longer used in the produ... camphor, which is produced synthetically no...

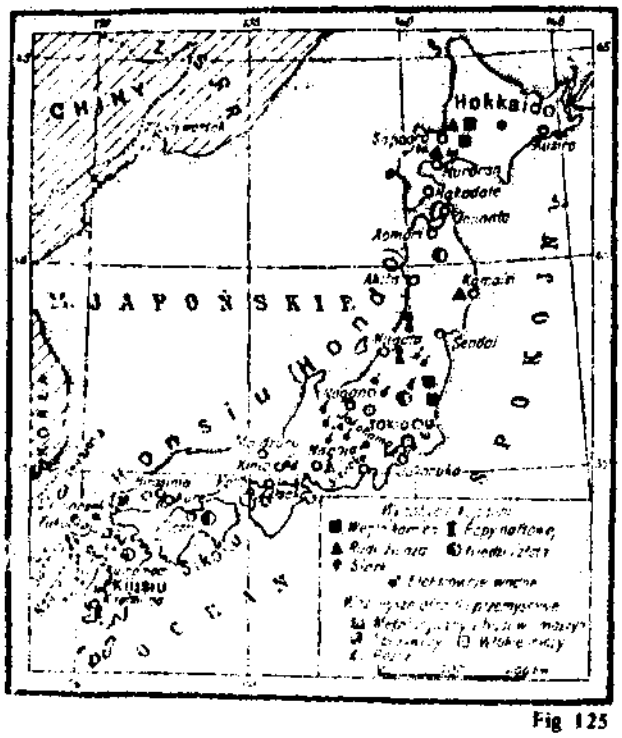


Fig. 125

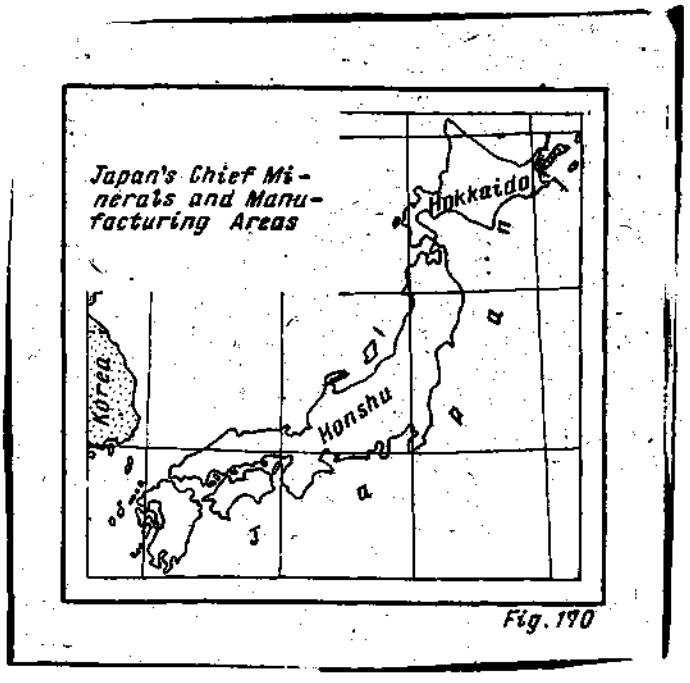
Fig. 126

Figs. 125–126 (Poland)

Both figures indicate both minerals (including coal, iron, sulphur, oil, copper and gold) and industries (metals, machinery, foods, textiles, etc.) **Fig. 125** includes many hydroelectric power plants in the central mountainous region of the country.

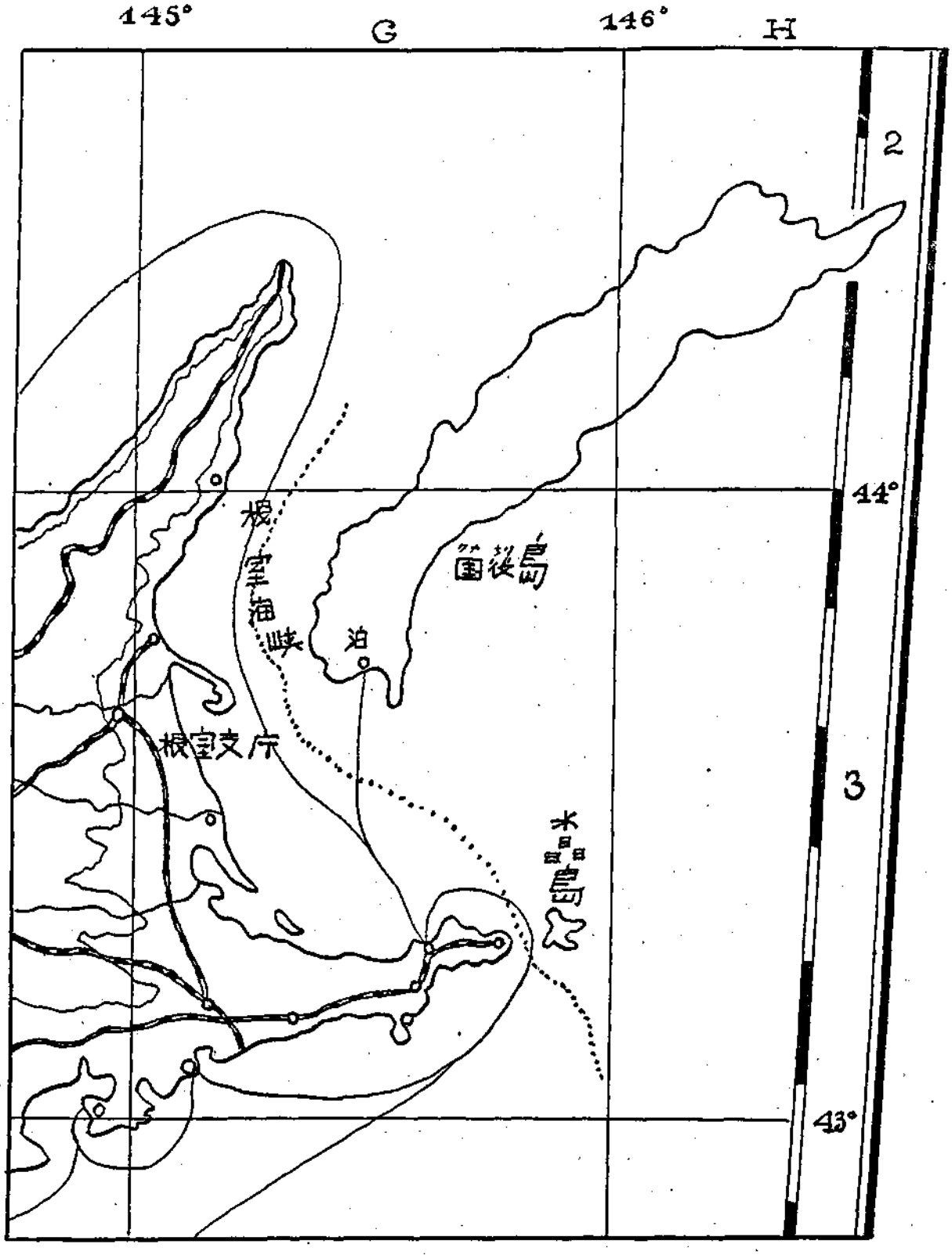
Южная часть Курильских о-вов обозначена как территория СССР.

№ 7.



Карта полезных ископаемых и промышленных районов Японии (США) с обозначением южной части Курильских островов (в том числе Малой Курильской гряды) за государственной границей Японии

изъята



Фрагмент карты района Хоккайдо из «Нового атласа по обществоведению для средней школы»
(Тюто сякайка синтидзутё)
изд. «Дайнихон юбэнкай коданся-хэн»
Одобрена Министерством просвещения Японии 10.X 1952г.
(Момбусё кэнтэйдзуми) Токио, 1952г.

мации, занимающегося анализом изучения Японии в различных странах мира с целью исправления допущенных в учебниках ошибок, на географических картах большинства стран мира Курильские острова и Южный Сахалин изображены как национальная территория Советского Союза.

На географических картах США (рис. 5,6) [238] Великобритании и Франции Южный Сахалин, острова Кунашир и Итуруп показаны как территория СССР, причем на некоторых картах Южный Сахалин, острова Кунашир и Итуруп отделены безусловной границей (рис. 7) а острова Хабомаи и остров Шикотан отделены от Японии условной границей (рис. 8). Такое же изображение встречается на картах ФРГ.

На географических картах Канады, Индонезии, Румынии, Югославии и Польши все Курильские острова и Южный Сахалин изображаются как территория СССР. Кроме того, на многих зарубежных картах Японии северные пределы ее территории ограничиваются островом Хоккайдо без изображения Курильских островов.

Таким образом судя по рассмотренным материалам международного общества, учебной информации на географических картах подавляющего большинства стран мира за некоторыми исключениями (острова Малой Курильской гряды), Курильские острова и южная часть острова Сахалин изображены как территория СССР.

Из этого следует, что попытки правящих кругов Японии представить южную часть Курильских островов как отдельную административную единицу, Южные Курилы (Минами Тисима), якобы не входящую в состав Курильских островов, являются несостоятельными как с точки зрения истории ее внутреннего законодательства об административном делении страны, которое получило отражение

в японской картографии после заключения Сан-Францисского мирного договора 1951 г., так и с точки зрения сложившихся в результате этого установок мировой картографии.

К вопросу об административном делении тесно примыкает и проблема репатриации японских граждан с Южного Сахалина и Курильских островов. "Репатриация из районов южных Курильских островов, а также островов Хабомаи и о.Шикотан, - пишет видный японский юрист-международник профессор Сигэки Миядзаки, - была осуществлена в соответствии с советско-американским соглашением и меморандумами. Фактически различий в характере репатриации в зависимости от районов не наблюдалось. В этот период южные Курильские острова, в том числе о-ва Малой Курильской гряды, вместе с северными средними Курильскими островами рассматривались как единое целое - Курильские острова (Тисима)".[239]

После подписания Сан-Францисского мирного договора японские власти стали принимать меры по окончательной натурализации японских граждан, репатриированных с территорий, которые Япония вынуждена была вернуть прежним владельцам. Департамент по гражданским делам Министерства юстиции Японии в связи с этим разослал на места специальное уведомление № 192 от 19 апреля 1952 г. В пункте 2 этого уведомления "О жителях Южного Сахалина и Курильских островов" говорится, что лица, имевшие первичную прописку в этих районах, не утрачивают японского подданства, но в соответствии с законом о постоянной прописке им подлежит пройти в метрополии процедуру новой постоянной прописки в связи с тем, что территории, на которых они проживали ранее, оказались за пределами Японии.[240]

Положения этого уведомления применительно к жителям южной части Курильских островов (не считая о-вов Хабомаи) действовали

без каких бы то ни было изъятий до середины ноября 1961 г., причем за это время процедуру оформления новой прописки, главным образом в связи с возможностью получить денежное пособие по репатриации, прошла основная часть жителей этих островов. Оформление новой прописки для бывших японских жителей Курильских островов с юридической точки зрения означает прекращение их связи с прежним местом жительства. Это обстоятельство имеет важное значение в связи с тем, что японские законы при отсутствии специальной оговорки обратной силы не имеют.

Однако почти через 10 лет после рассылки упомянутого выше уведомления японские власти приняли решение о сохранении прежней первичной прописки на этих островах с изменением лишь некоторых пунктов для небольшой группы лиц, которые еще не изменили ее при репатриации в метрополию на том "основании", что Курильские острова якобы являются исконной территорией Японии. В результате появилось новое циркулярное письмо-уведомление № 2559-41 директора департамента по гражданским делам министерства юстиции Японии директорам управлений юстиции и директору департамента по делам местных судебных органов (исходящий департамента по гражданским делам № А-2756 от 14 ноября 1961 г.) "Об оформлении изменений в прописке по постоянному месту жительства жителями Кунашира, Итурупа и Шикотана посредством направления заявления об изменении в некоторых пунктах прежней прописки на основе соответствующего Уведомления" (исходящий департамента по гражданским делам министерства юстиции № А-1583 от 18 июня 1949г.) Этот факт нельзя расценивать иначе как попытку японских властей пересмотреть итоги послевоенного мирного урегулирования по вопросу

о Курильских островах.

После второй мировой войны острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и острова Хабоман (так же как и все остальные Курильские острова и Южный Сахалин) по внутреннему законодательству Японии были исключены из системы налогообложения и не учитывались в государственном бюджете страны. Однако в конце 1960-х гг. японское правительство стало пересматривать свою позицию.

Бывшие жители Курильских островов и Южного Сахалина, японцы и айны, были приравнены к жителям Японских островов также и по внутреннему законодательству Японии об избирательном праве. Примечательно, что их статус коренным образом отличался от статуса жителей островов Окинава, а также от статуса жителей островов Огасавара, которые не пользовались правами выборов представителей в центральные законодательные органы власти метрополии, поскольку считалось, что Япония "обладает потенциальным суверенитетом над этими островами." [241] В отношении же Курильских островов и Южного Сахалина понятие потенциального суверенитета по этому законодательству не вводилось.

Согласно закону о выборах официальных лиц (§ 3 ст.9 гл.2) говорится о том, что подданные Японии, изменившие место жительства, по-прежнему пользуются активным и пассивным избирательным правом. Следовательно, исходя из того, что по международному праву суверенитет на ту или иную территорию принадлежит проживающему на ней населению, которое в данном случае перестало быть японским, можно сделать вывод, что внутреннее законодательство Японии об избирательном праве также подтверждает факт отказа от Курильских островов и Южного Сахалина и изъятия их японскими властями из состава национальной территории Японии. На языке международного права такая акция называется дереликцией. "Дереликция, пишет известный английский юрист профессор

Л.Оппенгейм, - происходит в результате того, что государство-собственник оставляет территорию с намерением покинуть ее навсегда и тем самым отказывается от всяких прав суверенитета над нею... Дереликция требует, во-первых, фактического оставления территории и, во-вторых, намерения отказаться от суверенитета. [242]

Изъятие из состава Японии Южного Сахалина и Курильских островов с прилегающими территориальными водами вытекает также из законодательства о морском промысле.

В действующем в настоящее время в Японии законе о специальных мерах в отношении лиц, которые в прошлом имели право на рыболовство в северных районах и т.п., № I62 от 30 октября I96I г. (ст.2) говорится, что "в данном законе в понятие "северные районы" включаются острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп", а конкретизация зоны, на которую распространяется действие законодательства о рыболовстве, дается в Правилах введения в действие указанного закона министерства земледелия и лесоводства от 9 декабря I96I г. с дополнениями и изменениями в соответствии с приказом № I тех же ведомств от 3 июля I965г.) От самих этих мер можно отвлечься, поскольку это не имеет отношения к теме настоящей работы. В ст.I вышеназванных правил говорится: "Акватория, устанавливаемая на основании приказа, соответствующего министерства в ст.2 Закона о специальных мерах в отношении лиц, которые в прошлом имели право на рыболовство в северных районах и т.п., охватывает воды Тихого океана, прилегающие к берегам северных районов от прямой линии, соединяющей точку 46°с.ш. I47° в.д. с точкой $43^{\circ}45'$ с.ш. $145^{\circ}15'$ в.д. и эту точку с центром прямой линии от маяка на мысе Весловский (Кэрамуй) на о-ве Кунашир до маяка г.Нэмуро на о-ве Хоккайдо на

мысе Носаппу и далее от этой точки прибрежные воды к востоку от этого острова до линии, соединяющей центр воображаемой линии между указанным маяком и маяком на о-ве Сигнальный (о-в Кайгара) с точкой 43° с.ш. [243]

Иначе говоря, по внутреннему законодательству Японии территориальные воды, прилегающие к южной части Курильских островов и Южного Сахалина, а в настоящее время под его действие не подпадают.

"Мне хотелось бы указать, - пишет по этому поводу специалист по территориальному вопросу Р.Окума, - на то, что в последнее время дается обращающее на себя внимание юридическое толкование так называемого вопроса о "северных территориях", в особенности вопроса об островах Кунашир и Итуруп, имеющих географическое название "Южные Курилы"...Так, 29 марта 1968 г. в связи с так называемым инцидентом с рыболовным судном "Китадзима-мару" [244] по вопросу о том, распространяется ли суверенитет Японии на о.Кунашир, окружной суд г.Кусиро (о.Хоккайдо) вынес обвиняемым в незаконном морском промысле оправдательный приговор, в котором говорилось о том, что "внутреннее законодательство (Закон о рыболовстве) не может быть применено к тем районам, на которые Япония не распространяется." [24]

Заключение адвокатов по этому вопросу сводилось к следующему. Япония приняла Потсдамскую декларацию, Акт о капитуляции, Общий приказ № Верховного командующего союзных держав в Японии, где говорилось о капитуляции японской армии перед советскими войсками на Южном Сахалине и всех Курильских островах, директивы Верховного главнокомандующего № 677 об отделении

от Японии всех Курильских сотровов, отказалась от Курильских остров по Сан-Францисскому мирному договору, без разделения их на северную и южную части, согласилась изъять из Совместной декларации Японии и СССР фразу о неразрешенном территориальном вопросе и признала по этому документу о-ва Хабомаи и Шикотан находящимися под юрисдикцией СССР. Отказ же Советского Союза от подписания Сан-Францисского мирного договора не означает какой-либо юридической ответственности в отношении будущего Курильских островов и Сахалина, ибо, согласно нормам права, сторонам, не участвующим в договоре, он не приносит ни выгод, ни ущерба, то есть в отношении их прав и обязанности сохраняется статус-кво. Вот почему решения союзных держав о передаче под контроль СССР также и южной части Курильских островов, в том числе островов Малой Курильской гряды до заключения советско-японского мирного договора, остаются в силе.

И хотя I9 декабря I968 г. суд высшей инстанции префектуры Хоккайдо в г.Саппоро пересмотрел это дело и под предлогом универсального характера действия основного закона о рыболовстве безотносительно к какому-либо району вынес подсудимому С.Китадзима обвинительный приговор в дальнейшем в судебной практике японских судов - приговор окружного суда г.Кусиро от 2I апреля I969 года, суда высшей инстанции, например [redacted] суда в г.Саппоро от 6 ноября I969 года, а также Верховного суда от 2I апреля I97I года, несмотря на протесты МИД Японии, утвердилась точка зрения японских юристов-международников, что на пограничный с Японией о-в Кунашир не распространяется внутреннее законодательство и что этими островами Советский Союз "управляет как своим владением" в соответствии с международными соглашениями. Эти прецеденты имеют важное значение и для утверждения статуса в качестве территорий СССР как всех остальных о-вов большой Курильской гряды, так и Южного Сахалина.

Пытаясь опровергнуть обоснованность упомянутого выше решения суда в г.Кусиро профессор международного права К.Тамура утверждал, что в данном случае судебные власти Японии руководствовались якобы внутренним законодательством СССР о включении всех Курильских островов и Южного Сахалина в состав Советкого Союза, а внутреннее закодательство не может, дескать, перекрывать сферу действия международно-правовых актов. Но в документах упомянутого суда на передний план выдвигается как раз международно-правовой аспект вопроса, а присоединение указанных территорий к СССР как следствие этих актов играет в системе доказательств сугубо подчиненную роль.

Что касается восстановления прав Советского Союза на Курильские острова и Южный Сахалин, которые США и их сторонники отказались зафиксировать в Сан-Францисском мирном договоре, то здесь необходимо также учитывать складывающуюся новую норму международного права, в соответствии с которой договор может быть видоизменен в ходе его осуществления на практике, в особенности с учетом имеющих место прецедентов.

Так, I5 июня I962 г. Международный суд ООН по спору между Камбоджей и Таиландом о прохождении границы в районе храма Прех Биехар принял решение, что поскольку в течение длительного срока стороны на практике признавали иное, чем то, содержится в соответствующем камбоджийско-таиландском договоре, то ддговор в результате этого был изменен в силу международного обычая.[246]

В результате такого развития действующих правовых норм в I966 г. Комиссия международного права ООН в проекте статей по праву договоров в ст.38 сформулировала следующий пункт:"Договор может быть изменен последующей практикой его применения, устанавливающей соглашений сторон об изменении его положения.[247]

Из этого следует, что международно-правовая практика внесла коррективы в Сан-Францисский мирный договор I95I г., дополняя и

и уточняя содержащиеся в нем положения, касающиеся отказа Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, что находится в полном соответствии с принципами международного права.

Однако, если в середине 50-х г.г., несмотря на навязанный Японии в условиях фактической оккупации страны с I95I г. "договор безопасности", ее правительство взяло курс на нормализацию отношений с СССР и другими социалистическими странами и проведение более независимой политики по отношению к США, то к началу 60-х гг. пребывание иностранных вооруженных сил на ее территории было закреплено на длительный срок с его согласия.[248] Оно сознательно пошло на сколачивание военно-политического союза с США и милитаризацию страны, что создавало новую, опасную для безопасности СССР ситуацию.

x x
x

В последние годы в японской научной литературе и периодической печати все чаще поднимается вопрос о том, что вследствие политики, проводимой Советским Союзом в отношении мирного урегулирования с Японией после второй мировой войны, территориальная проблема остается до конца не разрешенной. В связи с тем,что со стороны официальных кругов Японии в ходе провозглашенного в Токио курса "окончательное подведение итогов послевоенного периода" предпринимаются попытки пересмотреть ее результаты, достигнутые в освободительной борьбе народов против японского милитаризма, возникает потребность проанализировать эти попытки с точки зрения норм и принципов современного международного права, которое нашло свое воплощение прежде всего в Уставе Организации Объединенных Наций, с учетом попыток Токио пересмотреть некоторые его статьи, направленные против бывших вражеских государств.

На февральском Пленуме ЦК КПСС I988 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев обратил внимание на то, что необходимы соответствующие правовые процедуры, которые бы серьезно уменьшили, а то

и свели бы на нет элемент случайности в решении важнейших политических, государственных вопросов.[249]

Известно, что в ст.3 Совместной декларации СССР и Японии I956 г. указывается следующее: "Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций."[250]

Это означает, что и Япония взяла на себя недвусмысленное обязательство соблюдать все статьи Устава ООН, как в силу упомянутых международных документов, так и вследствие того, что она является членам Организации Объединенных Наций.

В связи с этим обращает на себя внимание ст.I07 Устава ООН, имеющая прямое отношение к международным соглашениям периода второй мировой войны и после ее окончания, заключенными союзниками по борьбе против "держав оси", в том числе Каирской декларации I943г., Крымскому (Ялтинскому) соглашению по вопросам Дальнего Востока I945 г. и Потсдамской декларации в отношении Японии I945 г. По этой статье Устава ООН, как уже упоминалось, сохраняется юридическая сила действий, "предпринятых и санкционированных в результате второй мировой войны" правительствами, несущими ответственность за такие действия в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств подписавших Устав ООН."[25I]

Действия, предпринятые и санкционированные, в своем официальном толковании ст.I07 Устава ООН 3-й комитет учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско в I945 г. в докладе Ш-й комиссии (по главе XII Устава ООН) этой конференции определил не только как односторонние действия союзных государств, но и как предполагающие обусловленную ответственность других государств, в том числе "держав оси" Берлин - Рим - Токио. "Было бы

невозможно, - указывается в упомянутом документе, - ограничить эти действия, предпринятыми и санкционированными в результате заключения перемирия, мирного договора или совместной декларации подобной Московской декларации (1943 г.), поскольку ответственность может быть возложена на государство, которое не является участником этих действий."[252]

Однако положение Сан-Францисского мирного договора 1951 г. о территориальном урегулировании с Японией оказались в противоречии с Каирской декларацией 1943 г. Ялтинским соглашением и Потсдамской декларацией 1945 г.

По Ялтинскому соглашению СССР, США и Великобритании к Советскому Союзу, как известно, отходили южная часть о.Сахалин со всеми прилегающими островами и Курильские острова,[253] а по Каирской[254] и Потсдамской декларациям[255] США и Великобритании с Китаем ему возвращались, помимо Маньчжурии, Тайвань (Формоза) и Пескадорские острова (Пэнхуледао).[255]

В ст.2 Сан-Францисского мирного договора Японии хотя и отказалась от всех прав, правооснований и претензий на упомянутые районы, но при этом права Советского Союза на соответствующие территории, вопреки Ялтинскому соглашению, в этом документе зафиксированы не были.[256]

Возражая против этих положений, которые содержались в проекте договора, глава советской делегации на Сан-Францисской конференции в сентябре 1951 г. А.А.Громыко подчеркнул их несовместимость с решениями союзников, принятыми в Каире, Ялте и Потсдаме и потребовал внести в текст договора соответствубщие изменения.[257]

Выступая на той же конференции Глава делегации США Дж.Даллес заявил, что договоренность между союзными государствами якобы не обязательна для Японии, а также для других союзных государств, не являющихся участниками соглашений периода второй мировой войны.[25

Но вступление Японии и КНР в ООН, которое произошло после заключения этого договора, накладывает на эти государства в силу Устава ООН дополнительные обязательства.

Важно иметь в виду, что при возникновении противоречия между обязательствами по Уставу ООН и обязательствами по другим международным соглашениям приоритет должен отдаваться Уставу ООН. Это необходимо учитывать в политике по отношению к Японии при рассмотрении коллизии между упомянутыми положениями союзнических соглашений по мирному урегулированию с Японией периода второй мировой войны и положениями Сан-Францисского мирного договора I95I г.

На этот счет ст.I03 Устава ООН недвусмысленно указывает, что "в том случае, если обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу".[259]

Какую же позицию занимает по этим вопросам Япония?

Подход к этому вопросу Токио является не однозначным, разным в различные периоды послевоенной истории.

В конце I956 г. Япония была принята в ООН, разумеется, на условиях соблюдения ею Устава этой организации, но уже с I957 г., когда состоялась XII сессия ее Генеральной Ассамблеи, правительство Японии стало выступать за пересмотр Устава ООН.

Начиная с I970 г., когда Япония по своему валовому национальному продукту вышла на второе место в капиталистическом мире, и ее претензии на постоянное членство в Совете Безопасности и пересмотр Устава ООН приобрели откровенный и весьма активный характер.

Выступая в I970 г. на XXУ сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной четвертьвековому юбилею этой организации, министр иностранных дел Японии К.Айти заявил о необходимости исключить из Устава ООН статью 53 и статью I07. Особое неудовольствие

японского представителя вызвала ст.53 (пункты I и 2), в которой указывается, что, даже без полномочий Совета Безопасности, в соответствии со ст.107, допускаются принудительные действия "против любого вражеского государства, как оно определено в пункте 2 настоящей статьи,"[260] или применение мер, предусмотренных в региональных соглашениях, направленных против возобновления агрессивной политики со стороны любого такого государства до того времени, когда на Организацию (Объединенных Наций. - К.Ч.) по просьбе заинтересованных правительств, может быть возложена ответственность, за предупреждение дальнейшей агрессии со стороны такого государства." [261]

Предусмотренные Уставом ООН меры против возобновления агрессивной политики "держав оси" в речи главы внешнеполитического ведомства Японии были названы "мусором второй мировой войны".[262]

Стремясь к аннулированию этих статей, официальные круги Токио одновременно преследовали цель лишить юридической обоснованности с точки зрения Устава ООН советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г.[263] Задача противодействия улучшению советско-китайских отношений на основе попыток отменить упомянутые статьи Устава ООН сохраняется в политике Токио в отношении этой организации и в настоящее время.

К достижению той же цели - пересмотру "неугодных" для Токио статей Устава ООН были направлены и усилия японских представителей по расширению состава постоянных органов и Секретариата ООН.[264]

В 1973 г. представители группы государств во главе с Японией и Италией предприняли активные меры для того, чтобы добиться одобрения Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о создании специального комитета по пересмотру Устава ООН.

В результате этого при активном участии Японии были учреждены специальный комитет по Уставу ООН и усилению роли этой организации, а также комитет по ее реформе.[265] С этих позиций представители Японии в ООН выступали и в дальнейшем.

После этого борьба за пересмотр Устава ООН вспыхнула с новой силой.

Так, в 1977 г., выступая на XXXП сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Японии Ситиро Хатояма заявил: "Необходимо осуществлять непрерывное рассмотрение структуры и функций ООН. За 32 года, прошедших со времени создания этой организации, произошли большие изменения в той роли, какую играет каждое государство в международных отношениях. Я надеюсь, что с учетом вопроса о пересмотре Устава ООН ее деятельность в тех областях, в которых она осуществляется, принесет позитивные результаты, отражающие указанные реальности".[266]

В 1981 г. на XXXУI сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел С.Сонода заявил, что по Сан-Францисскому договору 1951 г. Япония не отказывалась от островов Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан. Министр иностранных дел Японии стал ратовать за "пересмотр роли ООН" с целью возрождения функций этой организации на основе возвращения государств членов ООН к тому духу, который был провозглашен при ее создании, что позволило бы разрешить стоящие перед ними проблемы.[267]

В 1985 г. специальный комитет по Уставу ООН одобрил заявление, в котором подтверждалась действенность и жизненность Устава ООН, его целей и принципов.[268] Несмотря на это, в 1986 г. представители Японии, ФРГ, Италии и некоторых других капиталистических государств попытались добиться одобрения своих предложений об узкой трактовке вопроса о роли ООН в поддержании мира.[269]

Однако усилиями представителей социалистических и развивающихся стран эти предложения были отклонены как расходящиеся с принципами Устава ООН.

С 9 по 27 февраля 1987 г. Специальный комитет по Уставу ООН, в состав которого входят 47 государств-членов, в том числе Япония, провел свои заседания в центральных учреждениях ООН. Важным для нашей темы является то, что по рекомендации ее Генеральной Ассамблеи, на сессии этого комитета в 1987 г. был рассмотрен в качестве первоочередного вопрос о поддержании международного мира и безопасности во всех его аспектах о тем, чтобы усилить роль ООН, в частности Совета Безопасности, и предоставить ей возможность в полной мере выполнять свои обязанности по Уставу ООН в этой области и предпринять шаги в целях предоставления своих выводов Ассамблее с учетом важности достижения общего согласия во всех случаях, когда это имеет значение для итогов его работы.[270]

В феврале 1988 г. на очередной сессии специального комитета по Уставу ООН рассмотрение этого вопроса во всех его аспектах, т.е. применительно ко всем статьям Устава, где он затрагивается, было продолжено.[271]

Попытки пересмотреть упомянутые статьи Устава ООН, по крайней мере, отмежеваться от них, предпринимались правящими кругами Японии для того, чтобы перейти в процессе "окончательного подведения итогов послевоенного периода", так сказать, со свободными руками к фронтальной атаке на Крымское (Ялтинское) соглашение трех великих держав СССР, США и Великобритании 1945 г. по вопросам Дальнего Востока.

Так, игнорируя тот факт, что, согласно нормам современного международного права, в том числе принципам Устава ООН, на

агрессора возлагается ответственность, независимо от того, заключил ли он с государствами - жертвами агрессии то или иное соглашение или договор, премьер-министр Японии Я.Накасонэ в ходе прений в японском парламенте после завершения визита в Японии министра иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе в конце января 1986 г. заявил: "Мы не связаны Ялтинским соглашением. Поэтому наша позиция по отношению к Курильским островам (Тисима) заключается в том, что Южные Курилы (Минами Тисима) - исторически японская территория".[272]

В связи с этим обращает на себя внимание, что в Совместном заявлении правительства Японии и КНР, "Правительство Японии"... поддерживает свою готовность соблюдать решения статьи 8 Потсдамской декларации".[273]

Указанное положение находится в противоречии с условиями Сан-Францисского договора в отношении прав СССР на Южный Сахалин и все Курильские острова, которые этим договором также не предусматриваются, хотя статья 8 Потсдамской декларации не может быть объяснено без учета Ялтинского соглашения.

Это вытекает из того, что суверенитет Японии по этой статье Потсдамской декларации ограничивается четырьмя главными островами и теми менее крупными, чем эти четыре острова, ее островами, лежащими вне их пределов, которые указаны союзниками и по инструкции президента США Г.Трумэна Верховному Главнокомандующему союзных держав в Японии от 22 сентября 1945 г., "в соответствии с Каирской декларацией и другими соглашениями, участниками которых являются или могут стать США"[274], т.е. и Ялтинского соглашения 1945г. эта инструкция представляла собой заявление о генеральной линии политики США, но не была предъявлена МИД Японии для исполнения.

Противоречивым является и определение союзных государств - партнеров Японии по договорам и соглашениям, в которых решаются вопросы мирного урегулирования после второй мировой войны.

Так, в Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г., подпадающем под действие статей 53 и 107 Устава ООН, Советский Союз определяется как союзное государство наряду с США, Китаем и Великобританией, и указывается, что таковыми они будут именоваться и впоследствии.[275] Однако по условиям статьи 25 Сан-Францисского мирного договора 1951 г. к союзным государствам отнесены не все государства, находившиеся в состоянии войны с Японией, а только те из них, которые подписали и ратифицировали упомянутый договор. В частности, из их числа был исключен Советский Союз.

В соответствии с нормами современного международного права, договора и соглашения, касающиеся государства-агрессора, каковым Япония была признана в отношении СССР, должны предусматривать ответственность таких государств в отношении государств, которые стали объектами их агрессии и агрессивной политики, независимо от того, подписали ли они тот или иной международно-правовой документ.

Но японская сторона считает недействительными для нее территориальные статьи Ялтинского соглашения 1945 г., а для Советского Союза и Китая - Сан-Францисского мирного договора 1951 г. в той части, в какой они совпадают с союзническими соглашениями по этому вопросу периода второй мировой войны, на том основании, что эта ответственность не была возложена на нее в форме изъятия каких-либо территорий в пользу СССР по Акту о капитуляции Японии в 1945 г.

С другой стороны, как известно, способы прекращения действия договоров и соглашений делятся на правомерные и неправомерные. Правомерные базируются на положениях, либо содержащихся в самих договорах и соглашениях, либо находящихся в соответствии с принципами международного права. Неправомерные вступают в коллизию с условиями договоров и соглашений, а также с принципами международного права, в том числе закрепленными в Уставе ООН. Поэтому договор, идущий вразрез с правами и интересами третьих государств, должен рассматри-

ваться как недействительный.[276]

Все это имеет прямое отношение к союзническим отношениям периода второй мировой войны в отношении мирного урегулирования на Дальнем Востоке, в которых не предусмотрены условия прекращения их действий и которые никем не расторгались. Это относится также к Сан-Францисскому мирному договору с Японией 1951 г., в котором условия Ялтинского соглашения соблюдены в отношении отказа Японии от Южного Сахалина и Курил, но не учтены в отношении прав на них СССР.

По мнению многих юристов, приведенные выше ст.103 Устава ООН содержит императивную норму (*jus cogens*), ставящую его положения, в частности содержащиеся в ст.107, выше положений договоров и соглашений, которые расходятся с нею.

Правда, в ст.103 Устава ООН не утверждается, что все, хотя бы не-явно противоречащие ей договоры и соглашения теряют свою силу и становятся недействительными автоматически.[277]

Как видно на примере упомянутых договоров и соглашений, вряд ли можно безоговорочно принять точку зрения тех ученых, которые считают, что ст.103 Устава ООН делает подобные договоры и соглашения или, по крайней мере, их некоторые положения, практически неисполнимыми,[278] поскольку они на самом деле уже претворены в реальную политику ведущих государств Запада и Японии на Дальнем Востоке. Однако Устав ООН дает СССР важный правовой инструмент при отстаивании своей позиции на переговорах с Токио.

Для реализации соглашений о послевоенном территориальном урегулировании между СССР и Японией серьезным юридическим препятствием являются условия ст.26 Сан-Францисского договора 1951 г.

Эта статья договора гласит: "С любым государством, которое подписало Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединилось к ней и которое находится в состоянии войны с Японией,

или любым государством, которое раньше составляло часть государства, указанного в ст.23, и не является стороной, подписавшей настоящий договор, Япония будет готова заключить двусторонний мирный договор на тех же или в основном на тех же условиях, которые предусмотрены в настоящем Договоре, но это обстоятельство со стороны Японии истечет через три года после первого вступления в силу настоящего Договора. В случае, если Япония договорится о мирном урегулировании или о регулировании военных претензий с каким-либо государством, предоставляющим этому государству большие преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим Договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего Договора.[279]

Между Советским Союзом и Японией ссылка на эту статью государственного секретаря США Дж.Даллеса в июле 1956 г. в ходе японо-советских переговоров о заключении мирного договора помешала министру иностранных дел Японии М.Сигэмицу подписать его, уступив СССР Южный Сахалин и Курильские острова (кроме Малой Курильской гряды), так как первый из них заявил, что в этом случае Вашингтон потребует для себя аналогичных прав в отношении островов Рюкю.[280]

В связи с отказом Японии от всех прав, правооснований и претензий на южную часть Сахалина с прилегающими островами и Курильские острова, ее претензии на некоторые из них даже со ссылкой на Сан-Францисский договор не подкрепляются с международно-правовой точки зрения.

"...В отличие от многих японцев, - пишет японский политолог международник, профессор Токийского университета Ё.Сакамото, - я не убежден в международной значимости аргументов, которые правительство выдвигает в отношении возвращения северных территорий. Одна из проблем заключается в том, что Япония отказалась от всех прав на Курильские острова, и два из упомянутых островов (о.Кунашир и о.Итуруп - К.Ч.), несомнено, представляют собой часть этой гряды

в соответствии с Сан-Францисским мирным договором, заключенным после второй мировой войны. В договоре нигде не подтверждается, что эти два острова на самом деле составляют Южные Курилы и что поэтому они не входят в понятие "Курильские острова", от которых был произведен отказ."[281]

Несмотря на отсутствие в тексте Сан-Францисского договора 1951 г. определения "Южных Курил", 7 сентября 1956 г. государственный департамент США направил правительству Японии памятную записку, в которой утверждалось, что вопрос о судьбе территорий, от которых она отказалась по этому договору "подлежит разрешению международными средствами, иными, чем настоящий договор."[282]

Что представляют собой эти международные средства остается не вполне ясным. По этому поводу в первоначальном американском проекте Сан-Францисского мирного договора с Японией предлагалось статус Южного Сахалина и Курил передать для определения его в будущем Великобритании, Советскому Союзу, Китаю и США, а в случае, если их статус не будет определён в течение одного года после вступления в силу договора, определить его на Генеральной Ассамблее ООН.[283] Эта процедура, если не считать отсутствие упоминания об отказе Японии от упомянутых территорий, совпадает с той, которая зафиксирована в мирном договоре с Италией 1947 г. Но в отличие от договора с Италией, в отношении вопросов мирного урегулирования с Японией уже имелись межсоюзнические соглашения военного времени, которые, по мнению некоторых японских юристов, играют роль прелиминарного мирного договора, что поставило США в неблагоприятное положение.[284] и вынудило пойти, хотя бы формально на фиксацию в мирном договоре с Японией отказа от упомянутых территорий. При этом, однако, была сделана оговорка, что условия Каирской декларации нельзя точно выполнить из-за раскола Китая, а условия Ялтинского соглашения- выполнять

не обязательно, так как оно носит предварительный характер, и окончательное решение могло бы быть принято, согласно Потсдамской декларации, союзниками только на конференции по заключению мирного договора с Японией.

Это положение американская сторона аргументировала тем, что по Акту о капитуляции Японии 1945 г. ее юрисдикцию можно было ограничивать на основе относящихся не только к прошлому, но и к будущему указаний союзных держав в лице верховного командующего их войсками в Японии, и затем окончательно изъять исключенные таким образом из-под ее юрисдикции территории из состава Японии по мирному договору в полном соответствии с соглашениями военного времени и вытекающим из этих документов условиями ее капитуляции.

Отнесенность этих указаний к периоду оккупации Японии вытекает из той части Акта о капитуляции, где говорится о том, что все официальные лица Японии "должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которыеглавнокамандующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции".[285]

Что касается "международных средств разрешения территориального вопроса", в той форме, в какой он сформулирован в тексте Сан-Францисского договора, то территории, от которых Япония отказалась по этому документу, являются, по мнению одних японских юристов, "ничейными", а по мнению других, – они представляют собой кондоминиум государств, подписавших мирный договор с Японией в 1951 г. или в течение трех лет со времени вступления его в силу. При этом их окончательный статус может быть определен на международной конференции представителей упомянутых государств с участием СССР.

Другой способ разрешения вопроса о принадлежности части Курильских островов предложил на конференции в Сан-Франциско глава делегации США Дж.Даллес, Высказав мнение, что острова Хабомаи (Плоские) из Малой Курильской гряды не входят в состав Курил, он

предложил в случае, если другие не согласны с ним, передать этот вопрос на рассмотрение Международного суда.

Этот замысел отчасти был реализован Вашингтоном в связи с нарушением американским самолетом воздушного пространства СССР в районе Плоских островов (по-японски Хабомаи), входящих в Малую Курильскую гряду, который имел место 7 октября I952 г. США уже подавали жалобу в Международный суд ООН по этому вопросу. Они мотивировали протест против пресечения ВВС Советского Союза полета американского самолета, в частности тем, что Япония по упомянутому договору не отказалась от суверенитета над этой территорией, а права СССР на все Курильские острова и Южный Сахалин при ратификации договора не были признаны Сенатом США.[288]

В последующие годы аппеляция к международному суду с целью окончательного решения этого вопроса рассматривалась и японскими учеными, например профессором Киотосского университета "Сангё дайгаку" Хидэдзиро Котани.[289]

Связанное с условиями Сан-Францисского договора I95I г. неупоминание Южного Сахалина и Курильских островов в Совместной декларации СССР и Японии о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений позволило Японии формально обойти рассмотренное препятствие. Однако это обстоятельство отнюдь не укрепило юридической позиции Советского Союза в отношении этих территорий, не говоря уж о том, что в текст Декларации Малая Курильская гряда, которую советская сторона пообещала передать Японии после заключения мирного договора, была включена не как часть Курильских островов, а под японскими названиями Сикотан и Хабомаи, и поэтому положения ст.2 и ст.26 Сан-Францисского договора на них, с точки зрения японской стороны, не распространялись.

Из этого следует, что до тех пор, пока будет действовать этот договор, противоречащий Уставу ООН, Япония даже если бы она

того пожелала, не сможет заключить с Советским Союзом мирный договор ни на основе признания существующих реальностей, если под ними подразумевать отказ Токио от территориальных претензий, ибо от прав на изъятие у нее территории Япония уже отказалась, ни на каких-либо иных условиях, существенно отличающихся от положений Сан-Францисского договора.

Выход из созданной в результате конфронтации ведущих держав коллизии международно-правовых норм необходимо будет искать главным образом на пути политических решений, ориентированных в конечном счете на Устав ООН.

Однако в интересах укрепления международного мира и безопасности и усиления роли СССР на международной арене необходимо, на наш взгляд, перенести в нашей политике в отношении Японии акцент с практически неосуществимых предложений о заключении мирного договора на основе признания существующих реальностей или договора о добрососедстве с Японией на предложение о подготовке мирного договора на основе подтверждения сторонами согласующегося с Совместной деклрацией СССР и Японии 1956 г. положения о соблюдении Устава ООН статей 2 и 5 Сан-Францисского мирного договора 1951 г., по которым Япония приняла на себя обязательства оказывать ООН "всемерную помощь во всех действиях (подчеркнуто автором. -К.Ч.), предпринимаемых ею в соответствии с Уставом ООН".[290]

Последнее обстоятельство имеет значение, так как в ст.26 упомянутого договора предусмотрена готовность Японии, правда, юридически обязательная только в течение трехлетнего периода, заключить на тех же условиях двусторонние договоры с теми государствами, с которыми оно находилось в состоянии войны, которые не подписали Сан-Францисский мирный договор. При этом для того, чтобы повысить вероятность согласия Японии на заключение такого договора было бы целесообразно рассмотреть вопрос об использовании в его проекте приемлемых положений

Договора о мире и дружбе между Японией и КНР 1978 г. и Совместного заявления правительства Японии и правительства КНР 1972 г., в частности ст.3, в которой подтверждается готовность соблюдать решения ст.8 Потсдамской деклрации.

Выводы

1. Изучение японской историографии свидетельствует о несостоятельности попыток японских ученых доказать "исторические права" Японии на Курильские острова и остров Сахалин, позволяет показать искусственный характер концепции "исконной принадлежности" этому государству "северных территорий".

2. Анализ фактов, содержащихся в работах в различных по своим взглядам японских историков, свидетельствует о непоследовательности их теоретических построениях и подборе исторического материала вводимого в научный оборот.

3. Исследования современной японской буржуазной историографии позволяет выявить характер ее исходных установок, совпадающих с устремлениями правящих кругов Токио, ратующих "за возвращение северных территорий".

4. Современная западная историография формирования русско-японской границы, в отличие от историографии прошлого, за некоторыми исключениями пытается своей аргументацией теоретически подкрепить /———/ стратегию Токио в вопросе о территориальном урегулировании после второй мировой войны.

5. Русская дореволюционная историография создала существенные предпосылки для подлино научного исследования процесса формирования границ России с Японией, но не в полной мере выявила роль народов России в освоении ее рубежей в районах, прилегающих к Японии.

Дальше других в изучении истории освоения районов, граничащих с Японией, продвинулись русские ученые, связанные с революционно-демократической традицией. Они подвергли критике ошибки и просчеты в дальневосточной политике царского правительства.

6. Советские ученые дают высокую оценку достижениям русских землепроходцев и мореплавателей в открытии, изучении, хозяйственно-культурном освоении Сахалина и Курильских островов, прогрессивной роли русской народной колонизации. Однако на их исследования накладывал отпечаток конфронтационный подход к проблеме формирования границ России и СССР с Японией, что нередко не позволяло в прошлом достаточно объективно излагать историю вопроса.

Однако в трудах советских ученых не проводилось специального исследования данной проблематики на всем протяжении истории двусторонних отношений. Это делает актуальным рассмотрение ее в следующих главах настоящей работы.

ГЛАВА П. ЯПОНИЯ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ

I. Предпосылки территориального размежевания между Россией и Японией

Правящие круги Японии, выступая с территориальными претензиями к СССР утверждают, что, поскольку проживающие в настоящее время на Хоккайдо японские подданные - айны обитали не только на Хоккайдо, но и на Курильских о-вах и на о.Сахалине, данные территории с этнической и исторический точек зрения являются исконными территориями Японии. Проводится также мысль о том, что предки современных народов советского Дальнего Востока (нивхи, ороки и др.) стали переселяться на острова Охотского моря лишь начиная с XУП века, в связи с появлением в Приамурье русских переселенцев[I].

Ниже мы постараемся показать несостоятельность этих утверждений с точки зрения последних археологических находок и данных этнографии.

Вопрос об этнической принадлежности первоначальных обитателей Сахалина и Курильских о-вов является весьма сложным. Однако известно, что древними обитателями этих районов были не только предки современных айнов, но и поселившиеся здесь еще ранее древние нивхи, которые по мере продвижения в этот регион смешивались с тихоокеанскими монголоидами. Миграцией предков этих племен из внутренних районов континентальной Азии, куда проникали кавказоиды, объясняется, в частности, тот факт, что у айнов, как отмечает В.П.Алексеев, сохранились "европеоидные признаки в строении лица и в пальцевых и ладонных узорах"[2].

Важным признаком этнической общности являются также основные орудия труда. В эпоху мезолита и в поздний период докерамических культур (I3-I0 тыс.лет до н.э.) на о.Хоккайдо и в северной части о.Хонсю употреблялись ударные каменные орудия типа верхоленских и режущие клиновидные орудия гобийского типа. Сопоставление культуры

пластин в мезолите на территории Японии с культурами докерамического периода на Камчатке, в Приморье, в Забайкалье и Восточной Монголии[3] свидетельствует о том, что её носителями были выходцы из степных районов Центральной Азии. Здесь в начале П тыс.до н.э. происходило смешение древних европеоидов, носителей окуневской культуры (Хакасия, Западная Тува и Западная Монголия), с монголоидами (Восточная Монголия, Внутренняя Монголия и т.д.), причем, судя по керамике, миграция европеоидов на восток в эпоху неолита и бронзы (середина I тысячелетия до н.э.) достигает, по меньшей мере, Внутренней Монголии[4].

Не противоречат закону динамики границ расовых ареалов и закону постоянства самих этих ареалов находок в погребениях на стоянке Онкороманай (Северный Хоккайдо) и на аналогичной Сусуйской стоянке (Сахалин), где обитали носители более поздней, охотской (палеоазиатской, древненивхской в своей основе) культуры I тысячелетия до н.э.[5]. По антропометрическим данным они занимают промежуточное положение между древними европеоидами с массивными черепами, сильным подбородком и резкими чертами лица - носителями андроновской и афанасьевской культур Прибайкалья (I500-I200 лет до н.э.), с одной стороны, и айнами, нивхами и протояпонцами - с другой[6].

Что касается Курильских о-вов, и особенно их южной группы, то в находимых здесь каменных орудиях преобладают черты, общие с неолитической культурой Сахалина, Приморья, западного побережья Охотского моря и Камчатки, а в керамике - ряд черт, общих с неолитом Японских островов, хотя влияние периода среднего дзёмона (2,5-I,5 тыс.лет до н.э.)на его заключительном этапе и на начальном этапе позднего дзёмона (I500-500 лет до н.э.) не являлось определяющим[7]. До носителей охотской культуры в конце П - начале I тыс. до н.э. здесь обитали представители другой неолитической культуры, у которых обычаи древних жителей степной зоны континентальной Азии, в то

числе и европеоидов, были выражены более отчетливо[8]. В своих захоронениях они помещали умерших головой на восток, тогда как у древних айнов на юге Хоккайдо[9], так же как и у палеонивхов и обитателей указанной зоны Азии, включая Забайкалье, останки в захоронениях Онкороманай и Моёро на севере Хоккайдо обращены головой на запад[10].

О фактах проникновения европеоидов в Восточную Азию свидетельствуют также памятники позднего периода эпохи бронзового века - наскальные изображения людей, в частности, напоминающих юношей из Кносского дворца на о.Крит, животных, предметов культа (солнечная колесница с изображением горного козла), оружия (двойная секира крито-микенского типа, молот скандинавского типа и шлемы, как у античных воинов) во Внутренней Монголии (Хобдо-Сомон и др.). Акад. А.П.Окладников писал о такого рода рисунках -петроглифах: "Их оставил, очевидно, в глубокой древности, скорее всего в бронзовом веке, какой-то один народ или народы с родственной, единой в своей основе культурой, заселявшие огромный пояс центральноазиатских пустынь и степей от Памира до Хингана. Вероятно, это были древние индоевропейцы"[11]. О наличии у айнов некоторых существенных признаков, характерных для европеоидов, свидетельствует также их расовый биохимический индекс (соотношение групп крови)[12].

Позднее на население Сахалина, Курильских о-вов, Хоккайдо и Северного Хонсю оказала значительное влияние охотская культура, принесенная сюда коренными обитателями северо-восточной части континентальной Азии. Одно из характерных подтверждений этого влияния упомянутый выше способ захоронения[13].

"Охотская культура возникла на основе культуры древнего Сахалина и, видимо, северной части Хоккайдо, пишет на основании данных, полученных при раскопках на Южном Сахалине, советский археолог Р.В.Козырева. - На каких-то начальных стадиях своего развития она испытала влияние культур эскимосского круга. Но это касалось

лишь подосновы её развития. С самого начала она не была связана с культурами юга, культурами типа дзёмон, и с самого начала у неё были связи с материковыми культурами Приморья и особенно Приамурья"[14].

По данным Р.В.Козыревой, Южный Сахалин был заселен племенами с высокой культурой, типичной для материковых районов Дальнего Востока в середине П тыс. до н.э., а Северный Сахалин - племенами, у которых связи в области материальной культуры осуществлялись только с материковыми районами[15]. Такие же связи с населением Азиатского материка установлены и в отношении носителей охотской культуры на Курильских островах вплоть до южной части Камчатки[16].

В конце I тыс. до н.э. на Курильских островах появляется керамика охотского типа, что свидетельствует о новой волне переселения из северной части континентальной Азии морских охотников и рыболовов, которые широко использовали каменные и костяные орудия[17].

Открытия последних лет подтвердили основную мысль Р.В.Козыревой о тесных связях с материком Азии древнего населения этого района, в особенности носителей охотской культуры, хотя и значительно изменили представления о времени его первоначального заселения носителями пластинчатой техники, передвинув его к УI-УШ тыс.до н.э. (стоянки на реке Имчин на Северном Сахалине УI-УШ тыс. до н.э. и на реке Большой Такой на Южном Сахалине УШ тыс. до н.э.)[18].

Находки японских ученых в 1976 году в Такаидокоро (район Токио) на о.Хонсю - пластинчатые шлифовальные орудия (2,5 тыс.лет до н.э.), ножевидные пластины и двулезвийные каменные наконечники стрел "сибирского типа" (2,8 тыс.лет до н.э.)[19] подтвердили гипотезу советских ученых о том, что эти находки являются следами той миграции с материка, первая волна которой на рубеже плейстоцена-голоцена около 12 тыс.лет назад достигла острова Хоккайдо[20]. При этом нужно учитывать, что 12 тыс.лет назад уровень моря здесь был

ниже современного, и острова этого района соединялись перешейками[21], что облегчало миграцию.

Исследования американского ученого К.Тёрнера показали, что по строению зубов, хорошо сохраняющих признаки расы, айны относятся к тому же типу, что и древние монголоиды. На основе этих исследований К.Тёрнер выдвинул предположение, что на рубеже III и II тыс. до н.э. пришельцы с Азиатского материка, создав на юге Японии свою колонию, начали вытеснять палеоайнов, населявших тогда Японию, в северные районы и что влияние переселенцев с материка особенно усилилось здесь накануне наступления нашей эры[22].

В орнаментах представителей охотской (точнее - южноохотской) культуры даже на севере о.Хоккайдо прослеживается явное влияние аборигенов Нижнего Амура, предков современных нивхов и нанайцев[23], а в орудиях промысла - сходство с аналогичными орудиями арктических монголоидов (эскимосов и других выходцев с Азиатского материка), возникшее, как полагают многие ученые, под влиянием материальной культуры населения южных районов распространения охотской культуры вследствие аналогичных условий охоты и рыболовства. Судя по археологическим данным, носители этой культуры вначале сосуществовали с предками современных айнов - носителями культуры рельефного орнамента "сацумон бунка", в частности на о. Хоккайдо, в районе Токоро, а затем, по-видимому, нивхи-хоккайдо были вытеснены последними в районы Сахалина и Курил[24].

Этот процес нашел свое отражение в эпосе айнов о.Хоккайдо - в легенде о коропоккуру (коропоккуру-камуи)[25], рассказывающей о том, что предками айнов были низкорослые люди племени коропоккуру (букв. обитающие под листьями гигантского лопуха-белокопытника или под землей, то есть в земляных)[26].

Для носителей южноохотской культуры, населявших районы от Приморья до юга Камчатки и Северной Японии, весьма характерно

сооружение землянок, в которых они жили зимой[27].

При рассмотрении проблемы этнической принадлежности обитателей Сахалина и Курильских островов обращает на себя внимание существование в японском языке этнонима ёкусо (по-китайски - воцзюй) - рыболовов, обитавших, судя по китайским хроникам, начиная со П-Ш вв. до н.э. в районе, прилегающем к южному Приморью[28]. Известный востоковед Д.М.Позднеев пишет, что общее название района Сахалина, Курил и о.Хоккайдо - Эдзо через Эссо (от Ёссо) восходит к этнониму ёкусо - общему названию неяпонских племен этого района[29]. Кроме того, имеются сведения, что айнский топоним крапту (позднее крафто) и современное японское название Сахалина - Карафуто представляют собой модификацию древнего неайнского и неяпонского термина "краптуникур" (букв. "живущие внизу", т.е. в землянках), который употреблялся для обозначения неайнского населения южной части острова[30]. Как уже упоминалось, на о.Хоккайдо айны называли этих обитателей землянок коропоккуру, или коробоккуру[31]. На Сахалине у них было другое название, по-видимому более древнее, - тончи, или тонци (по мнению японских ученых, это - сокращение от тонцикомуй или тончи-комуй, что означает духи-предки тонци). Отсюда происходит японский этноним "цутигумо" (букв. "укрывающиеся в земле", то есть обитатели землянок)[32]. Отождествляя коропоккуру с племенем тончи, айны называют их также тончи-сэкуру (букв. "люди, обитающие в землянках")[33] или тоицикуру (букв. "люди, обжигающие землю", т.е. гончары).

Ссылаясь на мнение некоторых японских ученых о возможной преемственности между племенами цутигумо и тончи, возводимых ими к коропоккуру, акад. Н.И.Конрад писал, что к IУ веку японцы и айны вытеснили их в северо-восточные районы Японии или ассимилировали, но что сведения об этом периоде их обитания в центральных и восточных районах о.Кюсю, на юге и северо-востоке о.Хонсю

сохраняются в японских исторических памятниках вплоть до X в. Н.И.Конрад делает вывод, что цутигумо, если [были/ и не] предшественниками древних японцев, то, во всяком случае, их первыми современниками[34] и что первые обитатели самой Японии являются более древними, чем айны[35].

В японском памятнике УШ века "Хитати фудоки" ("Этногеографическое описание провинции Хитати") указывается, что слово "цутигумо" - местное, то есть не исконно японское, название древнего племени обитателей землянок[36]. Это племя оказало существенное влияние не только на материальную культуру японцев, но и на фонетику японского языка, что проявилось в видоизменении системы гласных, в которой появились звуки среднего ряда, отсутствующие в айнском языке[37].

По мнению автора, отождествление племени цутигумо в одних случаях с малайским племенем кумасо, обитавшим в западных районах Японии, в других - с предшественниками японцев, жившими в ее центральных районах, или с эбису (предками айнов), населявшими северо-восток Японских о-вов[38], объясняется упомянутым выше активным процессом ассимиляции и вытеснения этих коренных жителей на север, в направлении Сахалина и Курильских о-вов, который имел место в период формирования японского раннефеодального государства в Ш-IУ веках.

В историческом памятнике УШ века "Хидзэн фудоки" говорится о том, что цутигумо обитали также на о-вах Гото, расположенных на путях миграции населения Корейского п-ва на Японские о-ва[39]. Это обстоятельство позволяет связывать появление на островах Японского и Охотского морей первого пласта аборигенов с миграцией палеоазиатских племен, обитавших в прибрежных районах Корейского п-ва, Приморья и Приамурья, происходившей не только северным, но и южным путем. Древние обитатели Сахалина-палеоазиаты

Курильских и Японских о-вов (цутигумо, нивхи, иттельмены и др.), айны, малайско-полинезийские племена (кумасо, хаято) вступая между собой в связи, представляли в определенном смысле тесную культурную общность[40].

Исследователи Сахалина Ф.Б.Буссе и Б.О.Пилсудский[41] связывают тончи, доайнское население о-ва Сахалина, с племенем обитателей землянок илоу (илэу) - охотников и рыболовов, родственных по языку племени воцзюй (ёкусо)[42], ссылаясь на то, что в хрониках поздней династии Хань (25-220 г. н.э.) "Хоуханьшу" они рассматриваются как потомки племени сушэнь[43], которое обитало в Приморье.

В УI-УП веках эти племена распространили свое влияние на большой район от Приморья и Приамурья до о.Хоккайдо включительно и островов у северо-западных берегов Хонсю. Японский дипломат Кикудзиро Исии в 1930 году писал о том, что в городе Отару на Хоккайдо нашли высеченную на скале надпись на языке сушэнь, которая гласит: "Наша победа простерлась до сих мест". Комментируя эту надпись, К.Исии говорит: "Очевидно, сушэнь (в японизированном китайском произношении - сюкусин, а в исконно японском - мисихасэ), то есть мохэ, проникли в этот период на о.Хоккайдо вплоть до его центральных районов"[44]. В 544 году они пришли на о. Садо и поселились на берегах залива Сэгава (Сэнагава).

Судя по орнаментам, характерным для потомков мохэ, проживающих на территории Советского Дальнего Востока, например нанайцев[45], их прародителями были палеоазиатские племена Приамурья и Приморья, являвшиеся также предками обитающих в этом районе нивхов. То же самое, очевидно, можно сказать и об обитателях Сахалина и Приамурья - ороках, орочах и ульчах.

Советские этнографы М.В.Крюков и Н.Н.Чебоксаров считают, что наибольшее сходство с рыболовами и охотниками на морского зверя эпохи неолита обнаруживают на северо-востоке Азии отнюдь

не маньчжурские народности (точнее, тунгусо-маньчжурские - нанайцы, ульчи, орочи и сунгарийские гольды - К.Ч.), но соседние с ними нивхи (гиляки), говорящие на совершенно особом палеоазиатском языке.

"Во П-I тысячелетии до н.э. палеоазиаты, возможно родственные позднейшим нивхам низовья Амура и Сахалина, обитали на территории Приамурья и Маньчжурии, - указывают М.В.Крюков и Н.Н. Чебоксаров. - Впоследствии тунгусы, расселяясь на восток из области своего первоначального формирования, частично оттеснили палеоазиатов на север, частично же ассимилировали их. Современные китайские ученые связывают с палеоазиатами этнические группы "восточных и", упоминаемых в источниках Ш в. до н.э. - Ш в. н.э."[46]

Судя по айнскому эпосу "Ужар", в УШ веке, после пятисотлетней борьбы, айны вытеснили почти всех нивхов с о.Сахалин[47], за исключением небольшой группы, проживающих до сих пор в долине реки Поронай на востоке острова[48], которая, вероятно, дольше сохраняла связи с палеоазиатскими населением материка, чем доайнское население этого района. В эпосе айнов говорится о том, что они после ожесточенных сражений одержали решительную победу над племенами рэфун-кур, или рэпун-кур (букв. "люди морских просторов"), или сокращенно - рэфун, рэпун ("кур" - аффикс со значением "люди"). В свою очередь "рэфун" представляет собой сокращение от "никрэфун" (нивхи) - варианта сохранившегося до нашего времени произношения, айнского этнонима сахалинских морских нивхов "никуфун"[49] (по нивхски - нихвун), отличающегося от этнонима материковых нивхов ("сумэрэн-кур"). В айнских преданиях говорится о том, что они ушли в море на север[50]. Интересно, что с племенами рэфун-кур айны отождествляли, быть может в силу их культурно-этнического родства, такие присоединившихся к нивхам на заключительном этапе сопротивления пришельцев с юга, племена мохэ - потомков

палеоазиатов сушэнь[51]. Своих предшественников айны называют также курумуса[52], что соответствует айнскому (и древнему японскому) названию южной части Камчатки[53], которая считалась у них островом, и прилегающих к ней островов, в том числе Курильских (на юге Камчатки жили, помимо камчадалов, курильцы).

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что на юге Камчатки, вблизи Курильского озера, в 1960 году советские археологи обнаружили землянки, в которых их обитатели жили до начала XVII века[54]. Такие же землянки были обнаружены ранее японцами на Курильских островах[55]. Известно, что типологически сходная с нивхской материальная культура характерна для алеутов, арктических монголоидов, обитавших в прошлом в северо-восточной части Азиатского материка, а также на расположенных неподалеку от восточных берегов Камчатки Командорских островах[56]. Этим можно объяснить, почему айны называют алеутов тончи, а алеуты, в свою очередь, считают, что в места своего обитания их предки пришли с запада[57]. Возможно, что эти более поздние аборигены-палеоазиаты, землянки которых отличались от айнских тем, что они были меньше, но глубже[58] сохранили в основных чертах указанную характерную особенность быта своих предшественников.

В 1955 году в Поронайском районе Сахалина были раскопаны землянки, в которых, по сведениям айнов, обитали тончи. Были обнаружены лодка нивхского типа, каменные орудия, глиняная посуда и другие предметы носителей охотской культуры. Предки нивхов оказали также влияние на антропологический облик пришедших в XV веке на Сахалин неоайнов[59]. Общие для них особенности отправлений религиозного культа, по-видимому, восходят к древним айнам, поселившимся в этом районе задолго до нашей эры[60].

Отмечая, что на культуру айнов Северной Японии, Сахалина и

Курил серьезно повлияли народы Восточной Сибири, японский исследователь Сусуму Оно обращает внимание на общность зооантропоморфных изображений на нивхских и айнских бронзовых сосудах – медведя, филина, орла, ястреба, коршуна и других животных и птиц с лицом человека. По-видимому, этот орнамент был заимствован айнами от нивхов, а последними через тунгусов – у урало-алтайских народностей Урала и Западной Сибири, у которых он сохранился до наших дней[61]. Очевидно, у тех же нивхов было заимствовано и айнское городище тяси, совпадающее по своим конструктивным особенностям с русским городищем народностей Урала и Западной Сибири[62].

Английский ученый Г.Сэнсом относит нивхов наряду с айнами к потомкам неолитического населения, проживавшего и в более южных районах, на территории Японии, но считает, что его палеоазиатские расовые признаки были представлены не столь ярко, как айнские[63].

Имея в виду нивхов нижнего Амура и Сахалина, а также различные тунгусо-маньчжурские народности СССР, Н.Н.Чебоксаров пишет, что главным занятием у всех перечисленных народов издавна было рыболовство. Добывали главным образом лососевых. На морских берегах был местами развит зверобойный промысел (тюлени, моржи). Жилищами служили землянки или полуземлянки, часто со входом через дымовое отверстие, а также наземные (иногда свайные) деревянные постройки четырехугольного плана с высокими, двух- или четырехскатными крышами. Многие особенности рассматриваемого хозяйственно-культурного типа проникли (вероятно, через нивхов) также к айнам, продвигавшимся на север, в связи с чем изменились их культурно-бытовые навыки, сложившиеся в условиях более мягкого климата южной части Японии[63а].

С 1967 по 1970 год Южно-Сахалинский педагогический институт и Сахалинское отделение Всероссийского общества охраны памятников

истории и культуры провели обследование большой группы археологических памятников на Сахалине (Сусуйская стоянка) и Курильских о-вах (Итуруп, Кунашир, Симушир, Уруп и Малая Курильская гряда). Полученные материалы позволили углубить концепцию о материковых корнях древних культур каменного века в этих районах, под влиянием которых возникли культуры неолита. Кроме того, на Курилах впервые была выявлена южнокурильская неолитическая культура, генетически связанная, как и культура Южного Сахалина, с Охотской, сформировавшейся в более поздний период[64].

Большой интерес представляют также исследования Р.С.Васильевского, в которых он обобщил данные о заселении прибрежных островных районов Северо-Восточной Азии, прежде всего Хоккайдо, в сопоставлении с Сахалином, Курилами, Приморьем и Приамурьем[65]. В работе делается вывод, что одна из культур этой эпохи (техника пластин) связана с материковыми культурами Северной Азии, начиная с Приморья и Приамурья. В пользу этого свидетельствует тот факт, что, например, в районе Приморского поселения Устиновка "обнаружен почти полный комплекс всех изделий, которые рассеянно встречаются на ранних стоянках Хоккайдо"[66]. Источники другой культурной традиции (техника аморфного нуклеуса, приготовление орудий из отщепов) Р.С.Васильевский усматривает в культурах Центральной Японии и Кореи, полагая, что они берут свое начало либо в Юго-Восточной Азии, либо развились на местной основе от предыдущих юго-западных культур Японских островов[67].

Автор отмечает, что проблемы этнической истории Японии исследуются в основном в двух направлениях - "выясняется, было ли население периода дзёмон связано с айнами и существовала ли преемственность между этим неолитическим населением и японцами"[68]. Но при этом отвергается, как нам представляется, без достаточно полной аргументации теория о айнском населении Японии, так на-

зываемом племени коропоккуру[69].

Р.С.Васильевский пишет, что в связи с большим сходством "каменных кругов" с каменным столбом в центре и таких же памятников на могильниках о.Хоккайдо, естественным является предположение о появлении курганных могильников на Хоккайдо в результате либо миграции в Северную Японию новых племен с Азиатского материка, либо их постепенной инфильтрации на прибрежные острова северо-западной части Тихого океана.[70] Для доказательства этой гипотезы, как указывается в книге, необходимо выявить определенные изменения физического облика аборигенного населения по сравнению с населением более раннего времени, "какого в распоряжении японских археологов нет".[71] Правда, при этом надо иметь в виду, что в упоминаемых автором стоянках Онкороманай (Северный Хоккайдо) и Сусуй (Сахалин) были найдены захоронения носителей охотской культуры (I тысячелетие до н.э.),[72] которые по антропологическим данным (строение черепа и т.п.) занимают промежуточное положение между древними европеоидами с массивными черепами, сильным подбородком и резко выраженными чертами лица - носителями афанасьевской и андроновской культур европеоидов Прибайкалья (1500-1200 лет до н.э.), с одной стороны, и древними нивхами, айнами и японцами, - с другой.

Кроме того, Р.С.Васильевский не придает должного значения тому, что покойников на ряде стоянок Северного Хоккайдо, принадлежащих к этому промежуточному антропологическому типу, как уже упоминалось, хоронили в положении головой на запад, в отличие от захоронений древних айнов на юге Хоккайдо, ориентированных головой на восток, и, возможно, поэтому делает вывод об отсутствии доказательств в пользу гипотезы о переселении на прибрежные острова Северо-Восточной Азии коренного населения материка[73]. А ведь именно эти переселенцы, смешиваясь с айнским населением упомянутых островов, могли стать связующим звеном между древними

обитателями внутренних районов Азиатского континента и населением, родственным древним австралийцам, которое в процессе своего продвижения на север, в рассматриваемый регион, вступало в тесный этнический контакт с тихоокеанскими монголоидами.

Р.С.Васильевский ограничивается изложением истории появления и эволюции концепции о чисто европеоидном происхождении айнов. Он пишет, что впервые такое предположение высказал знаменитый французский мореплаватель XVIII века Ф.Лаперуз, а затем ее развили многие русские и зарубежные ученые, некоторые из которых, в том числе известный японский антрополог и археолог Сакудзаэмон Кодама, относили их к кавказской расе, распространившейся на восток до Восточного Туркестана, Южной Сибири, Монголии и, возможно, даже Кореи[74].

К той же мысле об о.Хоккайдо как контактной зоне между выходцами из материковой Азии и южной части Тихоокеанского бассейна подводит оценка советским ученым наскальных изображений антропоморфных фигурок и "ладьи мертвых" со сценой "переселения в загробный мир" в пещере Дугэппэ. Обращая внимание на их близкое сходство, с одной стороны, с писанницами Прибайкалья, Забайкалья, Монголии и Нижнего Амура, а с другой стороны, - писанницами Индонезии и Вьетнама, Р.С.Васильевский приходит к логичному выводу о том, что в этом районе в конце I тысячелетия до н.э. - начале I тысячелетия н.э. соединились два разных культурно-исторических мира - южных морей Юго-Восточной Азии и лесов и степей Северной Азии[75].

Помимо своей ценности с точки зрения обобщения еще не вводившегося в научный оборот материала по археологии, антропологии, этнографии и древней истории Северной Японии в сопоставлении с Сахалином, Курильскими островами и некоторыми другими островами северо-западной части Тихого океана, исследование Р.С.Васильевско-

го, проведенное на основании полевых наблюдений, несомненно, имеет и актуальное значение - из него непосредственно вытекает вывод о несостоятельности утверждений японской историографии об исконной принадлежности их не только японцам, но и айнам.[76]

Итак, наиболее древними культурами Сахалина, Курил и Хоккайдо, к которым можно относить культуру айнов, являются неолитические культуры дзёмон (УI-У тысячелетие до н.э.) и протодзёмон (IУ-У тысячелетие до н.э.), а древнейшие культуры этих районов, характерные для доайнского населения, представляют собой палеолитические культуры (до XII тысячелетия до н.э.), однородные с культурой обитателей Приморья, Камчатки и Алеутских островов.

На основе приведенных выше археологических, этнографических, исторических и лингвистических данных можно сделать вывод, что Сахалин и Курильские о-ва, так же как и Приморье, Приамурье и Северная Япония, были заселены палеолетическими и мезолитическими племенами, родственными современным приамурским и сахалинским нивхам, племенам, составляющим первичный аборигенный пласт в формировании таких тунгусо-маньчжурских народностей советского Дальнего Востока, как нанайцы, ороки, эвенки, ульчи, негидальцы и т.п., а также отчасти иттельменам, эскимосам и алеутам - коренным жителям Камчатки, Чукотки и прилегающих к ним островов, открытых русскими мореплавателями. Это были, по-видимому, племена воцзюй (ёкусо, позднее - эдзо) илоу, сушэнь (позднее - мохэ), древние нивхи и тончи (или тончи-комуй - потомки цутигумо, или, быть может, точикомо и древние эскимосы).

Эти племена - носители южноохотской культуры к моменту появления на Сахалине и Курилах айнов при всем их разнообразии составляли не только различающуюся лишь в своих локальных вариантах большую культурную, но и этническую общность, один из центров которой находился в нижнем течении реки Амур[77].

Таким образом, исходя из приведенных выше данных, можно придти к выводу о правомерности распространения понятия культурно-этнической группы, употребляемого акад. А.П.Окладниковым применительно к народам Дальнего Востока, на более крупные группы населения этого региона. Из этого также напрашивается вывод о том, что исконными жителями островов Охотского моря являются представители материковой палеоазиатской культурно-этнической общности, и поэтому концепция изначальной принадлежности островов Охотского моря проживающим в настоящее время в Японии айнами оказывается несостоятельной.

Это позволяет заключить, что приоритет в заселении Сахалина и Курильских островов в древности принадлежит предкам современных коренных народностей Советского Дальнего Востока, прежде всего нивхам, которые во многих районах были вытеснены айнами, вынужденными переселяться в северные районы в результате японской экспансии. Такое положение сохранялось до XVII века, когда в районе этих островов появились русские и японцы и начался процесс непосредственного сближения рубежей России и Японии.

2. Сближение рубежей России и Японии XVII-XVIII веках. Открытие Сахалина и Курильских островов русскими первопроходцами и их первоначальное освоение

Первые сведения о стремлении русских к освоению природных богатств Дальнего Востока появляются в начале XVI века. О возможности плавания Северным морским путем в районы, прилегающие к Японии и Китаю, высказывал мнение в 1525 году русский дипломат в Риме Д.Герасимов, посол к папе Клементу VII[77a].

В 1571 году после наказания Иваном Грозным Новгорода за сношения с Литвой некоторые из его жителей, спасаясь от возможного "подушья" (подушной подати), по издревле знакомым им путям проникли в бас-

сейн Лены и "пришли морем на кочах" на р.Индигирка, где до сих пор обитают их потомки, говорящие на русском языке конца XУI - начала XУП веков[78]. Часть новгородцев, достигнув р.Колымы, направились на шести кочах к Северо-Западной Камчатке (район р.Гижига) через р.Анадырь. "Тут одно судно разбило,из коего люди вышли на берег; начали жить, сделали церковь, которой пол и поныне цел, и сделан ныне тут город Анадырск, прочия же суда пошли в море и пристали в Ижиге (Гижиге - К.Ч.), в Якум, Танску, а шестой девался без вести, то и думают, что непременно то судно принесло в Америку..."[79], - писал 22 мая 1795 года член русской духовной миссии на Аляске Герман, ссылаясь на свидетельства сторожилов.

Для нас это сообщение интересно тем, что от Анадыри к Гижиге ведет единственный водный путь, пролегающий между южной оконечностью Камчатки и Курильскими островами, а жители этих островов во второй половине XУП века, вероятно, не случайно называли русских братьями, носили бороды и одевались в "долгое платье"[80], так как считалось, что "упомянутые люди подлинно от русских людей произошли, которых прадеды во время бывших в прежние годы морских путей... на сих островах или матерой земле остались"[81]. Таково первое упоминание о связях русских с населением Курильских островов.

Открытие же Сахалина русскими относится к 1640 г., когда отряд Нехорошко Иванова Колобова - часть экспедиции Ивана Юрьева Москвитина - побывал в устье р.Амур у заселенных нивхами (гиляками) островов "гиляцкой орды" - о-вах Удд (о.Чкалова), Лангр (о.Байдукова) и Сахалин.

"А морем шли с вожами (проводниками - К.Ч.), подле берег к Гиляцкой орде островам... - говорилось в отчете[82] об этом ходе. - И Гиляцкая земля объявилась, и дымы оказались". При этом И. Москвитиным ставилась задача, приискав "неясашные земли", "тех

людей подвесть под... государеву руку"[83].

Уже в 1652 году казаками отряда С.В.Полякова в устье Амура давали "клятву на верность" России нивхи "с моря, то есть с лежащего напротив него "жилого" о.Сахалина[84]. Они первыми сообщили русским о своих южных соседях на Хоккайдо - японцах[85].

В 1655-1656 годах жители сел Западного Сахалина Чангни, Мангаль, Танги и Дуи вступили в русское подданство и начали уплачивать натуральную подать отряду Онуфрия Степанова Кузнеца.

С середины 50-х годов XVII века началось заселение Приамурья и Сахалина казаками отрядов П.И.Бекетова, Ф.М.Пущина и др., и эти районы получили свое изображение на русских картах этого периода.

После того, как в середине XVII века на Сахалине появились первые русские землепроходцы, которым местные жители стали давать присягу на верность России, русские поселенцы начали обживать западные районы острова, прилегающие к устью р.Амур.

В 1713 году дипломат Ф.С.Салтыков предложил Петру I основать на "Амуре-острове", то есть на о.Сахалин, опорные пункты[86] для закрепления этой территории за Россией и создания морской базы для торговли с Японией и Китаем.

Имеется достаточно сведений о том, что русские первыми открыли Курильские острова. Так, иркутский губернатор Иван Якоби сообщал о том, что в 1788 году у него оказались документы XVII века, которые дали ему основание считать, что участники похода упомянутого выше Ивана Юрьева (Москвитина) в 1640-1641 годах первыми побывали у южной части Курильских островах[87]. По этому поводу Б.П.Полевой пишет, что "возможно в Иркутске или Якутске в делах 1788-1789 гг. еще удастся найти копии неизвестных нам документов о морском походе Москвитина"[88]. Поход Ивана Юрьева (Москвитина) отмечен и в японских источниках. Р.Окамото пишет

по этому поводу в книге "История Хоккайдо в свете русско-японских отношений": "В 20-м году правления Канъэй (1643 год) русский подданный Юфуру путешествовал по Камчатке и впервые узнал о существовании Курильских островов[89]. Это имя соответствует русскому Юрьев*.

Интересно, что в копиях шведов Пальмквиста и Спарвенфельда общего чертежа Сибири 1673 г. и копии общего чертежа Сибири 1687 г. С.У.Ремезова, составленного в "пополнок" чертежу 1667-1668 гг. также изображен о.Аланд из северной части Курильских островов, но на этих чертежах он сильно смещен в сторону устья Амура и изображенного в этом устье о.Сахалин.[90]

При якутском воеводе князе Иване Барятинском (1666-1670) плавание вдоль Чукотского полуострова на реку Пенжину,[91] то есть вокруг мыса Лопатка у Северных Курильских островов, совершил купец Тарас Васильевич Стадухин. Колымский казак Никифор Малгин (не позднее 1678 г.) об этом плавании сообщал следующее: "Торговый человек Тарас Стадухин также говорил, что за несколько до того лет плавал и он с 90 человеками на кочах с Колымы морем для проведывания Чукотского носа, которого водою обойти не могли, а перешли на другую сторону его пешком, где, построив коч, шли подле берега до устья реки Пенжины, и что оттуда видели остров (очевидно,

---

* Восстанавливая транскрипцию указанного русского имени по транслитерации, приведенной Д.И.Позднеевым, и по его иероглифическому написанию, получаем в первой части слова соответствующие русской гласной под ударением "ю" долгое "юː", ибо в XVII веке между гласными "ф" в японском языке хотя и писалось, но уже подвергалось редукции и не произносилось (см. Сыромятников Н.А. Становление новояпонского языка. М., 1965. с.88).

северокурильский о.Алаид. - К.Ч.), на котором по словам пленной камчадалки, живут бородатые люди, которые носят долгое платье и называют русских братьями"[92].

В 1697 году до р.Голыгина на юге Камчатки дошел со своим отрядом Владимир Атласов и сообщил следующее: "А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди..."[93].

Сведения В.Атласова подтвердили в том же году М.Наседкин и в 1706 году В.Колесов, которые также воочию убедились в том, что за "переливами" к югу от Камчатки лежат Курильские острова[94], а в 1708 и 1710 гг. на основе опросных данных последний выяснил, что они тянутся до самой Японии, о чем он со специальным курьером отправил "доношение" в Сибирский приказ[95].

Получив первые сведения о Курильских островах, якутский воевода Д.А.Траурних приказал привести местных жителей этих островов в русское подданство[96].

В 1711-1713 гг. И.П.Козыревский с казаком Д.Я.Анциферовым побывал на о-вах Шумшу и Парамушир и собрал у айнов сведения о 16 из 22 более или менее значительных Курильских островах, включая Итуруп, Кунашир и Хоккайдо. Перед походом на Курильские острова монах И.П.Козыревский и его товарищи расправились с притеснявшими их правительственными чиновниками, которые не отпускали их, чтобы, по указанию государя, "про новую землицу проведать"[97].

На островах Козыревский встретил и японцев. И тут выяснилился немаловажный факт. Оказалось, что попадавшие туда японцы находились на положении рабов у курилов, которые жили "самовластно и не в подданстве"[98], Козыревский освобождал японцев из рабства и даже платил за них выкуп. В 1711 году И.П.Козыревский, помимо жителей Шумшу и Парамушира, принял в русское подданство на последнем

из этих двух островов также и айна, прибывшего с о.Итуруп. Он же составил три "чертежа" Камчатки и Курильских островов и в 1714-1715 гг. доставил их в Якутск. Чертеж 1712 г., использованный при составлении "якутского чертежа", скопированного С.У.Ремезовым, известен как "Чертеж вновь Камчадальские земли", а составленный в 1726 г. по данным его похода 1713 г. - как уже названный "Чертеж Камчадальского носа и морским островам".

По словам японского ученого Тосиюки Акидзуки, для Японии, не располагавшей почти никакими сведениями о Курильских островах, эти документы имели поистине огромное значение[99].

В 1714 году для обследования островов, прилегающих к восточноазиатским берегам России и поиска морского пути в Японию правитель Нерчинска, в соответствии с указом Петра I, направил на лодке вдоль берегов Охотского моря двух русских путешественников, погибших на обратном пути у самого русского берега[100]. О возможном достижении русскими Курил в этот период свидетельствуют хроники княжества Мацумаэ, где сообщается, что в начале 1700-х годов русские достигли о.Итуруп и были доброжелательно встречены айнами, после чего, прожив в течение некоторого времени на этом острове, отправились на родину, не погибли на обратном пути[101].

В "Записи о нравах в земле Эдзо" (1715 г.) содержатся сведения о том, что через айнов, обитателей островов Охотского моря, с которыми японцы вели торговлю, в Японию еще во второй половине XVII века стали приходить с севера известия о "рыжих варварах" ("акаэдзо"), как тогда называли русских. В первой трети XVIII века, в годы Кёхо (1716-1736) японцы из княжества Мацумаэ, которое занимало узкую полосу вдоль южного берега острова Хоккайдо, как пишет автор рукописи "Размышления по поводу сообщений о стране Камчатки" (1783 г.), вступали с ними в первые контакты.

Он поясняет, что сильные штормы относили русские суда в район Хоккайдо. От этих "рыжих варваров" японцы узнали, что "Россия лежит к востоку от Португалии и Голландии и тянется более чем на 5 тысяч ри" (I ри - около 4 километров - К.Ч.) до айнских земель, граничащих на севере с Японий. В документе I7I5 года говорится, что русские успешно торговали сушеным лососем, китовым мясом и пр., получая взамен от жителей островов металлические изделия, кожу, ткани, рис.

Велась эта торговля необычно. Завидя приближающиеся к островам русские байдары, айны спешно покидали свои дома и поднимались на сопки. Казаки оставляли на берегу предметы своего промысла и отплывали на почтительное расстояние. Местные жители осторожно выходили на берег и клали против них в одних случаях, свои, а в других - японские товары: металлические котлы, фарфоровую и фаянсовую посуду, лакированные изделия, шелковые халаты, хлопчатобумажные ткани, кули с "сорочинским пшеном" (рисом). Затем они забирали заморские товары, и то же проделывали после их ухода пришельцы.

Таким образом, не только японцы попадали в Россию с конца XУI века сухопутным путем, а с конца XУП века в результате кораблекрушений, Но и русские тоже оказывались волей стихии у японцев юга о.Хоккайдо[102].

Если на чертежах Козыревского Курильские о-ва были обозначены только надписями, то на оставленной по его данным карте якутского воеводы, руководителя "Большого Камчатского наряда" полковника Я.А.Елчина I7I9 году они получили графическое изображение. На ней же были обозначены "остров Матманской" (Хоккайдо) и "остров Нифон" (Хонсю). Елчину в I7I6 году тобольский губернатор приказал "разведать на Курилах запасы железной руды, приискать новые земли и привести их жителей в подданство России",

а также учредить "купечество с японцами"[103].

В 1721 году на Курилах по личному приказу Петра I побывали геодезисты Морской академии И.М.Евреинов и Ф.Ф.Лужин. Они приняли в подданство местных жителей на шести северных островах Курильской гряды[104] и составили карту 16 островов этого архипелага. В 1722 году о результатах этой экспедиции было доложено Петру I.

В итоге экспедиции Евреинов и Лужин установили точное положение целого ряда географических пунктов России на Дальнем Востоке и на основе этого впервые на основе геодезических измерений определили истинные пределы ее государственной территории[105].

Вслед за этим в инструкции данной В.Берингу в 1725 году, Петр I поставил задачу исследовать районы Дальнего Востока, исходя из того, что пределы России "достигнут европейских поселений" в Азии (голландских) и Америке (испанских)[106].

Русское правительство проявляло осторожность в освоении новых территорий. Так, в докладе сената от 18 января 1727 г. содержалась рекомендация на вновь открытые острова у берегов Тихого океана "посылать только для уговаривания д о б р о в о л ь н о (разрядка наша. - К.Ч.) в подданство и сбору ясачного"[107].

Обер-секретарь сената И.К.Кирилов в записке об организации экспедиции на Восток, написанной примерно в 1733 году указывал, что "в полуденную же сторону все острова до самой Японии подлинно никому не подвластны, и уже 4 острова от команды Павлуцкого в подданство приняты"[108]. Это произошло в 1729 году, когда северный берег Сахалина и берега Курильских о-вов исследовал И.Г.Шестаков на боте "Св.Гавриил", входившем в состав экспедиции А.Ф.Шестакова и Д.И.Павлуцкого. Экспедиция была отправлена в соответствии с указом сибирского генерал-губернатора из Тобольска от 27 ноября 1727 года для призыву в подданство российского владения немирных иноземцев, которые прилегли к Сибирской стороне"[109].

В 1730 году в том же районе побывала группа русских мореплавателей во главе с Ильей Скурихиным и Леонтием Петровым. В 1739 году и в 1741-1742 годах к берегов Сахалина, Курильских о-вов, включая о.Хоккайдо и Северной Японии совершили плавания М.Шпанберг, В.Вальтон, А.Шельтинг, В.Ртищев и М.Гвоздев, которые обследовали этот район Тихого океана в соответствии с планами второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции (1733-1743) под руководством В.Беринга. В ее задачу входило "обретение" морского пути "через Ледовитое море в Китай и Индию".[110]

В ходе второй экспедиции В.Беринга М.Шпанбергом и В.Вальтоном были нанесены на карту все Курильские острова. В 1739 году, высаживаясь на о-вах Хоккайдо, Кунашир и Шикотан, русские моряки завязывали дружеские отношения с местными жителями - айну[111] и осуществляли научно обоснованное географическое описание ряда островов южной части Курил. В память об этом на ряде географических карт мира о.Шикотан был назван о.Шпанберга. Жители о.Зеленый, расположенного у берегов Северной Японии сообщили путешественникам, что возле него находятся еще 11 островов южной части Курил, что все они независимы от Японии, причем крайнее, то есть самое северное, японское поселение находится на о.Хоккайдо[112].

"Важное значение имеет тот факт, что в результате этих исследований, - пишет доктор юридических наук Мицудзо Абэ, - Россия дала наименования всем 22 островам (т.е. и о.Хоккайдо - К.Ч.) Курильской гряды (Тисима). В 60-70 годы XVIII века сложилось такое положение, что русские стали зимовать на о.Уруп и вступать в отношения с айнами на о.Итуруп. Поскольку, судя по данным, полученным русскими, все Курильские о-ва рассматривались аборигенами как независимые от Японии, сибирский генерал-губернатор Ф.Соймонов, по имеющимся сведениям, стремился к тому, чтобы в случае возможности принять всех остальных местных жителей в подданство России"[113]

Поскольку 22-й остров Курильской гряды (Хоккайдо) в конце XVШ века находился под определенным культурным и экономическим влиянием России[114], в некоторых русских документах того периода он рассматривался даже как территория России.

Так, в рапорте Екатерине П иркутского губернатора И.В.Якоби о деятельности Российско-Американской компании говорилось: "Народы, обитающие в тамошней части Америки (то есть на Аляске. - К.Ч.) и острова, от берегов Азии до оной простирающихся почти Японии, где заключают оные 22-й Курильский остров, Аткис или Надежда (то есть Хоккайдо. - К.Ч.) именующийся, и самые богатства с ними по правам, положенным за неоспоримые первого открытия, принадлежат скипетру Вашего величества"[115]. В связи с этим в России предполагалось принять "меры к построению крепости и гавани на 21-м или 22-м из Курильских островов для заведения при удобнейших обстоятельствах торговли с Японией и Китаем"[116].

Как явствует из географических материалов Японской исторической энциклопедии 1964 года, учебников по истории Японии, выпущенных в 60-е годы, и из географических карт Японии, Сахалина и Курильских о-вов, до конца 60-х годов XIX века национальной территорией Японии на о.Хоккайдо являлась лишь узкая прибрежная полоса, обращенная к северной части о.Хонсю и ограниченная с северо-запада, севера и северо-востока тремя оборонительными линиями айнских городищ "тяси", созданных на естественных горных рубежах[117].

После своего первого плавания в 1739 году к берегам южной части Курильских островов и Японии М.Шпанберг сообщал в рапорте В.Берингу о том, что, поскольку северная часть Курильских островов уже является территорией России, установление ее власти над остальными островами этого архипелага не представляет труда[118].

В результате этой экспедиции восточные пограничные районы

русского государства, в том числе Сахалин и все Курильские острова, на Генеральной карте Академического Атласа 1745 года впервые получили близкое к реальному изображение[119]. Важно отметить, что они изображены под своими собственными названиями, а не как часть территории Японии, которая отдельно нанесена на эту карту южнее (часть Хонсю у обреза карты под названием Япония, или Нихон). Такая раздельная трактовка статуса Сахалина, Курил и Японии становится еще более ясной из приводимой в том же атласе карты под заголовком "Устье Амура с южной частью Камчатки и обретающимися на Восточном океане разными островами, между которыми видна и часть Японии" - фрагмента "Генеральной карты Российской империи". Эта карта представляет собой значительно уточненный вариант официальной "Генеральной карты России", составленной обер-секретарем Сената России И.К.Кириловым в 1734 году, на которой "Царство Японское" как пограничное с Россией государство занимает три острова - Хонсю, Сикоку и Кюсю, а о.Хоккайдо под названием "Земля Эдзо" нанесен отдельно, так же как Сахалин, северная и южная части Курильских о-вов. Такое же изображение Сахалина и Курильских о-вов встречается в середине XVШ века и на другой русской "Карте Курильских островов с окололежащими местами".

Освоение русскими Курильских островов продолжалось в 50-х годах XVШ в. В 1755 году сборщик ясака Николай Сторожев сообщал в Большерецк, что значительная часть айнов на Кунашире приняла подданство России[120].

Победа дома Токугава в начале XVП века сопровождалась широкой экспроприацией земель до 40-х годов этого столетия его давних противников - крупных феодальных князей (даймё) и насильственным переселением последних в районы постоянных столкновений с айнами - коренными жителями Хоккайдо. Таким образом, освоение северных земель осуществлялось в основном высланными даймё (тодзама

даймё). Международное положение на Дальнем Востоке в результате выхода в этот регион в XVII-XVIII веках как русских, так и западноевропейских и американских мореплавателей резко изменилось - усилился интерес к колонизации островов Охотского моря со стороны стран Запада и России, а также со стороны центрального правительства Японии, которое стремилось поставить по свой контроль торговлю княжества Мацумаэ с русскими[121]. Крепнувший сёгунат Токугава отнюдь не собирался отдавать в абсолютное владение своим бывшим соперникам в борьбе за власть весь север страны. Возросшие военные и экономические возможности сёгуната позволяли ему самому приступить к активной колонизации северных областей. Такая колонизация сулила правящему дому, с одной стороны, приток дополнительных богатств, а с другой - установление эффективного контроля над деятельностью опальных феодальных князей. В результате в XVII-XVIII веков началось сближение рубежей и первоначальное частичное территориальное размежевание России и Японии.

Сведения о попытках исследования, с целью колонизации, северных районов со стороны Японии относятся к 30-м годам XVII века. Данные о более ранних экспедициях[122], как уже отмечалось, не подтверждаются современными японскими источниками[123], хотя начиная со второй половины XIX в. вплоть до последнего времени повторяются в публикуемых у нас работах[124]. Поэтому, видимо, не случайно на советско-японских переговорах в Лондоне в 1955-1956 гг. японская сторона, ставя вопрос о праве первого открытия и географического описания Сахалина, ссылалась лишь на экспедиции на Сахалин в 1635 и 1636 годах, в результате которых были, как утверждает японская сторона, описаны устье Амура и Сахалин. Кроме того, японцы ссылаются на составленную в 1644 году по сведениям айнов карту Курильских островов. В 1867 году русский географ и антрополог Д.Н.Анучин, цитируя упомянутую выше книгу С.Хаяси "Обозрение

трех стран", писал, что "исход этих экспедиций был неудачен... за совершенной невозможностью проникнуть на север"[125]. В добавление к этому следует сказать, что карты устья Амура, Сахалина и Курильских островов, составленные по результатам экспедиций 1635 и 1636 годов, не были и не могут быть предъявлены японской стороной, так как они не сохранились. "Поскольку в то время Япония вступила в период изоляции, - пишет об этих картах японский ученый Р.Окума, - они, как это приходится, к сожалению, констатировать в настоящее время, не получили необходимого международного признания в качестве факта мировой географической науки"[126].

Таким образом, географические открытия японцев из княжества Мацумаэ нельзя считать территориальными открытиями мирового (глобального) или даже межрегионального и регионального уровней, какими являлись открытия русских землепроходцев на Дальнем Востоке в XУП-XУШ веках. В лучшем случае японцы делали в этом районе открытия локального (местного) уровня, при котором их географический кругозор ограничен рамками этнических территорий отдельных народностей[127].

Важно отметить, что с XУП и вплоть до XX века Япония, претендуя на новые территории, руководствовалась, в отличие от России, не правом первого открытия, нанесения на географическую карту и географического описания, а заимствованным ею из Китая "принципом освоения территорий посредством торгового обмена". Считалось, что получение товара в Японии представителями верхушки айнов в порядке торгового обмена зависело от расположения к последним японских властей и таким образом якобы представляло собой форму вассальной зависимости.

"Хотя о-ва Курумисэ (Курильские. - К.Ч.) находятся далеко, - говорилось в 1725 году в докладе княжества Мацумаэ центральному правительству, но все-таки они принадлежат району Иезо (Хоккайдо.

Рис. 9.

Фрагмент карты Японии 1700 года

Условные обозначения:

1. Остров Сахалин
2. Курильские острова
3. Остров Хоккайдо
4. Остров Хонсю

- К.Ч.). С о-вов Курумисэ их жители приезжают в Носаппу, находящийся в районе Иезо, и меняют шкуры выдры на табак и рис"[128]. Иначе говоря, составители доклада в торговом обмене между жителями Хоккайдо и Курил усматривали признак государственной принадлежности этих островов Японии.

Поскольку первые сведения о Курильских о-вах были зафиксированы японцами княжества Мацумаэ "на основании данных, полученных от айнов на о.Хоккайдо", ибо "само княжество не занималось на месте этим делом"[129], это показывает сугубо номинальный, даже по мнению японцев, характер их вассалитета и сводит на нет правооснования Японии на указанные территории. Как известно, в 1639 году правительство Японии приняло закон об окончательном закрытии страны, по которому предписывалось "никому не выезжать из своего государства"[130]. Этот закон послужил почти непреодолимым препятствием для изучения и освоения японцами территорий, лежащих к северу от их страны, занимавшей в XVII веке значительно меньшую площадь, чем ныне. В течение, по крайней мере, полутора веков посещения японцами Курильских островов и Сахалина носили случайный, эпизодический характер и, естественно, не сопровождались какими-либо формальными актами присоединения данных районов к японскому государству. Это относится, например к посещению в 1674 году о. Итуруп японцем по имени Ситиробэй из Исэ, который был выброшен на берег в результате стихийного бедствия и затем выпровожен айнами в Японию[131], и к эпизодическим поездкам японцев из клана Мацумаэ на Сахалин в 1650, 1669, 1689 и 1700 годах в рыболовный сезон[132].

Вот что сообщалось о состоянии изученности в Японии в начале XVII века территорий к северу от нее, начиная с о.Мацумаэ, советник японского правительства англичанин Вильям Адамс в своей депеше директору Ост-Индской компании: "В ответ на мой вопрос, знает

ли Иэясу (сёгун Иэясу Токугава - глава японского правительства в тот период. - К.Ч.) о том, что имеется сопредельный на севере с его владениями остров, который называется Эдзо, или Мацумаэ, он ответил, что ему неизвестно о нанесении этого острова на какую-либо географическую карту или глобус..."[133].

"Курильские острова (Тисима) впервые, очевидно, были официально нанесены на географическую карту Японии в 1700 году (рис. 9), когда клан Мацумаэ преподнес центральному правительству чертеж страны периода Гэнроку (1688-1703), - пишет исследователь Северной Японии Сэйго Мотоки, директор краеведческого музея г.Хакодатэ. - Это было сделано, конечно, по сведениям, которые довелось услышать от айну, и поэтому 39 островов на этом чертеже изображены в одном месте, совершенно не ориентированные один по отношению к другому, среди которых можно, правда, различить названия Кунашира, Итурупа и Урупа..."[133а].

Итак, весьма слабая изученность Курильских островов и Сахалина в Японии в течение XVII и почти всего XVIII веков свидетельствует о том, что первоначальное хозяйственное освоение упомянутых районов японцами, несмотря их на возросший интерес к северным районам, находилось лишь на начальном этапе.

В Японии впервые узнали о продвижении русских на юг Курильских о-вов в 1759 году, когда самурай клана Мацумаэ Какуносэ Минато встретился с Аккэси (северо-восточная часть Хоккайдо) со старейшинами айнов о-вов Итуруп и Кунашир, которые были одеты в русские красные кафтаны и вооружены русскими пиками. Но, опасаясь, с одной стороны, огласки своей слабости, а с другой стороны, вмешательства центрального правительства, клан Мацумаэ держал эти сведения в строгой тайне. Центральное правительство тоже держало сведения о продвижении русских в секрете[134].

С начала 60-х годов XVIII в. Россия приступает к активному

освоению "дальних" Курильских островов. Это объяснялось тем, что в результате экспедиций русских землепроходцев и мореплавателей правительство России, которое придерживалось курса на установление отношений с Японией и проявляло осторожность в вопросе о Курильских о-вах, в соответствии с указом сената от 24 августа 1761 г. и манифестом Екатерины П от 4 декабря 1762 г. дало официальное разрешение на освоение "дальних" Курил, так как была установлена неподвластность их Японии[134а].

В упомянутом указе со ссылкой на определения сената России от 21 и 25 августа 1760 года возлагалась "немалая надежда... по изысканию незнаемых еще земель и островов, а со временем и к приведению в Российское подданство" и содержалось дозволение "ездить всем тем, кто пожелает", "донося при том о отыскании между Японии и Камчатки так называемых Курильских и прочих островов". По манифесту же Екатерины П 1762 году предоставлялось право на возвращение на прежние места жительства в северную часть Курил с южной части этих островов переселившимся туда айнам, которых называли "сошлыми" .

В 1761 году, указывая на необходимость дальнейшего изучения и освоении Курил, сибирский губернатор Ф.И.Соймонов в инструкции начальнику Анадырского острога Ф.Х.Плениснеру писал, что "в бывшую Камчатскую экспедицию капитан Шпанберг... неоднократно сквозь все острова проходил" и что "нужнейшая надобность признается, чтобы проведать обстоятельнее прежнего к фигурным островам (Итуруп, Кунашир, Шикотан и др. - К.Ч.) по близости лежащий остров под именем Матмай (Хоккайдо - У.Ч.), который японскому государству не принадлежит и на котором, как по журналу явствует, поручик Вальтон был и ласково от жителей принят"[135].

В течение 60-х годов большую прибыль от охоты в этом районе

получили купцы Захаровы. В 1765 году на о.Кунашир побывал промышленник А.Толстых. В 1766 году экспедиция Никиты Чикина создала первое русское зимовье на о.Уруп. В 1766-1769 годах казак Иван Черный, побывав в данном районе, составил подробное географическое описание Итурупа и других Курильских о-вов. При этом в подданство России была приведена значительная часть жителей Урупа и Итурупа. Японский историк Ёси Куно писал, что в 1766 году Россия распространила свою власть на Итуруп - самый большой из Курильских островов[136].

"По данным, представленным правительству (в результате экспедиции на Курилы 1766-1769 гг. сотника И.Черного. - К.Ч.) известно было, - писал исследователь Курил А.Полонский, - что от самой Курильской Лопатки (южная оконечность п-ова Камчатка. - К.Ч.) простираются в полуденную сторону острова, даже до японских островов, т.е. до первого Матмая, на которых живут - на ближних и следующих с ними - ясачные курильцы, а на самых дальних - так называемые мохнатые. Мохнатые до 1768 года жили совершенно свободно на 18-м и южнейших 19-м, 20-м, 21-м островах (Урупе, Итурупе, Шикотане и Кунашире. - К.Ч.) и на северо-восточной части 22-го, в урочище Аткис (Аккэси. - К.Ч.) и сопредельных ему местах. С Японией они не имели других отношений, кроме торговли. Основываясь на этом показании, русское правительство предприняло попытку подчинить своей власти мохнатых, а затем посредством торговли сблизиться с Японией"[137].

В июне 1768 года И.Черный "привел в подданство всех мохнатых 19-го (Итуруп. - К.Ч.), в том числе двух князцов и, кроме того, двух приезжих с 20-го острова (Шикотан. - К.Ч.), причем "главный тоён (старейшина. - К.Ч.) 19-го острова обещал Черному к следующему его прибытию на 19-й привести в подданство мохнатых

20-го, 21-го и 22-го островов (Шикотана, Кунашира и Хоккайдо. - К.Ч.) и в присутствии его там отправил своего сына на 20-й остров и далее..."[138].

В 1770-1772 годах на о.Уруп плавал промышленник И.Никонов, в 1771-1772 годах на о-ва Уруп и Симушир - А.Сапожников, в 1775-1778 годах до о.Кунашир - подштурман Ф.Путинцев. Ведомости этих русских экспедиций о добровольном вступлении в подданство России айнов Итурупа, Кунашира и Шикотана и об уплате ими податей представителям русских властей имеют важное значение как документы, подтверждающие правооснования нашей страны на Курильские острова.

Указом Екатерины II от 30 апреля 1772 г. премьер-майор М.К. Бем был назначен "главным командиром" Камчатки, и ему поручалось взять под свою администрацию всех подданных России в прилегающих районах. Во исполнение этого указа иркутский губернатор генерал-поручик А.И.Вриль осенью 1772 года предписал М.К.Бему "заведывать" Гижигинским округом, Курильскими и Алеутскими о-вами, принять в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки расположенные острова и живущих там "ясашных инородцев".

После этого в 1775 году коренные жители Кунашира и других островов выступили с оружием в руках против проникновения в этот район японских торговцев, в результате чего те до 1782 года вынуждены были прекратить отправку сюда торговых судов[139].

В итоге экспедиций 60-70 годов XVIII в. в русское подданство было добровольно принято до 1500 айнов[140], то есть подавляющее большинство населения южной части Курильских о-вов.

В 1778 году русские мореплаватели - дворянин И.М.Антипин и купец Я.Д.Шабалин и другие зимовали на Урупе, где уже было создано русское поселение Курилороссия. Жители его занимались не только морским промыслом, но и хлебопашеством. В 1778 и 1779 годах экспедиция побывала на Итурупе, Кунашире и Шикотане. Все

Курильские о-ва, включая Хоккайдо, были нанесены на "Карту Курильских островов 1778 года", составленной по описанию Ивана Антипина и Ивана Очередина.

И.Антипин, Д.Шабалин и члены их экспедиции с июня по август 1779 года жили в гавани Ноткоме, а в конце лета - начале осени 1779 года в бухте Аккэси (Аткис) на северо-востоке Хоккайдо. Стремясь завязать торговые отношения с русскими, приехавшие в Аккэси японцы просили от имени капитана своего корабля, чтобы из Ноткоме они "с пристани не уходили", так как "давно желают повидаться с русскими"[141]. В путевом журнале И.М.Антипина подробно говоритвя об устновлении дружественных отношений с айнами района Ноткоме и о вступлении их в подданство России[142].

В "1778 года реэстре имеющимся вновь объясаченных в казну е.и.в. по Курильской гряде с 18 острова, называемого Уруб, и до 22 Откизя мохнатых народов", составленном Д.Шабалиным, поименовано более1тыс. айнов южной части Курил, не считая жителей других Курильских о-вов, уплативших подати Д.Шабалину и причисленных в силу этого к русскоподданным (на Урупе - 181 человек, на Итурупе - 345, на Кунашире - 438, на Хоккайдо - 137 человек)[143].

Японские чиновники постоянной резиденции на Хоккайдо не имели, и только в 1799 году, по свидетельству Р.Окамото "земли эти были поставлены под управление Хакодатского бугёо (военного губернатора. - К.Ч.), конторы были основаны в Ноцукэ, Нэмуро и Сибэцу"[144]. В эти же годы на о.Уруп, где имелось русское поселение Курилороссия, русскими были посеяны хлебные злаки, причем на этом острове, а также на расположенных к югу от него Курильских островах были установлены кресты, символизирующие присоединение их к России.

В связи с этим, с точки зрения вопроса о правооснованиях на эти острова, представляет интерес мнение известного юриста-международника Л.Оппенгейма, который

пишет, что приобретение суверенитета над территорией "может быть достигнуто образованием поселения на территории, сопровождаемым каким-либо формальным актом в том смысле, что территория перешла во власть оккупирующего и что он намерен удерживать ее под своим суверенитетом". Он поясняет, что такой формальный акт, в соответствии с нормами международного права, может выразиться "либо в декларации, либо в водружении флага или других знаков принадлежности территории завладевшему им государству"[145].

В 1779 году иркутский губернатор бригадир Ф.Г.Немцов сообщил в Петербург о принятии в русское подданство около 1500 курильцев (айнов) Д.Шабалиным и И.Антипиным, который в 1778 году "с 19-го острова отправился далее, до 22-го, и в проезде приводил мохнатых (айнов - К.Ч.) в подданство"[146], внеся большинство из них в "реэстр".

"Принимая к сведению донесение о присоединении к России самой южной части Курильских островов, императрица Екатерина II направила сенату указ от 30 апреля 1779 г., переадресованный 29 мая того же года новому иркутскому губернатору Ф.Н.Кличке, в котором говорилось: "Е.и.в. повелевает приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать, но стараться дружелюбным обхождением и ласковостью для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать заведенное уже с ними знакомство; а при том и обо всех состоящих в подданстве народах, которые обитают на лежащих от Камчатки к востоку Курильских островах, в распределении ясачного с них сбора, рассмотреть, и по примеру вышеупомянутого поставленного ныне от е.и.в. о мохнатых курильцах правила сделать надлежащее определение"[147].

В 1785 году русские моряки с корабля "Павел" во главе с С.Д.Извозо́вым (по-японски Идзюёдзофу) поселились на Итурупе, где врыли в землю столбы с указанием на принадлежность острова России[148]. Они пользовались покровительством вождя айнов. В эти и предшествующие годы многие коренные жители не только Урупа, но также и Итурупа и Кунашира принимают русское подданство.

Об этом периоде заселения и первоначального хозяйственного освоения русскими южной части Курил Дзюдзо Кондо, чиновник из сословия самураев-хатамото (непосредственных васалов сёгуна Токугава), в начале XIX века писал следующее: "Остров Эторофу (Итуруп. - К.Ч.) отстоит от Мацумаэ по морю и суше на 350-360 ри, и с древних времен совсем не было японцев, которые ездили бы туда и обратно между островом Эторофу и Японией. Русские жили на этом острове в течение семи лет..."[149].

Последнее, очевидно, относится к группе русских колонистов, которая отделилась от русских поселенцев Урупа и переехала на Итуруп в 1779 году, где и была оставлена на поселение после возвращения на материк экспедиции И.М.Антипина и Д.Я.Шабалина[150].

"Из такого характера освоения этих территорий ясно виден взгляд русского правительства на движение русских промышленников по Курильским островам, - пишет Д.Позднеев. - Оно совершенно предоставило все дело частной предприимчивости и никоим образом не желало ни захватывать чужих земель, ни делать из них политических вопросов, ни посылать промышленникам военной охраны"[151].

Д.Позднеев не вполне прав. В район Курильских о-вов начиная с середины XVШ века был направлен помимо частных также ряд официальных экспедиций. В 1766-1767 годах у Шикотана побывало судно И.Д.Левашова, входившее в правительственную экспедицию П.К.Крени-

цина - И.Д.Левашова. В 1789 и в 1792 годах до Симушира плавали корабли правительственной экспедиции И.Биллингса и Г.Сарычева. В 1792 году до о.Хоккайдо плавала первая русская дипломатическая экспедиция в Японию под началом поручика А.К.Лаксмана, получившего от японцев официальное разрешение посылать торговое судно в Нагасаки. В 1804-1805 годах до о.Расшуа, а также к Сахалину направлялась правительственная экспедиция капитан-лейтенанта И.Ф. Крузенштерна, доставившая в Нагасаки русского посла камергера Н.П.Резанова. В 1806-1807 годах на южную чать Курил и Сахалина - экспедиция лейтенанта Н.А.Хвостова и мичмана Г.И.Давыдова полуправительственной Российско-Американской компании, а в 1812 г. на Курилы до о.Кунашир - правительственная экспедиция капитан-лейтенанта В.М.Головнина.

Русские экспедиции на Курильские острова принимали в подданство России коренное население и создавали русские поселения, которые оказали большое влияние на его образ жизни. Они внесли серьезный вклад в обеспечение безопасности дальневосточных районов России.

Так, М.Кондо в 1804 году в "Исследовании пограничных районов и карт" ("Хэнъё бункай дзуко") писал, что в 1768 году русские ("Акаэдзо") поставили на Южных Курильских островах столбы, вырезали на них название "Курилы", стали взимать ясак с айнов, дали им ружья, пули, порох, научили носить русскую одежду и обувь, поклоняться христианским богам и говорить по-русски"[152].

Нерчинский договор с Китаем 1689 г. отрезал Россию от важнейшей водной артерии - р.Амур, впадающей в Охотское море напротив о.Сахалин. Поэтому русские вновь проникли в этот район с юга только после появления на "дальних" Курилах. В XVIII веке они стали посещать Сахалин начиная с 1780 г.[153]. В 80-х годах в северо-

восточной части залива Терпения на южном побережье Сахалина поселилась группа русских мореходов в составе 6 человек, прибывших сюда с южной части Курильских островов или п-ва Камчатка, а затем перешедших на западный берег острова[154]. В 1783 году здесь остала группа русских после кораблекрушения[155], а в 1789 году они вновь побывали в западной части острова и произвели съемку местности[156]

Вместо русской кругосветной экспедиции капитана Г.И.Муловского, которая должна была установить в гаванях Сахалина и Курильских островов металлические доски с надписью "Земля Российского владения", в 1789-1790 годах на Сахалине побывала экспедиция мореплавателя Л.Ф.Терентьева с эмиссаром для переговоров с нивхами. Подготовка этих экспедиций свидетельствует о том, что к 90-м годам XVШ века по мере активизации деятельности русских промышленников в бассейне Тихого океана Сахалин и Курильские острова все чаще привлекали внимание русского правительства как база торговли с Японией.

То обстоятельство, что Курильские острова и Сахалин в последней трети XVШ века рассматривались де-факто присоединенными к России и их принадлежность нашей стране предстояло лишь подкрепить официально, т.е. утвердить де-юре, вытекает из инструкции Гидрографического департамента России русскому мореплавателю Г.И.Муловскому накануне предполагавшейся в 1786-1787 годах под его началом кругосветной экспедиции. В этой инструкции говорилось о том, чтобы все острова к северу от Японии "причислить формально ко владению Российского государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на российском и латинском языках"[157].

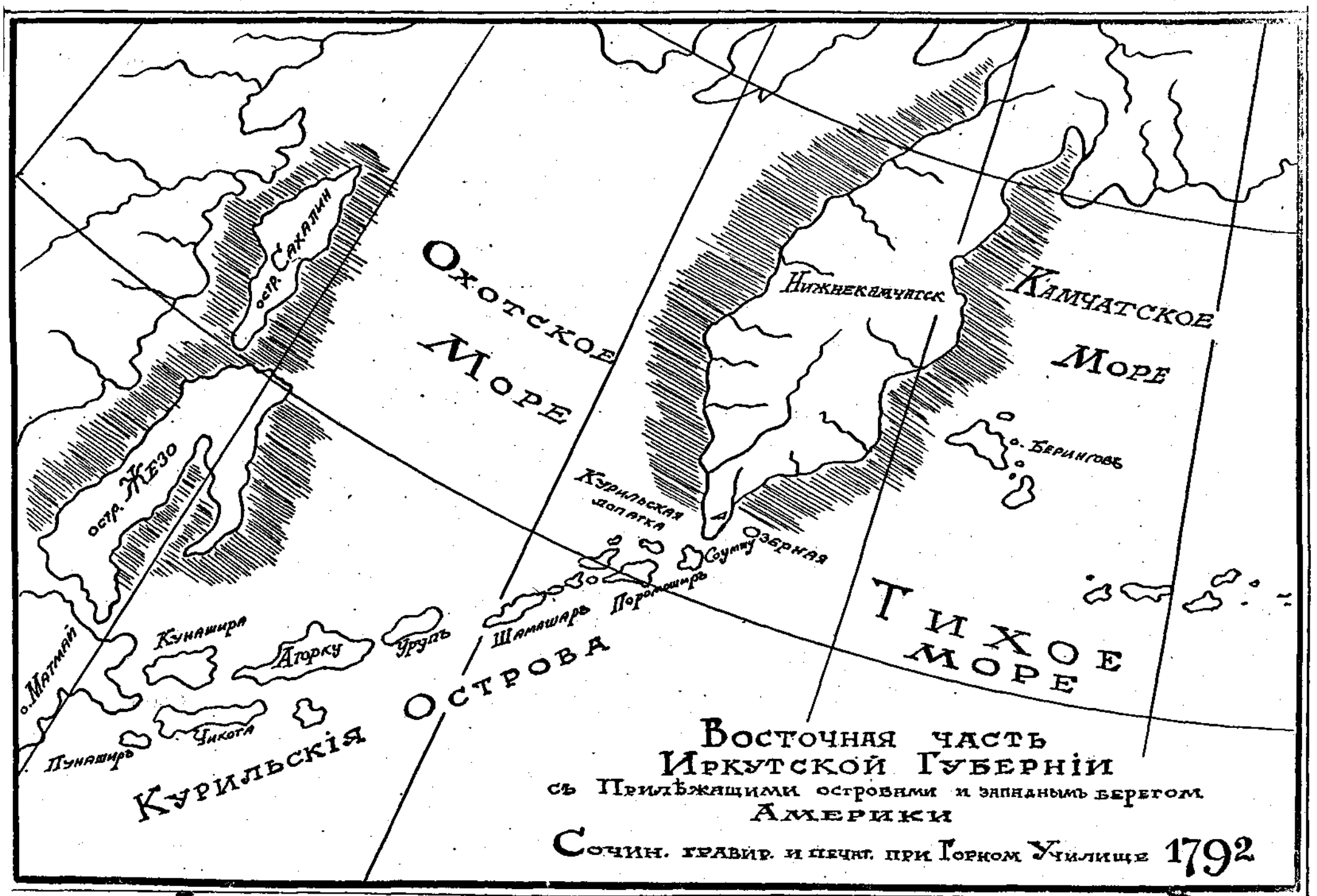
Закрепление суверенитета России над всеми Курильскими островами последовало и в другом, более важном законодательном акте. 22 декабря 1786 г. Екатерина П в указах "О сохранении права нашег

на земли, российскими мореплавателями открытые". Коллегии иностранных дел и Адмиралтейств-коллегии повелела ввести в действие положения записки президента коммерц-коллегии А.Р.Воронцова и гофмейстера А.А.Безбородко, в котором говорилось следующее: "... По общепринятому правилу на неизвестные земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили как то в прежние времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-нибудь европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставил на ней свой знак, а римского неповедения государям римские папы к большему оного утверждению щедро давали на то свои буллы, в чем и все доказательство права к завладению и заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России гряда Курильских островов, касающихся Японии, открытой Шпанбергом и Вальтоном", Аляска, Алеутские и Лисьи острова и берег американский к северу от $55^{0}21$[158].

Таким образом, к концу XVIII века было осуществлено формальное присоединение к нашей стране Курильских островов, в том числе их южной части по её внутреннему законодательству, в отношении которых ею осуществлялись акты суверенной власти, не противоречащие международному праву и даже в известном смысле признанные другими государствами[159].

Так, 12 сентября 1789 года испанский посол Галвес в "конфеденциальной записке" на еженедельной конференции в МИД России обратился с просьбой к её правительству принять в русских портах и гаванях на Дальнем Востоке, в том числе на Курильских островах, два испанских корбля, направляющихся в кругосветное плавание. В ответ на это 17 октября того же года Галвесу с одобрения Екатерины II была вручена нота, в которой сообщалось, что е.и.в. направит соответствующие распоряжения, в том числе на "Алеутские

Рис. 10.

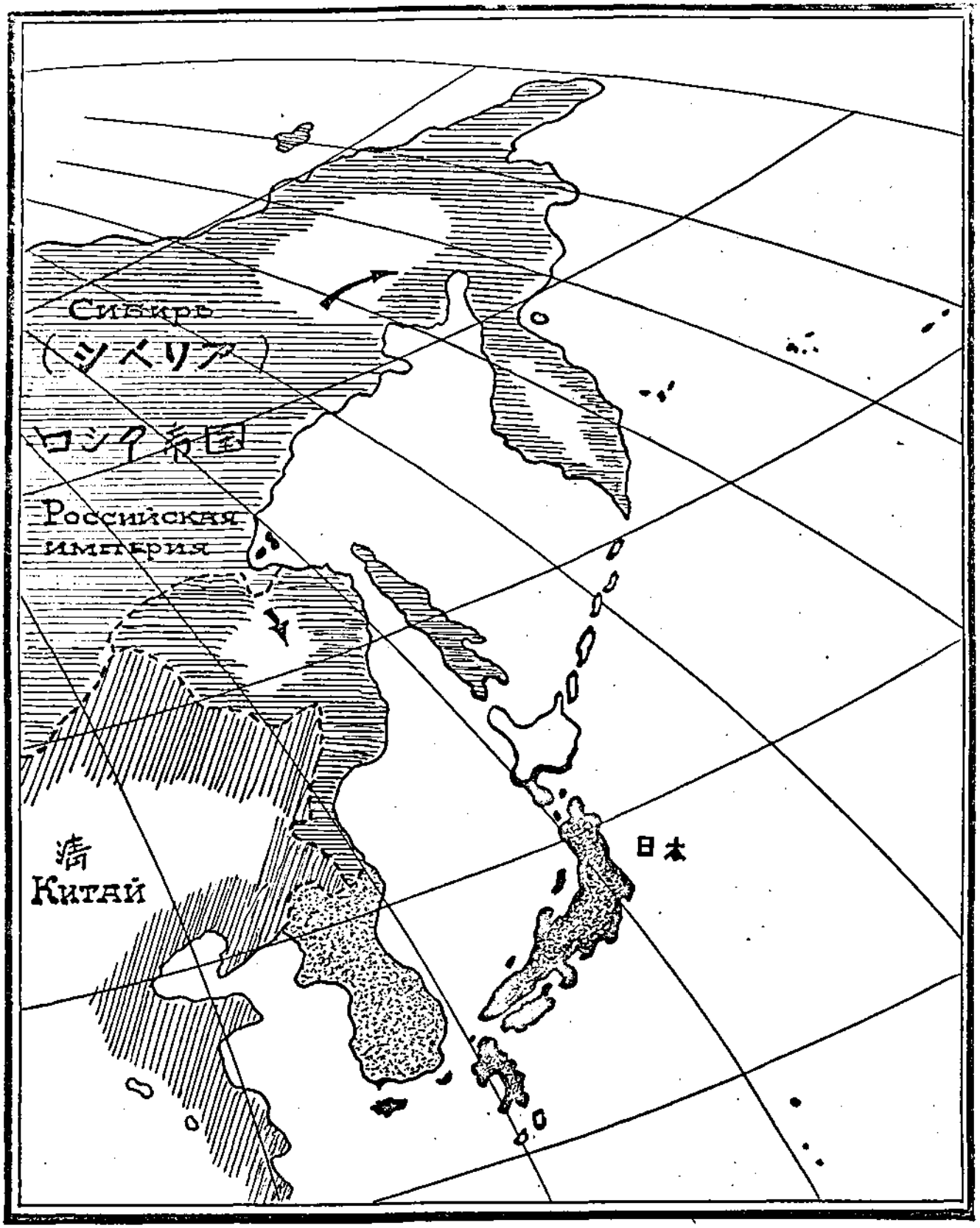


Восточная часть
Иркутской Губерніи
съ Прилѣжащими островами и западнымъ берегомъ
Америки

Сочин. гравир. и печат. при Горномъ Училище 1792

и Курильские острова, обретенные русскими мореплавателями"[159а]. Правда, эти права России на все Курильские острова не были закреплены ни в двустороннем русско-японском, ни в каком-либо международном соглашении России с другими государствами, и власти России не осуществляли над южной частью Курил регулярного административного контроля. Тем не менее формальная принадлежность южной части Курильских островов России, не говоря уже о более северных островах Курильской гряды во второй половине XVШ века признается как в русской, так и в японской картографии. В официальном атласе Российской империи 1792 года опубликована карта России под заголовком: "Восточная часть Иркутской губернии с прилежащими островами и западным берегом Америки", на которой изображены все Курильские о-ва и часть о-ва Хоккайдо. На изданной в 1800 году Географическим департаментом России также в качестве официального документа "Генеральной карте Российской империи" имеется заголовок: "Восточная часть Иркутской губернии, содержащая 2 уезда и Чукотскую землю с прилежащими островами и западный берег Америки", причем в состав "прилежащих островов" включены не только Сахалин и все Курилы, но и восточная часть Хоккайдо (рис.*10*). "Генеральная карта Российской империи" 1811 года в этом отношении повторяет упомянутую официальную карту 1800 года.

На "Карте северных окраин", которую в 1790 году составил Т.Могами, приведены русские названия Курильских островов по их нумерации, а о-в Сахалин обозначен как "независимый"[160]. Более того, появилось немало русских географических названий, которые даже на Хоккайдо, не говоря уже о Курильских о-вах и Сахалине, были зафиксированы в мировой картографии[161]. Это свидетельствует о том, что русские, в противоположность японцам, во второй половине XVШ века активно осваивали Курильские острова и что Сахалин



Фрагмент карты:
« Мир в XVII – XVIII в.в. »
История Японии (Нихон-но рэкиси)
том 12, изд. Общества по изучению новой истории Японии
(„Нихон киндайси кэнкюкай"). Токио, 1964, стр. 859.

в этот период оставался в зоне их взаимного проникновения.

Стремясь использовать айнов в качестве посредников в торговле с Японией, осенью 1792 года правительство России направило для установления торговых отношений в северо-восточную часть о. Хоккайдо - г.Нэмуро русскую официальную миссию во главе с А.Лаксманом. Без каких-либо препятствий с японской стороны русские моряки составили географическое описание северо-восточной части этого острова, а также о-вов Кунашир, Итуруп и Плоские.

Специалист по русско-японским отношениям историк Р.Окамото о первоначальном освоении русскими южной части Курильских островов писал следующее: "По отношению к Эторофу (Итуруп. - К.Ч.) можно сказать, что он был только номинальным владением (клана Мацумаэ. - К.Ч.), и ни один человек не плавал туда на судне и не распространял там доктрин гражданственности, государственного подчинения и религии... Русские, воспользовавшись этой пустотою, пришли сюда, жили здесь подолгу, водрузили во всех местах кресты и пр...."[162]. Р.Окамато указывал также, что русские изменив название о-ва Кунашир (на 20-й остров Курильского архипелага) обнаружили очевидное намерение присоединить его вместе с другими Курильскими о-вами к территории России[163]. Ёси Куно также признает, что "не только Курильские о-ва, но и о.Хоккайдо даже в первой половине XIX века не являлся составной частью Японской империи" , Указывая, что "большинство историков, ученых и государственных деятелей рассматривало тогда этот остров как другую страну"[164](Рис. 11).

В 90-х годах XVШ века русские торговые кампании перешли к более активному освоению Курил. Созданная Г.И.Шелиховым Северная кампания, впоследствии вошедшая в состав Российско-Американской компании, основала в 1795 году в год смерти самого Шелихова - на о.Уруп постоянное русское поселение, состоявшее из 40 человек.

В 1799 году русское правительство передало Российско-Американской компании право на все промыслы и добычу полезных ископаемых на Курильских островах, предоставив компании привилегии "пользоваться всеми промыслами Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих" островов[165].

В "Правилах компании", утвержденных Павлом I, в § I указывалось, что Курильские острова принадлежат России "по открытии из давних времен"[166]. Тем самым в 1799 году законодательным путем официально была подтверждена формальная принадлежность нашей стране всех Курильских о-вов.

3. Территориальное размежевание между Россией и Японией в конце XVIII - начале XX веков. Приобретение Японией Курильских островов и Южного Сахалина

Активное освоение русскими дальневосточных территорий в XVIII веке вызвало противодействие со стороны Японии. Это выразилось в ее попытках продвижения в те же районы. Идеологи токугавского сёгуната объясняли необходимость такой политики "агрессивными намерениями" России.

С середины 80-х годов XVIII в. Япония начинает предпринимать акции, направленные на присоединение Курильских островов и Сахалина к своей территории. Экспансия Японии в северном направлении отражала попытку сёгуната справиться с развитием в Японии капиталистических отношений. Важными стимулами для этого послужили активизация исследований и освоения русскими Курильских о-вов и Сахалина[167] и опасение, что неэквивалентный торговый обмен подрядчиков княжества Мацумаэ с айнами южной части Курил и Северного Хоккайдо вызовет их переход на сторону русских[167а]. В 1786 году Токунай Могами, начальник группы из первой официальной экспедиции японского правительства на Курилы и Сахалин взял двух

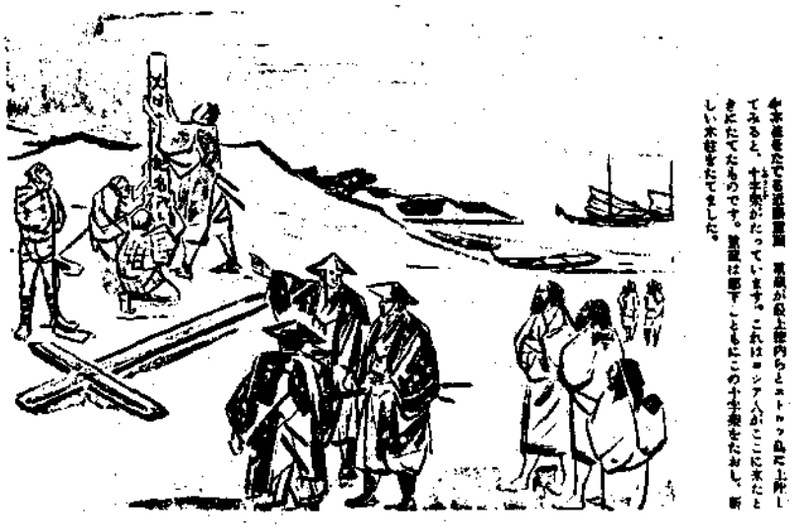


Рис.12. Низвержение русских крестов на о-ве Итуруп (южная часть Курильских островов) в конце XVIII в. отрядом Д.Кондо и установка японских надписей

русских в плен и силой удалил их с места жительства на о.Итуруп. "Токунай, взяв с собой Ишюзова и Сасуновского (правильно Извозова и Сосновского. К.Ч.), вернулся на Кунашир, [illegible] пишет специалист по проблеме "северных территорий" С.Такакура[168]. "Из трех русских (проживавших на о.Итуруп. К.Ч.) двое были отвезены им на остров Кунашир, - указывает ученый Т.Мацунага, - где они были задержаны в податной конторе"[169].

В 1798 году японские чиновники Д.Кондо и Т.Ямада срыли на о.Итуруп кресты и указательные столбы как знаки территориальной принадлежности, а в 1801 году то же самое сделали на о.Уруп, где в это время находилась русская колония под началом иркутского мещанина Василия Звездочетова. Взамен были поставлены столбы с японскими надписями (рис.12). Вопрос о характере этих надписей нуждается в дополнительном изучении. Так, японский историк К. Ямагути пишет, что, например, на о-ве Итуруп в этот период был установлен столб с надписью "Великая Япония, Итуруп" (Дайнихон, Этороф[169а]у). Однако на факсимиле надписи в иллюстрированном учебнике истории Японии видно, что на ней было написано другое, а именно "[Прибывшие из] Ато[ия], - название местности Великой Японии (Дайнихон тимэй Ато[ия][170], то есть "рофу" (знак "а" (ア) был заменен и "э" (エ) дописано "а") и тем самым скрыт тот факт, что японцы прибыли на Итуруп из расположенной на о-ве Кунашир гавани Атоия, которой дано якобы японское географическое название (на самом деле это айнское название, а по-японски гавань называлась Моимото)[171]. Эта надпись была заменена на приводимую К.Ямагути, так же как и многими другими другими японскими учеными, значительно позднее. Например, в книге "Верните северные территории!" говорится, что обелиск с этой надписью был установлен только в 1929 году, и приводится его фотография[172].

О произволе, который творил Д.Кондо на Итурупе, японский

историк И.Нумада сообщает следующее: "Он вырыл столбы, поставленные для обозначения русской границы русским Исиё (сокращенный вариант фамилии "Идзюёдзофу", то есть "Извозов"), который ранее прибыл на остров и поставил вместо них японские знаки"[173]. Один из таких столбов с о.Кунашир был вывезен на о.Хоккайдо и помещен в краеведческом музее в г.Хакодатэ[174].

Центральное правительство Японии начиная с 1604 г. в специальных грамотах предоставляло княжеству Мацумаэ право на монопольную торговлю с айнами, не затрагивая в них вопроса о подданстве или права на территорию за пределами южной части Хоккайдо. В конце XVШ века, передав право на торговлю в айнских поселениях, в том числе на о.Кунашир, своим подрядчикам княжество стало рассматривать эти районы как свою территорию, что вынудило сёгунат взять их под свой административный и военный контроль. Это произошло через 10 лет после подавления японскими войсками восстания айнов на о.Кунашир, возмутившихся жестокостями подрядчиков. В 1800 г. войска княжеств Намбу и Цугаруза заняли о.Итуруп, и освоение его рыболовных участков начал подрядчик Кахэй Такадая[174].

В 1799 году присоединение заселенных айнами южной части Курил и Хоккайдо потребовала специального теоретического обоснования, ибо она означала "открытие страны" для "варваров", что противоречило японскому законадательству. В конечном счете "оправдание" этому захвату было найдено в ссылках на "необходимость обороны страны от иностранцев"[175].

"Движение России на юг, - пишет Р.Окамото, - началось в годы правления Канъэй (1624-1643), затем продолжилось в периоды Мэйва (1764-1771), Анъэй (1772-1780), Тэммэй (1781-1788), Кансэй (1789-1800). Наш северный край подавал повод для все более возрастающих опасений, и в это время именно... тревога заставила японских патриотов, одаренных храбростью, подняться с м е ч о м

в р у к а х" (разрядка моя. - К.Ч.), направившись на Южные Курилы, где клан Мацумаэ ранее фактически... управления своего не распространял"[176].

Аналогичная ситуация складывалась и в отношении Сахалина. В ответ на активное освоение острова русскими японцы также усилили свои попытки укрепиться в этом районе.

В 1786 году на Сахалин прибыли первые чиновники центрального правительства Японии во главе с Тэцугоро Ямагути[177]. В 1790 году японский чиновник Хиромицу Такахаси основал на этом острове небольшую правительственную контору в Сирануси (Крильон)[178]. В 1792 году Т.Могами по поручению японского центрального правительства снова обследовал южную часть Сахалина, где в это время уже жили русские старожилы, с одним из которых ему довелось встретиться.

В 1793 году глава правительства Японии Садзнобу Мацудайра писал, что, поскольку "в отдаленных местностях Карафуто (Сахалин) и Эторофу Итуруп неожиданно появляются варвары (так он именовал русских. - К.Ч.)"[179], то необходимо подготовить войска против России к нападению на "подвластные ей о-ва Эдзо (Курилы. - К.Ч.) или Камчатку"[180].

Глава японского правительства формулировал военные задачи Японии следующим образом: "Если бы имелось в виду издать распоряжение о том, чтобы произвести нападение на государство Россию, то на подвластные ей острова Эдзоские или на Камчатку можно было бы устроить такое неожиданное нападение с небольшим числом солдат, посаженных на одно или два судна"[181].

Таким образом, в правящих кругах Японии вынашивались агрессивные замыслы в отношении России.

Плавания русских к берегам Японии были с самого начала тесно связаны с задачами установления взаимовыгодных торговых и

политических отношений между Россией и Японией и территориального разграничения с целью поддержания добрососедских отношений.

Попытка установить торговые отношения, и притом не безрезультатная, была, как известно, предпринята в 1792-1793 годах экспедицией поручика А.К.Лаксмана на о.Хоккайдо, который беспрепятственно высадился в Нэмуро, на северо-востоке этого острова и привез разрешение японских властей государству посылать одно российское судно в Нагасаки[182].

Саданобу Мацудайра не возражал против прибытия русской миссии на Хоккайдо в условиях строгого запрещения иностранцам на въезд в страну, так как в этот период, по мнению японских ученых, "даже Нэмуро не рассматривался как японская территория, не говоря уже о южной части Курил"[183].

В проекте первого русского кругосветного плавания, изложенного в начале 1802 года капитан-лейтенантом И.Ф.Крузенштерном в записке вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Н.С.Мордвинову, среди государств Азии, с которыми России необходимо было завязать морскую торговлю, первой называется Япония как ближе всего расположенная к упомянутым районам России. Россия могла предложить со своей стороны в качестве основного товара пушнину из Русской Америки, с Камчатки и Курильских островов. Крузенштерн предлагал сохранить сухопутную торговлю с Китаем, поставляя туда меха высшего качества, а всю остальную пушнину "отвозить в Японию или, если зависть оной преградит путь к достижению такового намерения, в Кантон, где всегда продавать можно с великою выгодою"[184].

В Японии хорошо понимали суть политики России, направленной на освоение дальневосточных территорий. По этому поводу японский историк Ёсимицу Кориямд писал: "Переговоры с Японией не являлись единственной целью первого русского кругосветного плавания. Перед нею были поставлены более широкие задачи - хозяйственные пре-

образования в русских владениях в северной части Тихого океана силами Российско-Американской компании на основе прямых связей с азиатскими рынками и тем самым достижение серьезного прогресса в торговле России посредством вовлечения ее в мировой торговый оборот"[185].

26 сентября 1804 г. русский корабль "Надежда" бросил якорь на внешнем рейде Нагасаки, и русский посол Н.П.Резанов, директор-распорядитель Российско-Американской компании, вступил в переговоры с японскими властями об установлении торговых связей в соответствии с правительственной инструкцией об основании на Сахалине и Курильских островах факторий и земледельческих колоний[186]. Он заявил о твердом намерении "присоединить к России Сахалин, который не является владением Китая"[187]. Вместе с тем Резанов предупредил представителя центрального правительства о том, чтобы японская сторона ни в коем случае не расширяла свои территории за пределы о.Хоккайдо в северном направлении[188]. С самого начала переговоры натолкнулись на препятствия с японской стороны, затянулись и в конце концов окончились безрезультатно.

В качестве общей причины неудачи посольства Резанова историки обычно ссылаются либо на изоляцию Японии со второй трети XVII века до середины XIX века, либо на противодействие голландцев, которые не желали появления России как торгового конкурента на японском рынке.

Но решающее влияние на изменение позиции в отношении торговли с Россией оказал переход Японии в самом конце XVIII - начале XIX века к экспансии в северном направлении (формальная аннексия Северо-Восточного Хоккайдо и южной части Курильских островов, а также попытки проникнуть на о.Сахалин и в Приамурье). Такая политика неизбежно влекла за собой усиление недоверия и враждебности в отношении России и тем самым отвлекала от актуаль-

ных политических и экономических проблем внутри страны.

Еще в 1800 году сёгунат после консультации с комиссией из чиновников во главе с Тадааки Мацудайра занял негативную позицию по вопросу о торговле с иностранцами на о.Сахалин, а в 1803 году в письме губернатору Хокадатэ глава правительства сообщил о распространении закона об изоляции Японии на аннексированные территории, в том числе на торговые отношения с иностранцами, прежде всего с русскими[189].

Резанов был не первым из иностранцев, которые испытали на своем опыте это ужесточение позиции Японии в отношении связей с внешним миром. За несколько месяцев до его появления в Нагасаки, в первой половине июля 1803 года, отказ в открытии торговли получили американец Вильям Стюарт, несмотря на то что он в течение многих лет находился на службе в голландской Ост-Индской компании, и в конце того же месяца - другой американец - Джеймс Торри. Оба они пользовались посредническими услугами директора голландской фактории в Нагасаки Хендрика Дуфа.

Хотя Резанов вручил Х.Дуфу по прибытии в Японию три рекомендательных письма в его адрес от представителей голландских властей в Петербурге и г.Батавии (Голландская Индия), при формально дружественных отношениях с Россией эти власти делали все возможное, чтобы сохранить свою монополию на торговлю с Японией[190].

Положение Резанова осложнялось тем, что в августе 1804 года в Нагасаки прибыл голландский корабль "Мария Сусанна", капитан которого по поручению губернатора Нидерландов в г.Батавии уведомил японскую сторону о публикации в голландской газете "Харлемше курант" от 6 сентября 1803 г. сообщения о намерении русских посетить Японию во время своего предстоящего кругосветного плавания. Это позволило сёгунату начать конкретную подготовку к

визиту первого русского посольства и выработку мер в ответ на новую попытку русских открыть ее для торговых и дипломатических отношений, договорившись о справедливом территориальном разграничении между двумя странами. Еще до прибытия русских кораблей, в середине 1804 г., исходя из полученной от голландцев информации, губернатор Нагасаки сделал запрос на имя главы японского правительства о мерах, которые следует ему предпринять после отказа русским в торговле в развитие предыдущих распоряжений правительства.

Таким образом, исход русско-японских переговоров был предрешен еще до прихода российского корабля в Нагасаки, и в сложившейся обстановке Резанов вряд ли вообще мог предпринять что-либо для изменения внешнеполитического курса Японии.

При прощании в Нагасаки с русским послом Резановым, участвовавшие в переговорах с ним японские вельможи - сторонники императора, выступавшие против сёгуна, дали понять, что для установления торговых отношений с Японией необходим повод, который позволил бы им пойти навстречу его пожеланиям. Такой повод, по мнению этих японцев, мог бы возникнуть, если бы русские удалили их "промыслы, примыкающие к Японии с севера", в частности с Сахалина, который, как указывалось в одном из документов Российско-Американской компании, является владением России", "яко по давнишнему праву, приобретенному русскими, принадлежащему им"[191].

Продолжая начатые Г.А.Сарычевым изыскания, во время которых в 1789 и в 1792 годах было уточнено (после исследований Ж.Лаперуза) географическое положение Курильских о-вов Онекотан, Шиашкотан, Райкоке, первая русская кругосветная экспедиция в 1805 году провела геодезические измерения в наиболее важных пунктах Сахалина, а также средней части Курил.

В мае 1805 года И.Ф.Крузенштерн составил описание мыса Крильон

и залива Анива на южной оконечности Сахалина, затем посетил бухту Лососей (Сорунбай) в заливе Анива, где водрузил флаг России. После этого русская кругосветная экспедиция продолжила описание юго-восточного и восточного берегов Сахалина и залива Терпения.

В июле 1805 года Крузенштерн описал Курильские о-ва от о.Шумшу до о.Расшуа и возобновил исследование побережья Сахалина - северо-восточного, северного и части западного. Он установил ошибочность убеждения некоторых ученых о том, что имеется два острова, но Сахалин мелководье и плохая видимость из-за тумана не позволили ему пройти проливом между островом и материком и опровергнуть предположение Ж.Лаперуза и В.Броутона о соединении Сахалина с материком.

В том же году русские с Урупа побывали на Итурупе и обнаружили, что этот остров занял японский вооруженный отряд[192]. Распространился слух о том, что "японцы заточили 14 русских", которые "высадились на Итурупе в надежде допущения торговли"[193]. Поэтому по возвращении из Японии Резанов дал русской экспедиции Н.А.Хвостова - командира фрегата "Юнона" и Г.И.Давыдова - командира тендера "Авось" инструкцию отправиться на южные острова Большой Курильской гряды и проверить слухи о проникновении на Южный Сахалин японцев.

В южной части Сахалина на берегу залива Анива 10 октября 1806 г. русские взали в плен и увезли с собой 4 японцев и подняли там военный и комерческий флаги России. Местным жителям Сахалина в южной части Курил было объявлено о правах России на эти острова[194].

Сведения о занятии японцами южных о-вов Большой Курильской гряды подтвердились. В мае 1807 года экспедиция удалила поселившихся там японцев (последние почти не оказали никакого сопротив-

ления) и составила новое описание о.Кунашир. Экспедиция направила губернатору южной части Хоккайдо послание, в котором указывалось, что Курильские о-ва и Сахалин являются владениями России.

Хвостов и Давыдов потребовали от местных властей Хоккайдо восстановления границ Японии, существовавших на 1795 год, то есть когда было основано русское селение Курилороссия на о.Уруп и до захвата японцами о-вов Итуруп и Кунашир в 1798 году. Действия Хвостова и Давыдова "не представляли собой случайного инцидента, как считают обычно, - пишет Ё.Корияма. - Они имели сложный характер, при котором заветное чаяние русского промышленного капитала на Тихом океане сблизиться с Японией приобрело специфическую форму силового давления"[195]. Это было ответом на политику сёгуната, перешедшего к присоединению районов, пограничных с Россией. Дело дошло даже до того, что 7 декабря 1807 г. наместник японского правительства в княжестве Мацумаэ отдал приказ о начале военных действий против русских, что было "равносильно объявлению войны против России"[196]. Только отплытие русских судов в Охотск предотвратило дальнейшее расширение конфликта.

Взаимное удаление в 1786 году японцами русских с о.Итуруп и в 1806 году русскими японцев с этого острова и Южного Сахалина явилось результатом неосведомленности властей Японии и России о внутреннем законадательстве этих стран по вопросу о границе между ними и отсутствием дипломатических отношений.

1 мая 1807 г. во избежание дальнейших столкновений с русскими глава японского правительства Тадакиё Макино приказал японцам оставить о.Сахалин[197], а 3 июня 1807 г. - о.Итуруп[198]. Мобилизованные в июне того же года на случай возможных военных действий против России войска четырех северных княжеств Японии были направлены в районы, прилегающие к русской границе, однако в соответствии с этими распоряжениями властей от высадки на Сахалин

и Итуруп они воздержались. В феврале 1808 года наместники центрального правительства в княжестве Мацумаэ - Х.Кавадзири и Н. Арао в связи с необходимостью ответа на письмо Хвостова с предложением об установлении торговых отношений поставили перед правительством вопрос об открытии Японии для торговли с русскими при условии, что ее объем будет небольшим. Премьер-министр сообщил о согласии на ее проведение под контролем властей[199].

Однако занятость России европейскими делами - необходимость укрепления русско-французских отношений после заключения Тильзитского договора 1807 года, ухудшение ее отношений с Англией в результате присоединения к проводимой Наполеоном блокаде этой страны, а также военные столкновения со Швецией (1808-1809 гг.) и Ираном (1804-1813 гг.) не позволили России закрепить результаты экспедиции Хвостова и Давыдова в тех или иных соглашениях с японскими властями, хотя в 1808 году Александр I по представлению министра коммерции Н.П.Румянцева в своем именном указе удовлетворил просьбу Российско-Американской компании о заселении Сахалина русскими промышленниками и крестьянами[200].

В нарушение фактически сложившейся линии границы войска северных княжеств Японии, воспользовавшись длившимся в течение нескольких лет бездействием русского правительства, по приказу сёгуна от декабря 1808 года были направлены на о-ва Сахалин, Кунашир . в дополнение к размещенным в 1800 году на Итуруп. В конечном счете южная часть Курил вновь была оккупирована японскими вооруженными отрядами.

Эта акция была связана с решением японского правительства в 1807 году после аннулирования права княжества Мацумаэ на монопольную торговлю с айнами перейти к непосредственному административному контролю над Сахалином.

В 1808 году в этих районах побывали Р.Мамия, Д.Кондо, К.Хи-

раяма и другие официальные представители японского правительства и ликвидировали знаки принадлежности южной части Курил России, восстановленные русскими в 1806-1807 годах. Они поставили новые столбы с надписями, обозначающими их принадлежность Японии. Вместе с тем японское правительство выступило за присоединение Сахалина, несмотря на то, что некоторые круги самурайства во избежании инцидентов предлагали установить границу с Россией по проливу Лаперуза[201].

В 1807 году из Кронштадта для научного описания "малоизвестных земель Восточного края Российской империи" был направлен капитан-лейтенант В.М.Головнин на шлюпе "Диана". На Камчатке в 1811 году он получил предписание "описать полнейшим образом" южные Курильские о-ва, Шантарские о-ва, западное побережье Татарского пролива и Приморье от $53^{0}38'$ северной широты до Охотска.

Выйдя в мае 1811 года из Петропавловска, он начал исследования с о.Расшуа в средней части Курил и провел самое точное определение географических координат средних и южных Курил, что серьезно изменило представления об их географическом положении. В июне то же года Головнин с группой моряков по приказу начальника гарнизона С.Насасэ был вероломно захвачен на южном берегу о.Кунашир, куда они высадились для пополнения запаса пресной воды и покупки провизии.

В период нашествия Наполеона I на Россию и осложнения обстановки в русско-японских отношениях в связи с пленением Головина японские власти попытались юридически оформить насильственный захват южной части Курил на основе превращения Урупа и островов между Урупом и Симуширом в нейтральную зону, причем при обсуждении этого вопроса в Верховном Совете Японии некоторые министры высказывались за проведение границы в районе Сахалина через пролив Лаперуза[202].

В 1813 году бывший помощник Головнина П.И.Рикорд прибыл на Кунашир и вручил японцам письмо иркутского губернатора Н.И. Трескина губернатору Хоккайдо с предложением установить добрососедские торговые отношения и договориться о границах между Россией и Японией. После уведомления русской стороны о том, что экспедиция Хвостова и Давыдова не была санкционирована правительством России, Головнин и сопровождавшие его моряки были освобождены. По вопросу о границах стороны договорились встретиться на Итурупе 20 июля следующего года[203]. Н.И.Трескин не без оснований считал, что правительство Японии не пошло бы на признание прав России на Курильские о-ва к югу от Урупа, то есть район "где и заселение сделано японцами" и поэтому "распространения границ России с сей стороны в настоящих обстоятельствах желать бесполезно и требовать от японцев ни почему не должно"[204]. Головнин же придерживался мнения, что необходимо "предъявить им свои права на три острова (Итуруп, Кунашир и Шикотан. - К.Ч.), по мнению нашему, несправедливо ими занимаемые"[205].

В ответе на письмо иркутского губернатора содержалось предложение провести границу между о.Итуруп и о.Симушир, оставив о. Уруп нейтральным[205а]. Но русским оно передано не было. Позднее "родзю"-высший орган правительства Японии в конечном счете решил по-прежнему придерживаться политики изоляции и отказа от фиксации русско-японской границы в договорном порядке[206]. Мнение же Трескина, хотя и не было принято русским правительством, и 20 октября 1815 года передано на усмотрение генерал-губернатора Сибири И.Б.Пестеля, последний одобрил его в виде инструкции[207]. Указ Александра I от 4 сентября 1821 г. устанавливались экономические права России в отношении торговли, китобойной, рыболовной и "всякой промышленности" в северо-западной части Тихого океана на Курильские острова от Камчатки

до акватории в 100 морских милях южнее о.Уруп, то есть до о. Итуруп[208], не затрагивая вопроса о ее административном суверенитете. Но уже в следующем году из-за усилившихся трений с США и Великобританией правительство России фактически отказалось от претворения этого указа в жизнь[208а].

В 1817-1819 годах Головнин на шлюпе "Камчатка" возглавил новое кругосветное путешествие; маршрут которого проходил через районы, прилегающие к Японии.

Исходя из опыта своего первого путешествия, Головнин подготовил письмо о посягательстве иностранцев на русские владения в северо-западной части Тихого океана, где они занимались контрабандной торговлей. Это письмо в 1819-1820 годах имело широкое хождение в официальных кругах России и вместе с отчетами других мореплавателей повлияло на решение русского правительства перейти здесь к более решительной политике. "В таком случае, - пишет американский историк Дж.Стефан, - можно считать, что кругосветное плавание шлюпа "Камчатка" (1817-1819. - К.Ч.) оказало значительное влияние на внешнюю политику России"[209].

В утвержденных почти одновременно с этим указом, 13 сентября 1821 г., "Привилегиях, даруемых от сего времени впредь на 20 лет Российско-Американской компании" ей было предоставлено право "занимать в российское владение" также районы за пределами указанных координат, "если оные никакими другими европейскими нациями или подданными Американских Соединенных Штатов не были заняты и не вступили в их зависимость".

Освоения Курильских островов Россией продолжалось и в последующие годы, начиная с восстановления в 1828 году на о.Уруп русского поселения.

В 30-40 году XIX в. русские морские экспедиции неоднократно заходили на Южные Курилы и продолжали поддерживать контакты с

местным населением.

Продолжая дело русских землепроходцев и мореплавателей на Дальнем Востоке, капитан Г.И.Невельский возглавил русскую экспедицию в Приамурье и на Сахалин в 1849-1855 годах. Его сподвижник Н.К.Бошняк собрал сведения о русских поселенцах в западной, восточной и южной частях этого острова[210]. Большую помощь экспедиции оказало коренное население, которое сыграло важную роль в присоединении острова к России[211]. На самом юге Сахалина в 1853 году Невельской основал в заливе Анива пост Муравьевский и объявил местным жителям и командирам иностранных судов, посещавших берега Татарского пролива, что Приморье до границы с Кореей и Сахалин являются русскими владениями.

В 1852 году ввиду угрозы со стороны западных держав владениям России в северо-западной части Тихого океана в кругосветное плавание была направлена русская экспедиция во главе с вице-адмиралом Е.В.Путятиным. Она должна была установить дипломатические и торговые отношения с Японией и договориться о территориальном разграничении в районе Сахалина и Курил на основе признания прав России на эти острова. Непосредственным поводом для претворения в жизнь этого начинания были появившиеся в 1852 году сообщения в печати о предстоящих американских экспедициях в Японию под командованием К.Рингольда и М.Перри.

К середине XIX века международное положение Японии коренным образом изменилось. После превращения Китая в результате "опиумных войн" 1839-1842 годов в полуколониальную страну, зависимую от Англии, Франции и США под сильным давлением западных держав правящие группировки Японии также вынуждены были согласиться на заключение неравноправных договоров, по которым для иностранных держав открывалось несколько японских портов для торговли. В 1856-1858 годах с США, Англией, Францией, Голландией и Россией были

заключены соответствующие договора.

В отличие от линии западных держав, прежде всего Америки, на насильственное открытие Японии под угрозой применения силы, Путятин, в соответствии с инструкциями русского правительства, во время переговоров с японцами использовал лишь мирные средства, стремясь к установлению дружественных, добрососедских отношений, основанных на взаимной выгоде и справедливом территориальном разграничении[212]. Такая политика объяснялась объективными условями - слабостью России на Дальнем Востоке и осложнением обстановки в Европе накануне войны с Англией, Францией и Турцией.

Путятин дважды побывал в Японии - в I853-м и в I854-I855 годах. В письме высшему совету Японии в ноябре I853 года он предложил в районе Сахалина провести границу по проливу Лаперуза.

В шифрованной депеше директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г.Сенявину № I47 от 27 февраля I854 года. Е.В.Путятин сообщал о получении в Шанхае его депеши № 2576 по вопросу о разграничении в районе Сахалина следующее: "Отправляя шхуну "Восток" для осмотра южной части Сахалина, чтобы узнать, как далеко японцы простерли свои заселения к северу, я предписал командиру соблюдать при этом крайнюю осторожность и не возбуждать подозрения японцами. По возвращении шкуны я получил от капитана Невельского копию с Высочайшего повеления занять остров Сахалин и известие о занятии русскими залива Анивы... Усматривая же теперь, что Министерство иностранных дел не имело в виду занимать Аниву, я полагаю, если встречу сильный протест против сего со стороны японцев, дать вид, что это сделано временно..., пока ясно не будут определены границы между Россией и Японией. По этому поводу я покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение, чтобы в случае предъявления мною необходимости

покинуть русские заселения на южной оконечности Крафто мера эта была бы немедленно приведена в исполнение начальниками тех мест"[2I2а].

Из этого документа видно, что требования Е.В.Путятина в отношении Сахалина, вопреки повелению императора об оккупации всего острова, носили тактический характер, что соответствовало инструкции правительства действовать в зависимости от обстановки.

Так же действовал он и в отношении Курильских островов. Е.В.Путятин 20 января I854 г. на переговорах о заключении первого русско-японского договора заявил японским уполномоченным: "О-в Итуруп прежде был посещаем русскими, которые имели на нем свое поселение, впоследствии... там поселились японцы. По нашим понятиям это заселение еще не дает Вам полного права на владение этим островом"[2I3]. В шифрованной депеше же Л.Г.Сенявину № I75 от 2I января I854 г. руководитель русской миссии писал: "...Оставление поста и объявление о наших правах на остров Итуруп я буду удерживать до того времени, пока проект трактата по крайней мере в главных чертах не будет утвержден"[2I3а].

В дополнительной инструкции руководителю русской миссии МИД России Николаем I № 730 от 27 февраля I853 года, проект которой Николай I утвердил за 3 дня до этой даты, содержалось следующее указание: "Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом российских владений, так чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (как и ныне она в сущности есть) границею с Японией, что с японской стороны считалась северная оконечность Итурупа... И Вы можете объяснить им, что о.Уруп...считается границею наших владений в Курильских островах"[2I3б].

Несмотря на то, что японская сторона, ссылаясь на ответ своего правительства, выдвинула притязания на все Курильские о-ва, 6 января I854 г. по возвращении из Китая Путятин повторил свои первоначальные предложения о разграничении. Переговоры были продолжены.

На первом их этапе Япония, опасаясь выступления против нее России совместно с западными державами, в особенности с Соединенными Штатами, готова была согласиться на установление границ в районе Сахалина и Курильских островов. В пользу этого свидетельствует публикация по приказу властей ряда географических карт, приуроченных, как отмечают японские ученые, к началу переговоров по этому вопросу с миссией Путятина в конце I853 - начале I854 года. Так, наряду с составленной в I853 году "Картой границ России в Маньчжурии", в I854 году Х.Кудо была подготовлена "Карта важнейших морских границ Великой Японии", на которой линия ее границы на севере проведена по западному и северному побережьям о.Хоккайдо[2I4].

Заключительный этап переговоров совпал с разгаром Крымской войны, что создало для японской стороны благоприятную обстановку в вопросе об удовлетворении части ее территориальных притязаний. Миссия Путятина, потерявшая к тому же в результате землетрясения и шторма свой фрегат "Диана", находилась под постоянной угрозой нападения английских и французских военных кораблей. Для отражения возможного нападения на о.Маэсима в бухте Симода русские были вынуждены оставить свой сторожевой пост. Считалось из общих соображений, что представители Японии снова выступили с претензиями на Курильские о-ва и Сахалин к югу от 50° северной широты, используя тяжелую для русской миссии обстановку.

Однако из рассекреченных в I99I году документов МИД России выясняется, что глава русской миссии придерживался на этот счет другого мнения.

В депеше Л.Г.Сенявину № I786 от I8 июля I855 года он сообщал следующее: "После окончательной гибели фрегата я крайне опасался, чтобы японцы, воспользовавшись нашим положением, не стали вовсе отказываться от заключения трактата или, по крайней мере, не вздумали бы делать новых притязаний относительно определения границ.

Я до сего не раз находился вынужденным объяснять им, что скорее совсем с ними разойдусь, нежели соглашусь на неуместные их требования; опасения мои были однако же излишни, японцы принимали искреннее участие в нашем бедствии и, хотя сначала настаивали, чтобы целое племя айносов острова Сахалин было признано японским, но окончательно согласились выпустить эту статью и вообще были умереннее и сговорчивее, чем можно было ожидать.

При занятии новых пунктов на Сахалине необходимо будет в целях упрочения дружеских отношений с Японией не делать заселения в заливе Анива и вообще избегать заселения этих мест, где сделаны японцами летние, а тем более зимние устройства"[2I4a].

Переговоры близились к завершению. К тому времени на Сахалине уже был учрежден пост Муравьевский. Признав факт более раннего появления русских на о.Итуруп, японская сторона, тем не менее, заявила, что этот остров, так же как Кунашир и другие острова этого района, наряду с Южным Сахалином до 50° северной широты, должны принадлежать Японии по этнографическому критерию, а именно исходя из того, что айны – это один из компонентов в этногенезе японского народа и что в силу этого все они являются японскими подданными, независимо от того, объявили ли они о своей государственной принадлежности Японии либо России или оставались лицами, не имеющими своей государственности[2I6]. Однако такой аргумент, как было показано выше, является несостоятельным, так как айны и японцы принадлежат не только к разным национальностям,

ученые, к началу переговоров по этому вопросу с миссией Путятина в конце 1853 - начале 1854 года. Так, наряду с составленной в 1853 году "Картой границ России в Маньчжурии" в 1854 году Х.Кудо была подготовлена "Карта важнейших морских границ Великой Японии", на которой линия ее границы на севере проведена по западному и северному побережьям о.Хоккайдо[214].

Заключительный этап переговоров совпал с разгаром Крымской войны, что создало для японской стороны благоприятную обстановку в вопросе об удовлетворении части ее территориальных притязаний. Миссия Путятина, потерявшая к тому же в результате землятресения и шторма свой фрегат "Диана", находилась под постоянной угрозой нападения английских и французских военных кораблей. Для отражения возможного нападения на о.Маэсима в бухте Симода русские были вынуждены оставить свой сторожевой пост. Используя тяжелую для русской миссии обстановку, представители Японии снова выступили с претензиями на Курильские о-ва и Сахалин к югу от 50° северной широты. К тому времени на Сахалине уже был учрежден пост Муравьевский.

Переговоры близились к завершению. Признав факт более раннего появления русских на о.Итуруп, японская сторона, тем не менее, заявила, что этот остров, так же как Кунашир и другие острова этого района, наряду с Южным Сахалином до 50° северной широты, должны принадлежать Японии по этнографическому критерию, а именно исходя из того, что айны - это один из компонентов в этногенезе японского народа и что в силу этого все они являются японскими подданными, независимо от того, объявили ли они о своей государственной принадлежности Японии либо России или оставались лицами, не имеющими своей государственности[216]. Однако такой аргумент, как было показано выше, является несостоятельным, так как айны и японцы принадлежат не только к разным национальностям,

но и к разным расам.

Считая первоочередной задачей заключение "трактата" о торговле и дружбе, по которому разрешалась торговля между двумя странами, Путятин под нажимом японцев 7 февраля 1855 года в Симода согласился на проведение границы между о-вами Уруп и Итуруп, а также, как отмечалось выше, на то, чтобы Сахалин остался неразграниченным между Россией и Японией. При этом Путятин сделал оговорку, обусловив эту уступку согласием Японии на развитие торговых отношений Японии с Россией.

Ст. 2 трактата гласила: "Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается не разделенным между Россией и Японией, как было до сего времени"[214].

"Россия настаивала на том, что о.Итуруп с самого начала принадлежит России, а Япония - что все острова принадлежат ей, - пишет С.Такакура. - В конце концов Россия уступила Японии владение о.Итурупом с тем условием, чтобы Япония согласилась на торговлю"[215]. Однако, воспользовавшись низкой конкурентоспособностью русских товаров, Япония сделала главный упор на развитие торговли с другими странами[216], в результате чего торговля с Россией впоследствии развивалась очень слабо. Россия, таким образом, не получила от Японии никакой компенсации за ущерб, связанный с уступкой южной части Курил.

В сентября 1857 года Путятин вновь посетил Нагасаки. На этот раз целью его визита было заключение договора, который регулировал правила торговли в открытых портах. В ст.XXУШ дополнения к трактату, заключенному в Симоде между Россией и Японией, говорится следующее: "Если впоследствии окажется нужным

изменить или дополнить некоторые из статей сего трактата, то каждое из правительств имеет право требовать пересмотра оных"[217]. Тем самым Россия сохранила за собой правооснования для изменения положений договора 1855 года по территориальному вопросу.

Летом 1859 года для того, чтобы закрепить за Россией Сахалин, с эскадрой в Эдо прибыл генер.-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев. Несмотря на убийство японцами двух русских матросов, он приступил к мирным переговорам о русско-японской границе в районе этого острова, не прибегая к военной силе.

Муравьев настаивал на признании Японией Сахалина в качестве русской территории, заявив, что 170 лет назад, то есть до заключения Нерчинского договора с Китаем в 1689 году, р.Амур и о.Сахалин фактически принадлежали России. Русский представитель заявил, что после возвращения России в 1858 году Амура, захваченного маньчжурами, на повестку дня встал также вопрос об оформлении фактических прав России и на этот остров. В свою очередь, японская сторона, ссылаясь на топонимику острова, утверждала, что это - исконно японская территория, и, исходя из того что по русско-японскому договору 1855 года граница между Россией и Японией на Сахалине не была установлена, требовала его раздела по 50° с.ш. Но когда русские привели доказательства, что топонимика острова целиком айнская, японцы стали ссылаться на те европейские карты, где он изображен как японская территория. Переговоры были прерваны и возобновились в 1862 году в Петербурге с прибытием японской миссии в составе Такэноути, Мацудайра и Кёгоку, которые продолжали настаивать на разграничении Сахалина по 50° с.ш.[218]. В связи с отказом русского уполномоченного А.П.Игнатьева удовлетворить эти требования на том основании, что японцы не являются старожилами Сахалина, и в связи с предложением русской стороны о

проведении границы по естественному рубежу – проливу Лаперуза в заключительном протоколе было записано решение продолжить обсуждение этого вопроса между губернатором Приморской области П.В.Казакевичем и представителем японского правительства.

Эти претензии получили поддержку США, Англии и Франции, так как в случае их удовлетворения они рассчитывали на предоставление им Японией права беспошлинной торговли в южной части Сахалина. Но позднее Япония нарушила договоренность о продолжении переговоров, и они возобновились только в январе 1867 году. Царское правительство пошло на новую уступку Японии, предложив передать ей в будущем о.Уруп с тремя прилегающими небольшими островами Чипрой, Брат Чипроев и Броутон взамен на признание за Россией прав на весь Сахалин с сохранением за Японией прав на имеющиеся у нее рыболовные промыслы в акватории этого острова. Эти уступки царизма соответствовали общему направлению его политики отказа от отстаивания национальных интересов страны в северо-западной части Тихого океана, которое нашло свое наиболее яркое воплощение в продаже Соединенным Штатам за бесценок в том же году русской Америки.

В марте 1867 года между Россией и Японией были подписаны Временные правила относительно о.Сахалин. В Правилах приводилось предложение России о проведении границы по проливу Лаперуза в обмен на о.Уруп с тремя прилегающими островами: Чипрой, Брат Чипроев и Броутон и указывалось, что в течение некоторого времени Сахалин будет находиться в совладении двух государств. Включение в текст соглашения, также по предложению России, данного положения подчеркивало тот факт, что Россия не отказывалась от своих правооснований на южную часть Сахалина. Несмотря на это, японское правительство стремилось при ходатайстве Америки либо "определить границу на линии 50° северной широты", либо за 2 млн. иен купить район к югу от этой параллели.

Попытки заселения острова японскими колонистами потерпели неудачу. Часть из них уехала из Ямакоси в Японию еще в 1860 году, а остальные начали возвращаться с Сахалина в 1870 году, так как они не выдержади сурового климата и многие заболели. Так, в 1874 году с Сахалина уехало 332 колониста[220], к 1875 году - 458 из 660, и японские власти, уведомив оставшихся переселенцев о том, что они снимают с себя ответственность за их пребывание на этом острове[221], фактически отказались от претензий на этнический суверенитет в отношении этой территории. В то же время число русских поселенцев на острове к 1872 году достигло 1900, причем число русских военных постов возросло до 155.

В 1856 году на западном берегу Сахалина был основан русский военный пост в Дуэ, в 1857 году - в Кусунай (Ильинск), в 1867 году восстановлен на новом месте временно снятый в мае 1854 году, в период Крымской войны, пост Муравьевский на самом юге острова и еще пять других постов в различных его районах[222].

Таким образом, Япония не выдержала соревнования с Россией в хозяйственно-культурном освоении Сахалина, который в этот период стал быстро превращаться в ее этническую территорию.

В годы незавершенной буржуазной революции в Японии во второй половине 60-х годов и в последующий период Россия проводила политику невмешательства в гражданскую войну в Японии. В 1868 году глава японского правительства сёгун Кэйки Токугава через губернатора г. Хакодатэ сообщил русскому консулу в этом городе Е.К. Бюцову о готовности отказаться не только от всего Сахалина, но и от Хоккайдо как территории, подвластной не центральному правительству, а князю Мацумаэ, при условии если правительство России окажет сёгуну военную помощь в борьбе со сторонниками японского императора. Однако Александр II отверг это предложение. При этом русское правительство по-прежнему настаивало на отказе Японии от

притязаний на южную часть Сахалина[223]. В начале 1869 году Боцов, сославшись на инструкцию своего правительства, вновь не принял от губернатора Хоккайдо предложение оказать военную помощь экс-сёгуну Японии при условии отказа от претензий на Южный Сахалин и уступки России о. Хоккайдо. Такая политика отличалась от политики западных держав, которые осуществляли широкое вмешательство в гражданскую войну в Японии.

В 1874 году представитель Японии Т. Эномото начал переговоры с государственным канцлером России А.М. Горчаковым о признании за Россией Сахалина только "в обмен" на среднюю и северную часть Курильских островов. Эти переговоры сопровождались антирусской кампанией в печати усилившихся военно-феодальных элементов. Они призывали к развязыванию агрессии с целью прямой оккупации тех территорий, на которые Россия сохраняла не только все правовые основания, но и права в силу действующих международных договоров и норм международного права. Японская сторона прибегала к шантажу и угрозе с помощью стран создать на Сахалине "независимое" государство японских и европейских колонистов. Под сильным нажимом со стороны Японии, а также под влиянием угрозы войны с Турцией царизм, продолжая антинациональную политику в этом регионе, в 1875 году согласился уступить часть Курильских о-вов в обмен на признание за Россией территориалных прав на весь Сахалин. В ст.3 Трактата, заключенного между Россией и Японией 25 апреля (7 мая) 1875 г., говорится, что "Его Величество Император Всероссийский за Себя и Своих Наследников уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими"[224].

Таким образом, в тексте трактата говорится лишь об уступке прав на Курильские о-ва, но не об отказе от правооснований на эти территории.

Осуществив к 1884 году политику насильственного выселения

коренных жителей северной части Курил и Шикотан[225], практически превращенный в резервацию для лиц, многие из которых являлись первоначально подданными России, и проводя политику, способствующую их вымиранию, Япония прямо нарушила п.4 дополнительной статьи трактата 1875 году, в котором говорится, что после изменения подданства на японское жители Курил могут "остаться на постоянное жительство в занимаемых ими м-естностях"[226].

Нарушение п.4 автоматически привело к нарушению также п.5 той же статьи тактата, гарантирующей "природным жителям" Курильских о-вов свободу отправления религиозного культа и неприкосновенность их храмов, ибо насильственное перемещение айнов, естественно, не позволяло им свободно отправлять свой религиозный культ в местах их прежнего поселения. Доступ русским священникам с севера фактически оказался закрытым: девять лет, с 1875 по 1884 год, здесь оказалось возможным провести только одну службу у айнов священником Титом Кома-цу в 1884 году. на Шикотане, где православие сохранялось до окончания второй мировой войны.

В 1885 году японское правительство включило о.Шикотан в состав провинции Тисима (Курильские острова) и, переселив на этот остров северокурильских айнов, превратило его в резервацию, где айны в неблагоприятных климатических условиях стали быстро вымирать, и через несколько десятилетий их численность резко сократилась.

В 90-х годах XIX в. северную часть Курил начали заселять японские колонисты, и они стали превращаться в базу агрессивных действий против России в конце 1904 года батальон японцев с о.Шумшу (северная часть Курил) под командованием С.Гундзи, поддержанный судами, предпринял попытку закрепиться на Южной Камчатке в районе села Озерное. В июле того же года японские войска общей численностью до 14 тыс. человек при поддержке 40 судов высадились на

Сахалине и оккупировали его. Это произошло после того как в феврале 1904 году вооруженные силы Японии совершили внезапное нападение на русский флот в Порт-Артуре и развязали русско-японскую войну.

По окончании войны Россия вынуждена была подписать в 1905 году Портсмутский мирный договор, по которому Япония приобрела южную часть Сахалина. Тем самым был изменены условия Петербурского договора 1875 года, в соответствии с которым Россия, как известно, приобретала полные права на весь Сахалин "в обмен" на среднюю и северную части Курильских островов. В приложении 10 к протоколам Портсмутского договора было записано, что "все торговые договоры Японии с Россией аннулируюся в результате войны"[227], но это не имело отношения к русско-японскому трактату о торговле и дружбе" 1855 года, ибо этот договор в 1875 г. был заменен другим договором о границе, не отмененным в части касающейся Курил и поэтому сохранившим свою силу до окончания второй мировой войны.

x x
x

1. Приоритет в заселении Сахалина и Курильских островов принадлежит предкам современных коренных народностей Советского Дальнего Востока (прежде всего нивхам), которые были вынуждены переселяться в северные районы в результате японской экспансии. Они не находились в вассальной зависимости ни от японцев, ни от китайцев, хотя и вели с ними меновую торговлю, предметы которой в Японии произвольно рассматривались как дань местных жителей. Такое положение сохранялось до XУП в., когда в районе этих островов появились русские и японцы и начался процесс в районах, заселенных преимущественно айнами.

2. Русские не только открыли Сахалин и Курильские острова, но и осуществили исследование и первоначальное хозяйственно-культурное освоение их в XУП-XУШ вв., когда не только эти территории, но даже бо́льшая часть о. Хоккайдо рассматривались как не входящие в состав Японии. На Курилах и Сахалине стали селиться русские, а аборигены

вступать в подданство России. По указу Екатерины II 1786 г. и Правилам Российско-Американской кампании 1799 г. Курилы, а в 1808 г. по правительственному указу (№23207-а) о разрешении учреждать ей на Сахалине фактории и этот остров вошли формально в состав России, хотя до подписания первого русско-японского договора о территориальном разграничении в 1855 году русской постоянной гражданской администрации ни на Сахалине, ни на южной части Курил не было.

3. С конца XVIII в. Япония стала проводить политику вытеснения русских из указанных районов и их присоединения к своей метрополии. Начало первой, второй и третьей "волны" японской экспансии в северном направлении хронологически совпало с решениями русского правительства о закреплении прав на Курилы (1786 и 1799 гг.) и на Сахалин (1808 г.), а завершение третьей "волны" (возвращение княжеству Мацумаэ пограничных с Россией земель) - с указом, в котором провозглашался экономический суверенитет России в районе Курильских островов, включая его южную часть (1821 г.). В дальнейшем японская экспансия активизировалась в периоды, когда Россия оказывалась в тяжелом положении в связи с войной с европейскими державами (1855г. угрозой такой войны (1875 г.) и прямой агрессии со стороны Японии (1905 г.). Вынужденные в результате захватнических действий со стороны Японии территориальные уступки России привели к утрате ею и ее правопреемником Советским государством правового титула на эти острова, то есть права на законное обладание суверенитетом над ними.

4. Уход русских из Приамурья после русско-китайского договора 1689 г. в г.Нерчинске замедлил темпы освоения русскими указанных островов и повлиял на его характер. Это привело к тому, что русская вольная колонизация прибрежных районов Дальнего Востока стала развиваться окольными путями через трудно доступные районы Камчатки, в результате чего к активному освоению лежащего у устья

Амура Сахалина, открытого русскими еще в середине XVII в., Россия смогла приступить только после восстановления своих прав на Приамурье после заключения русско-китайских договоров середины XIX в. В то же время утрата ею Приамурья способствовала изменению в XVII-XVIII вв. направления освоения русскими Сахалина и Курильских островов и замедлению темпов формирования русско-японской границы.

Глава III

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I. Попытки территориальной экспанции Японии против СССР в период до второй мировой войны

Как, известно, империалистическая Япония приняла активное участие в иностранной интервенции, имевшей главной целью разгромить молодую Советскую республику. Япония весьма настойчиво проводила политику территориальных захватов в отношении Советского государства. Правящие круги Японии стремились, воспользовшись удобной возможностью, отторгнуть от Советской России на первом этапе в 1918-1919 году, всю ее азиатскую часть, а на втором этапе в 1920-1922 году, Советский Дальний Восток.

В 1919 году дипломатический представитель Японии при армии Колчака сообщил японскому ставленнику Семенову о намерении присоединить к Японии Северный Сахалин, а также создать на территории Дальнего Востока и Сибири возглавляемое им буферное государство, включить в его состав районы от северо-западных границ Приморья до Урала.[1]

Тогда же Япония стала осуществлять политику обособления от остальной России районов к востоку от Байкала, а в 1920 году Колчак официально признал над этими территориями власть Семенова, и последний заключил с Японией договор о передаче ей Приморья[2]. Вынужденный под ударами партизан и армии Дальневосточной республики оставить к началу 1920 года почти все захваченные им территории, японский экспедиционный корпус с апреля 1920 года начал новое широкое наступление. На втором этапе интервенция осуществлялась силами одной Японии, которая теперь ставила перед собой задачу отторгнуть от России уже только дальневосточные районы, в первую очередь северную часть Сахалина, Приморье и Камчатку.

В апреле 1920 году японские войска захватили Приморье, в июне того же года Северный Сахалин и Приамурье были привращены в базу для нападения на Камчатку, где японцы захватили к 1922 году 93% всех рыболовных участков[3]. На Сахалине же они стремились овладеть запасами нефти и угля.

"Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири, - говорил в 1920 году В.И.Ленин, - фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются..."[4].

В качестве повода для оккупации Северного Сахалина и Приамурья японская сторона воспользовалась провокацией в г.Николаевске, в ходе которой в мае 1920 году партизаны убили консула Исиду, а также освобождением партизанами г.Александровска на Сахалине, где японцы в 1918 году откупили у компании предпринимателя И.Стахеева акции нефтяных промыслов и каменноугольных копий без согласия Советского правительства.

С апреля 1920 года по решению учредительного съезда Дальневосточной республики в г.Верхнеудинске (ныне г.Улан-Удэ) в ее территорию вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин. Это "буферное государство", было создано по инициативе В.И.Ленина, для того чтобы избежать прямого военного столкновения РСФСР с Японией. Тем не менее 15 июля 1920 г. Япония в ноте ДВР подтвердила свое намерение, вопреки воле населения, оккупировать Северный Сахалин, Приморье и г.Хабаровск в течение неопределенного срока. В связи с этим 20 июля 1920 г. правительство ДВР опубликовало декларацию с выражением уверенности в скором окончании интервенции, в которой отвергались какие-либо территориальные уступки иностранным государствам[5]. Позднее, 25 сентября 1920 году, представители Временного правительства Приморской области и Приморской земской управы в русско-японской согласительной комиссии под нажимом японцев вынуждены были подписать соглашение о территориальном разграничении с Японией по р.Иман[6]. Но уже 28 октября 1920 г. в Чите на

объединительной конференции всех областей Дальнего Востока была принята декларация, в которой подтверждалось: "Вся территория бывшей Российской империи к востоку от реки Селенги и озера Байкал до Тихого океана, включая области Западно-Забайкальскую, Восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую, декларируется независимой самостоятельной ресбуликой"[7].

Не считаясь с решением конференции, японские милитаристы продолжали претендовать на Владивосток и прилегающие к нему районы. Так, в январе 1921 году вновь назначенный главнокомандующим японской экспедиционной армией Татибана, игнорируя факт присоединения Приморья к ДВР как территории, вошедшей в состав России по русско-китайскому договору 1860 году, заявил, что "Владивосток принадлежит Корее, а значит, нам, и если владели им русские, то не по праву"[8].

Осенью 1921 года при поддержке японских военных кораблей войска белогвардейцев, сторонников последнего контрреволюционного правительства братьев Меркуловых, которое пришло к власти в результате переворота 6 июня 1921 г., захватили Охотск, Гижигу и Петропавловск, после чего японские рыболовные компании под охраной своих кораблей стали осуществлять хищнический, "свободный" рыболовный промысел в территориальных водах ДВР не только в Японском, но и Охотском и Беринговым морях. Летом 1922 году на Камчатку совершила инспекционную поездку группа Тамура, которая поставила вопрос о разработке ресурсов и колонизации полуострова путем его заселения японцами.

Разгром японских интервентов и их белогвардейских приспешников осенью 1922 году нанес сокрушительный удар попыткам Японии добиться ревизии японо-русской границы на Дальнем Востоке. 7 ноября 1922 г. Красной Армией был освобожден Владивосток, 13 ноября Народное собрание ДВР объявило о присоединении этой республики к РСФСР, а двумя днями позже ВЦИК РСФСР провозгласил ДВР, включая зону,

оккупированную японскими войсками, составной частью РСФСР[9]. Под этой зоной, как видно, например, из заявления делегации РСФСР и ДВР на Чаньчуньской конференции от 25 сентября 1921 г.[10], имелся в виду еще не освобожденный от японцев Северный Сахалин.

В результате успешных переговоров о нормализации двусторонних отношений 20 января 1925 г. в Пекине были подписаны Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, по которой оставался в силе русско-японский Портсмутский договор 1905 году, и соглашение о выводе к 15 мая 1925 г. японских войск с Северного Сахалина[11], где после этого была восстановлена Советская власть.

Вместе с конвенцией была подписана декларация, из которой вытекало, что правительство Союза ССР не разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г.[12] Эта декларация касалась также капитулянтской политики царизма, уступившего Японии Южный Сахалин. Не отказавшись от своих намерений полностью овладеть Сахалином и мечтая о захвате Приморья, Япония стала проводить фортификационные работы вдоль границы с Северным Сахалином размещать ударные части.

Для обеспечивания безопасности своего тыла в ходе войны против Китая и на случай войны со странами Запада на Тихом океане Япония в 1940 г. стала зондировать почву о возможности заключить с СССР пакт о ненападении. В ответ на это советский ~~министр~~ нарком иностранных дел В.М.Молотов поставил условием пакта возвращение нашей стране Южного Сахалина и Курильских островов[12а]. Позднее японская сторона предложила после заключения 13 апреля 1941 года, во время визита в Москву министра иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока советско-японского пакта о нейтралитете на случай, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий. В сентябре 1941 году более 20 пехотных батальонов было размещено на ближайшем к Камчатке о-ве

Шумшу, а также о-вах Онекотан, Матуа, Уруп и Итуруп. Увеличившись за годы войны на Тихом океане, к маю 1944 года общая численность японских войск в северной части Курил составляла 43 тыс.человек, а к концу 1944 года на Южном Сахалине - 20 тыс.человек. Японские войска, размещенные на Южном Сахалине и Курильских о-вах, были подчинены штабу вновь созданной армии Северного военного округа, расположенного в Саппоро. Кроме того, Маньчжурии находилось Квантунская армия (700 тыс.человек).

После вероломного нападения фашистской Германии на СССР все эти войска были приведены в состояние боевой готовности для захвата Приморья, Приамурья, Северного Сахалина и Камчатки. Генеральный штаб японской армии планировал начать военные действия в конце 1941 г.[13], но все время откладывал их из-за замедления темпов наступления немецко-фашистских войск, а затем его провала под Москвой, Сталинградом и Курском. На о-вах Шумшу, Парамушир и Итуруп были созданы военные-морские базы. Таким образом, в планах захвата Советского Дальнего Востока все эти острова играли важную роль. Не менее важную роль эту острова в особенности Курилы сыграли в военных операциях против США. Так, на Итурупе были сосредоточены главные силы японского военно-морского флота, совершившего в декабре 1941 года внезапное нападение на Перл-Харбор (Гавайские острова), а войска, размещенные в северной части Курил, были использованы для оккупации в июне 1942 года о-вов Атту и Киска (Западные Алеуты). После уничтожения этих частей американским военно-морским флотом в июне 1943 года их прежние позиции на Северных Курильских островах заняли японские войска, которые до этого были дислоцированы вдоль советской границы на Южном Сахалине[14].

На ряду с подготовкой к насильственному пересмотру советско-*японской границы в течение первой половине* 40-х годов японская сторона блокировала советские территориальные воды. В Тихом океане

было потоплено 18 и задержано 178 гражданских судов, совершено 779 провокаций на сухопутных границах СССР, и 433 раза нарушалось воздушное пространство Советского Союза[15]. Готовясь к войне против СССР, правящие круги Японии разрабатывали планы, которые предусматривали отторжение от СССР Приморья и Восточной Сибири. Например, в "Основном плане создания сферы сопроцветания Великой Восточной Азии", составленном 27 января 1942 г. Институтом тотальной войны, подчиненным непосредственно премьер-министру, говорилось :"Внутренняя сфера - это жизненно необходимая сфера для империи. Она включает Японию, Маньчжурию, Северный Китай, нижнее течение реки Янцзы и русское Приморье"[16]. В другом документе - "Плане управления территориями Великой Восточной Азии", подготовлено немного раннее, в декабре 1941 года министерством колоний и военными организациями, указывалась даже граница, которую предполагалось установить между Японией и Германией в результате расчленения СССР. В разделе "Будущее советской территории" говорится: "Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением: в настоящее время его разрешить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи, а районы, прилегающие к Маньчжурской империи, будут включены в сферу ее влияния. Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске"[17]. Это представляло собой нарушение советско-японского пакта о нейтралитете, предусматривавшего территориальную целостность сторон (ст.1).

Для осуществления указанных выше целей японское правительство разработало план под названием "Особые маневры Квантунской армии" (Кантокуэн), который предусматривал 29 августа начать и в середине октября 1941 года закончить военные действия против СССР, но не осуществил их из-за провала немецко-фашистского плана молниеносной войны против СССР.

Необходимо также отметить, что в соответствии с "тройственным пактом" 1940 года 18 января 1942 года было заключено секретное военное соглашение между Японией, Германией и Италией, по которому граница военных операций между Японией и Германией в случае войны между СССР и Японией устанавливалась по меридиану Омска (70°в.д.)[18] В дальнейшем в Генеральном штабе Японии был подготовлен оперативный план в 1942 году в расчете на успех наступления германских войск летом 1942 и 1943 годов, который действовал до весны 1944 года. Однако этому плану вследствие успехов союзников в войне на Западе и Тихом океане также не суждено было сбыться. Отметим, правда, что наличие таких оперативных планов у сторон пакта о нейтралитете само по себе не может служить в не связи с другими действиями основанием для обвинения в его нарушении. Упомянутые успехи союзников явились одной из причин заявления Советского правительства о денонсации этого пакта 5 апреля 1945 года и вступления СССР в войну против Японии 9 августа 1945 года в соответствии со своими обязательствами перед союзниками по антигитлеровской коалиции, направленными на обуздание японского агрессора. Объявляя войну Японии, правительство Советского Союза претворяло в жизнь свои планы по восстановлению прав своей страны на некоторые дальневосточные территории в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах и обеспечению безопасности Советского государства. Однако с международно-правовой точки зрения вступления в войну было оформлено не удачно, так как заявление о денонсации в соответствии с советско-японским пактом о нейтралитете (ст.3) лишало его юридической силы только через 1 год, 13 апреля 1946 года.

Поэтому целесообразно было бы объявить и не 5 апреля 1945 года, а в более поздние сроки, после переброски советских войск из Европы не о денонсации, а об анулировании указанного пакта в связи с продолжающейся агрессивной войной Японии против союзных государств и стран Юго-Восточной Азии.

Это полностью соответствовало бы нормам международного права и не дало бы Японии никаких оснований обвинить Советский Союз в их нарушении с целью собственной реабилитации и восстановления в дальнейшем своих стратегических позиций.

2. Вопрос о территориальном урегулировании СССР с Японией в период второй мировой войны. Решения союзников о восстановлении прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова

Во время второй мировой войны между странами - участницами антигитлеровской коалиции были заключены соглашения, которые определяли не только характер их сотрудничества в годы войны, но и принципы послевоенного мирного регулирования. Важным элементом ряда основных соглашений было решение о восстановлении суверенитета СССР над Курильскими о-вами и Южным Сахалином.

В Декларации правительства СССР от 24 сентября 1941 г. о присоединении к Атлантической хартии, которая провозглашала отказ США и Великобритании от территориальных и других приобретений, содержалась существенная оговорка: "Практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны"[19].

Для СССР упомянутые в оговорке "исторические особенности" заключались в следующем.

Южный Сахалин Япония приобрела в результате войны, начатой ею против России, навязав ей Портсмутский мирный договор 1905 года. А Курильские о-ва, которые во второй половине XVIII века находились под формальной юрисдикцией России в соответствии с ее внутренним законодательством, были получены в XIX веке по условиям соответствующих договоров мирного времени без каких-либо военных действий между Россией и Японией. Поэтому Советский Союз, как указывалось выше, ставил вопрос о возвращении Курильских островов и Южного Сахалина. В ноябре 1943 года на Тегеранской конференции, учитывая положения Каирской декларации, ставившей задачу покарать японского агрессора и "изгнать Японию со всех территорий, которые были захвачены ею при помощи силы и в результате ее алчности", глава правительства СССР

И.В.Сталин в беседе с президентом США Ф.Рузвельтом поставил вопрос о восстановлении прав Советского Союза на южную часть Сахалина и Курильские о-ва[20]. Об этом 14 января 1944 г. президент США Ф.Рузвельт сообщил представителям других союзных государств на 14-й сессии Совета по вопросам войны на Тихом океане[21]. Союзники согласились с этим справедливым требованием.

Решение союзников по антигитлеровской коалиции о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов наиболее полно было зафиксировано в Ялтинском соглашении – одном из главных международных соглашений периода второй мировой войны. Но фактически их позиции в данном вопросе была определена еще до Крымского совещания глав правительств трех союзных держав, поскольку решимость Советского правительства восстановить права нашей страны на Южный Сахалин и Курильские о-ва была им хорошо известна.

Из секретного документа САС-302 от 28 декабря 1944 г. государственного отдела департамента по изучению территориальных проблем, подготовленного Д.Блэкслй перед Ялтинской конференцией, явствует, что госдепартамент США предусматривал возможность выдвижения со стороны СССР требований в отношении суверенитета над всеми Курильскими о-вами в случае его вступления в войну с милитаристской Японией и отмечал наличие "ряда факторов", которые оправдывают эти требования. Но там же содержалась рекомендация не удовлетворять эти требования в отношении южной части Курил., как приобретенной Японией около 1800 года. При этом в меморандуме подтверждалось, что переход южной части Курил к Советскому Союзу "создал бы ситуацию с которой Японии трудно было бы согласится"[22]. В аналогичном секретном документе государственного департамента США от 10 января 1945 г. (меморандум Х.Бортона)[23] предусматривалась возможность возвращения русским Южного Сахалина.

На Ялтинской конференции целесообразность восстановления суверенитета нашей страны над Южным Сахалином и всеми Курильскими о-вами не вызывала сомнений ни у американской, ни у английской делегацией. Рекомендация меморандума Д.Бэксли не была принята во внимание. На заседании 8 февраля 1945 года И.В.Сталин заявил Ф.Рузвельту, что он хотел бы знать, как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз вступит в войну против Японии, Речь идет о тех политических вопросах, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве.

Ф.Рузвельт ответил, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу. И.В.Сталин далее сказал; "если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты"[24].

По свидетельству члена американской делегации адмирала У.Леги, на заключительном пленарном заседании Ялтинской конференции 10 февраля 1945 г. глава Советского правительства И.В.Сталин заявил: "Я хочу лишь того, чтобы России было возвращено то, что японцы отняли у нашей страны силой". На что президент США Ф.Рузвельт ответил" "Это предетавляется мне как весьма разумное предложение со стороны нашего союзника. Русские хотят только вернуть то, что было у них изъято"[25].

В соглашении, подписанном руководителями Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании, указывалось, что "через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступает в войну против Японии на стороне союзников при условии, что южная часть острова Сахалин так же, как и все прилегающие к ней острова возвращаются Советскому Союзу ... Курильские острова отдаются Советскому Союзу"[26]. Напомним, что различия в формулировках "возвратить" СССР Южный Сахалин и "отдать" Курильские острова объяснялись различием условий изъятия этих территорий у России по договорам с Японией.

В документе подчеркивалось: "Главы правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть б е з у с л о в н о (разрядка наша. - К.Ч.) удовлетворены*) после победы над Японией."[26а] Позднее к этому соглашению присоединился и Китай.

По мере того как надвигался крах Японии в войне, перед союзными державами практически вставал вопрос об оккупации Японии войсками союзников. В послании президенту США Г.Трумэну от 16 августа 1945 г. глава правительства СССР И.В.Сталин предложил включить в советскую зону оккупации Южный Сахалин и все Курильские о-ва, которые, должны были перейти во владение Советского Союза, а также северную часть о.Хоккайдо. Однако И.В.Сталин не предложил включить ссылку на это решение в акт о безоговорочной капитуляции Японии, что в дальнейшем серьезно осложнило вопрос о советско-японской границе.

Г.Трумэн в тот же день на пресс-конференции выступил против предложения о раздельной оккупации Японии войсками союзников, но

---

*) Точнее, если исходить из английского текста соглашения, который был положен в его основу "безусловно удовлетворяются после того, как Японии будет нанесено поражение".

не возразил против исключения Южного Сахалина и Курильских о-вов из зоны совметсной оккупации союзных держав и передачи их под контроль СССР.

Согласие президента США исключить все Курильские о-ва и Южный Сахалин из зоны совместной оккупации Японии на том основании, что эти острова по решению трех держав в Крыму должны были перейти во владение Советского Союза[27], имеет важное значение с точки зрения международного права, ибо оно фактически означает подтверждение Ялтинского соглашения от II февраля 1945 г. Именно во исполнении Ялтинского соглашения советские войска в соответствии с Общим приказом № I главнокомандующего союзными войсками приняли капитуляцию Японии на Сахалине и всех Курильских о-вах в сентябре 1945 г.[28].

В наиболее общей и принципиальной форме позиция союзников по в вопросу о территориальном урегулировании с Японией была сформулирована в Каирской декларации; в Потсдамской декларации 1945 года указывалось, что "условия Каирской декларации подлежат выполнению, и японский суверенитет ограничивается островамиХонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые указываются нами"[29]. Это положение декларации было потом принято как союзными державами, так и Японией при подписании ею Акта о капитуляции 2 сентября 1945г.

Эти условия, как показано выше, были конкретизированы в Ялтинском соглашении с учетом пожеланий советской стороны. Ссылаясь на Ялтинское соглашение, советская сторона добилась того, что в число менее крупных островов, чем четыре главных острова, на которые распространялся суверенитет Японии, Южный Сахалин и Курильские о-ва включены не были. Сахалин не мог подпадать под суверенитет Японии в составе менее крупных, чем четыре главных острова, ибо по своей величине он превышал площадь некоторых из них.

О том, что союзники СССР рассматривали Ялтинское соглашение как неотъемлемую составную часть системы соглашений, заключенных

союзными державами в годы второй мировой войны, свидетельствует также следующее высказывание американского президента Трумэна на пресс-конференции 31 января 1946 г.:"Это было соглашение, подписанное Рузвельтом, Черчилем и Сталиным, точно такое же, как соглашение в Потсдаме, подписанное мною, Эттли и Сталиным"[30].

Подписав акт о безоговорочной капитуляции, в котором говорилось, что "японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации", Япония тем самым согласилась с решением союзников на безоговорочную капитуляцию только на условиях этой декларации, в которой определенно не говорилось о возвращении СССР Южного Сахалина и Курильских о-вов и приняла тезис союзных держав о наказании японского агрессора за совершенные им преступления, однако конкретно изъятия у Японии в качестве меры наказания за это упомянутых территорий не упоминалось. Это было в дальнейшем использовано Токио как аргумент в отношении того, что при капитуляции условия Ялтинского соглашения о переходе Южного Сахалина и Курил с перечислением островов, тянущихся до побережья о.Хоккайдо, в качестве меры наказания за агрессию ей не предъявлялись.

3. Территориальное размежевание СССР с Японией после второй мировой войны. Попытки США и Японии отказаться от оформления прав СССР в международных соглашениях во второй половине 40-х и 50-х годах

После победы над Японией Южный Сахалин с прилежащими островами и Курильские о-ва были возвращены Советскому Союзу.

Председатель Совета Министров СССР И.В.Сталин 2 сентября 1945года заявил: "Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно (поражение России в русско-японской войне 1904-1905гг. - К.Ч.) будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу..."[31].

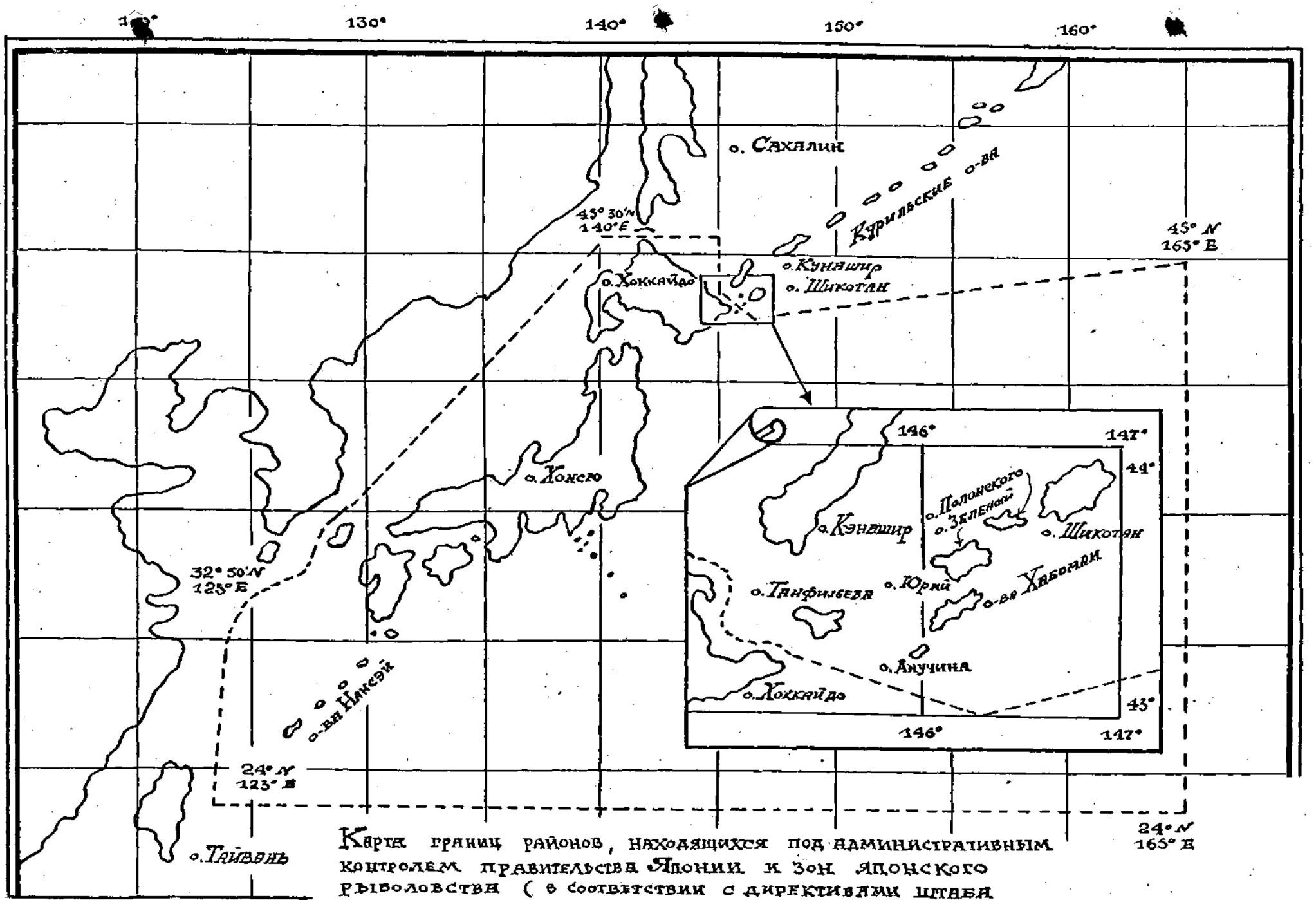
Опираясь на международные соглашения периода второй мировой войны, в которых ставилась задача наказать Японию за агрессию, и, обеспечивая как победитель безопасность своих границ на Дальнем Востоке, Советский Союз осуществил ряд актов по законодательному установлению своей юрисдикции над этими островами. Упомянутые территории в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. были включены в состав Хабаровского края, а 2 января 1947 года - во вновь образованную Сахалинскую область. В Указе говорится, что "с 20 сентября 1945 года вся земля с ее недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью, то есть всенародным достоянием"[32].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1947 года Курильские острова и Сахалин были преобразованы в Сахалинскую область РСФСР[33]. 25 февраля 1947 г. Верховным Советом СССР был принят соответ-

ствующий закон с поправкой к ст.22 Конституции СССР. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от I5 октября I947 года на картах Советского Союза были упразднены японские и восстановлены прежние русские географические названия островов и отдельных пунктов Сахалинской области или введены новые. В ряде случаев были сохранены айнские наименования[34]. I3 марта I948 г. были внесены соответствующие изменения в ст.I4 Конституции РСФСР о включении всех Курильских о-вов и Сахалина в состав Сахалинской области РСФСР.

В итоге к концу 40-х годов решения союзников по антигитлеровской коалиции о том, чтобы возвратить нашей стране Южный Сахалин и отдать ей Курильские о-ва в части, касающейся юрисдикции СССР, было полностью претворено в жизнь. Это нашло отражение не только в том, что советские войска заняли указанные территории и приняли там по согласованию с союзниками на основании Общего приказа № I капитуляцию японских войск, но и в ряде административных и законодательных актов оккупационных властей и японского правительства. Но это еще не давало Советскому Союзу полного правового титула, то есть законности обладания де - юре приобретенными территориями находящимися де-факто в его компетенции с точки зрения международного права, что достигается только путем включения соответствующей статьи в мирный договор, который должны были заключить с Японией союзные государства.

На базе принятых международных соглашений 22 сентября I945 г. был разработан основополагающий документ "Политика Соединенных Штатов в отношении Японии в первоначальной период после капитуляции". При этом необходимо учитывать, что оккупацию Японии Соединенные Штаты, вопреки решениям союзников, осуществляли практически единолично, что придавало указанному документу особое значение. В документе говорилось: "Суверенитет Японии подлежит ограничению острова-



Карта границ районов, находящихся под административным контролем правительства Японии и зон японского рыболовства (в соответствии с директивами штаба верховного командующего союзных держав в Японии на 29 января и 22 июня 1946 г.)

Рис 13.

Сборник важнейших документов по оккупации и управлению Японией (Нихон сэнрё оёби канри

ми Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными, лежащими вне ее пределов островами, которые могут быть указаны в соответствии с Каирской декларацией и другими соглашениями, участками которых являются или могут стать Соединенные Штаты"[35]. Под эти "другие соглашения", несомнено, подпадало и Ялтинское соглашение, оставшееся секретным в условиях военного времени и в первые несколько месяцев военной оккупации Японии.

Однако об изъятии Южного Сахалина и Курил из под ее юрисдикции определено было заявлено в Директиве штаба Верховного командующего союзных держав Дж.Макартура правительству Японии "О государственном и административном отделении некоторых отдаленных районов от Японии" (№ 677) от 29 января 1946 г. (рис.[illegible]). Правда, Малая Курильская гряда[36] упоминалось отдельно от остальных Курильских о-вов, что противоречило тому их определению, которое содержалось в меморандуме от 28 декабря 1944 г., подготовленного государственным департаментом США для президента Ф.Рузвельта и государственного секретаря Э.Стеттинуса. К тому же в директиве Макартура содержалась и оговорка о якобы неокончательном характере решения глав правительств союзных держав относительно менее крупных островов, чем четыре главных, упомянутых в Потсдамской декларации. Это было произвольное, ни на чем не основанное толкование этого документа, нацеленное на его фальсификацию.

Такой подход отражал поворот во внешней политике США к "атомной дипломатии" и "холодной войне" против СССР. Этот курс особенно усилился после победы китайской революции и образования в 1949 году КНР и развязывания в 1950 году войны в Корее, когда США завершили подготовку к заключению Сан-Францисского мирного договора с Японией, которую Вашингтон решил превратить в главный форпост антикоммунизма на Дальнем Востоке. Почва для проведения такой политики подготавливалась некоторыми кругами США еще в годы

второй мировой войны.

Изъятие из под юрисдикции Японии южной части о.Сахалин и Курил подтверждалось и в других документах. Например, 26 июня 1946г. штаб верховного командующего союзных держав направил правительству Японии директиву № 1033 о пределах прилегающей к территориальным водам Японии рыболовной зоны, ограниченной так называемой "линией Макартура", проходящей в одной миле от п-ва Ханасаки (о.Хоккайдо) и в одной миле к югу от о.Сигнальный (Кайгара), то есть самого южного острова Малой Курильской гряды, и далее к югу и западу от о.Кунашир, то есть самого южного острова Большой Курильской гряды[37].

19 декабря 1946 г. было подписано Советско-американское соглашение о репатриации из районов СССР, в состав которых были включены Курильские о-ва и о.Сахалин. Во исполнение этого соглашения штаб командующего союзных держав направил правительству Японии директиву (№1421) от 26 декабря 1946 г., в которой содержалось указание о репатриации японских граждан с Южного Сахалина и Курильских о-вов. "Репатриация Южных Курил и о-вов Хабомаи и Шикотан была осуществлена в соответствии с указанными советско-американским соглашением и директивами верховного главнокомандующего союзных держав..., - пишет видный японский юрист-международник С.Миядзаки.- В этот период южные Курильские о-ва и о-ва Хабомаи и Шикотан вместе со Средними и Северными Курилами рассматривались как единое целое - Курильские острова (Тисима)"[38].

До прихода советских войск или сразу же после этого из южной части Курильских о-вов в Японию добровольно выехала почти половина жителей этих районов (9419 из 18 845)[39], а к лету 1949 года в ответ на требования правительства и парламента Японии[40] - почти все остальные жители японской национальности; 12 японцев, пожелавших остаться на прежнем месте жительства, получило советское гражданство. В состав Курильских о-вов, перечисленных в этом документе, МИД Японии

включил не только о-ва Кунашир и Итуруп, но и острова Малой Курильской гряды[41]. В императорском рескрипте № 651 от 22 ноября 1945 г. о создании управления по оказанию помощи репатриантам на местах говорилось, что это управление находится в ведении министра здравоохранения и призвано оказывать срочную помощь репатриантам, которые "в результате окончания войны в Великой Восточной Азии возвращаются из районов, не являющихся территорией собственно Японии (из ее состава исключается Сахалин, Окинава и Курильские острова), в районы, являющиеся территорией собственно Японии..."[42].

Точка зрения японского правительства по вопросу о территориальном урегулировании с СССР была сформулирована 6 октября 1951г. его официальным представителем в парламенте, заведующим договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура. Это произошло менее чем через месяц после заключения Сан-Францисского мирного договора, причем в центре внимания был не Южный Сахалин, а Курилы. Отвечая на запрос в палате представителей японского парламента, Нисимура заявил: "Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские о-ва, она утратило право голоса на окончательное решение вопросов об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является р а з р е ш е н н ы м (разрядка наша. - К.Ч.)"[43]. 19 октября 1951 г. на заседании специального комитета по мирному договору палаты представителей парламента Японии он уточнил понятие "Курильские о-ва" в следующих словах: "Я считаю, что территориальные пределы Курильских о-вов, о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Курильские, так и Южные Курильские о-ва..."[44].

Таким образом, в начале 50-х годов правительство Японии полагало, что вопрос о ее отказе от Южного Сахалина и всех Курильских о-вов является решенным. Неясной оставалась лишь линия, прохождения

границы Японии де-юре в районе Малой Курильской гряды, де-факто находившейся во владении Советского Союза. В японской и зарубежной (кроме советской) картографии имелось три варианта ее толкования: 1) между о-вами Хоккайдо и Хабомаи (Плоские), 2) между о-вами Хабомаи (Плоские) и Шикотан и 3) между о-вами Шикотан и Кунашир. Однако в условиях усиления конфронтации между странами Запада и Востока под воздействием США, а также преследуя свои собственные интересы, правящие круги этой страны поспешили "модернизировать" свою позицию в указанном вопросе. В нарушение согласованных ранее принципов мирного урегулирования с бывшими вражескими государствами в 1951 году по инициативе Вашингтона была созвана конференция в Сан-Франциско, где на основе проекта США и Англии был заключен мирный договор с Японией. Советский Союз и ряд других государств не подписали этот договор, поскольку в нем не были учтены соответствующие упомянутым принципам советские предложения по обеспечению гарантий против возрождения японского милитаризма, о развитии Японии по пути мира и демократии в качестве независимого государства, а также о подтверждении в полном объеме союзнических решений по территориальному вопросу.

По Сан-Францисскому мирному договору (ст.2) Япония отказалась "от всех прав, правооснований и претензий на южную часть Сахалина с прилегающими островами и Курильские острова"[45]. Следует отметить что в меморандумах госдепартамента США по вопросу о мирном договоре, с Японией, направленных правительству СССР 26 октября 1950 г., 29 марта и 19 мая 1951 г., а также в приложениях к двум последним документам фигурировало единое название "Курильские о-ва" без подразделения на разные части не говоря уже, о отдельном понятии "Южные Курилы" (Кунашир и Итуруп).

Приложенный к меморандуму от 29 марта 1951 г., проект мирного договора с Японией, сформулированный после обмена мнениями

между правительствами США, Великобритании, СССР, Китая, Франции, Нидерландов, Индонезии, Кореи, Канады, Австралии, Бирмы, Индии, Новой Зеландии и Филиппин в части, касающейся территориального урегулирования между СССР и Японией, гласил: "Япония возвратит СССР южную часть Сахалина, а также все острова, прилегающие к нему, и передаст Советскому Союзу Курильские острова"(п.5 гл.3).

В письме от I октября I95I г. сенатору А.Уоткинсу Д.Даллес заявил:"В отношении Южного Сахалина и Курильских о-вов мартовский проект воплощает в основном формулировку Ялтинской декларации"[46].

В дальнейшем, однако, после того, как СССР оказал политическую поддержку правительству КНР, против правительства Китайской республики на Тайване правительство США сочло для себя возможным в качестве "ответной меры" нарушить Ялтинское соглашение, выдвинув тот аргумент, что его условием было участие в его выполнении правительства Китайской республики, а не КНР, хотя оно должно было быть выполнено. В связи с этим 3 сентября I95I г. в газете "Нью-Йорк таймс" было опубликовано следующее заявление Дж.Даллеса: "Поскольку другие правительства имеют по Ялтинскому соглашению права, которые Советский Союз не выполнил, по меньшей мере сомнительно, может ли Советский Союз требовать с "чистыми руками" выполнения тех частей этого соглашения, которые ему нравятся. Было поэтому решено, что территориальные условия Договора будут строго ограничены тем, что необходимо для их соответствия Потсдамским условиям капитуляции..."[47].

Таким образом, Даллес, с одной стороны, подтвердил, что мероприятия в отношении фактической передачи СССР Курильских о-вов и Южного Сахалина, осуществленные союзниками СССР по антифашистской коалиции и принятые в силу Акта о безоговорочной капитуляции Японией, до марта I95I года проводились в соответствии с Ялтинским соглашением, а с другой - вскрыл истинные мотивы отказа

США от его выполнения. Приобретение Советским Союзом суверенитета над указанными территориями США обусловили его согласием на передачу под их суверенитет о-вов Рюкю и Огасавара, что не соответствовало положениям Каирской декларации и Ялтинского соглашения и поэтому не могло быть одобрено советской стороной[48].

Теперь же США настаивали на том, что отказ Японии от Южного Сахалина и Курил якобы был произведен не в пользу СССР. Но в соответствии с существующими нормами международного права отказ от прав и правооснований на какую-либо территорию носит абсолютный характер и действует в отношении всех государств, в том числе, естественно, и в отношении СССР, тем более что Советский Союз восстановил права на них в соответствии с международными соглашениями и внутренним законодательством СССР, Соединенных Штатов, а также Японии. В резолюции о ратификации мирного договора с Японией, принятой в апреле 1952 году, сенат США допустил серьезное нарушение союзнических обязательств в отношении территорий бывшей Японской империи. В этом документе, так же как и в мирном договоре, в отличие от директивы Д.Макартура № 677, из состава Курил не выделялись о-ва Кунашир и Итуруп и, в частности, говорилось: "Оговорка: Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежащие Японии на 7 декабря 1941 года, которые бы наносили ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как и не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении."[49]

Тем самым сенат США попрал не только важнейший принцип международного права, в соответствии с которым заключенные договоры должны соблюдаться, но и, создал единственный в истории США прецедент такого рода, приняв решение, противоречащее основным на юридической практике нормам внутреннего законодательства США,

в соответствии с которыми соглашения, заключенные президентом, не могут денонсироваться такими законодательными органами страны, как сенат или конгресс.

Указанная оговорка была направлена на то, чтобы подтолкнуть правящие круги Японии на выдвижение территориальных претензий к СССР в связи с тем, что после ратификации мирного договора заканчивался период оккупации и правительство страны получало возможность определить свой внешнеполитический курс.

Ещё на Сан-Францисской конференции 7 сентября 1951 г. премьер-министр Японии С.Ёсида, выступив с заявлением, что в понятие "Курильские о-ва" не входят Хабомаи и Шикотан, так как они являются частью префектуры Хоккайдо и что о-ва Кунашир и Итуруп, никогда не являлись иностранной территорией, так же, как и Курилы, были получены Японией по договорам с Россией в мирное время. Но это заявление участниками Сан-Францисского договора было оставлено без юридических последствий, и тем не менее выступление С.Ёсида отражало недовольство правящих кругов Японии в отношении территориального размежевания с СССР, их попытки использовать все возможности для того, чтобы создать "проблему северных территорий" в советско-японских отношениях, которая на протяжении всего послевоенного периода оказывала и продолжает оказывать отрицательное воздействие на развитие отношений между СССР и Японией.

Верный своему принципиальному курсу на установление взаимовыгодных, дружественных отношений со всеми странами, независимо от их социально-политической системы, Советский Союз в течение всего послевоенного периода прилагал и прилагает немалые усилия для полной нормализации отношений с Японией.

Позиция СССР по данному вопросу в отношении Японии была сформулирована в памятной записке Советского правительства правительству США от 22 июля 1947 г. При этом в упомянутом документе в

качестве одного из аргументов против попыток Вашингтона обойти Совет Министров иностранных дел (СМИД), где действовал принцип единогласия великих держав, и подготовить мирный договор с Японией на конференции стран участниц Дальневосточной комиссии содержалась, в частности, ссылка на положение о том, что по союзническому соглашению об учреждении этой комиссии, достигнутому на Московском совещании 1945 года, территориальные вопросы - важная составная часть мирного урегулирования - не входили в сферу ее компетенции[50].

Выступая на конференции, созванной в Сан-Франциско в 1951 году в обход решений СМИД, глава советской делегации А.А.Громыко обратился с призывом признать права СССР на Южный Сахалин и Курилы и принять советский проект такого договора. На втором пленарном заседании советский представитель заявил: "Мирный договор с Японией, естественно, должен решать ряд территориальных вопросов, связанных с мирным урегулированием с Японией. Известно, что в этой связи США, Китай и Советский Союз приняли на себя особые обязательства. Эти обязательства были подчеркнуты в Каирской декларации, Потсдамской декларации и в Ялтинском соглашении.

Права Советского Союза на южную часть о-ва Сахалин и все прилегающие острова, так же как и на Курильские о-ва, которые в настоящее время находятся под суверенитетом СССР, безусловно бесспорны.[51] Однако суверенитет Советского Союза над этими островами не был признан в тексте Сан-Францисского мирного договора с Японией 1951 года, причем советкий проект договора не был даже поставлен на голосование, так как сторонники СССР были представлены на конференции в Сан-Франциско в явном меньшинстве.

В сентябре 1954 года МИД СССР выдвинул инициативу начать двусторонние переговоры о восстановлении дипломатических отношений с Японией[52], а 12 октября 1954 г. правительства СССР и КНР выступили

с совместной декларацией, в которой содержалось предложение о нормализации советско-японских и китайско-японских отношений. В изменившейся обстановке середины 50-х годов рост в Японии стремлений к проведению независимой от США внешней политики привел к тому, что премьер-министр Японии 24 ноября 1954 г. заявил о готовности нормализовать отношения с СССР и КНР, и весной 1955 года была достигнута договоренность о проведении переговоров о заключении мирного договора между представителями Советского Союза и Японии. Переговоры начались в Лондоне 1 июня 1955 г.

Перед началом переговоров 26 мая 1955 г. с притязаниями на Курильские о-ва и Южный Сахалин в парламенте выступил министр иностранных дел Мамору Сигэмицу. Однако вскоре, столкнувшись в ходе начавшихся переговоров с непреклонной и принципиальной позицией советской делегации, японская сторона решила сконцентрировать усилия на том, чтобы добиться уступки Японии южной части Курил. 11 февраля 1956 г. на заседании внешнеполитического комитета палаты представителей парламента было принято решение о том, чтобы в одностороннем порядке исключить из состава Курильских о-вов, от которых отказалась Япония, их южную часть[53].

"В ответах на запросы Т.Фува министр иностранных дел К.Аити дал ясно понять, - писала газета "Акахата", - что при ратификации Сан-Францисского договора правительство Японии придерживалось точки зрения, что оно отказалось от территориальных прав на все Курильские о-ва, в том числе и на Южные Курилы, но в 1955 году пересмотрело свое истолкование этого положения и стало настаивать на территориальных правах в отношении Южных Курил (Минами Тисима).... Ратификация Сан-Францисского "мирного"договора также была одобрена парламентом Японии на основе первоначального толкования указанного положения"[54]. Тем самым министр иностранных дел Японии признал, что истолкование правительством этого положения Сан-Францисского договора

было пересмотрено на пятый год после его ратификации.

Почему же правительство Японии в середине 50-х годов изменило свое отношение к вопросу о прохождении её северной границы? Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, крупные японские монополии за счет союза со своими американскими партнерами, в частности, в результате получения от США крупных военных заказов в период войны в Корее (1950-1953 гг.), закончили к этому времени послевоенную реконструкцию промышленности и значительно укрепили свои экономические позиции. Япония взяла курс на возрождение в качестве самостоятельной державы, развивающейся в тесном союзе с США.

Во-вторых, японские правящие круги хотели использовать усиливающуюся конфронтацию между странами ОВД и НАТО в Европе, вовлеченность СССР в события в Венгрии и Польше, а также в Суэцкий кризис, который привел в 1956 году к совместной англо-франко-израильской интервенции против Египта при активной поддержке США. Правящие круги Японии надеялись, что Советский Союз, занятый этими вопросами, пойдет им на уступку при урегулировании с нею своих отношений.

Вместе с тем наиболее дальновидные, трезво мыслящие политические руководители Японии, учитывая значение нормализации советско-японских отношений для укрепления международных позиций Японии, готовы были в случае необходимости пойти на признание границы с СССР, сложившейся в итоге второй мировой войны.

В ходе переговоров стороны довольно быстро решили вопросы, связанные с прекращением состояния войны, восстановлением дипломатических отношений, возвращением японских военнопленных, принятием Японии в ООН, а также заключением торгового договора и соглашения о рыболовстве. Главным же вопросом, по которому представители СССР и Японии в течение долгого времени из-за нереалистической позиции японской стороны не могли прийти к взаимоприемлемому решению, ока-

зался территориальный .

Советский Союз последовательно стремился ликвидировать отрицательное воздействие ~~в и о в ь~~ созданной проблемы северных территорий на советско-японские отношения. Советская сторона исходила из того,что вопрос о территориальном урегулировании с Японией был решен международными соглашениями военного и послевоенного периода, поскольку ее отказ от Южного Сахалина и Курильских о-вов по Сан-Францисскому мирному договору 1951 года непосредственно связан с положениями Ялтинского соглашения и Потсдамской декларации 1945 года. Японская же сторона, ссылаясь на то, что в договоре формально не был указан новый суверен этих островов, попыталась, вопреки своему отказу от упомянутых территорий, добиться от СССР передачи Японии южной части Курильских о-вов[55] - Южных Курил наряду с о-вами Малой Курильской гряды как якобы не входящих в состав Курил.

Стремясь к скорейшему прекращению состояния войны с Японией, восстановлению нормальных межгосударственных отношений между двумя странами и руководствуясь интересами добрососедства, в 1956 году. Советский Союз согласился уступить Японии Малую Курильскую гряду, часть которой - о-ва Хабомаи до сентября 1945 года входили в префектуру Хоккайдо, а другая часть - о.Шикотан находилась в ее составе до 1885 года*). При этом была сделана оговорка, что этот акт доброй воли со стороны СССР будет предпринят только в том случае, если Япония откажется вступить в военные союзы, которые могли бы быть направлены против Советского Союза, и заключит на этих условиях мирный договор, который подвел бы черту под территориальным урегулированием между СССР и Японией.

В интересах достижения договоренности о нормализации отношений советская сторона согласилась опустить эту оговорку из проекта итогового документа, приняв во внимание заявление главы японс-

*) Тот факт, что после подписания Сан-Францисского мирного договора о.Шикотан по японскому законодательству был исключен из состава Кури как включенный в число этих о-вов в 1885г. не был известен советско стороне и не был использован ею на переговорах.

кой делегации Сюнъити Мацумото, что договоры Японии с другими государствами, в том числе с США, не были направлены против какого-либо третьего государства[56].

В результате этого стороны в принципе достигли договоренности о подписании договора между СССР и Японией, поскольку в инструкции из Токио японской делегации говорилось, что требования в отношении о-вов Итуруп и Кунашир выдвигаются, но не в качестве непременного условия. Однако после этого японская делегация получила от своего правительства новую инструкцию - добиваться удовлетворения притязаний Японии также на упомянутые острова и согласия СССР на определение принадлежности остальных Курильских о-вов и Южного Сахалина международной конференцией стран участниц Сан-Францисского мирного договора. В результате 20 марта 1956 г. переговоры были прерваны[57].

Аналогичная ситуация возникла и на второй стадии переговоров о мирном договоре, которые проходили в Москве с 31 июля по 13 августа 1956 г., с той только разницей, что Япония готова была отказаться от своих претензий в отношении Южного Сахалина и южных о-вов Большой Курильской гряды[58].

Для того, чтобы не брать на себя ответственность за окончательное решение и провести заключительные консультации по вопросу о советско-японском мирном договоре с государственным секретарем США Дж.Даллесом, полномочный представитель Японии этих переговорах министр иностранных дел Мамору Сигэмицу обратился к правительству с просьбой прервать их и предоставить ему полномочия для участия в международной конференции по вопросам Суэцкого канала, которая открывалась в Лондоне, куда должен был прибыть и глава государственного департамента США . М.Сигэмицу рассматривал свое участие в этой конференции как удобный предлог для того, чтобы сохранить свое лицо в случае, если переговоры с СССР окончатся безрезультатно.

Просьба М.Сигэмицу была удовлетворена, и в ходе его встреч во второй половине августа 1956 года в Лондоне с государственным

секретарем США Дж.Даллесом последний, будучи заинтересован в сохранении напряженности в отношениях между Японией и СССР, вмешался в советско-японские переговоры. Он выступил против мирного урегулирования между двумя странами на условиях оформления правового титула СССР на Южный Сахалин и все о-ва Большой Курильской гряды и тем самым создал в тот период непреодолимые препятствия для полной нормализации советско-японских отношений на основе двустороннего мирного договора.

Отвечая на пресс-конференции 28 августа 1956 г. на вопрос о том, действительно ли высказывалось мнение, что "если Япония признает требования СССР о предоставлении ему суверенитета над Курильскими островами, то это позволит США потребовать от нее суверенитета над другими островами, в частности Окинава", государственный секретарь США заявил: "Я обратил внимание правительства Японии на тот факт, что ст.26 Мирного договора содержит условие, что если Япония заключит с другим правительством договор на условиях более благоприятных, чем условия мирного договора с Японией, который мы подписали, то мы будем иметь право потребовать аналогичных преимуществ. Это положение было включено в договор... именно с той целью, чтобы попытаться не допустить приобретение Советским Союзом больших преимуществ, чем те, которые приобрели США"[59]. Оно сохраняет свою юридическую силу и в настоящее время.

7 сентября 1956 г. государственный департамент США в памятной записке японскому правительству попытался дезавуировать Ялтинское соглашение, поддержав притязания правящих кругов Японии на южную часть Курил, и заявил, что она не только не должна, но и не имеет права распоряжаться суверенитетом над теми территориями, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору[60]. Против поддержки территориальных претензий Японии к СССР выступил не только Советский Союз. Официальный протест заявила также Англия[61].

Вмешательство Вашингтона в вопрос о заключении мирного договора с СССР вызвало также возмущение японской общественности, всех сторонников нормализации советско-японских отношений.

В этой обстановке премьер-министр Итиро Хатояма, опираясь на поддержку руководства правящей Либерально-демократической партии и правительства Японии, принял решение о поездке в Москву с целью нормализовать советско-японские отношения без официального мирного договора, но при условии, что переговоры по территориальному вопросу будут возобновлены позднее[62]. На этот счет 29 сентября 1956 г. заместитель министра иностранных дел СССР А.А.Громыко и заместитель министра иностранных дел Японии С.Мацумото обменялись письмами относительно продолжения после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос[63].

Однако вскоре в позиции Японии произошли изменения. В ходе заключительного раунда советско-японских переговоров о нормализации двусторонних отношений, состоявшихся в Москве с 15 по 19 октября 1956 г., полномочный член японской делегации И.Коно 16 октября в беседе с Первым секретарем ЦК КПСС Н.С.Хрущевым, ссылаясь на резолюцию чрезвычайного пленума ЛДП от 20 сентября 1956 г., поставил вопрос о том, чтобы зафиксировать в итоговом документе о нормализации отношений передачу Японии Малой Курильской гряды. При этом японский представитель принес извенения за то, что предлагает возобновить переговоры не на тех условиях, на которых была достигнута предварительная договоренность[64], оформленная посланиями глав правительств и обменными письмами заместителей министров иностранных дел обоих государств. В результате этого японская сторона оказалась инициатором изменения характера Совместной декларации, которая подводила итог переговорам. Основным ее содержанием было прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отно-

шений между Советским Союзом и Японией. "Эта декларация не была названа "договором", - пишет профессор университета Хосэй (Токио) Сигэо Сугияма, - но с точки зрения международного права она является именно таким документом"[65]. На их разнозначность с точки зрения функций было указано министром иностранных дел Японии М.Сигэмицу 20 ноября 1956 г. во время дебатов в специальном комитете палаты представителей парламента по вопросу о подписании Совместной советско-японской декларации[66]. Тем не менее нельзя игнорировать намерения сторон заключить позднее мирный договор, который мог бы окончательно разрешить территориальный вопрос.

В конечном счете советская делегация на переговорах с Японией добилась того, что упоминание о территориальном вопросе, содержавшееся в японском проекте упомянутой выше Совместной декларации СССР и Японии, было исключено.

С юридической точки зрения подписание Совместной декларации означало, что японская сторона стремится наполнить этот документ содержанием, характерным для предварительного (прелиминарного) мирного договора и., следовательно, фактически отойти от достигнутой между А.А.Громыко и С.Мацумото договоренности обсудить вопрос о линии прохождения советско-японской границы после восстановления дипломатических отношений. Кроме того, поскольку советская сторона, согласилась передать Японии в качестве максимальной уступки Малую Курильскую гряду после подписания советско-японского мирного договора, вопрос о содержании самого такого договора в части, касающейся завершения территориального размежевания между двумя странами, приобрел вполне определенный характер.

Это,однако, не означает, что формальный акт заключения окончательного мирного договора не имеет важного правового и политического значения. Недаром в 1920 году касаясь вопроса о прелиминарном мирном договоре с Польшей, В.И.Ленин говорил о необходимости предва-

рительный мир "превратить в мир окончательный"[67]. Именно такой задачей руководствовалась, в частности, советская сторона при подписании Совместного советско-японского заявления 1973 году.

Вместе с тем, по нашему мнению совершенно произвольным является толкование японской стороной фразы о согласии на продолжение переговоров о мирном договоре, включая территориальный вопрос, из упомянутых обменных писем между А.А.Громыко и С.Мацумото как согласия на продолжение переговоров по вопросу о принадлежности о-вов Кунашир и Итуруп на том основании, что " никаких других вопросов для продолжения переговоров о заключении мирного договора не оставалось"[68]. Это договоренность продолжить обсуждение вопроса о советско-японской границе не имела привязки к тем или иным конкретным островам и с согласия японской стороны ее предложение на этот счет не было включено в текст Совместной декларации. Другое дело, если японская сторона считает необходимым обсудить этот вопрос вне непосредственной связи с Совместной декларацией.

Именно поэтому, чувствуя, по-видимому, неубедительность своей интерпретации, С.Мацумото после подписания Совместной декларации попытался подкрепить ее публикаций своего письма по этому вопросу к А.А.Громыко и его ответного письма. И хотя она была предпринята по условиям проведения переговоров после обращения за разрешением на публикацию к советской стороне[69], никакого юридического значения она не имела.

"После 16 месяцев переговоров, - резюмирует индийский исследователь советско-японских отношений С.Вишванатхан, - Япония не смогла ни добиться реального возвращения о-вов Хабомаи и Шикотан, ни получить принципиальное согласие на обсуждение вопроса о принадлежности Южных Курил"[70].

Прекращение состояния войны между Советским Союзом и Японией, как указывал в своем ответе 20 ноября 1956 г. на запросы в специ-

альном комитете палаты представителей парламента заведующий договорным отделом МИД Японии Симода, с юридической точки зрения означало, что Советский Союз прекратил оккупацию Южного Сахалина и всех островов Большой Курильской гряды (включая Кунашир и Итуруп), а также, до заключения мирного договора, Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан) и что Япония признала переход их де-факто к Советскому Союзу[71].

Подтверждением того, что такое толкование подписанных в Москве документов как предполагающих возможность обсудить вопрос о Кунашире и Итурупе является необоснованным, служат также выступления в японском парламенте депутатов в ходе прений по вопросу о ратификации Совместной декларации, которые состоялись в палате представителе 27 ноября и в палате советников 3 декабря 1956 г. Так, депутат Соя высказал мнение, что изъятие упоминания о территориальном вопросе из окончательного текста декларации "означает в конечном счете согласие в дальнейшем воздержаться от его обсуждения". Депутаты Косака и Охаси заявили, что утверждение будто возможность продолжить обсуждение вопроса об Итурупе и Кунашире сохраняется, является, к сожалению, односторонней интерпретацией этого вопроса японской стороной.

Совместная декларация, в отличие от одностороннего акта о прекращении состояния войны, выразила согласованную волю сторон и в этом отношении аналогична как прелиминарному, так и окончательному мирному договору. Этот документ также содержал конкретное положение, общее и с прелиминарным мирным договором, - предварительное согласие передать Японии Малую Курильскую гряду при условии восстановления добрососедства и дружбы[72], а также выполнения согласованного обязательства об открытии переговоров между СССР и Японией с целью "заключения договора или соглашения для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли,

мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения"[73].

В отличие от такого рода документов, как односторонних, так и совместных, главное значение которых ликвидировать состояние войны между государствами, а мирного договора в его обеих разновидностях - установить между ними мир и нормальные отношения[74], Совместная декларация СССР и Японии носила иной характер, поскольку она не только покончила с состоянием войны между договаривающими сторонами, но и нормализовала нарушенные войной межгосударственные отношения. В ней говорилось, что "состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские отношения"[75].

Таким образом, этот документ как с точки зрения определения конкретных условий мира, так и основополагающих формулировок совмещает как черты совместной декларации, так и мирного договора.

Стремление Советского Союза полностью нормализовать советско-японские отношения на основе компромисса, достигнутого в территориальном вопросе не встретило понимания в официальных кругах Японии. При поддержке США они взяли курс на усиление требований в отношении южных островов Большой Курильской гряды (Кунашир и Итуруп). 19 января 1960 г. японское правительство заключило с Соединенными Штатами Америки "договор безопасности"[76]. Это был не пересмотренный и видоизменный прежний "договор об обеспечении безопасности", подписанный между Вашингтоном и Токио в 1951 году, по которому США взяли на себя обязательство гарантировать безопасность Японии без аналогичных обязательств с ее стороны, а качественно новый "договор о взаимном сотрудничестве и обеспечении безопасности", на основании "ёмкой"трактовки которого Советский Союз стал позднее вплоть до конца 80-х годов рассматриваться в Японии как "потенциальный противник".

Незадолго до подписания этого договора, 16 ноября 1959 г., в своем выступлении в паламенте министр иностранных дел Японии Айитиро Фудзияма заявил, что в понятие Дальнего Востока - сферу действий американских войск, которые предполагалось, в соответствии с заключенным позднее "договором безопасности", впервые с "добровольного согласия" Японии разместить на ее территории (ст.6), входят районы к северу от Японии, включая Филиппины, Приморский край СССР и континентальный Китай[77], а премьер-министр Нобусукэ Киси в выступлении в парламенте 16 февраля 1960 г. включил в это понятие также южную часть Курил[78]. Это представляло собой серьёзное нарушение принципов международного права.

Согласно Совместной декларации СССР и Японии 1956 года, Япония приняла на себя обязательство сотрудничать с Советским Союзом в деле восстановления добрососедства и дружбы, а также упрочения мира и безопасности. Этот документ гласил: "Япония и СССР полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке". В декларации содержалась договоренность, что между СССР и Японией восстанавливаются мир и добрососедские отношения[79]. Однако японо-американский "договор безопасности" шел вразрез с тем, что было записано в декларации.

В связи с этим Советский Союз принял ответные меры. В памятной записке Советского правительства от 27 января 1960 г. указывалось, что в связи с новым японо-американским договором, направленным против СССР, передача Японии Малой Курильской гряды, после заключения мирного договора лишь способствовала бы расширению территории, используемой иностранными войсками, и что эти острова могли бы быть переданы Японии только при условии вывода с ее территории всех американских войск и подписания советско-японского

мирного договора[80].

В развитие этих положений в аналогичной памятной записке от 24 февраля 1960 г. подчеркивалось, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после второй мировой войны уже решен соответствующими международными соглашениями военного времени, и осуждалось преднамеренное затягивание Японией заключения мирного договора с СССР под тем предлогом, что Советский Союз должен удовлетворить дополнительные претензии Японии на южную часть Большой Курильской гряды, не предусмотренные в Совместной декларации[81].

Подвергнув критике доводы Токио об "оборонительных" целях "договора безопасности", Советское правительство в памятной записке от 22 апреля 1960 г. заявило о необоснованности территориальных претензий Японии и об окончательном характере принятых на этот счет решений[82].

Заявление, сделанное Советским Союзом Японии, в отношении изменения обстоятельств, при которых было предварительное согласие на передачу ей Малой Курильской гряды, аннулировании в связи с этим упомянутого положения Совместной декларации, ратифицированной высшими законодательными органами обоих государств, соответствовало бы нормам международного права, если бы возможность этого коренного изменения обстоятельств было предусмотрено в упомянутом документе. Но поскольку этого предусмотренно в нем не было, заявление советской стороны об аннулировании обязательства передать Японии острова Малой Курильской гряды носило односторонний характер и не повлекло за собой никаких международно-правовых последствий. Правда, эта декларация предусматривала, что между двумя странами будет заключен мирный договор, а заключать его при условии передачи Японии только этих островов без признания её прав на Кунашир и Итуруп она до сих пор не соглашается.

4. Проблемма "северных территорий" в советско-японских отношенийх на современном этапе

4.I. Территориальные претензии Японии к СССР в двусторонних межгосударственных отношениях в 60-х годах

В конце 60-х годов по своей экономической мощи Япония вышла на второе место среди ведущих стран Запада и наряду с США и государствами Западной Европы стала одним из центров соперничества между ними. Повысилась и внешнеполитическая активность Токио. Внешняя политика Японии в условиях сохранения и укрепления военно-политического союза с США приобрела более независимый характер.

В этих условиях отношении Советского Союза японское правительство ужесточило прежние требования по вопросу о "северных территориях". В своих заявлениях оно ссылалось на поддержку массового движения за их возвращение, хотя оно было организовано по его инициативе. Главная цель "первой волны" этой кампании заключалась в том, чтобы с одной стороны, продемонстрировать верность Токио союзническим обязательствам по "договору безопасности", а с другой - подтолкнуть США к возвращению Японии административных прав на острова Рюкю, Огасавара и Дайто.

Мобилизуя общественное мнение в поддержку претензий на "северные территории", японские власти в конце 60-х годов попытались таким образом создать противовес борьбе демократических сил за ликвидацию японо-американского договора безопасности, срок пересмотра которого наступал в 1970 году. Этот курс правительства и Либерально-демократической партии Японии проявился в систематической организации различных мероприятий в поддержку их требований о "возвращении" южной части Курильских о-вов. Эти действия выразились в формировании в парламенте и за его пределами единой плат-

формы всех политических партий по данному вопросу, в издании карт, на которых эти острова изображались не как территория СССР, а как входящие в состав Японии, в кампаниях по сбору подписей под петициями, в выступлениях японских руководителей на собраниях и митингах внутри страны, а также в ООН, в беседах между представителями МИД СССР и Японии и т.п.

В числе важнейших акций такого рода надо отметить следующие.

Генеральный секретарь кабинета министров Какуэй Танака I ноября I968 г. призвал проживающих на севере Хоккайдо японских репатриантов с Курильских о-вов и о.Сахалина к "неустанным усилиям" по развертыванию этой кампании и заверил их в том, что отныне правительство "само возглавит начинание".[83]

20 августа I969 г. по инициативе Хоккайдоской федерации ЛДП в Саппоро была проведена национальная конференция организаций ЛДП, на которой было решено выдвинуть "твердые требования" префектуры Хоккайдо по вопросу о "возвращении северных территорий". 23 августа I969 г. в Саппоро штаб движения за возвращение северных территорий, находящийся под руководством отделения ЛДП на Хоккайдо, впервые созвал общенациональный митинг, на котором призвал развернуть кампании за сбор свыше I0 млн. подписей с целью "возвращения Японии северных территорий", приуроченный к поездке в сентябре I969 году в Советский Союз министра иностранных дел Японии Аити.

В сентябре I969 года была учреждена правительственная Ассоциация по северным территориям с целью расширения кампании "за возвращение северных территорий". С I970 года при Ассоциации стала работать исследовательская группа, которая приступила к изучению вопросов истории формирования границ Японии с Россией и СССР.

В I97I году Координационный совет по проблеме северных территорий, ядро которого составляют бывшие жители "северных

территорий", проживающие на о-ве Хоккайдо, насчитывал 47 различных общественных организаций, причем за два года их число с лета 1969 года увеличилось на 11 организаций.

Весной и летом 1969 года правительство и правящая Либерально-демократическая партия Японии приступили к составлению карт, на которых в отличие от прошлых лет Курильские острова к югу от Урупа обозначались как территория Японии.

С 1969 финансового года площадь о-вов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп стала включаться в территорию Японии также при подсчете Национальным картографическим управлением общей площади страны. Это получило свою фиксацию и на новых географических картах Японии, выпущенных начиная с лета 1969 года. Тем самым правительство Японии начало ревизию внутреннего законодательства об административном делении страны.

В то же время правительство стало поощрять нарушение японскими рыбаками советских территориальных вод в районе южной части Курил и тем самым постоянно создавать почву для пограничных инцидентов.

Со второй половины 60-х годов правящие круги Японии стали еще более активно выдвигать территориальные претензии к СССР и на уровне официальных отношений между двумя странами.

Такая попытка была предпринята, в частности, во время визита в Японию в июле 1966 года министра иностранных дел СССР А.А.Громыко. В ходе этого визита правительство Японии выдвигало на передний план требование о разрешении так называемого "вопроса о безопасном промысле", то есть рыболовном промысле японскими судами в территориальных водах СССР в районе южной части Курил. Японская сторона предложила включить в совместное коммюнике упоминание о территориальном вопросе, который она попыталось попыталась разрешить на условиях демилитаризации Южных Курил. Но советская сторона

выступила против этого, заявив о необходимости скорейшего заключения мирного договора.

Осенью 1967 года японская печать вновь подняла этот вопрос в связи с предложением Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина выработать до заключения мирного договора между СССР и Японией "промежуточный документ", сделанным в беседе с министром иностранных дел Японии Такэо Мики во время его визита в Советский Союз в июле 1967 года. Предложение СССР о "промежуточных мерах", а не о "промежуточном документе" было внесено в связи с тем, что японская сторона, так же как это имеет место и в настоящее время, не готова была пойти на заключение мирного договора с Советским Союзом на основе признания существующих реальностей.

Хотя глава правительства СССР в самом своем высказывании не упомянул, что предложение о "промежуточных мерах" имеет какое-либо отношение к изменению позиции СССР по вопросу о территориальных притязаниях Японии к СССР, оно было преднамеренно истолковано японским правительством как связанное с территориальным вопросом.

Вскоре правительству Японии стало ясно, что их расчет на предложение главе Советского правительства о "промежуточных мерах" как на шаг, направленной на то, чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос о заключении советско-японского мирного договора, не оправдался.

31 октября 1967 г. министр иностранных дел Японии Т.Мики провел в МИД Японии с послом в СССР Т.Накагава, заместителем министра иностранных дел Н.Усиба и другими руководителями МИД совещание об основном курсе японской стороны на переговорах с Советским Союзом по вопросу о северных территориях и другим вопросам советско-японских отношений. На этом совещание был сделан вывод, что заявление премьер-министра СССР А.Н.Косыгина в отношении того, чтобы до заключения японо-советского мирного договора разработать

"промежуточные меры", ставит своей целью, исходя из изменений международной обстановки со времени восстановления японо-советских отношений и связей между обеими странами, добиться развития дружественных отношений между Японией и Советским Союзом[84].

I января I968 г. японские газеты поместили ответы Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина на вопросы корреспондента японского агенства "Киодо Цусин", излагая наиболее подробно ту часть ответов А.Н.Косыгина, в которых затрагивается вопрос о "северных территориях". При этом газеты вынесли в заголовки слова А.Н.Косыгина о том, что "территориальный вопрос решен окончательно" Однако это не привело к изменению позиции правительства Японии, и оно продолжало выдвигать свои прежние претензии к СССР в этом вопросе.

"Правительство, как нам представляется, - писала газета "Токио обзервер" 30 марта I969 г., - нарушило согласованное положение, содержавшееся в Совместной декларации Японии и СССР I956 года и, пойдя на обозначение в качестве территорий Японии Южных Курил, рассчитывает оказать давление на Советский Союз и вместе с тем воздействовать на США. Указанные действия правительства Японии воспринимаются как предпринятый в трудной позиции маневр, который состоит в том, чтобы формально утвердить право на Южные Курилы перед началом зашедших в тупик переговоров о возвращении Окинавы". Это был также предвыборный маневр накануне роспуска парламента. Вот почему Социалистическая партия Японии, по свидетельству упомянутой газеты, заявила, что решение о перекраивании карты северных территорий, "вероятно, связано с политическими планами, и поэтому оно является доказательством того, что решение о возвращении Окинавы с ядерными базами или с правом использования ядерного оружия в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств стало уже фактом..."

Подписанный I2 августа I970 г. в Москве договор между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии об отказе от применения силы при решении спорных вопросов (ратифицирован ФРГ в I972 г.), который основывается на признание границ, исторически сложившихся после второй мировой войны, серьезно ослабил позицию правительства Японии в отношении притязаний на некоторые дальневосточные районы нашей страны. Вот почему, приветствуя гибкий подход ФРГ к территориальному урегулированию после второй мировой войны, японское правительство в тоже время стало проявлять беспокойство, что советско-западногерманский договор может отрицательно повлиять на попытки Японии добиться возвращения под японское управление так называемых "северных территорий"[85].

На 25-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН японская делегация впервые попыталась привлечь к этому вопросу внимание широкой мировой общественности. 2I октября I970 г. премьер-министр Японии Э.Сато в своей речи заявил, что переговоры по вопросу о "северных территориях" не достигают, прогресса. Сато выступил с утверждением, что эта проблема не позволяет заключить мирный договор между Японией и СССР[86].

Но никаких переговоров с Советским Союзом по вопросу о "северных территориях" в этот период не велось, поскольку в этом вопросе позиции сторон оказались диаметрально противоположными[87] и никаких изменений ни у одной из них не наблюдалось.

4.2. Активизация в Японии движения с территориальными претензиями к СССР в 70-х - 80-х годах.

В 70-е годы возросшая экономическая мощь Японии позволила ей перейти к "многосторонней дипломатии", то есть к активизации политики в отношении не только капиталистических и развивающихся, но и социалистических стран[88].

Разрядка международной напряженности в первой половине 1970-х гг. на некоторые время оказала определенное сдерживающее влияние на позицию Токио и способствовала улучшению отношений с СССР.

Это особенно отчетливо проявилось в период визита в Москву премьер-министра Японии в октябре 1973 г. В результате визита главы правительства было заключено соглашение о научно-техническом сотрудничестве, подписана конвенция об охране перелетных птиц, состоялся обмен письмами между министрами иностранных дел СССР и Японии об обмене учеными и научными работниками, а также подписано совместное советско-японское заявление, в котором, в частности, говорилось, что"урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны, и заключение мирного договора внесет вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами" [89].

В дальнейшем в ходе бесед с министром иностранных дел СССР А.А.Громыко министры иностранных дел Японии К.Миядзава в январе 1975 г. в Москве и Д.Косака в сентябре 1976 г. во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН и Нью-Йорке истолковывали это положение таким образом, что территориальный вопрос является единственным нерешенным вопросом,"самой большой проблемой" в советско-японских отношениях, оставшейся со времен второй мировой войны, хотя это противоречит тексту Совместного заявления 1973 г., в котором ясно

говорится о "нерешенных вопросах" в отношениях между двумя странами, каковыми являются,помимо вопроса о линии прохождения границы, вопросы коллективной безопасности в Азии, экономического сотрудничества, рыболовства, культурного, научно-технического и туристического обмена и т.п. Японская сторона, ссылаясь на упомянутую формулировку Совместного заявления 1973 г., стала рассматривать ее как нечто новое, чего ей удалось добиться с точки зрения признания своих территориальных претензий к СССР. Но эта формулировка уже использовалась советской стороной и при оценке итогов визита в Советский Союз министра иностранных дел Японии Э.Сиина в 1966г.[90] и в период празднования 50-летия образования СССР в 1972 г.[91].

В конце 1976 г. - первой половине 1977 г. вопрос о "северных территориях" превратился в более сильный тормоз на пути улучшения советско-японских отношений. На этот раз причиной явилось объективное изменение условий в мировом рыболовстве.

В соответствии с нормами и принципами международного права, вслед за ведущими капиталистическими государствами Советский Союз ввел 200-мильную прибрежную экономическую зону, в том числе на Дальнем Востоке, с целью компенсировать убытки, понесенные в результате принятия аналогичных мер другими странами. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР о введении временных мер по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства от 12 декабря 1976 г. Постановлением Совета Министров СССР от 24 февраля 1977 г. было ограничено японское рыболовство у берегов Советского Союза, так как в указанную 200-мильную зону была включена акватория у южной части Большой Курильской гряды (о-ва Кунашир и Итуруп) и Малой Курильской гряды (о-ва Хабомаи и Шикотан).

25 февраля 1977 г., ссылаясь на свои притязания на эти территории, японское правительство опубликовало заявление генерального секретаря кабинета министров с протестом против этих действий советских властей.

В мае 1977 году после длительных переговоров было заключено временное советско-японское соглашение по этому вопросу. В соответствии с соглашением японская сторона вынуждена была признать, хотя и де-факто, установленные советским законодательством границы этой зоны в районе Курильских островов.

Давая отпор обвинениям Советского Союза в отступлении от зафиксированного в Совместном советско-японском заявлении 1973 года намерения вести переговоры о заключении мирного договора на основе "урегулирования нерешенных вопросов, оставшихся после второй мировой войны", под которыми японская сторона понимает лишь вновь созданную "территориальную проблему", советская сторона в ответах на вопросы главного редактора газеты "Асахи" С.Хата заявила, что вопрос о линии прохождения границы - это лишь один из широкого комплекса вопросов, которые обычно охватывает мирный договор, и что говорить будто "в отношениях между нашими странами есть какая-то "нерешенная территориальная проблема" - это одностороннее и неверное толкование". Было разъяснено, что "Советский Союз готов, если с японской стороны не будет выдвигаться непреемлемых условий, довести это дело до конца" [92].

Внимание японской стороны было обращено на то, что "кое-кто в Японии - явно не без влияния извне - пытался использовать эти переговоры для развертывания недружественной кампании незаконных территориальных претензий к СССР" и что "такие действия ничего кроме ущерба советско-японским отношениям принести не могут" [93].

Исходя из того, что Япония не готова пойти на заключение мирного договора с учетом реальностей, сложившихся после второй мировой войны, Советское правительство одновременно предложило, не прекращая переговоров по мирному договору, обменяться мнениями и заключить договор о добрососедстве и сотрудничестве, в котором нашли бы свое отражение вопросы, созревшие для того, чтобы

поставить их на прочную договорную основу.

В соответствии с этим на переговорах, которые состоялись в январе 1978 г. между министрами иностранных дел СССР и Японии, на рассмотрение японской стороны был внесен советский проект договора о добрососедстве и сотрудничестве. В преамбуле проекта этого договора подтверждалось намерение продолжить переговоры о заключении мирного договора [94], о которых говорилось в Совместном советско-японском заявлении 1973 года. Это опровергает точку зрения японской стороны, что проект договора о добрососедстве и сотрудничестве был направлен на то, чтобы закрыть путь к заключению мирного договора, в котором нашли бы свое решение вопросы, оставшиеся после второй мировой войны, в том числе о линии прохождения границы.

После заключения в 1978 году японо-китайского договора о мире и дружбе и нормализации в 1979 году американо-китайских отношений стала все более отчетливо вырисовываться линия на сближение Японии, США и Китая на антисоветской основе. В ответ на это Советский Союз принял ряд мер по усилению безопасности своих дальневосточных рубежей.

В связи с этим в первой половине 1979 года в японской печати появились сообщения об увеличении мощи Тихоокеанского военно-морского флота СССР, в которых, в частности, подчеркивалось, что советская сторона включила в его состав авианосец "Минск" (на самом деле противолодочный крейсер.- К.Ч.), а также дислоцировала на Советском Дальнем Востоке бомбардировщики, получившие на Западе название "Бэкфайер".

В феврале 1979 году Ганри Ямасита, бывший в то время начальником управления национальной обороны Японии, ссылаясь "на строительство советских военных баз на о-вах Кунашир и Итуруп", в ответах на запросы в японском парламенте заявил, что вооружен-

ные силы СССР на Дальнем Востоке представляют собой "потенциальную угрозу для Японии" [95].

Эта оценка была использована как основной аргумент при выдвижении требований со стороны Управления национальной обороны об увеличении военных ассигнований в бюджете на 1980/81 финансовый год на 9,6%, то есть до суммы в 2,3 триллиона иен (примерно на 10 млрд. долл.). Взаимное наращивание вооруженных сил сторон в районах прилегающих к их границе привело усилению конфронтации и росту недоверия между ними.

Поводом для новой вспышки антисоветских настроений в Японии послужили события в Афганистане.

Размещение советских войск в Афганистане в официальных кругах Японии стало сопоставляться с размещением советских войск в южной части Курильских островов, то есть на так называемых "северных территориях" Японии, что явилось новым поводом для дальнейшего расширения кампании с территориальными претензиями к СССР.

Для того чтобы придать больший вес этой кампании, в сентябре 1980 года "инспекционную" поездку вдоль южной границы территориальных вод СССР в районе этих островов совершил государственный министр Т.Накаяма, начальник канцелярии кабинета министров, на которую возложена обязанность финансировать и организовать "движение за возвращение северных территорий". 25 октября 1980 г. по тому же маршруту проехал министр иностранных дел М.Ито, который назвал свой вояж "стартом" новой японской дипломатии в отношении СССР в 80-х годах [96].

Дело дошло до того, что исполнительный совет Либерально-демократической партии Японии решил представить на рассмотрение сессии парламента законопроект о внесении поправки в территориальной деление страны с целью включения в состав административного округа Нэмуро на Восточном Хоккайдо шести населенных пунктов, расположенных на советских островах в южной части Курил [97].

Одновременно с этим в Токио был взят направленный своим острием против СССР курс на укрепление союзнических отношений с Вашингтоном в военно-политической области. С 1980 года Советский Союз был официально провозглашен "потенциальным противником" Японии.

Эта обстановка взаимного недоверия фактически подрывала возможность заключения мирного договора между СССР и Японией, который окончательно подвел(а) черту под территориальной проблемой. Характерной чертой нового этапа кампании "за возвращение северных территорий" начиная с 1981 года является широкое участие в ней правительства и правящей Либерально-демократической партии Японии и стремление её организаторов заручиться поддержкой общественности не только внутри страны, но и на международной арене. В этой кампании новый важный момент заключался в том, что в официальных заявлениях МИД Японии указывалось, что Япония не считает закрытым вопрос о принадлежности Советскому Союзу не только Курил, но и южной части острова Сахалин на том основании, что его окончательный правовой статус не был определён Сан-Францисским мирным договором 1951 г. [98].

Поощряемые правительством националистические организации, некоторые издательства и средства информации публиковали различные материалы, в которых делалась попытка доказать исторические права Японии не только на Курилы и Южный Сахалин, но также на Северный Сахалин и Камчатку, поскольку в прошлом якобы самураи либо совершали набеги на эти районы, либо осваивали их "посредством торгового обмена".

Руководство кампанией за ревизию советско-японской границы правящие круги Японии осуществляют через канцелярию премьер-министра, в составе которой имеется Управление по делам Окинавы и северных территорий (Окинава хоппо тайсакутё) со штатом более 70 человек.

Оно состоит из общего департамента и департамента по сбору информации. Задачей Управления является подготовка материалов с обоснованием необходимости возвращения "северных территорий", а также организация лекций, докладов, семинаров и выставок, разработка соответствующих инструкций для преподавателей начальных и средних школ и финансирование различных выступлений по данной тематике.

Управление осуществляет непосредственное руководство Ассоциацией по северным территориям - ведущий специализированной правительственной организацией, полную ответственность за деятельностью которой несут премьер-министр и министр земледелия, лесоводства и рыболовства.

Законопроект о создании этой организации возлагает на нее выполнение следующих функций: "Развертывание пропаганды внутри страны и в ООН в целях содействия разрешению проблемы возвращения Японии северных территорий; сбор материалов и исследование различных вопросов, связанных с проблемой северных территорий; создание центра по развитию северных территорий; содействие организации посещения могил японцев, захороненных на северных территориях; обеспечение "безопасного промысла в северных водах; расследование вопросов, касающихся задержания Советским Союзом рыболовных судов Японии, и оказание финансовой помощи семьям японских рыбаков, которые задерживаются в Советском Союзе за нарушение территориальных вод СССР"[99].

Таким образом, на Ассоциацию по проблеме северных территорий были возложены расширенные организационные и пропагандистские функции Ассоциации по северным районам (Хоппо кёкай), существовавшей в 1961-1969 гг. (в ее задачу входили защита интересов рыбаков, занимающихся промыслом в северных районах)[100]. К новой организации перешел и ее финансовый фонд в размере 1 млрд.иен.

Финансирование деятельности Ассоциации правительством постепено возрастало. Если в 1969 г. ей было выделено 55,5 млн.иен[101], то в 1970 г. она получила 158 млн.иен, в 1974 г. - 170 млн.иен[102], в 1981 г. - 510 млн. иен и в 1982 г. - 605 - млн. иен[103].

Ассоциация имеет 2 представительства - в Токио и в Саппоро. Президент и уполномоченные Ассоциации назначаются правительством, а сотальные сотрудники - ее президентом с согласия премьер-министра и министра земледелия, лесоводства и рыболовства. Органами Ассоциации являются ежемесячная газета "Хоппо рёдо" и ежеквартальный журнал под таким же названием.

Ассоциация установила связи с различными неправительственными организациями. В частности, в 1970 г. при ней была создана из специалистов различных профилей исследовательская группа численностью около 15 человек, которая занялась подготовкой теоретических "обоснований" для пропагандистских материалов.

25 ноября 1968 г. правительством была утверждена "Программа по форсированию в округах префектуры Хоккайдо движения за возвращение северных территорий" и созданию с этой целью "Комитетов содействия" во всех ее 14 округах. Эта программа была подкреплена крупными финансовыми ассигнованиями. Так, только в 1981 году для ее реализации префектуральному управлению Хоккайдо из государственного бюджета было выделено 454 млн. иен около 2 млрд.долл.), а в 1982 году эти расходы возросли на 22,4%[104]. Эти средства дополняются растущими ассигнованиями за счет местного бюджета, которые составили в 1981 г. 168 млн.иен[105] и в 1982 - 182 млн. иен[106].

В результате осуществления этой программы к концу 1981 г. в состав "Комитетов содействия" при окружных управлениях были привлечены представители 960 различных организаций, в том числе 470 официальных (из них местных государственных - 28, префектуральных - 84, городских и сельских, - 196 и относящихся к системе народного образования - 182)[107].

Наиболее активной из неправительственных организаций, выступающих с территориальными претензиями к СССР, является Лига борьбы за возвращение северных территорий (Хоппо рёдо фукки кисэй домэй), основанная в 1965 году под патронажем МИД Японии. Эта организация, представителем которой стал бывший заместитель министра иностранных дел Японии Сюнъити Мацумото, издает большое количество пропагандистской литературы. В 1970 году в представительства государств - членов ООН в Нью-Йорке были разосланы экземпляры выпущенной Лигой брошюры с требованием возвратить Японии "северные территории", что вызвало протест постоянного представителя СССР при ООН. Уполномоченные Лиги сопровождают японские правительственные делегации на сесии Генеральной Ассамблеи ООН. С 1981 года правительство финансирует разъяснительные поездки делегации Лиги в США и в страны Западной Европы.

Бюджет Лиги, образуемый на 90% из ассигнований центральных и префектуральных административных органов, составлял в 1982 г. значительную сумму в 34,9 млн. иен[128].

Важным направлением деятельности Лиги является руководство многочисленными организациями, выступающими за возвращение "северных территорий".

Активную работу развернул и Координационный совет по проблеме северных территорий (Хоппо рёдо мондай рэнраку кёгикай), в который вошли около 50 религиозных, молодежных, женских, культурных и экономических организаций. Примечательно, что его возглавил председатель Лиги Сюньити Мацумото, бывший полномочный представитель Японии на переговорах о нормализации советско-японских отношений. Во второй половине 1970-х гг. пропагандистская эстафета этого совета была передана созданному в 1977 г. на более широкой основе Координационному совету движения за возвращение северных территорий (Хоппо рёдо хэнкан ундо рэнраку кёгикай).

В октябре 1978 г. в Японии был основан Комитет по мобилизации мирового общественного мнения в поддержку требований о возвращении северных территорий (Хоппо рёдо хэнкан ёкю кокусай апиру иинкай), который в 1979 и 1980 гг. направлял свои группы в представительства различных государств при ООН с целью заручиться их содействием при постановке этого вопроса на Генеральной Ассамблее ООН.

Значительную роль в движении за возвращение "северных территорий" играет также Лига бывших жителей Курил и Хабомаи (Тисима Хабомаи сёто кёдзюся рэммэй). Эта организация, созданная в 1955 г., насчитывает несколько тысяч человек из числа бывших постоянных жителей южной части Курильских островов. Она ограничивает свою деятельность префектурой Хоккайдо, где проживает 90% членов Лиги.

Другая организация такого рода - Всеяпонская лига бывших жителей Сахалина (Дзэнкоку Карафуто рэммэй), созданная в 1948 г., принимает участие в мероприятиях с требованием возвращения Японии этой территории вместе с основанной в 1955 г. Лигой борьбы за возвращение Южного Сахалина (Минами Карафуто кисэй домэй).

Поощряя выступления упомянутых организаций, правительство одновременно особое внимание уделяет совместным действиям с оппозиционными партиями для того, чтобы территориальным претензиям к СССР общенациональный характер. Эта проблема стала обсуждаться в созданных в марте 1968 г. при обеих палатах японского парламента специальных комитетов по делам Окинавы и северных территорий (Окинава оёби мондай-ни кансуру токубэцу иинкай). По их инициативе палата представителей в сентябре 1973 г. одобрила резолюцию "о скорейшем разрешении проблемы северных территорий". Такие же резолюции неоднократно принимались обеими палатами в последующие годы.

Новым явлением последних лет стало создание аналогичных комитетов во многих префектуральных собраниях страны.

4.3. Проблема "северных территорий" в условиях ухудшения советско-японских отношений в первой половине 80-х годов

Отношения с Японией - страной, которая является главным союзником США в Азии и вторым по экономической мощи государством [redacted] мира, имеют существенное значение для Советского Союза как в плане развития взаимовыгодных советско-японских торгово-экономических связей , так и с точки зрения обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире. "Она может быть только равной для всех или ее не будет вовсе, - пишет М.С.Горбачев, развивая идеи нового политического мышления. Единственная ее солидная основа - признание интересов всех народов и государств, их равенства в международной жизни"[109].

Внешнеполитический курс Японии формируется с учетом объективной необходимости придерживаться принципов мирного сосуществования в своих отношениях с Советским Союзом, играющим важную роль в современной международной жизни. Место СССР в японской внешней политике зависит также от воздействия на нее, с одной стороны, стремления правящих кругов Японии укреплять отношения с развитыми капиталистическими странами, а с другой, - попыток её правительства добиться ослабления остроты соперничества с ведущими государствами мира, путем диверсификации внешних торгово-экономических связей, в том числе за счет расширения связей с СССР.

Развитию отношений Японии с Советским Союзом серьезно способствовало бы заключение мирного договора на основе подведения итога под территориальным спором между двумя странами.

Развитие добрососедских, взаимовыгодных связей СССР с Японией соответсвует не только национальным интересам обеих стран, но и может внести большой вклад в оздоровление всей международной ситуации на Дальнем Востоке, в Азии и во всем мире.

В начале 1980-х гг., в условиях обострения международной напряженности вокруг событий в Афганистане и Польше, а также выработки новой стратегической концепции повышения роли Японии в западном сообществе на основе успехов в экономике, правительство этой страны сочло, что оно должно уже не только ограничиваться поддержкой кампании территориальных претензий к СССР, а само активно использовать их для попыток давления на Советский Союз. Вот почему решение кабинета министров Японии (в начале 1981 г.) об установлении 7 февраля "дня северных территорий", приуроченное к годовщине заключения в 1855 г. первого русско-японского договора о дружбе, торговле и мореплавании, стало свидетельством того, что этот вопрос поднят в Японии на уровень официальной политики.

В заявлении МИД СССР от 16 февраля 1981 г. подчеркивалось, что японское правительство открыто взяло на себя роль организатора кампании, характер которой граничит с враждебностью. Действиям Токио противопоставлялось стремление СССР к развитию отношений между двумя странами в духе добрососедства на основе признания существующих реальностей[110].

Хотя японская сторона не дала конструктивного ответа на инициативы Советского Союза, выдвинутые в 80-х годах, и осталась на прежних позициях, правящие круги Японии вынуждены считаться с ролью СССР в международных отношениях.

Стремясь продемонстрировать свою готовность к диалогу с Советским Союзом, вскоре после внесения советских предложений о мерах доверия, японское правительство во второй половине апреля 1981 г. направило в Москву делегацию депутатов парламента от Либерально-демократической партии Японии - членов Ассоциации японо-советской дружбы во главе с бывшим министром иностранных дел И. Хатояма. Обе стороны выразили уверенность, что развитие добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества между

двумя странами соответствует коренным интереса Японии и СССР, делу мира и международной безопасности.

Одновременно японское руководство попыталось обеспечить поддержку своей позиции в территориальном споре с СССР ведущих западных государств. Так, одной из целей визита министра иностранных дел Японии М.Ито в США и его переговоров с представителями администрации Р.Рейгана в марте 1981 г. было согласование японской и американской позиций по [redacted] проблеме северных территорий. Как утверждала японская печать, М.Ито удалось заручиться поддержкой Вашингтона в отношении территориальных претензий на южную часть Курильских островов[111]. Вскоре после этого визита МИД Японии разослал 48 странам-участницам Сан-Францисского мирного договора циркулярную ноту с рекомендацией "исправить" на картах ее границу с СССР, включив Южную часть Курил в состав японской территории. Однако это предложение поддержали лишь США и Египет.[112].

Премьер-министр Дз.Судзуки 9-10 сентября 1981 года совершил "инспекционную поездку" в район Японии, непосредственно прилегающий к южным Курилам. Стремясь обеспечить широкую поддержку своей позиции со стороны местных жителей, ЛДП добилась утверждения парламентом на осенней сессии 1980 г. резолюции об ассигновании около 18 млрд. иен на "экономическое развитие" пограничного с СССР района Нэмуро (о-в Хоккайдо).

Новым шагом со стороны правящих кругов Японии, направленным на укрепление своих позиций в отношении "северных территорий", явилась разработка "Закона о принятии специальных мер по решению проблемы северных территорий и других связанных с ней вопросов", который был принят парламентом 31 августа 1982 г. и вступил в силу с 1 апреля 1983 г. Этот закон дает право любому японцу объявить своим постоянным местом жительства о-ва Кунашир, Шикотан

и Итуруп и соответственно официально зарегистрироваться независимо от того, проживали ли когда-нибудь он или его семья на этих территориях. Поскольку ранее аналогичное решение было принято в отношении о-вов Хабомаи[113], то, по мнению японской печати, эти правила дали "мощный стимул для дальнейшего подъема кампании за возвращение Японии северных территорий"[114].

Эту же цель преследует предусмотренное законом создание специального фонда в размере 10 млрд.иен для выплаты пособий рыбакам, потерявшим право на промысел в северных районах после восстановления прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова в 1945 году.[115]

Весной 1982 г. японские власти решили продемонстрировать "новый подход" к вопросу о "северных территориях" Они инспирировали выступление ассоциации утари-айнов Хоккайдо с требованием вернуть не японцам, а этой народности, в настоящее время состоящей в японском подданстве, южную часть Сахалина и Курильские острова, поскольку якобы эти территории, где их предки жили еще в древности, исконно принадлежат айнам[116].

Крупные финансовые ассигнования и целеустремленная массированная кампания"за возвращение северных территорий" развернутая под непосредственным руководством правительственных органов, оказали значительное влияние на настроения простых японцев. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что к осени 1981 г. организациям, участвующим в этой кампании удалось собрать 20 млн. подписей под петициями с территориальными претензиями к СССР[117].

При этом важным является то обстоятельство, что оппозиционные партии не только поддерживают требования официальных кругов, но и идут в своих притязаниях еще дальше, выступая за "возвращение" Японии всех Курильских островов.

Однако ряд факторов не позврлял правительству полностью добиться поставленных целей. Между различными партиями и группировками не прекращаются разногласия относительно пределов требований, предъявляемых к Советскому Союзу, характера кампании и ее организационных форм. Немаловажную роль играет соперничество между собой местных властей и руководства центральных и периферийных организаций. Отрицательное воздействие нагнетаемой антисоветской атмосферы на развитие торгово-экономических связей с СССР хорошо видят деловые круги Японии.

Широкое развертывание правящими кругами Японии кампании с территориальными претензиями к СССР свидетельствуют о том, что она стала важным направлением их политического курса с конца 70-х годов. Её особенности состояли в том, что:

I) она носила тщательно спланированный характер и проводится под прямым и открытым руководством правительства;

2) резко возросли финансовые ассигнования, используемые государственными органами для поощрения как различных организаций, так и средств массовой информации на привлечение интереса общественности к территориальной проблеме ;

3) выдвижение территориальных требований тесно переплетается с попытками широко использовать в своей пропаганде концепцию "советской военной угрозы";

4) предпринимаются все более активные попытки вынести территориальные претензии к СССР на обсуждение международных организаций, используя в первую очередь активную поддержку со стороны США.

Усиление кампании за возвращение северных территорий явилось составной частью долгосрочного стратегического курса правительства и осуществляется с целью:

I) способствовать укреплению национального единства в интересах укрепления позиций правящих кругов;

2) сплотить на национальной основе все силы Японии и ослабить тем самым оппозицию существующему строю;

3) создать благоприятную обстановку для пересмотра конституции и укрепления военного и экономического потенциалы страны;

4) продемонстрировать "солидарность" со странами Запада, прежде всего с США, в их подходе к отношениям с СССР.

Органы массовой информации создали у значительной части населения негативный стереотип Советского Союза как государства, незаконно удерживающего "исконно японские" территории, и обеспечили поддержку позиции правительства с некоторыми различиями практически всеми оппозиционными партиями страны.

Попытки правящих кругов Японии обусловить любое улучшения отношений с СССР уступками с его стороны в этом вопросе и непризнание советской страной существования территориальной проблемы явились серьезным тормозом на пути улучшения и развития советско-японских отношений в рассмотренный период.

Выражая стремление к преодолению застоя в советско-японских отношениях, правительство Японии параллельно с организацией антисоветских кампаний пошло на ряд шагов для продолжения диалога с СССР. Определенное влияние на позицию Токио оказало обострение японо-американских торгово-экономических противоречий и разногласий по вопросам наращивания японской военной мощи, а также усилившееся давление части деловых кругов Японии, заинтересованной в расширении связей с СССР. В сентябре 1981 г. японская сторона заявила о намерении возобновить рабочие консультации на уровне МИД Японии и СССР, прерванные ранее Японией в одностороннем порядке. В связи с этим японская печать отмечала, что в Токио вынуждены считаться необходимостью поддерживать с Советским Союзом двусторонние отношения по всем проблемам мирового развития, а также по конкрентным, интересующим Японию вопросам.

С января 1982 года начались рабочие консультации между МИД СССР и Японии, а 7 февраля 1982 г. японский премьер Д.Судзуки в своем выступлении на митинге в Токио в "день северных территорий" поставил развитие добрососедских отношений в зависимость от решения территориальной проблемы .

10 июня 1982 г. в Нью-Йорке во время второй специальной сессии Генеральной Ассамлеи ООН по разоружению состоялась встреча между министром иностранных дел СССР А.А.Громыко и министром иностранных дел Японии Ё.Сакураути, в ходе которой японский министр затронул проблему "северных территорий". Выразив несогласие с японскими требованиями, советский министр в то же время подтвердил неизменность позиции СССР, по данному вопросу[118].

Обмен мнениями между министрами иностранных дел обоих государств был продолжен в Нью-Йорке 4 октября 1982 г. на XXXУ сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе встречи, помимо международных вопросов, в том числе имеющих отношение к работе текущей сессии Генеральной Ассамблеи, обсуждался вопрос о возобновлении регулярных встреч министров иностранных дел СССР и Японии. При этом японский министр вновь поставил вопрос о заключении мирного договора с СССР на основе признания советской стороной требований о "возвращении" Японии южной части Курильских островов[119].

3 декабря 1982 г. премьер-министр Японии Я.Накасонэ в своей программной речи в японском парламенте высказался за установление "стабильных отношений" с СССР, "основанных на подлинном взаимопонимании", но заключение мирного договора прямо поставил в зависимость от согласия Советского Союза на удовлетворение претензий Японии на "северные территории".

26 марта 1983 года выступая в Саппоро, Я.Накасонэ высказался за проведение "более гибкой" политики, за улучшение советско-японских отношений. Глава японского правительства заявил, что поиск

путей в этом направлении является одной из главных задач его кабинета министров, и выразил надежду на сотрудничество между двумя странами, но, как и в прежних своих заявлениях, такое развитие двусторонних отношений поставил в зависимость от решения "проблемы северных территорий"[120].

В дальнейшем по мере развития диалога с СССР Япония пошла на некоторые "уступки" по сравнению с той позицией, которую она занимала ранее. В ходе рабочих консультаций (апрель 1983 г.) развитие экономических отношений уже не увязывалось японской стороной с необходимостью разрешения "проблемы северных территорий".

Оценивая обсуждение на рабочих консультациях вопросов советско-японских отношений, газета "Хоккайдо симбун" писала, что в целом, "японскому правительству, которое открыто придерживается курса на следование за США, явно недостает гибкости в отношениях с СССР"[121].

Консультации между МИД СССР и Японии привели к некоторому оживлению советско-японских контактов на официальном уровне. При этом, однако, оставался неизменным ее стратегический курс.

Позднее совещание глав семи ведущих капиталистических стран в мае 1983 г. в Вильямсберге (США) 10-14 июня 1983 инспекционную поездку в северную часть о-ва Хоккайдо впервые совершил начальник Управления национальной обороны Японии К.Таникава. Он осматривал из бинокля расположенные неподалеку берега южной части Курильских островов и присутствовал на военных учениях "войск самообороны" с участием бомбардировщиков-истребителей, вертолетов и танков[122].

Несмотря на это, советское руководство продолжало предпринимать усилия, направленные на оздоровление двусторонних отношений. С этой целью в середине июля 1983 г. в СССР была приглашена группа депутатов японского парламента от Либерально-демократической партии Японии во главе с бывшим министром иностранных

дел Иитиро Хатояма, сыном японского премьер-министра Итиро Хатояма, который внес важный вклад в нормализацию советско-японских отношений.

С 10 по 12 октября 1984 г. в Москве была проведена IУ конференция "круглого стола" представителей советской и японской общественности под девизом "Дружба и добрососедство - единственный путь достижения мира и доверия между СССР и Японией", собравшая около 500 участников. Советскую делегацию возглавлял министр морского флота СССР Т.Б.Гуженко, японскую - самую представительную за всю историю таких встреч, председатель парламентской ассоциации японо-советской дружбы бывший министр иностранных дел Ё.Сакураути. В руководство делегации входил также другой бывший министр иностранных дел Японии Иитиро Хатояма, вице-президент Общества японо-советской дружбы.

Участники конференции с одобрением встретили приветствие Президиума Верховного Совета СССР. Из Японии пришли поздравления от министра иностранных дел С.Абэ, председателей палат парламента. Внимание участников форума было сосредоточено на состоянии советско-японских отношений. Вызвал озабоченность тот факт, что в результате попыток определенных кругов демонтировать и пустить их по нисходящей линии до последнего времени в отношениях между Японией и СССР сохранялся застой. Участники встречи в Москве единодушно отмечали, что преодоление этой тенденции отвечает интересам Японии и Советского Союза.

Как указывается в совместном коммюнике, "проведение настоящей конференции создало хорошую возможность для содействия улучшению отношений между двумя странами"[123].

В докладе на конференции Ё.Сакураути выступил в общем плане за расширение советско-японских связей, не отступая, однако, от известных позиций официальных кругов Токио в отношении терри-

ториальных претензий к СССР.

Большое значение для развития политического диалога между СССР и Японией имели встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева с японскими представителями, прибывшими в Москву в середине марта 1985 года.

14 марта 1985 г. М.С.Горбачев имел беседу в Кремле с премьер-министром Японии Я.Накасонэ. Между сторонами состоялся обмен мнениями по ключевым вопросам советско-японских отношений, в том числе по территориальному вопросу и о международном положении.

М.С.Горбачев заявил, что Советский Союз готов развивать взаимовыгодные связи с Японией в различных областях и выступает за то, чтобы отношения между обеими странами приобрели добрососедский характер. В связи с заявлением Я.Накасонэ о стремлении также и японской стороны к улучшению отношений с СССР было подчеркнуто, что важно устранить искусственно создаваемые японской стороной трудности и ограничения на пути развития отношений между двумя странами, что улучшению отношений и добрососедству, безусловно, способствовало бы проведение Японией на деле миролюбивой политики[124].

Японская печать дала положительную оценку итогам этой встречи. Так, газета "Асахи симбун" писала: "В отношениях между двумя странами существует много сложных проблем. Тем не менее Япония и СССР, страны-соседи, не должны относиться друг к другу враждебно, поскольку оба государства единодушно признают необходимость сотрудничества и сосуществования, несмотря на различие политических, экономических, социальных систем. Важно путем проведения переговоров постепенно добиваться устранения препятствий в развитии отношений между двумя странами"[125].

4.4. Территориальный вопрос в советско-японских отношениях в условиях развития диалога в период "перестройки".

Признаки "оттепели" в советско-японских отношениях стали особенно заметным с весны 1985 г. после апрельского пленума ЦК КПСС, когда политический диалог стал играть небывало важную роль в международных отношениях. По приглашению японских организаций дружбы с Советским Союзом в апреле 1985 г. в Токио прибыла советская делегация во главе с министром морского флота СССР, председателем Общества "СССР - Япония" Т.Б.Гуженко для утверждения плана культурного обмена с Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами.

Т.Б.Гуженко был принят главой японского правительства. В состоявшейся беседе с Я.Накасонэ руководитель советской делегации заявил, что Советский Союз выступает за расширение взаимовыгодного сотрудничества с Японией, отметив важное значение активизации экономических, культурных и других связей между двумя странами. Он высказал мнение о необходимости усилий по сохранению мира и предотвращению гонки вооружений[126]. Со своей стороны, премьер-министр подчеркнул важное значение его беседы в марте 1985 г. с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым. Он указал, что японо-советские отношения в настоящее время развиваются в сторону укрепления, и подчеркнул необходимость их дальнейшего развития.

На встрече с советским министром Я.Накасонэ воздержался от выдвижения территориальных претензий к СССР, а С.Никайдо, входивший в его ближайшее окружение, предложил отложить обсуждение этого вопроса на неопределенное время.

Шаги Токио по улучшению атмосферы в советско-японских отношениях весной 1985 г. объяснялись рядом причин.

Во-первых, новым обострением японо-американских отношений в связи со вспышкой конкурентной борьбы японских и американских монополий за контроль над рынками США. Во-вторых, растущей непопулярностью внешнеполитического курса президента США Р.Рейгана в отношении СССР и опасениями "опоздать на поезд" возможной разрядки напряженности в случае успеха начавшихся в Женеве советско-американских переговоров о сокращении стратегических вооружений. В-третьих, стремлением воспользоваться для повышения своего престижа растущим интересом японской общественности к мирным инициативам Советского Союза, в частности, к мораторию на размещение ракет средней дальности в европейской части СССР.

Признавая, что встреча советских и японских руководителей в Москве в марте 1985 года имеет непреходящее значение для урегулирования двусторонних отношений", представители МИД Японии, по сообщениям печати, выразили осторожное мнение о возможности преодолеть имеющийся застой путем "развития двусторонних дружественных связей в экономике, культуре и других областях и решения территориальной проблемы"[127].

В мае 1985 г. в речи по случаю визита в СССР премьер-министр Индии Р.Ганди Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев поставил вопрос о необходимости выработки комплексного подхода к проблеме безопасности в Азии и возможности объединения усилий азиатских государств в этом направлении. "Конечно, путь к этому сложен, - заявил советский руководитель, - Но ведь и дорога до Хельсинки не была гладкой и ровной. Тут, видимо, возможны разные методы - двусторонние переговоры, и многосторонние консультации - вплоть до проведения в перспективе какого-то общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений"[128].

Комментируя это предложение, представители МИД Японии в целом оценили его положительно. Однако они вновь попытались связать

советские инициативы с получением односторонних уступок от СССР по проблеме северных территорий [129].

Проявив элементы реализма, Япония также стала ослаблять ограничения на контакты с СССР на парламентском и правительственном уровнях, которые с весны 1985 г. стали более интенсивными, что было положительно оценено японской печатью (150-151).

В начале сентября в Токио были проведены политические консультации на рабочем уровне между МИД СССР и Японии, в которых приняли участие заместитель министра иностранных дел СССР М.С.Капица, посол СССР в Японии П.А.Абрасимов, заведующий 2-м Дальневосточным отделом МИД СССР Н.Н.Соловьев. С японской стороны в них участвовали заместитель министра иностранных дел С.Янаи, руководители ряда департаментов МИД Японии. Представители МИД СССР имели также беседу с министром иностранных дел Японии С.Абэ и его первым заместителем К.Янагия.

В ходе консультаций состоялся откровенный обмен мнениями по широкому кругу международных проблем, а также вопросам развития советско-японских отношений [130]. Представитель МИД Японии заявил, что страны разошлись в оценке стратегической оборонной инициативы США, поддержанной премьер-министром Японии Н.Накасонэ в ходе его поездки по странам Западной Европы в июле 1985 г., и проблемы северных территорий [131].

16 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев принял в Кремле делегацию Социалистической партии Японии во главе с Председателем Центрального исполнительного комитета этой партии М.Исибаси. В связи с высказываниями в японской печати о том, что М.Исибаси поднимал в Москве вопрос о "северных территориях", по возвращении на родину он, по сообщению агенства печати "Киодо Цусин" от 27 сентября 1985 г., сделал следующее заявление: "Я не выступал за то, чтобы Японии немедленно были возвращены Курильские острова, а также острова Хабомаи и Шикотан. Я призвал учесть тот факт, что высказывание о том, что это - территория Японии, является

общим мнением японского народа и сказал, что это необходимо учитывать для создания прочных дружественных отношений между Японией и СССР. Ответ, как и предполагалось, был отрицательным, что нашло свое отражение в совместном коммюнике, где говорилось, что "на переговорах выявились определенные расхождения во взглядах между двумя партиями"[132], хотя по большинству вопросов делегации достигли единодушия[133].

С 1984 г. тема советско-японских отношений постепенно стала все громче звучать в выступлениях японских руководителей. Причем, если сначала Я.Накасонэ говорил о необходимости "поддерживать диалог с наиболее трудным партнером", как он назвал Советский Союз, сопровождая высказывания о намерении возобновить диалог с СССР подчеркиванием советской военной угрозы и претензиями на ряд Курильских островов[134], то в 1985 г. критика советской политики СССР в отношениях Японии в этих вопросах стала значительно глуше, а порой в официальных беседах они даже вообще не поднимались.

Позиция Токио в отношении СССР формировалась под влиянием разных факторов. С одной стороны, на ней сказывалось стремление следовать в русле курса администрации Р.Рейгана, еще продолжавшей в этот период проводить прежний жесткий курс в отношении с СССР.

С другой стороны, японские официальные круги стали в определенной степени осознавать, что без сохранения известного уровня отношений с Советским Союзом Япония не сможет рассчитывать на укрепление своего международного престижа. Во внимание стало приниматься и мнение тех сил внутри страны, которые полагают, что географическое положение Японии, особенности ее экономического развития создают объективно предпосылки для упрочения мирных добрососедских отношений с СССР.

Так, к более активным высказываниям в пользу оживления отношений с СССР перешел министр иностранных дел Японии С.Абэ. Это

объяснялось его соперничеством с Я.Накасонэ в борьбе за высший пост в ЛДП, и тем обстоятельством, что улучшение отношений с СССР он намеревался внести в актив своей политической деятельности.

Вскоре 19 апреля 1985 года всеми партиями японского парламента была одобрена резолюция по этой проблеме, в которой в отличие от аналогичных документов, принятых в марте и ноябре 1980г., было использовано не просто выражение "северные территории", а "такие северные территории, являющиеся исконными территориями нашей страны, как Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп". При этом употребление впервые в подобной резолюции слов "такие ...как", указывающих на незаконченный ряд в перечислении, свидетельствовало о намерении расширить понятие "северные территории", включив в него не только южную группу Курильских островов, но также Средние и Северные Курилы. Так, заместитель председателя Президиума ЦК КПЯ депутат палаты представителей парламента Японии К.Сэнага при одобрении этого документа в специальной комиссии палаты пояснил, что при одобрении этой резолюции Компартия Японии, которая придерживается в этом вопросе националистических позиций[135], потребовала, чтобы в резолюции острова Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан) были бы указаны как входящие в префектуру Хоккайдо, а также было бы отмечено, что все Курильские острова исторически являются территорией Японии[136]. Позднее эта резолюция была передана советской стороне[137].

Официальный визит в Японию члена Политбюро ЦК КПСС министра иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе, который состоялся с 15 по 19 января 1986 года, придал новый импульс развитию советско-японских отношений.

Э.А.Шеварднадзе передал премьер министру Японии Я.Накасонэ послание Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева с приглашением посетить Советский Союз с официальным визитом. Глава японс-

кого правительства, в свою очередь, подтвердил направленное ранее приглашение М.С.Горбачеву прибыть с официальным визитом в Японию.

Было подтверждено также соглашение на проведение и в дальнейшем регулярных консультаций на уровне министров иностранных дел по крайней мере один раз в год поочередно в Москве и Токио. Стороны достигли договоренности о визите с этой целью министра иностранных дел Японии в СССР в 1986 году и министра иностранных дел СССР в Японию в 1987 году."В соответствии с договоренностью, зафиксированной 10 октября 1973 года, министры провели переговоры о заключении мирного договора, включая вопросы, которые могли бы составить его содержание"[138]. Стороны договорились продолжить их во время приезда С.Абэ в Москву в 1986 году.

Эти вопросы нашли свое отражение в Совместном советско-японском коммюнике, подписанном министрами 19 января 1986 года.

При постановке в повестку дня переговоров территориального вопроса советская сторона проявила гибкость. Однако по завершению визита источники МИД сделали упор на том, что японской стороне не удалось достигнуть договоренности о том, чтобы СССР признал "существование территориального вопроса", но она добилась, по сути дела, "включения ссылки на территориальный вопрос" в текст коммюнике[139].

В выступлении 19 января 1986 г. на пресс-конференции министр иностранных дел Японии С.Абэ оценил следующим образом: "Были возобновлены переговоры по мирному договору, включая территориальный вопрос, которые будут продолжены, что является первым шагом в деле дальнейшего развития японо-советских отношений"[140]. По поводу высказываний Э.А.Шеварднадзе по территориальному вопросу С.Абэ выразил мнение, что советский министр "не вышел за пределы известной ранее позиции советской стороны", но вместе с тем "важным результатом консультаций является то обстоятельство, что в отличие от

позиции СССР в последние годы, когда он отказывался даже сесть за стол переговоров по территориальному вопросу, с Э.Шеварнадзе такие переговоры велись в течение трех часов"[141].

Сходный характер носила оценка визита советского министра со стороны премьер-министра Японии. "Большое значение, - заявил 27 января 1986 г. в программной речи в парламенте Я.Накасонэ, - имеет тот факт, что в результате визита в Японию Э.Шеварнадзе была достигнута договоренность о возобновлении переговоров о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, и об интенсификации политического диалога, в том числе путем обмена визитами между мною и Генеральным секретарем ЦК КПСС М.Горбачевым. Я буду и впредь продолжать упорно и неустанно вести переговоры и развивать диалог во имя подлинно стабильных отношений между Японией и СССР"[142].

Еще один шаг в деле улучшения советско-японских отношений был сделан в результате официального визита в Советский Союз с 29 по 31 мая 1986 г. по приглашению Советского правительства министра иностранных дел Японии С.Абэ.

30 мая 1986 г. С.Абэ был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым. Министр передал послание премьер-министра Японии Я.Накасонэ, подтвердил сделанное им ранее приглашение М.С.Горбачеву посетить Японию и констатировал огромную роль советского руководства в деле обеспечения мира и международной стабильности.

М.С.Горбачев проинформировал С.Абэ о том, что в Советском Союзе принято принципиальное политическое решение использовать все возможности для развития и улучшения отношений с Японией по всем направлениям вне зависимости от ее связей с третьими странами, отметив, что прогресс в двусторонних отношениях, который мог бы иметь место в результате этого, предполагает принцип взаимности и

отказ от посягательств на итоги второй мировой войны и нерушимость границ.

М.С.Горбачев обещал проявить необходимое внимание к просьбам японской стороны в отношении рыболовства и готовность пойти навстречу пожеланиям японцев в посещении мест захоронений их родственников на территории СССР, в том числе на Курильских островах, в духе гуманности и уважения к обычаям народа[143].

Было подписано совместное советско-японское коммюнике, в котором был подтвержден ряд основных положений аналогичного коммюнике, подписанного в Токио в январе 1986 г., в том числе по вопросу о продолжении переговоров о заключении мирного договора.

Освещая визит С.Абэ в СССР, японская печать обращала внимание на то, что несмотря на требования Токио, "Советский Союз не пошел на уступки по территориальному вопросу". Высказывалось мнение, что "в то же время СССР, занимавший в последние 10 лет жесткую позицию по вопросу о посещении родственниками захоронений японцев на "северных территориях", на этот раз занял гибкую линию, продиктованную стремлением к улучшению отношений"[144].

В центральных японских газетах отмечалось, что на всю японскую делегацию большое впечатление произвело ослабление критики в адрес Японии и то, что позиция СССР по принципиальным вопросам не изменилась, но прояснился стиль, и поэтому СССР намерен твердо развивать отношения с Японией, уменьшая существующие трения[145].

Выступая 28 июня 1986 г. во время своей поездки по районам Советского Дальнего Востока, М.С.Горбачев в получившей широкий отклик в странах Азии речи, произнесенной во Владивостоке, отметил "признаки поворота к лучшему" в двусторонних отношениях и выразил пожелание, чтобы этот поворот действительно произошел. "Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного

сотрудничества на здоровой реалистической основе в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого", - продолжал советский руководитель, указав на то, что начало этому в 1986 г. было положено взаимными визитами министров иностранных дел СССР и Японии с последующей договоренностью об обмене визитами на высшем уровне.

М.С.Горбачев предложил обсудить вопрос о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных одни в другим районах СССР и Японии, организовать долговременное сотрудничество и исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, а также в мирном изучении и использовании космического пространства[146].

Положительно оценивая выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева, японская печать обратила внимание на то, что во владивостокской речи советского руководителя "отразился конкретный характер политики Советского Союза, который придает важное значение азиатскому региону "[147].

Вместе с тем отмечалось, что МИД Японии расценивает высказывание М.С.Горбачева об обмене визитами между высшими руководителями двух стран как "проявление активного подхода Советского Союза к отношениям с Японией и приветствует визит Генерального секретаря ЦК КПСС в Японию"[148].

В этой связи был сделан вывод, что в условиях развития японо-американских, японо-китайских и китайско-американских отношений Советский Союз пришел к заключению, что он не может стоять в стороне от данного процесса и приступил "к развертыванию активной политики в азиатском регионе, что вынуждает Токио проявить внимание в отношении разработки своей собственной политики в этом районе земного шара"[149].

Призыв М.С.Горбачева, прозвучавший в его речи во Владивостоке, в спокойной атмосфере обсудить вопросы советско-японских отношений,

не ограничиваясь проблемами являющимися наследием прошлого, рассматривались в Токио как стремление уйти от разрешения вопроса о "северных территориях". Но в то же время ссылка на то, что объективная обстановка в мире вокруг СССР и Японии требуют углубления двустороннего сотрудничества "на здоровой реалистической основе" позволяет расчитывать на то, что под "реалистической основой" подразумевается возможность уступок в территориальном вопросе со стороны СССР[150].

В официальных кругах Токио предусматриваются четыре сценария проблемы "северных территорий": I) возвращение всех "северных территорий"; 2) возвращение о-вов Хабомаи и о-ва Шикотан; 3) заявление советской стороны о том, что территориального вопроса не существует; 4) совместное использование или совместное освоение без уступки Японии "северных территорий". При этом не исключается и обсуждение вопроса о продаже Советским Союзом Японии Малой Курильской гряды или даже не только этих островов, но и о-вов Кунашир и Итуруп. Когда премьер-министр К.Танака во время визита в Москву в 1973 г. спросил Л.И.Брежнева "Входит ли территориальный вопрос в число вопросов, оставшихся нерешенными после второй мировой войны?", которые упомянуты в Советском заявлении 1973 г., то советский руководитель, как пишет профессор М.Накадзима, ответил: "Да". Но с японской стороны, помимо К.Танака, этот ответ слышали только японский посол в СССР К.Ниидзэки и советник посольства Японии в СССР Араи. Поэтому ее позиция здесь является "очень слабой", и Токио остается лишь расчитывать на уступку со стороны М.С.Горбачева[151].

В годовщину речи во Владивостоке 21 июля 1987 г., характеризуя отношения между СССР и Японией, М.С.Горбачев в ответах на вопросы индонезийской газеты "Мердека" заявил: "Их состояние пока не очень определенное...

Не так давно вроде бы появился просвет, даже началось обсуждение вопроса о моем визите в Японию. И внутренне я готов был бы

посетить эту замечательную страну, играющую огромную роль в мировой экономике и все более заметную роль в мировой пряитике. Однако в Японии нашлись силы, сумевшие вновь нагнать тучи на горизонте"[152].

Эти силы проявили себя 7 февраля 1988 года. Они проводили в "день северных территорий" демонстрации у зданий советских учреждений в Японии с требованием вернуть ей эти территории. В связи с этим 9 февраля 1988 г. МИД СССР заявил решительный протест послу Японии в СССР г.Муто[153].

В результате визита в Японию с 18 по 22 декабря 1988 года Министра иностранных дел Э.А.Шеварднадзе был сделан важный шаг в развитии советско-японского диалога - стороны договорились о создании переговорного механизма для экспертного рассмотрения всех аспектов подготовки мирного договора, в том числе проблемы территориального урегулирования между СССР и Японией. Таким образом советская сторона приняла ее существование. Министр иностранных дел Японии С.Уно изложил проблему и дал интерпретацию японской стороны её исторических аспектов.

Э.А.Шеварднадзе, со своей стороны, разъяснил позицию СССР по данному вопросу и высказался за то, чтобы "устранить сложности и расхождения путем спокойного, доброжелательного и объективного обсуждения с учетом всех обстоятельств"[154].

Было подписано Совместное советско-японское коммюнике, в котором, в частности, говорилось: "В соответствии с договоренностью, зафиксированной в Совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 года, министры провели переговоры, касающиеся заключения советско-японского мирного договора, в том числе вопросов, которые могли бы составлять его содержание. На переговорах каждая из сторон изложила свое понимание исторических и политических аспектов, связанных с устранением имеющихся в двусторонних отношениях трудностей.

В этой связи министры договорились создать постоянно действующую рабочую группу на уровне своих заместителей и дать указание этой группе продолжить в ней обсуждение в целях способствовать дальнейшему продвижению переговоров, касающихся заключения мирного договора, которые ведутся между министрами иностранных дел"[155].

Стороны произвели также обмен грамотами о ратификации конвенции между правительством СССР и правительством Японии об охране перелетных птиц и птиц, находящихся под угрозой исчезновения и среды их обитания, подписанной в октябре 1973 г. в Москве. Ратифицировав этот документ, японская сторона пошла на "уступку", которая выразилась в согласии считать перелетными некоторые виды птиц южной части Курил[156], которые до этого не считались таковыми из-за претензий Токио на этот район СССР., после изъятия из их числа краноперки.

В марте 1989 года в Токио состоялись советско-японские консультации на уровне заместителей министров иностранных дел и первое заседание созданной в декабре 1988 года в результате визита министра иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе рабочей группы по мирному договору. На заседаниях рабочей группы по мирному договору японская сторона ограничилась в основном лишь изложением своего известного подхода, сводящегося к территориальным претензиям на южную часть Курильских островов, как территорий, до окончания второй мировой войны не являющихся по международным договорам владением какого-либо государства, кроме Японии. Советская сторона заявила, что принадлежность этих земель Советскому Союзу представляют собой краеугольный камень нашей позиции, основанной на принципах и нормах современного международного права. Было указано, что одним из важнейших правовых документов, определяющих послевоенное урегулирование на Дальнем Востоке, являются решения Ялтинской конференции 1945 года. При этом подчеркивалось, что "договоренности Ялты сохраняют свою силу и обязательность не только для СССР, США и

Великобритании, как держав подписавших соглашение, но и для Японии, как объекта этого соглашения" и что подтверждением этому "служит и 107-я ст. Устава ООН, закрепляющая силу документов послевоенного урегулирования, и подписанный Японией Сан-Францисский мирный договор 1951 года, в котором зафиксирован отказ Японии от всех прав, правооснований и претензий на дальневосточные территории, переданные по Ялтинскому соглашению Советскому Союзу"[157], хотя упомянутая статья Устава ООН не закрепляет, а только "не лишает" силы действия на основе этих документов.

Советская сторона затронула также исторический аспект - вопрос об открытии, освоении и заселении дальневосточных земель. Факты которые были изложены, по мнению советской стороны, дают ей основание считать, что Курильские острова являются исконными российскими землями по праву первооткрытия, первоприсоединения, первозаселения и первоисследования[158], хотя юридическую силу имеют не "исконность", которая может толковаться по разному, а положения действующих международных соглашений признающих или не признающих правовой титул на территорию, являющуюся предметом спора.

5 мая 1989 г. в ходе визита в Советский Союз министра иностранных дел Японии С.Уно М.С.Горбачев принял его в Кремле для беседы, на которой японский руководитель высказал мнение, что нерешенность проблемы "северных территорий" является "тормозящем фактором" в развитии двусторонних отношений. В ответ на это М.С.Горбачев выразил удивление: почему аналогичные претензии Японии к Китаю и Южной Корее не мешают полноценному развитию ее отношений с ними. Нет ли тут двойного стандарта? Советский руково-

дитель заявил, что "мы за то, чтобы уважать положение каждого государства в системе послевоенных международных отношений, не подходить односторонне к суверенным интересам государств и сложившимся взглядам народа на те или иные аспекты его отношений с другими народами. В двусторонних отношениях очень важен взаимно соблюдаемый баланс интересов. И важно избегать ультимативной постановки каких бы то ни было вопросов"[159].

29 апреля 1989 г. в Москве состоялось второе заседание рабочей группы СССР и Японии по мирному договору. Японская сторона изложила концепцию мирного договора с Советским Союзом в ответ на выступление советского представителя на первом заседании рабочей группы, в котором была изложена советская концепция этого документа.

Аргументы японской стороны почти целиком свелись к расхождениям [———] по вопросу о формировании русско-японской границы и в связи с этим о территориальном урегулировании и не изменили позиций советской стороны.

Обсуждение этого вопроса продолжалось в декабре 1989 года в Токио на заседаниях рабочей группы СССР и Японии с конца 1989 до начала 1991 года попеременно в столицах СССР и Японии. Всего было проведено семь таких встреч, которые позволили лучше уяснить позиции сторон, но не привели к их изменению. Вместе с тем согласие советской стороны на обсуждение вопроса о линии прохождения границы между СССР и Японией с реализацией этой позиции на практике и отказ Токио от ультимативного тона в переговорах с Советским Союзом по данному вопросу дали новый импульс двусторонним переговорам. Это позволило руководителю делегации Верховного Совета СССР А.Н.Яковлеву во время его визита в Японию в ноябре 1989 г. назвать происшедшие изменения в подходе к территориальному вопросу "третьим путем", означающим качественно новое состояние советско-японского диалога[160]

Плюрализм во взлядах на вопросы и внешней политики, характерный для периода "перестройки" в нашей стране, затронул и подход к вопросу о территориальном урегулировании между Советским Союзом и Японией.

Во второй половине октября 1989 года по этому вопросу за удовлетворение той или иной мере территориальный претензий Японии выступили участники состоящевшегося в Токио симпозиума "Современный социализм и перестройка" народные депутаты СССР А.Д.Сахаров, Ю.Н.Афанасьев и Г.Х.Попов, а в январе 1990 года - приглашенный в Японию с лекциями о перестройке в СССР Б.Н.Ельцин.

Наиболее прямолинейно подошел к этому вопросу Ю.Н.Афанасьев. Он заявил об исторической несправедливости и неправомерности территориальных изменений в пользу СССР в результате второй мировой войны и создания ялтинской системы международных соглашений, призвав к исправлению этого положения с целью устранения препятствий для поддержания добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией. Однако свою моральную оценку этих изменений Ю.Н.Афанасьев в отличие от А.Д.Сахарова, даже не попытался как-либо обосновать с юридической или исторической точки зрения[161].

Г.Х.Попов в общей форме отметил, что его позиция близка подходу к этому вопросу Ю.Н.Афанасьева, выступив за создание на спорных островах смешанных предприятий, введение там свободного права жительства и окончательного определения статуса спорных территорий на основе учета мнения местных жителей, может быть, с помощью третьей стороны[162].

Б.Н.Ельцин выступил за поэтапный подход к разрешению данной проблемы. Разъясняя свою позицию, он сформулировал ее следующим образом: "Сейчас, мне кажется, надо как можно скорее "распечатать" этот вопрос, чтобы наладить взаимоотноешния с восточным соседом. Поэтому я внес во время встречи с рядом государственных деятелей

Японии конкретные предложения по снятию напряженности вокруг проблемы, связанной с Курилами,в пять этапов. Первый - официально признать, что такой вопрос существует. Второй - объявить этот остров свободной экономической зоной. Третий - демилитаризация этого кусочка суши. Четвертый - подписать мирный договор по Курилам. Пятый - окончательный этап - будет уже решать новое поколение руководителей СССР и Японии. Возможны разные выходы из этой ситуации: совместный протекторат, свободные острова. Через пятнадцать лет могут появиться какие-то нестандартные решения. Именно в этот срок я предлагаю уложить первые четыре этапа."[163]

С критикой "неизменности, негибкости нашей позиции" по данному вопросу выступил также в советской печати народный депутат СССР от Сахалинской области В.Гулий, предложив объявить южную часть Курильских островов демилитаризованной свободной экономической зоной с совместной советско-японской администрацией и возможным участием представителя ООН или Международного суда в Гааге.

Отношение к "проблеме "северных территорий" в Японии в настоящее время неоднозначно. Те круги, которые связаны с компаниями, извлекающими прибыли от экспорта продукции в развитые страны с рыночной экономикой, используют территориальный вопрос в отношениях с СССР как регулятор низкого уровня двусторонних связей для того, чтобы, уступая советский рынок этим странам, сохранить в качестве компенсации высокий уровень японского экспорта в указанные страны и не навлечь с их стороны очередной раунд протекционистских действий[164].

Затронув позиции этих влиятельных кругов, Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков во время пребывания в феврале 1990 года в Австралии заявил: "Что касается Советского Дальнего Востока, то большого стремления японских деловых кругов к сотрудничеству с Советским Союзом нет. Все это делается в угоду тому,

что, когда СССР отдаст четыре острова, тогда, мол, мы будем с ним сотрудничать. Если мы и дальше будем крутиться вокруг этих четырех островов, то ничего хорошего из этого не получится. Я думаю, что наступит время, когда Япония все-таки пересмотрит свою позицию, и мы будем с ней сотрудничать на Дальнем Востоке"[165]. Но здесь она не уступит.

Другие же, весьма влиятельные круги стремятся за счет разрешения проблемы "северных территорий" занять высшую ступень власти в современной Японии и для достижения этой цели готовы пойти на значительное расширение политических, экономических и культурных связей с нашей страной, проявляя при этом определенную гибкость.

Примером такой гибкости являются визиты в Советский Союз в январе 1990 г. делегации Либерально-демократической партии Японии во главе с кандидатом в премьер-министры лидером одной из её влиятельных фракций С.Абэ, бывшего министра иностранных дел Японии.

М.С.Горбачев принял С.Абэ в Кремле для беседы, в ходе которой японская сторона выдвинула программу из восьми пунктов развития двусторонних отношений. В своем интервью в Москве С.Абэ изложил ее следующим образом: "Мы предложили эту программу с целью оказать содействие политике перестройки и тем самым продвинуть вперед японо-советские отношения. Речь идет, в частности, об использовании японского опыта предпринимательской деятельности и управления производством для повышения производительности труда и улучшения контроля за качеством продукции. Предлагается проведение семинаров и симпозиумов по вопросам, связанным с экономической реформой. Выдвинута идея устроить в СССР ярмарку японских потребительских товаров и оборудования для их производства. В свою очередь Советский Союз мог бы провести в Японию выставку своих научно-технических достижений.

Нам хотелось бы приурочить к предстоящей советско-японской встрече на высшем уровне существенное расширение молодежных обменов-

принять до тысячи советских юношей и девушек, чтобы дать им возможность познакомиться с жизнью Японии. Мы готовы оказать практическое содействие делу преподавания японского языка в СССР, созданию соответствующих кафедр в советских вузах. Это поможет сделать более эффективным научный обмен, углубить взаимопонимание между двумя соседними народами. Мы предполагаем провести в предстоящем году Неделю японской культуры в СССР и Неделю советской культуры в Японии.

Наконец, хотелось бы расширить сотрудничество в гуманитарной области. Когда я был министром иностранных дел, при содействии Горбачева японцам было разрешено посещать места захоронения их родственников на островах Хабомаи, Шикотан, Кунашир. Хотелось бы, чтобы эта мера коснулась и острова Итуруп"[166].

М.С.Горбачев положительно воспринял эту программу и обещал дать ответ на поставленные вопросы после их изучения[167]. Что же касается территориального вопроса, то С.Абэ на этой встрече, по его словам, заявил: "Нет другого способа преодолеть трудности, существующие между нашими государствами, кроме как двигаться к их решению, проявляя мудрость. И то, что Председатель Горбачев положительно отнесся к такому подходу, очень важно для дальнейшего развития советско-японских отношений". Японский руководитель добавил, что в беседе был затронут также вопрос о предстоящем в 1991г. визите М.С.Горбачева в Японию, которая, по убеждению японского руководителя, будет иметь эпохальное значение[168].

М.С.Горбачев, со своей стороны, поставил задачу создания в Азии новой среды обитания, позволяющий мирно решать любые конкретные вопросы. "Важно при этом, - пояснил советский руководитель, - воспринимать реальности, как они образовались в ходе предшествующей истории, не насиловать ход событий, тогда и все трудные вопросы станут естественно частью глубоких общих изменений[169].

С.Абэ, поддержав эту мысль, выдвинул концепцию " расширяющегося баланса"[2] в отношениях Японии с другими странами, которые заключаются в том, чтобы, сохраняя существующие отношения с США, Япония должным образом сотрудничала также и с Советским Союзом.

С нашей точки зрения, такой подход имеет важное значение, так как он означает дальнейший отход от ультимативного требования "разрешить проблему северных территорий", которое ранее выдвигалось Токио в качестве предварительного условия расширения политических, экономических и других связей между СССР и Японией.

Такая перспектива развития советско-японских отношений вызвала серьезный интерес со стороны Вашингтона, который в прошлом нередко стремился укреплять свои связи с Токио за счет напряженности в этих отношениях не в последнюю очередь из-за разногласий между СССР и Японией по территориальному вопросу.

В феврале 1990 года в Москве [redacted] состоялись переговоры между министром иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе и государственным секретарем США Дж.Бейкером. Отвечая на пресс-конференции по результатам этой встречи корреспонденту японской газеты "Нихон кэйдзай" на вопрос, не затрагивалось ли проблемы "северных территорий" в беседах с американским гостем, он заявил, "Что касается вопроса о "северных территориях", я подтверждаю: государственный секретарь такой вопрос поднимал и получил ответ в том плане, что эта проблема обсуждается на советско-японских переговорах по мирному договору. Позиция Советского Союза известна, и никаких корректив мы в эту позицию не вносим, потому что для этого нет оснований."[170].

Этот вопрос был затронут в марте 1990 года на переговорах президента США Дж.Буша с премьер-министром Японии Т.Кайфу в Палм-Спрингсе (Калифорния)[171], во время которых глава американской администрации дал обещание поддержать позицию Токио.

В речи М.С.Горбачева 5 марта 1990 года в связи со вступлением на пост президента СССР в разделе, посвященном отношениям с Японией линии на одностороннее предъявление претензий в территориальном вопросе был противопоставлен курс на претворение в жизнь выдвинутых советским руководителем владивостокских 1986 года и красноярских 1988 года инициатив, что не нашло активной поддержки со стороны Японии[172].

В связи с этим, проявляя гибкость при обмене мнениями по этому трудному вопросу советско-японских отношений, Президент СССР М.С.Горбачев 23 января 1991 года в беседе с министром иностранных дел Японии Т.Накаяма, который прибыл с визитом в Москву для подготовки визита в Японию в апреле 1991 года Президента СССР, предложил учитывать все стороны проблемы, её исторический и современный контекст, японский и советский аспекты[173] с ориентацией на баланс интересов, который новое политическое мышление противопоставляет балансу сил.

С этих позиций Президент СССР М.С.Горбачев и провел труднейшие восемь бесед, если считать с перерывами, с премьер-министром Японии Тосики Кайфу, во время своего официального визита в Японию, продолжавшегося с 16 по 19 апреля 1991 года.

В связи с тем, что органами массовой информации накануне этой встречи атмосфера вокруг территориальной проблемы была накалена до предела, переговоры длившиеся в общей сложности 12 часов, проходили с большими трудностями, и из-за различия позиций сторон по этой проблеме, занявшей 80% времени бесед двух руководителей, создавалась угроза, что советско-японские отношения в ходе этого визита не удастся вывести на качественно новый уровень. Но в конечном итоге верх одержал реализм, и 18 апреля 1991 года было подписано совместное советско-японское заявление. По этому вопросу в нем говорилось следующее: "Премьер-министр Японии Тосики Кайфу и

Президент СССР М.С.Горбачев провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР, включая проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп"[174].

Тем самым впервые в документах такого рода советская сторона недвусмысленно признала наличие данной проблемы, причем в конкретной форме. При этом утверждается, что в переговорах учитывалась как позиция Советского Союза, считающего, что владеет упомянутыми островами на основе международных соглашений военного и послевоенного времени (Каирская декларация, Ялтинское соглашение, Потсдамская декларация и Сан-Францисский договор), так позиция Японии, настаивающей на том, что от этих островов она не отказывалась.

Как могли стороны учесть позицию своих партнеров по переговорам, если в этих противоположных позициях в ходе состоявшихся бесед не произошло существенных изменений?

Далее в Заявлении говорится: "Проделанная ранее совместная работа и в особенности переговоры на высшем уровне позволяют констатировать ряд концептуальных положений: мирный договор должен стать документом окончательного послевоенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы, открыть долгосрочную перспективу японо-советских отношений на дружественной основе, исключить нанесение ущерба безопасности другой стороны"[175].

Следовательно, идя навстречу японской стороне, глава Советского государства, в отличие от позиции, который СССР придерживался в прежние годы признал, что окончательно территориальный вопрос может быть разрешен только в мирном договоре, что соответствует нормам международного права.

Из приведенного текста этого документа вытекает, что территориальная проблема включена как одна из проблем в будущий двусторонний мирный договор. Однако остается неясным, какие еще проблемы сохраняются неурегулированными после того, как в Заявлении получила разрешение последняя из такого рода проблем - проблема японских военнопленных, депортированных на длительный срок в СССР в 1945 году вопреки положениям Потсдамской декларации?

Как можно было учесть позицию японской стороны, которая исходила из того, что в Ялтинском соглашении 1945 года под Курильскими островами якобы имелись в виду территории, включавшие в свой состав только острова от побережья Камчатки до о-ва Уруп, то есть якобы не признавалась юридикция СССР над южной частью Курил, хотя это полностью противоречит упоминавшемуся выше меморандуму государственного департамента США накануне конференции в Ялте и не соответствует тексту упомянутого соглашения?

Обращает на себя внимание, что здесь говорится об окончательном характере урегулирования по мирному договору территориальной проблемы безотносительно к поименованным выше островам, а следовательно не только о-вам Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, а и по всем остальным Курильским островам и Южному Сахалину с прилегающими островами, ибо передача правового титула на любые территории прежний суверен осуществляет как правило именно в мирном договоре.

Кроме того, хотя в приведенном фрагменте Заявления говорится, что именно мирный договор, в котором бы окончательно разрешалась территориальная проблема, должен "открыть долгосрочную перспективу советско-японских отношений на дружественной основе", на пресс-конференции М.С.Горбачева в Токио, состоявшейся по окончании советско-японских переговоров на высшем уровне, глава Советского государства, ссылаясь на опыт развития отношений СССР со странами Европы, заявил: "Думаю, что этот опыт и наш собственный опыт двус-

торонних отношений с Японией, и опыт на других направлениях мировой политики помог нам выйти навстречу друг другу. Я думаю, что этот документ предполагает наращивание сотрудничества во всех сферах, включая экономику. Это, конечно, будет улучшать наши отношения, выводить их на новый уровень - углублять диалог, расширить обмен людьми, знаниями. В конечном счете будет меняться кардинально и вся структура этих отношений. Тогда легче станет искать ответы на все вопросы, и история может включить другую скорость"[176].

Иначе говоря, М.С.Горбачев поставил разрешение всех сложных вопросов советско-японских отношений, в том числе территориальных, в зависимость от того, пойдет ли Япония на развития сотрудничества в других областях этих отношений, включая названное им экономическое сотрудничество, которое, разумеется, в настоящее время имеет для нас первостепенное значение. Тем самым приведенному выше тексту Заявления было дано иное истолкование, чем то, какое соответствовало позиции японской стороны в ходе переговоров и какое на наш взгляд, объективно вытекало из его процитированного фрагмента.

В пользу этого свидетельствует и комментарий к (да) иному высказыванию М.С.Горбачева на пресс-конференции газеты "Правда", в котором со ссылкой на Заявление говорилось: "Все стало на свои места, когда, хотя это и звучит довольно банально, верх взял здравый смысл. А он заключается в том, что, прежде чем конкретно решать подобные сложнейшие и, прямо скажем, болезненные проблемы, надо коренным образом улучшить взаимные отношения. Расчет японской дипломатии, на наш взгляд, состоял в том, что она хотела начать с конца. А начинать надо было с начала: прежде всего создать атмосферу взаимного доверия и широкого сотрудничества, при которой самые спорные вопросы приобретут другую значимость, откроются новые пути для их согласования.

Вот почему столь важен ряд концептуальных положений, появившихся в совместном заявлении в результате переговоров на высшем уровне[177].

Упомянутые здесь вопросы двустороннего сотрудничества были отражены в разбираемом документе, но они упоминались на втором плане после той части текста, где в качестве задачи первостепенной важности указывалось именно на скорейшую выработку мирного договора, а следовательно и на решение территориальной проблемы. В Заявлении далее говорилось: "В ходе встречи премьер-министр и Президент подчеркнули первостепенную важность ускорения работы по завершению подготовки мирного договора и выразили твердое намерение действовать с этой целью конструктивно и динамично, используя весь позитив, который накоплен в двусторонних переговорах в разные годы, начиная с 1956 года, когда Япония и СССР совместно декларировали прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между ними... Одновременно было признано целесообразным развертывание конструктивного сотрудничества, которое осуществляется в атмосфере добрососедства, взаимной выгоды и доверия во взаимных отношениях Японии и Советского Союза, включая РСФСР, непосредственно граничащую с Японией, в торгово-экономической, научно-технической, политических областях, по линии общественности, культуры, образования, туризма, спорта, широкого и свободного общения между гражданами"[178].

Вызывает также сомнение, соответствует ли приведенное высказывание Горбачева тексту Заявления, где говорится о накопленном сторонами позитиве в переговорах о заключении мирного договора, начиная с 1956 года, когда СССР, как известно, во второй части Совместной декларации дал Японии обещание вернуть о-ва Хабомаи и о-в Шикотан после подписания этого договора.

По поводу этой, процитированной выше части Заявления М.С.Гор-

бачев на упомянутой пресс-конференции сказал: "Как видите, есть здесь и реализм политики, и признание прошлых и нынешних реальностей. Есть позиция и общее стремление ускорить работу по завершению разработки и заключению мирного договора, есть упоминание о 1956 годе, когда было декларировано прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений. Сразу, не ожидая вопроса, скажу, почему нет упоминания о "декларации". Мы взяли из этого документа то, что вошло не только в историю, но и приобрело юридическую силу, правовые международные последствия. А то, что не состоялось и шанс был упущен, история заработала иначе, то мы не могли спустя 30 с лишним лет реанимировать вторую часть этого документа. Поэтому мы оценили должным образом 1956-й и считаем: сделанное тогда - это тоже позитив длительного, трудного периода поисков путей к мирному договору.

Продвижение огромное. Еще в 1986 году беседы и контакты по этому вопросу у нас проходили очень просто. И занимали они не 8 многочасовых бесед, а примерно 8 минут. Японская сторона требовала возвратить земли, а мы говорили, что территориального вопроса не существует, и все было ясно. Теперь этот документ свидетельствует, с одной стороны, о том, что мы прошли большой путь, а с другой стороны, мы будем действовать, исходя из опыта, в рамках реальной политики, на основе баланса интересов будем искать решение проблем".

Другими словами, советский руководитель выступил за несоблюдение положения международно-правового документа об уступке Японии островов Малой Курильской гряды после подписания мирного договора, хотя он был в свое время ратифицирован высшими законодательными органами обоих государств, вопреки заявлению М.С.Горбачева на пресс-конференции, как это видно из приведенной цитаты, что из Совместной декларации было взято то, что "приобрело юридическую силу, правовые международные последствия", с акцентом на использование всего

позитива, накопленного начиная с 1956 года.

Но из текста заявления не видно, что советский президент и японский премьер-министр "аннулировали" упомянутую "вторую" часть Совместной декларации, да если бы они и сделали это в своем совместном заявлении, оно все равно не имело бы юридической силы без соответствующих резолюций парламентов обоих государств.

Таким образом, судя по тексту этого заявления, в целом советская сторона и в этой его части во многом пошла на уступки Токио, хотя оно и носит на себе отпечаток компромисса.

В результате советско-японских переговоров в Токио СССР предложил безвизовой режим посещения японцами о-вов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, что отныне будет отличать эти районы от остальной территории Советского Союза, и, что уж совсем странно, предложил Японии меры по сокращению своих войск на упомянутых островах. Вместе с тем Японии были предложены и другие меры по расширению взаимовыгодных связей в районе этих островов.

В Заявлении по этим вопросам говорится следующее: "Советская сторона внесла предложение в ближайшее время осуществить меры по расширению общения между населением Японии и населением названных выше островов, установлению упрощенного безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе и сокращению советского военного континента, размещенного на этих островах. Японская сторона заявила свое намерение в дальнейшем консультироваться по этим вопросам".

Но, пожалуй самая серьёзная уступка на которой в течение многих лет настаивала Япония, была сделана советской стороной в отношении ст.107 Устава ООН. В Заявлении по этому вопросу говорится: "Стороны подтвердили, что положения о "бывших вражеских государствах", содержащиеся в Уставе ООН, уже утратили свой смысл, и пришли к единому мнению о том, что им следует искать соответствующие пути решения этого

вопроса, принимая во внимание необходимость укрепления Устава ООН и Организации Объединенных Наций[181].

Тем самым Президент СССР, пойдя навстречу Японии, решил не руководствоваться статьей Устава ООН о сохранении юридической силы действий, предпринятых и санкционированных в результате второй мировой войны в отношении Японии как бывшего вражеского государства, которая еще на советско-японских консультациях на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран в марте 1989 года рассматривалась советской стороной как важное подтверждение прав СССР на Южный Сахалин с прилежащими островами и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением.

Эта уступка М.С.Горбачева свидетельствует о том, что советский руководитель, который при подписании в 1990 году в Париже Хартии для новой Европы заявил, что отныне Ялтинская система умерла[182], пошел на постепенный отказ от юридических аргументов в пользу сохранения послевоенного территориального урегулирования не только с Германией, но и с Японией, вопреки своему высказыванию 26 апреля 1990 года на встрече с трудящимися Урала о нерушимости послевоенных границ в районе Курильских островов[183].

Эта часть Заявления расходится с положением Совместной декларации СССР и Японии 1956 года о том, что в своих действиях оба государства обязуются руководствоваться Уставом ООН и поэтому для придания ему законной силы требуется, на наш взгляд, не только решение Верховных Советов СССР и РСФСР, ратифицировавших упомянутую декларацию, но и резолюция соответствующих органов Организации Объединенных Наций.

Конкретное упоминание в Заявлении об островах Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп как территорий, проблема принадлежности которых была признана как предмет обсуждения сторонами окончательного территориального размежевания по сообщению агенства печати "Кёдо Цусин" от 19 апреля 1991 года, было оценено премьер-министром Т.Кайфу

и другими лидерами правящей Либерально-демократической партии Японии как "значительное событие" и существенный шаг вперед в разрешении территориальной проблемы, а министр иностранных дел Японии Т.Накаяма заявил, что визит М.С.Горбачева "заложил основу для переговоров по территориальному вопросу". Эту точку зрения поддержали многие политические и общественные организации, но Коммунистическая партия Японии в соответствии со своей позицией, исходящей из требования возврата всех Курильских островов, дала Заявлению отрицательную оценку[184].

Отсутствие в этом документе прямых указаний на готовность Советского Союза восстановить суверенитет Японии над южной частью Курил вызвало также негативную реакцию ряда японских газет, в частности, органы деловых кругов газеты "Санкей симбун".

В то же время ведущая японская газета "Асахи симбун" выступила за расширение экономического сотрудничества с СССР с целью создания благоприятной атмосферы, которая позволила бы завершить территориальное размеживание между двумя странами."Для решения территориального вопроса,- писала газета, - нет иного пути, кроме общего улучшения отношения между ними"[185]. Толкованием изощренной формулировки" четвертого пункта совместного Заявления, посвященного проблеме территориального размеживания между СССР и Японией, сообщила газета "Известия" из своего корреспондетского пункта в Токио, "занимается теперь вся здешняя печать, взвешивая каждое слово и даже порядок слов в абзаце на предмет выяснения, кто кому больше уступил, и приходит к следующему заключению: "Заложен фундамент нового дома, окончательный проект которого еще не согласован. Вывод всего комплекса двусторонних отношений, включая вопрос о территориальном размеживании из капитального застоя в состоянии поступательного движения - таков на наш взгляд, главный итог визита"[186].

С этой оценкой в целом можно согласиться. Но остается не

ясным, к каким результатам для СССР приведет это движение, эта попытка осуществить перестройку в советско-японских отношениях, в особенности, если истолковывать её, исходя из обусловленности дальнейшего смягчения позиции СССР в территориальном вопросе уступками Японии в других областях двусторонних отношений прежде всего в вопросах экономического сотрудничества с Советским Союзом.

Руководитель центра японских исследований Института востоковедения АН СССР К.О.Саркисов высказывал на этот счет следующее вполне обоснованное мнение: "связывать решение политических вопросов с экономическими - чрезвычайно опасная вещь. Если бы в результате визита мы получили бы экономическую помощь, наши шаги навстречу японской стороне могли бы быть расценены как продажа, но эти два аспекта должны быть разъединены... стагнация в советско-японских экономических отношениях связана не с территориальной проблемой, а с неспособностью советской экономики быть адекватным партнером Японии"[137].

Действительно, международные политические вопросы предпочтительнее решать политическими средствами на международно-правовой основе с учетом принципов справедливости.

28 апреля 1991 года М.С.Горбачев в выступлении на сессии Верховного Совета СССР со ссылкой на некоторые газеты оценил результаты своего визита в Японию как "боевую ничью", но по сравнению с его высказываниями на пресс-конференции в Токио выступил с более жестких позиций при интерпретации положений совместного заявления по вопросу о территориальном размежевании между двумя странами. Президент СССР заявил: "Премьер Кайфу настаивал на том, чтобы декларация 1956 года была названа в заявлении. Мы на это не пошли. И вот почему: в ней говорится не только об окончании состояния войны и восстановлении дипломатических отношений, но и о передаче Японии двух островов после заключения мирного договора"*)

*) В тексте Совместной декларации говорится, что СССР "соглашается на передачу Японии о-вов Хабомаи и острова Шикотан" безотносительно к заключению мирного договора.

Мы считаем, что следует опираться только на ту часть документа, которая стала исторической реальностью, имела международно-правовые и физические последствия. А то, что не состоялось, что последующая история как бы "стерла", невозможно спустя 30 лет просто так реанимировать. Шанс тогда был упущен. С тех пор возникли новые реальности. Из них и надо исходить"[188].

В связи с этим выступлением М.С.Горбачева МИД Японии сообщил, что японское правительство заняло еще более сдержанную позицию в оценке положительных результатов визита главы Советского государства в Японию, высказав мнения, что его отказ от подтверждения Совместной декларации 1956 года свидетельствует о том, что первоначальная оценка итогов переговоров в отношении принадлежности Японии о-вов Хабомаи и Шикотан оказалась завышенной[189].

С нашей точки зрения, упомянутые выше политические и экономические реальности в самом деле возникли, но [несмотря на это, сохраняют свое значение действующие международные договора и соглашения по данному вопросу в соответствии с принципом "pacta sunt servanda" ("договора должны соблюдаться")] до тех пор, пока они не получили своего воплощения в адекватных им актах международного права с участием спорящих сторон, то есть согласие на их передачу Японии в принципе было признано советской стороной не при условии подписания мирного договора, а уже после ратификации Совместной декларации Верховным Советом СССР и парламентом Японии и обмена ратификационными грамотами, состоявшегося 12 декабря 1956 года. Но сама фактическая передача, а не только согласие на то, чтобы осуществить этот акт, обусловливается в Декларации заключением мирного договора. Это положение свидетельствует о признании Японией в 1956 году упомянутых островов территорией СССР.

27 декабря 1991 г. после того, как Российская Федерация стала правопреемником СССР, ее МИД заявил об отказе от оговорок, сделанных МИД СССР в 1960 г. в отношении согласия на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан после заключения с нею мирного договора только в том случае, если с ее территории будут выведены иностранные войска, поскольку эти требования в отношении государства – члена ООН противоречат его праву на коллективную самооборону, предусмотренному ее Уставом.

В Ы В О Д Ы

I. После начала гражданской войны на Дальнем Востоке, в I920 г. Япония аннексировала Северный Сахалин и Приморье, попыталась захватить Приамурье и Камчатку. Однако в I922 году после освобождения Красной Армией и партизанскими отрядами Приамурья и Приморья японское правительство вынуждено было признать эти районы и Камчатку, а позднее, в I925 году,Северный Сахалин неотъемлемой составной частью Советского государства.

2. Заключив в I936 году с фашистской Германией антикоминтерновский пакт и секретное соглашение, в I940 году с Германией и Италией пакт трех держав, а в начале I942 года секретное военное соглашение с Германией и Италией о разделе с ними Советского Союза по меридиану, проходящему через г.Омск, Япония стала готовиться к войне против СССР с целью отторжения Советского Дальнего Востока и большей части Сибири в случае победы Германии в войне против СССР, вопреки советско-японскому пакту о нейтралитете I94I года.

3. Руководствуясь стремлением покончить с японским милитаризмом, восстановить и расширить свою территорию и сферу влияния, СССР, выполнив свое обязательство перед союзниками по Ялтинскому соглашению, вступил в августе I945 года в войну против Японии, которая оказывала помощь Германии и Италии в войне против СССР, а также планировала агрессивную войну против Советского Союза. И хотя советская сторона заявила о денонсации пакта о нейтралитете до объявления войны Японии,с точки зрения его условий он сохранял свою юридическую силу до апреля I946 г. В результате победы над Японией в сентябре того же года, по решению глав правительств великих держав: СССР, США и Англии, зафиксированному в Ялтинском соглашении I945 года, Советский Союз присоединил к своей территории Южный Сахалин с прилегающими островами и Курильские острова, учитывая, что по Потстадмской декларации I945 года, принятой

Японией, ее суверенитет подлежал ограничению четырьмя главными островами и теми менее крупными, которые указывают союзные державы.

4. Статус Южного Сахалина и Курильских островов подлежал окончательному определению в советско-японском мирном договоре при согласии других государств – участников Сан-Францисского мирного договора с Японией в соответствии с международными соглашениями военного и послевоенного времени (Каирская и Потсдамская декларации, Ялтинское соглашение, Общий приказ № I Верховного командующего союзных держав в Японии, Акт о капитуляции Японии, Сан-Францисский договор, Совместная декларация СССР и Японии), соответствующими актами внутреннего законодательства СССР и Японии, а также с учетом недопустимости изменения условий соглашений, в отношении которых были предприняты действия, свидетельствующие о ясно выраженном или молчаливом согласии с этими условиями (принцип эстоппеля).

5. Несмотря на то, что Япония признала в ст.8 Сан-Францисского мирного договора любые соглашения союзников – СССР, США, Великобритании и Китая, в том числе по вопросам территориального урегулирования о Японией после второй мировой войны (presumption in favorem tertii), и отказалась от упомянутых территорий по мирному договору I95I года, с началом "холодной войны" во второй половине I940-х годов Вашингтон попытался не допустить претворения в жизнь этих решений в полном объеме. В середине I950-х годов Япония, учитывая позицию США, выдвинула претензии к СССР не только на Малую Курильскую гряду, которую СССР согласился ей уступить по Совместной декларации I956 года после заключения двустороннего мирного договора, но и о-ва Кунашир и Итуруп (южная часть Большой Курильской гряды), отказавшись от его подписания на

условиях Совместной декларации. В 1960 году японское правительство заключило с США новый договор о взаимном обеспечении безопасности, что укрепило позиции Японии в территориальном споре с СССР, включив в сферу действия этого договора южную часть Курил. В ответ на это Советский Союз обусловил обещание уступить Японии Малую Курильскую гряду после заключения советско-японского мирного договора выводом войск США с военных баз на японской территории и заявил об окончательном решении вопроса о территориальном урегулировании с Японией с точки зрения ее делимитации, оставив для согласования на переговорах лишь вопрос об уточнении линии прохождения советско-японской границы на местности, то есть ее демаркации, хотя с точки зрения международного права отменять в одностороннем порядке в силу изменения обстоятельств можно условия соглашения только в том случае, если эти обстоятельства, коренным образом изменяющие условия соглашения, были бы предусмотрены в его тексте.

7. В конце 1960 годов в Японии началась "первая волна" кампании "за возвращение северных территорий" при неофициальной поддержке правящими кругами организаций, выступающих с территориальными претензиями к СССР. Эта кампания была связана со стремлением создать благоприятные условия для возвращения Японии Соединенными Штатами административных прав на о-ва Рюкю, Огасавара и Дайто. В конце 1970-х годов началась "вторая волна" этой кампании, теперь уже с открытым участием властей, особенно усилившаяся с периода визита в Японию Президента СССР М.С.Горбачева в 1991 году.

8. Проводя в жизнь концепцию на глобальную разрядку международной напряженности, Советский Союз и Россия с конца 80-х годов стали проявлять гибкость в переговорах с Японией по вопросу о территориальном урегулировании, создав механизм для

обсуждения проблем заключения мирного договора с Японией в деловой обстановке форсированного развития политического диалога и готовности к широкому сотрудничеству в различных областях экономики, экологии, науки, культуры и т.п. и стремясь создать атмосферу взаимопонимания и доверия, которая способствовала бы решению любых вопросов двусторонних отношений.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Изучение формирования границ России с Японией на Дальнем Востоке в XУП–XX веках имеет важное значение для понимания процесса первоначального становления государственной территории России в Северо–Восточной Азии, характера сближения территорий, первоначального размежевания и последующих изменений в разграничении нашей страной и этими государствами.

Исследование источниковой литературы на японском и западноевропейских языках позволило придти к заключению, что хотя она и содержит полезный фактический материал по теме настоящей работы, в основном написана с позиций поддержки расширения территории Японии за счет районов на границах нашей страны. Русская дореволюционная историография, в особенности ее демократическое направление, внесла значительный вклад в изучение формирования дальневосточных рубежей, но ее трактовка связанных с этим вопросом их освоения были не свободны от недостатков.

Более глубокое изучение формирования границ России с Японией началось в последующий период и особенно успешно проводилось после второй мировой войны. Углубленное исследование этих вопросов стало еще более актуально после того, как правящие круги Японии при поддержке Вашингтона выступили за разрешение проблемы "северных территорий", которые перешли под юрисдикцию СССР по Ялтинскому соглашению союзников в I945 году.

В середине XIX в. в период агрессии Англии и Франции против русского Дальнего Востока Японии удалось закрепить за собой южную часть Курил при согласии правительства России в первом русско-японском договоре I855 г. и добиться признания Сахалина неразграниченным. В I875 г., воспользовавшись благоприятной для нее международной обстановкой в связи с вовлеченностью России в Балканский

кризис, Япония в обмен на признание прав России на фактически освоенный к тому времени русскими Сахалин, получила от царского правительства по Петербургскому договору среднюю и северную части Курил, а в результате русско-японской войны 1904-1905 годов, развязанной Японией, добилась от России также уступки в результате заключения в 1905 году Портсмутского договора южной части Сахалина и прилегающих к нему островов Тюлений и Монерон. Позднее, в годы гражданской войны в России, оккупировав Северный Сахалин, Япония пыталась превратить его в свою колонию.

Изучение данного вопроса свидетельствует о том, что в отношении восстановления прав нашей страны на южную часть Сахалина и Курильские острова союзниками были приняты решения, с которыми, за исключением той части, которая касалась Малой Курильской гряды, затем фактически согласилась и Япония. Из этих решений, принятых союзниками, вытекает, что стремление СССР утвердить его права на указанные территории, то есть предоставить ему полный правовой титул на владение упомянутыми островами, кроме Хабомаи и Шикотан, не лишены оснований с точки зрения международного права, хотя с точки зрения исторической справедливости передача территорий, признанных изначально в договорном порядке (1855 г.) за одним государством (южная часть Курил), Японией другому государству, СССР, в качестве меры наказания за агрессию в условиях, когда последний также допускал агрессивные действия против государств Восточной Европы, вряд ли может считаться этически безупречной.

При рассмотрении проблемы территориального размежевания между СССР и Японией целесообразно учитывать то обстоятельство, что не Советский Союз решил в одностороннем порядке изъять у Японии в свою пользу южную часть Сахалина с прилегающими островами

и все Курильские острова, которые являлись плацдармом для нападения на США и СССР, по окончании второй мировой войны, а что решение ограничить ее территорию метрополией – четырьмя главными островами и некоторыми менее крупными островами, по определению союзников, изгнав с территорий, которые она"захватила при помощи силы и в результате своей алчности", было принято США, Англией и Китаем без участия СССР (Каирская декларация 1943 г., Потсдамская декларация, Сан-Францисский договор 1951 г.). Необходимо иметь в виду, что эти территории перешли с согласия союзных держав в его владение с учетом вклада Советского Союза в победу над Японией (Ялтинское соглашение 1945 г.) в результате ее наказания за агрессию (Каирская декларация) и обеспечения гарантий от ее повторения с использованием выгодных стратегических рубежей. Правда, при этом необходимо учитывать, что принятие и соблюдение конституции Японии, запрещающей прибегать к войне как средству национальной политики и конец "холодной войны" с учетом того, что Япония выполняет свои обязательства по Уставу ООН снижает актуальность применения этих принципов на практике.

В соответствии с Потсдамской декларацией от Японии получено обязательство безоговорочно согласиться с любым решением союзников в отношении менее крупных островов, чем четыре ее главных острова, и реализовано, как уже упоминалось, в директивах главнокомандующего войсками союзных держав в Японии № 677 от 29 января 1946 года, № 1033 от 26 июня 1946 года и № 1421 от 29 декабря 1946 года. К тому же раньше, 22 ноября 1945 года, в императорских рескриптах № 651 и № 652 о создании управления по оказанию помощи репатриантам Южный Сахалин и Курильские острова исключались из состава территорий Японии в соответствии с Потстадмской декларацией.

Территориальные права, предоставленные СССР по Ялтинскому соглашению, Каирской и Потсдамской декларациями и Акту о капитуляции Японии не могли быть изъяты у него без его согласия. Но в то же время и отказ Японии от правового титула (совокупности правооснований) в пользу России может быть окончательным только в итоге двустороннего или многостороннего мирного договора с участием России и Японии.

Ссылка на позицию Великобритании в отношении того, что Ялтинское соглашение не должно рассматриваться в связи с решениями союзников, о которых говорится в ст.8 Потсдамской декларации, противоречит заявлению представителя МИД Великобритании от 6 июня 1947 года, что она считает передачу СССР Курильских островов окончательной и не подлежащей подтверждению в мирном договоре[I], а также той части выступления английского представителя при подписании Сан-Францисского мирного договора с Японией 5 сентября 1951 г., где говорится "о полном отказе Японии от суверенитета над Курильскими островами..., которые в настоящее время занимает Советский Союз[2].

Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что, хотя Потсдамская декларация в отношении Японии 1945 года ограничивала ее суверенитет четырьмя главными островами и некоторыми другими менее крупными островами, которые указываются союзными державами, и в то же время в их числе не были указаны как более крупный по сравнению с главным островом Сахалин и Курильские острова, их передача под суверенитет Советского Союза по Ялтинскому соглашению не была обусловлена в Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 года, в котором она приняла лишь условия Потсдамской декларации.

Общий приказ № I президента США Верховному Командующему, представлявшему союзные державы, в августе 1945 года предусматривал не передачу южной части Сахалина с прилегающими островами и

всех Курильских островов под суверенитет СССР, а только принятие Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке капитуляции японских войск в этих районах. Последующие директивы же Верховного Командующего, представлявшего союзные державы, предписывали правительству Японии исключить упомянутые территории из-под своей юрисдикции, не предрешая окончательно вопроса о суверенитете над ними того или иного государства, в соответствии с указаниями союзников, упомянутыми в ст.8 Потсдамской декларации.

Советская сторона допустила, на наш взгляд, ошибку, не опубликовав Ялтинское соглашение с согласия союзников или вопреки ему (с уточнением пределов Курильских островов в их южной части). Быть может, это связано с попыткой И.В.Сталина превысить пределы этого соглашения, предложив президенту США Г.Трумену осуществить оккупацию советскими войсками северной части о-ва Хоккайдо от г.Румоэ до г.Кусиро[3], что этим соглашением предусмотрено не было. Но через полгода после капитуляции в феврале 1946 года, когда Ялтинское соглашение было опубликовано, японская сторона не только не могла пренебречь им, но и фактически стала учитывать его при издании актов внутреннего законодательства о репатриации и готова была подписать мартовский 1951 г. проект Сан-Францисского мирного договора, который предусматривал переход Южного Сахалина и Курил Советскому Союзу. Последнее подтверждается ответом заместителя министра иностранных дел Садао Иногути от имени правительства Японии от 16 марта 1951 года на запрос США по данному вопросу[4].

Что же касается права открытия, то это право имеет смысл лишь в том случае, если оно прочно связано с эффективной оккупацией[5], которую в отношении южной части Курил Россия до первого русско-японского договора не осуществляла. Полный правовой титул открытие

само по себе давало только в XУ-XУI веках на заре эпохи великих географических открытий[6]. Русские действительно открыли южную часть Курил в I739 году во время экспедиции М.П.Шпанберга и в июле I989 года в Южно-Курильске в связи с 250-летием этого события был торжественно открыт памятник этому мореплавателю[7]. Но первым южную часть Курил и Южный Сахалин в I643 году открыла голландская экспедиция М. де Фриза, хотя Нидерланды, как и Россия, не закрепили за собой действующего в настоящее время полного правового титула на эти территории ни в многостороннем международном договоре с участием Японии, ни в двустороннем договоре с нею.

Первозаселение южной части Курил русскими до прихода туда японцев носило эпизодический характер и в сколько-нибудь значительных масштабах не осуществлялось (Имевшийся случай мы рассмотрели выше). По внутреннему законодательству России эти районы, действительно, были присоединены к ней в XУШ веке, но это присоединение носило номинальный характер, так как в южной части Курил отсутствовала постоянная русская администрация, что требуется современным международным правом для признания титула на присоединяемую территорию. Не дают правового титула и первоисследования тех или иных территорий, хотя огромный вклад русских землепроходцев и мореплавателей в изучение Южного Сахалина и Курильских островов, включая их южную часть, общеизвестны.

После заключения в I95I г. Сан-Францисского мирного договора Япония, как известно, отказалась от всех прав на Южный Сахалин и Курильские острова. Юридическим основанием для включения этого положения в упомянутый документ явились межсоюзнические соглашения периода второй мировой войны, направленные на применение по их настоятельной просьбе санкций против милитаристской Японии, которая входила вместе с Германией и Италией в агрессивный блок держав "оси Берлин-Рим-Токио". Причиной, по которой в своем совместном

проекте договора США и Англия пошли на изъятие этих территорий у Японии, несмотря на развязанную ими "холодную войну", против СССР, явилось, по мнению австралийского японоведа проф.Г.Кларка, их опасение, что в противном случае у Советского Союза появятся основания для несоблюдения союзнических соглашений, касающихся стран Европы, в частности, Германии и Австрии[8] .

Хотя Сан-Францисский мирный договор был ратифицирован японским парламентом на условиях отказа, помимо Южного Сахалина с прилегающими островами, не только от северной, но и южной части Курильских островов, СССР не присоединился к этому договору, так как в нем отсутствовали статьи, гарантирующие развитие Японии как миролюбивого, независимого и демократического государства и не признавалось восстановление прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова. Однако подписание Советским Союзом этого договора, несомненно, укрепило бы его правовые позиции в этом вопросе как одной из сторон, принявшей ее отказ от данных островов.

Советский Союз занимал в отношении территориальных претензий Японии позицию, которая исходит из того, что в отношениях между СССР и Японией "территориальная проблема" была создана Токио после того, как вопрос о ее границах и принципе (делимитация) был решен Сан-Францисским мирным договором, она утратила право в него вмешиваться и оставался лишь вопрос о линии ее прохождения (демаркация) в районе, прилегающем с севера к о.Хоккайдо.

Официальные документы со всей убедительностью доказывают, что претензии японских правящих кругов на южную часть Курильских островов и поддержка этих претензий со стороны правительств Соединенных Штатов и некоторых других государств являются юридически необоснованными, но моральная сторона этих претензий заключается в том, что до окончания второй мировой войны о-ва Кунашир, Итуруп,

Хабомаи и Шикотан входили в состав японской метрополии, в период их формальной принадлежности России в конце XУШ века на них отсутствовала постоянная русская администрация и русские населенные пункты, уплата податей России носила эпизодический характер и, несмотря на первоначальные настояния главы русской миссии Е.В.Путятина на переговорах о заключении первого русско-японского договора о дружбе и торговле в Симоде в I855 году о признании самого северного из этих островов Итурупа за Россией, они оказались по этому договору к югу от линии русско-японской границы, хотя и не были, за исключением Итурупа, конкретно поименованы в его тексте. С другой стороны, японские торговцы стали активно внедряться в экономику айнов о.Кунашира начиная с I754 года, с I800 года - о.Итурупа, а позднее и Шикотана и для охраны на островах южной части Курил после этого были размещены в течение многих лет японские военные отряды.

Отказавшись от этих островов, Япония в то же время правомерно не признает завершенности правового титула на южную часть Курил, пользуясь тем, что ни в Каирской декларации, ни в Ялтинском соглашении, ни в Потсдамской декларации, ни в Сан-Францисском мирном договоре не были точно указаны координаты Курильских островов. Также как недостаточно определенную надо оценить и оговорку СССР о том, что он будет руководствоваться во второй мировой войне принципами Атлантической хартии США и Великобритании об отказе от территориальных приобретений с учетом исторических особенностей каждой страны, то есть в том числе вхождения Курил в состав России в XУШ веке по ее внутреннему законодательству, ибо эта оговорка не конкретизирована применительно к данным территориям и ничем не обязывает ее, в отличие от Потсдамской и Каирской декларациями и Сан-Францисского мирного договора, имеющих для Японии обязательную силу.

С другой стороны, отказ Японии от Южного Сахалина с прилегающими островами и Курил не означает автоматического признания Японией завершенного правового титула СССР на эти территории, которое определяется только в мирном договоре. Как известно, в Сан-Францисском мирном договоре это признание отсутствует, и советско-японский мирный договор до сих пор не заключен, и японская сторона не собирается подписывать с признанием упомянутого правового титула Советского Союза до тех пор, пока не будут удовлетворены претензии Токио в отношении о-вов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан.

Проблема осложняется тем, что в 1956 году по Совместной декларации СССР и Японии 1956 года советская сторона дала обещание включить в состав островов, подлежащих возвращению после заключения двустороннего мирного договора о.Шикотан (Сикотан),будто бы не входящий как часть Малой Курильской гряды, "прилежащей" к Хоккайдо, в состав Курильских островов.

Дело в том, что с географической и геологической точек зрения о.Шикотан, действительно, входит в Малую Курильскую гряду, но утверждать на этом основании, как это делает японская сторона, что он входил в 1945 году в состав Курильских островов (Тисима) было бы неправильно, ибо это соответствовало внутреннему законодательству Японии об административном делении только до 1885 года, когда этот остров был включен в провинцию Тисима (Курилы). Но это понимание пределов Курил, не имеющее, правда,как зафиксированное лишь во внутреннем законодательстве, прямого отношения к международному праву, не было использовано советской стороной, хотя на картах Японии, изданных после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора с пометкой "одобрено министерством просвещения" северная граница Японии нередко на упомянутом выше основании обозначалась к югу от о.Шикотан и к северу от о-вов Хабомаи.

Вопрос о полном правовом титуле СССР на эти острова осложняется также тем, что по смыслу ст.25 Сан-Францисского мирного договора предоставление ею в мирном договоре с СССР каких-либо преимуществ, больших, чем предоставлены другим его участникам, например, суверенитета над Южным Сахалином или хотя бы северной и средней частями Курил автоматически ведет к тому, что эти преимущества (права) распространяются и на всех остальных 48 участников этого договора, и эти районы, с точки зрения международного права, превращаются в их кондоминимум (совладение) лишь с участием СССР, и он не становится их единотитульным сувереном.

Вместе с тем не лишена погрешностей и интерпретация Ялтинского соглашения в позиции Токио, опубликованной накануне визита Президента СССР М.С.Горбачева в Японию, в соответствии с которой по этому соглашению "предусматривался возврат Советскому Союзу прежних российских владений - южной части Сахалина, всех близлежащих островов, а также Курильских островов, которые подпали под суверенитет Японии в силу договоров от 1875 и 1905 годов"[8]. В действительности, в упомянутом "меморандуме Дж.Блейксли" Президенту США Ф.Рузвельту перед Ялтинской конференцией в состав Курил включалась вся цепь островов от Северо-Восточного Хоккайдо до Камчатки. Но еще важнее для определения пределов Курил то обстоятельство, что в Сан-Францисском мирном договоре 1951 года, в отличие от директив Верховного Командующего союзных держав в Японии в период ее послевоенной оккупации, Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан не были выделены из состава территорий, от которых Япония по этому договору отказалась, а в заявлении полномочного представителя президента США Дж.Даллеса в связи с подготовкой этого договора из их состава выделялись, как уже упоминалось, только о-ва Хабомаи.

Вот почему по меньшей мере три острова южной части Курил - Шикотан, Кунашир и Итуруп в результате вступления в силу 28 апреля

1952 года Сан-Францисского мирного договора с Японией 1951 года были по ее внутреннему законодательству исключены из-под ее суверенитета в соответствии со ст.98 своей Конституции, которая гласит: "Заключенные Японией международные договора и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться"[9]. И в данном случае именно таким образом, как изложено выше, что видно, например, из упомянутого выше уведомления № 192 от 19 апреля 1952 года департамента по гражданским делам министерства юстиции Японии "О жителях Южного Сахалина и Курильских островов", где говорится, что "лица, имевшие ранее первичную прописку в этих районах, должны были пройти в метрополии процедуру новой постоянной прописки в связи с тем, что территории, на которых они проживали ранее, оказались за п р е д е л а м и Японии (разрядка наша - К.Ч.). Это положение применительно к жителям южной части Курильских островов (не считая о-вов Хабомаи) действовало без каких бы то ни было изъятий до середины ноября 1961 года, когда появилось циркулярное письмо - уведомление № 2559-41 директора департамента по гражданским делам министерства юстиции Японии директорам местных управлений юстиции и директору департамента по делам местных судебных органов (исходящий департамента по гражданским делам № А-2756 от 14 ноября 1961 г.) "Об оформлении изменений в прописке по постоянному месту жительства жителям Кунашира, Итурупа и Шикотана посредством направления заявления об изменении в некоторых пунктах прежней прописки на основе соответствующего Уведомления" (исходящий департамента по гражданским делам министерства юстиции № А-1583 от 18 июня 1949 г.).

В связи с указом японского правительства № 112 от 28 мая 1957 года о введении в действие закона о денежных пособиях по репатриации было опубликовано также уведомление директора

департамента по оказанию помощи репатриантам министерства здравоохранения в адрес губернаторов Японии № 604 от 29 июля 1957 года, "Об удостоверениях с места прописки в связи с исками в отношении пособий по репатриации бывшим постоянным жителям Южного Сахалина и Курильских о-вов (Тисима), прописанным в Японии п о с л е в с т у п л е н и я в с и л у м и р н о г о д о г о в о ра" (разрядка наша. - К.Ч.).

Из такого правового поведения Японии следует заключить, что она молчаливо соглашалась с включением в понятие "Курильские острова", от титула на которые она отказалась по мирному договору, упомянутых выше островов южной части Курил. Согласно ст.45 Венской конвенции права международных договоров 1969 года, в которой были кодифицированы, а не впервые установлены действующие после второй мировой войны нормы международного права (в силу чего по ст.4 этой конвенции возражение о недействительности ее в отношении Сан-Францисского мирного договора 1951 года как заключенного ранее, являются несостоятельными), государство не вправе ссылаться на основание прекращения или приостановления или недействительности международного договора, если оно после того, как ему стало известно о фактах, на которые оно ссылается, в силу своего поведения должно считаться молчаливо согласившихся с тем, что договор сохраняет свою силу в соответствии с его объектом и целями.

Это положение воплощает в себе принцип эстоппеля ("лишение права на возражение"), не позволяющий отрицать то, что ранее было принято и признано[10], и его можно активно использовать как норму международного права при обсуждении проблемы территориального размежевания СССР с Японией.

В связи с этим отметим, что в Совместной декларации СССР и Японии 1956 года не содержится претензий последней к Советскому

Союзу о передаче ей средней и северной частей Курил, от требований которых японская сторона отказалась в ходе переговоров о подписании этого документа, в отличие от устных претензий на о-ва Кунашир и Итуруп, которые, правда, не нашли своей фиксации в письменной форме в самой упомянутой декларации. Данные обстоятельства позволяют считать, что в силу молчаливого согласия с владением Советским Союзом средней и северной частями Курил и Южным Сахалином с прилежащими островами к ее правовому поведению в отношении этих территорий применим принцип эстоппеля и в связи с подписанием этого документа.

Хотя по Совместной декларации СССР и Японии советская сторона "соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан", если следовать ее внутреннему законодательству о включении в 1885 году последнего из этих островов в состав Курил (Тисима) и Сан-Францисскому мирному договору 1951 года и отказе от прав, правооснований и претензий на все Курилы, то данное положение Совместной декларации 1956 года в отношении Шикотана лишено международно-правовой силы по меньшей мере в части, касающейся участников упомянутого договора. Но так как СССР не подписал его для советско-японских отношений, сохраняет силу Потсдамская декларация 1945 года, принятая Японией, по которой ее суверенитет был ограничен четырьмя главными островами, ибо острова Хабомаи, как находящиеся под суверенитетом Японии с о в м е с т н о с союзниками ни в одном международно-правовом документе названы не были.

Поэтому утверждение, что, раз по упомянутой Совместной декларации Хабомаи и Шикотан признаются СССР территорией Японии, они должны обозначаться на советских картах как часть Японии, находящаяся под управлением Советского Союза до заключения с нею мирного договора, когда в соответствии с этой декларацией должна быть

произведена их фактическая передача Японии[II], противоречит упомянутым основополагающим международно-правовым документом о послевоенном территориальном урегулировании с этим государством.

Для разрешения этой проблемы в ходе предстоящих в дальнейшем переговоров по вопросам двустороннего мирного договора целесообразно было бы, на наш взгляд, предложить японской стороне в связи с существующими разногласиями по данной проблеме передать ее на консультативное заключение Международного суда ООН в Гааге, в соответствии со ст.65 его статуса, решение которого носит рекомендательный характер, подчеркнув при этом, что советская сторона исходит из желательности разрешения территориальной проблемы в ходе двусторонних переговоров и только трудности в достижении договоренности и стремление к скорейшему заключению мирного договора побуждают ее обратиться к такому, одному из признанных мирных средств, разрешению спора, соответствующих принципам Устава ООН.

СПИСОК РИСУНКОВ

стр.

Рис.I. Пограничные районы Советского Дальнего Востока ... I

Рис.2. Некоторые географические названия южной части Курильских островов 2

Рис. 3. Фрагмент карты "Курильские острова. О-в Кунашир" национального картографического управления Японии от 3I мая I946 г. II2

Рис. 4. Фрагмент карты "Курильские острова. О-в Шикотан" Национального картографического управления Японии от 3I мая I930 г. II3

Рис. 5. Физическая карта Японии (США) II3

Рис. 6. Карта сельскохозяйственных угодий Японии (США) II3

Рис. 7. Карта полезных ископаемых и промышленных районов Японии (США) II3

Рис. 8. Фрагмент карты района Хоккайдо из "Нового атласа по обществоведению" для средней школы (Тюто сякайка синтидзутё) I952 г. II3

Рис. 9. Фрагмент карты Японии I700 г. I66

Рис.I0. Восточная часть Иркутской губернии с прилежащими островами и западным берегом Америки I77

Рис.II Фрагмент японской карты "Мир в XVII-XVIII вв." I78

Рис.I2. Низвержение русских крестов на о-ве Итуруп в конце XVIII в. японским отрядом Д.Кондо I80

Рис.I3. Карта границ районов, находящихся под административным контролем правительства Японии и зон японского рыболовства I946 г. 22I

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

I Ю.А.Баскин, Д.И.Федьдман. Международное право. М., I97I. С.7.

2 См.: Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., I962. С.I97, 2I7, 230, 242, 244 и др.; Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник материалов по вопросу о северных территориях). Токио, I968. С.305. В скобках даны японские названия островов.

3 См.: Токи-но угоки, XI, I968. С.22. Некоторые представители ультраправых кругов Японии включают сюда даже северную часть Сахалина, Приамурье, Приморье и Камчатку. Сикан дзидзи, I967. № 5I. С.36.

4 Проблемы Дальнего Востока, I975.№ I. С.I38-I42.

5 См.: Народы Азии и Африки, I97I. № I. С.I48-I49.

6 См.: Кодзики. Запись о деяниях древности. Перевод К.Е.Черевко. - Восточный альманах. Вып.2. Дневная звезда. М.: I974; Япония сегодня, №№ 8, II, I3-I7, Токио, I968-I974. Источниковедческий анализ этой хроники см.: К.Е.Черевко. К вопросу об изучении "Кодзики" (Запись о делах древности). - Письменные памятники.Востока. Ежегодник). I972. М., I977. С. 24I-243.

7 См.: Дзокудзоку гунсё руйдзю (продолжающийся сборник документов). № 4. Токио. I909.

8 См.: США - Экономика, политика, идеология. I98I. № 9. С. 37-50.

9 Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., I980. С. I6I-I74.

I0. См.: "Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Ремезовым в I70I году". (СПб., I882); Атлас

Российской империи, состоящий из 52 карт (СПб., 1796); "Материалы по истории русской картографии" В.А.Кордта, Серия 2, вып.1. Киев, 1906); "Карты Азиатской России", Багрова Л.С., Петроград, 1914; "Географический департамент Академии наук XVIII века" Гнучевой В.Ф. М.-Л., 1946); "Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке" (М., 1964); "История карт северных районов (Хопподзу-но рэкиси) Фунакоси Акио (Токио, 1976) и другие.

ГЛАВА I

1 Harrison J. Japan's Nothern Frontier. Gainssville, 1953, p. 39.

2 См.: Такакура С. Очерк истории Курильских островов. Токио, 1961, с.19-20.

3 См.: Muroga Nobuo. Geographical Exploration by Japanese. - The Pacific Basin. 1967, No 4.

4 Манабэ Сигэтада. Нитиро канкэйси, 1697-1875. (История японо-русских отношений). Токио, 1978. с.81.

5 ЦГАДА. ф.Госархив, разряд 7, д.2539, л. 144-145.

6 Такакура Синьитиро. Указ. соч., с.19.

7 Там же, с.19.

8 См.: Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т.2,Ч.I Токио, 1909, с.102.

9 См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1950, с.57.

10 См.: Накамура Синтаро. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские). Токио, 1978, с.56.

11 Кин Д. Японцы открывают Европу (1720-1830). М., 1972, с.44.

12 См.: Такакура С. Указ. соч., с. 40-41.

13 См.: Кин Д. Указ. соч. С. 116-117, 129.

14 См.: Там же. С. 115, 128, 131.

15 См.: Токутоми Итиро. Кинсэй Нихон кокуминси (Новая история японского народа). Т.25, Токио, 1935. С.212-216.

16 См.: Kuno Y. Japanese Expansion on the asiatic Continent. Vol. II. Berkley and Los Angeles. 1940, pp. 231-234.

17 Ibid., pp. 352-356.

18 Цит. по: Позднеев Д. Указ. соч. Т.I. С.415.

19 Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927. С.68.

20 "Кодзики тайсэй (Компендиум исследований "Кодзики"). Т.6. Под. ред. Хисамацу С., Такаги И., Такада Ю., Сакамото Т., Курано К. Токио, 1957. С.58.

21 См.: F. Siebold. Nippon. anmerkungen. Leiden, 1853, s. 193.

22 См., Напр., Никольский А.М. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. – Записки Российской императорской Академии наук. Т.60. СПб., 1889. С.1; Рыжков А.Н. Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов. – В кн. Сахалинская область, Южно-Сахалинск, 1960. С.49.

23 См.: Есида Такэдзо. Хоппоси нюмон (Введение в историю Севера). Токио, 1974. С.116-119.

24 См., например: Хёдэн Мацуура Такэсиро. (Критическая биография Т.Мацуура). Токио, 1968; Сюи Мацуура Такэсиро. (Наследие Т.Мацуура). Токио, 1964; Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы Т.Мацуура). Токио, 1956.

25 См.: Дзохо Мацуура Такэсиро. С.316-317.

26 См.: Дзохо Мацуура Такэсиро. С.295.

27 Там же. С.490.

[28] См.: Окамото Рюноскэ. Нитиро косё Хоккайдо сико (История Хоккайдо в свете русско-японских отношений). Токио, 1898, с.6; Тёкэн Мацунага. Карафуто оёби Камусакка (Сахалин и Камчатка), Токио 1905, с.62.

[29] ЦГАДА, ф. Якутская приказная изба, столбец № 422. Якутск, 1661. – Приводится по: Отлоблин Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века. – Журнал Министерства народного просвещения. 1903, май, с.61. См. также: Черевко К.Е. Как проникали в Россию первые сведения о Японии. – Проблемы Дальнего Востока, 1976, № 4, с.128-129. Против этой точки зрения, правда, без упоминания приведенного архивного источника, возражает Полевой Б.П. в книге "Первооткрыватели Курильских островов". Южно-Сахалинск, 1982, с.175.

[30] Такакура Синъитиро. Хоккайдоси-но рэкиси. (Историография Хоккайдо). Саппоро, 1964, с.49.

[31] Такакура С. Указ. соч., с.49.

[32] Takekoshi Yosaburo. The Economic Aspects of the History of Japanese Civilization. L., 1930, Vol.1, p. 160.

[33] Takekoshi Y. Op.cit., p. 180.

[34] Ibid, 182-183.

[35] Ibid, 181.

[36] Ibid, 184.

[37] См. Сайто Тикамицу. Нихон кинсэй сэсоси (История Японии нового времени). Токио, 1925, с.63.

[38] См. Нумада И. Нитиро гэйкоси (История японо-русских отношений). Токио, 1943.

[39] См.: Нумада И. Указ. соч., с. 5.

[40] Инбуэ Киёси. Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии. (Гэндай Нихон-но рэкиси), пер. с японского. М., 1955, с. 246.

41 См.: Накамура С. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские). Токио, 1978, с. 60-61.

42 Манабэ С. Нитиро Канкэйси (История японо-русских отношений). 1697-1875. Токио, 1978, с.2. Подробнее см. рец. Черевко К.Е. Объективное свидетельство японского историка. - Проблемы Дальнего Востока, 1981, с.177-178.

43 Корияма Е. Бакумацу нитиро канкэйси кэнкю. Токио, 1980.

44 См.: Там же, с.231.

45 См.: Там же, с 320.

46 См.: Там же, с. 228.

46а С.Мураяма. Куриру сёто-но бунгакутэки кэнкю. Токио.1987.С.132.

46б Х.Вада. Хоппо рёдо-о кангаэру. Токио, 1990, с.89-93.

47 Маэсиба К. Сорэн. Гайко. (СССР. Внешняя политика) - Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная экциклопедия), изд. "Хэйбонся", т.13, Токио, 1967, с.589.

48 Shiratori R. The Case of Nothern Islands Territory Dispute between Japan and the USSR. - Peace Research Group, 1970, p. 39, 43-47.

49 Ibid, p. 43-47.

50 Фудзимото Х. Кита-нохака (Северные могильники). Токио,1971

51 Сарасина Г. Айну то нихондзин (Айны и японцы). Токио, 1972.

52 См.: Там же, с. 90.

53 См.: Там же, с. 90.

54 См.: Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио. 1979. с. 79.

55 См.: Симмура Идзуру. Намбанки. Токио, 1941.

56 См.: Такано А. Указ. соч.., с.9.

57 См.: Такано А. Указ. соч.., с.21.

58 См.: Такано А. Указ. соч., с.87-88.

59 См.:Там же, с. 94.

60 Такаяма с. Указ. соч., с.34.

61 См.: Такаяма С. Иссо канкэй: рёдомондай то кэйдзай кёёку

гайко (Дипломатия по территориальному вопросу и экономическое сотрудничество. Токио, I978.

62 Кимура Акио. Совиэто гайкорон (Советская дипломатия). Токио, I983, с. 263.

63 См.: Там же, с. 265.

64 См.: Там же, с. 280-28I.

65 Inoguchi and N.Miyatake. Negotiation as quasi-budjeting: the salmon catch negotiation between two world fisheky powers. "International Organization". Vol.33,1979, No.2, p.256.

66 M.Swind. Die Gestaltung Kakafutos zum Sapanisher Raum. Gochta, 1942.

67 См.: Рёити Окума, Хоппо рёдо мондай-но рэкиситэки хайкэй (Историческая подоплека проблемы северных территорий). Токио, I964, с. 4-5.

68 Такакура Синъитиро. Очерки истории Курильских островов (на русск. яз.). Токио, I962, с.29.

69 См.: Там же, с.I6-I9.

70 См.: Там же, с.76

7I См.: Такакура С. Указ. соч., с.I06.

72 Симидзу Такэхиса. Тайнити Сорэн сэнсо то Ярута кётэй. (Война СССР против Японии и Ялтинское соглашение). Токио,I976.

73 Там же, с.296-297.

74 См.: Симидзу Т. Указ. соч., с.2-3.

75 См.: Санкэй симбун, I98I, I7 февраля.

76 См.: Правда, 3 февраля, I98I.

77 ЦГАДА, ф.Госархива, разряд 7, д. 2539, л. I44-I46.

78 Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действии ее до настоящего времени. Ч.I Приложения. СПб., I86I. с.27,4I.

79 Березин В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М., I977.

[80] Проблемы Дальнего Востока, 1979, № 4, с.128.

[81] См.: Дзицугё-но Нихон, 1975, № 11. Приводится здесь и ниже по статье Масанори Сасэ "Северные территории в международной политике". - Сёкун, 1976, № 3, с.91-92.

[82] См.: Сёкун, 1976, № 1.

[83] См.: Сэкай сэйкэй, 1975, № 12.

[84] См.: Сёкун, 1976, № 1, с.92-94.

[86] Созыв такой конференции, о которой напомнил в 1970 г. на XXV юбилейной сессии ООН бывший премьер-министр Японии Э.Сато, предусмотрен сепаратным Сан-Францисским мирным договором с Японией 1951г.

[86] [87] Сасэ М. Указ. соч., с.102.

[88] Там же.

[88] См.: Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. - Сибирский географический сборник, вып.3. М.-Л., 1964, с.238-239.

[89] См.: Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Сер.2, вып.1. Киев, 1906, карта XXVI.

[90] См.: Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692, p. 96.

[91] Полевой Б.П. Указ. соч., с.263.

[92] См.: Aston W.G. Russian Descents into Saghalein and Iturup. Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. 1, Yokohama, 1872, pp. 86-95.

[93] См.: Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641-1850. Cleveland, Ohio, 1914.

[94] См.:Kerner R. The Russian expansion to America, Berkeley and Los Angeles, 1931.

[95] См.: Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг. Томск, 1955, с.27,33.

96 См.: Kuno Yoshi S. Japanese Expansion on the Asiatic Continent. A Study in the History of Japan with her International Relations with China, Korea and Russia, vol. 1-11, Berkley and Los Angeles, 1940, p.227.

97 Ibid, p. 227.

98 См.: Kuno Y. Op. cit., p.227.

99 См.: Ibid., p.227.

100 См.: Harrison J. The Nothern Frontier. A Preliminary Study in Colonisation and Expansion with Special Reference to the Relations of Japan and Russia. Gainesville, 1953.

101 См.: Harrison J., Op.cit., p.28.

102 См.: Harrison J., Op.cit., pp.13,24,29,31.

103 См.: Keen D. The Japanese Discovery of Europe, 1720-1798. L., 1952; The Japanese Discovery of Europe, 1720-1830. Stanford, 1968.

104 См.: Кин Д. Японцы открывают Европу (1720-1830). М., 1972, с. 34.

105 См.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Сборник документов. М., 1948, с. 250.

106 См.: Кин Д. Японцы открывают Европу, с.128.

107 См.: Там же, с. 133,134,142.

108 См.: Lensen G.A. Report from Hokkaido. The Remains of Russian Culture in Nothern Japan, Hakodate, 1954, p.4, 146, 121-123, 196, 388-390 etc.

109 Ibid., p.21.

110 См.: Lensen G.A. The Russian Push toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697-1875. Princeton, New Jersy, 1959, p. 162, 253.

111 См.: Lensen G.A. Op. cit., p.32-33,35.

112 См.: Памятники сибирской истории XVIII века, кн.I, с.461-464; кн. 2, с.45-46.

II3 См.: Lensen G.A. Op. cit., p. 94.

II4 Такакура Синъитиро. Указ. соч., с. 43-44.

II5 См.: Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971.

II6 См.: Ibid., p. 23, 33, 55.

II7 См.: Ibid., p.55.

II8 Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, с.32.

II9 См.: Там же, с 32.

I20 См.: Stephan J. The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontiers in the Pacific. Claredon Press, Oxford, 1974.

I2I. См.: Stephan J. Op.cit,p. 32 ; Такакура С., Сибата С. Вага куни-ни окэру Карафутотидзу сакусэйси (История составления карт Сахалина в нашей стране). Хокухо бунка кэнкю хококу (Доклады по изучению культур Севера). П., 1949, с. 276.

I22 См.: Stephan J. The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontiers in the Pacific. Claredon Press, Oxford, 1974.

I23 См.: Ibid.,p.34.

I24 См.: Ibid., p.69.

I25 См.: Ibid., p. 76.

I26 См.: Ibid., p.81-84.

I27 См.: Ibid., p.61.

I28 См.: Ibid. pp.45-49.

I29 См.: Ibid., pp.51,54,55.

I30 См.: Ibid, p. 89.

I3I См.: Гольденберг Л.А. О первом историке Сибири. В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с.217-222. Он же. Семен Ульянович Ремезов - сибирский картограф и географ (1642 - после 1720). М., 1965.

I32 См.: Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел. СПб., 1750.

I33 См.: Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоеваний сей земли российским оружием. СПб., I774.

I34 См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн.I, СПб., I838, кн.2, СПб., I844.

I35 См.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., I882.

I36 См.: История Сибири, Л., I968, Т.2, с.I2-I3, 449-450 .

I37 См.: Спафарий Н.Г. Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит китайское государство с прочими его городы и провинции. Казань, I9I0.

I38 См.: Спафарий Н.Г. Сказание о великой реке Амур, которая разграничила русское селение с китайским. - В кн.: Титов А. Сибирь в XУП веке. М., I890, с.II0-II3.

I39 См.: Крашенинников С.П. Описание земли Камчатка. СПб., I755.

I40 См.: Крашенинников С.П. Указ. соч., М., I949, с.469-472.

I4I Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.-Л., I952, с.498.

I42 См.: Полонский А. Курилы. СПб., I87I.

I43 См.: Кюнер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых., СПб., I9I3.

I44 См.: Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской кампании и действий ее до настоящего времени. Ч.I, СПб, I86I, ч.2, СПб, I863; Позднеев Дм. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т.I. Иокогама, I909. Т.П. Токио, I909; Новаковский С. Япония и Россия. Токио, I9I8.

I45 См.: Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., I97I, с.35-40.

I46 Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Пг., I923, с.47.

I47 Конрад Н.И. Указ. соч., с.47.

I48 См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика держав на Дальнем Востоке (I860-I895). М., I956.

I49 См.: Сергеев М.А. Курильские острова. М., I947.

I50 См.: Алексеев А.И. По таежным тропам Сахалина. Южно-Сахалинск, I959; Он же. Сыны отважные России. Магадан, I970; Он же. Амурская экспедиция I849-I855 гг. И., I974;Он же. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки до конца XIX в. М., I982.

I5I См.: Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, I959; Он же. Сахалин в истории России (середина XVII - начало XIX вв.). Канд. дисс. Л., I970; Он же. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, I983.

I52 См.: Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. и до установления Советской власти). Докт. дисс. М., I966.

I53 См.: Березин В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М., I977., с.74.

I54 См.: Алиев Р.Ш.А. Внешняя политика Японии в 70-х - начале 80-х годов (теория и практика). Наука, М., I986; см.: Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Наука, М., I988. Его же. Москва - Токио, I956-I986. Очерки дипломатических отношений. Международные отношения, М., I988. ; Латышев И.А. Правящая либерально-демократическая партия и ее политика. М; Петров Д.В. Внешняя политика после второй мировой войны. М.,I965; он же Япония в мировой политике., I973; Капица М.С., Петров Д.В., Славинский Б.Н., Шабшина Ф.И., Тихомиров В.Д., Пак В.К. История международных отношений на Дальнем Востоке (I945-I977). Хабаровск, I978; Эйдус Х.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., I964.

I55 Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Главная редакция восточной литературы издательства "Наука". М., I988, 284 с. (Рец. Черевко К.Е. История СССР, I989, № 4, с.I73-I76).

I56 Там же, с.66-67.

I57 См. там же, с.89.

I58 См.: Там же, с.4I.

I59 Тихвинский С.Л. Проблемы русско-японских и советско-японских отношений в новейшей советской историографии. - Вопросы истории, I964, № 2, с. II7-I25.

I60 Маринов В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной. М., I974 (рец. Черевко К.Е. - Новая и новейшая история, I975, № 4).

I6I Игнатьев А.В. Внешняя политика России в I905-I907 гг. М., I986.

I62 Ефремов Л.Н. Внешняя политика России в I907-I9I4 гг. М., I96I.

I63 Алексеев А.И. Амурская экспедиция I849-I855 гг. М., I974.

I64 Якобашвили И.А. Вопросы истории русско-японских отношений в работах советских историков. - Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., I986, с.27-35.

I65 Сенченко А.И. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (середины XIX в и до установления советской власти). Докт. дисс. М., I966.

I66 Моргун З.Ф. Японская историография русско-японских отношений в I898-I965 гг. Японская историография отношений России с определенными странами на Дальнем Востоке. Сб. статей АН СССР. Владивосток, I986, с.27-39; её же. Русско-японская война I904-I905 гг. в современной буржуазной японской историографии. - Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX-XX веков. Сб. статей АН СССР, Владивосток, I987, с. 4-I4.

I67 Паскова Н.И. Японские либеральные авторы о характере русско-японских отношений в связи с первой мировой войной. - Японская историография... Сб. статей АН СССР, Владивосток, I986,

с.39-49; ее же, Японские историки-марксисты об отношении японцев к февральской революции. – Японская историография Сб. статей АН СССР. Владивосток, 1987, с.15-21.

168 Баланева И.И. Оценка взглядов Накамура Синтаро по вопросу русско-японских культурных связей (XVII-XIX вв.). – Японская историография... 1986, с. 79-85; её же. Изучение истории русско-японских культурных связей в современной японской историографии – Японская историография... 1987, с.29-40.

169 Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVII – 60-е гг. XIX в.). М., 1974.

170 Ли Бен Дю. Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства (1905-1945 гг.) Канд. дис., М., 1975.

171 См. напр.,: Горегляд В.Н. Новый документ о посольстве Н.Н.Муравьева-Амурского в Японию (1859 г.) – Страны и народы Востока. Вып. VII. М., 68, с. 144-147; Куликова А.М. Новый документ о первом японце в России. – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1972.

172 Советско-японское коммюнике. – Известия, 1988, 22 декабря; С.Агафонов. Шаг к диалогу по существу. – Там же, 1988, 22 декабря; С.Сасэ. Несколько тезисов о новом мышлении в советской политике; Там же, 1989, 2 января.

173 Анучин Л.Н. Материалы по антропологии Восточной Азии. Племя айну. – Известия общества любителей естествознания антропологии и этнографии. Т.XX, кн. 2, вып.I, М., 1876, с.29.

174 Кутаков Л.Н. Указ. соч., с. 33-52, 351; Черевко К.Е. Курильские острова в русской и зарубежной картографии. Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. Московский филиал Географического общества СССР. М., 1980, с. 161-166.

I75 Кутаков Л.Н. Москва-Токио. Очерки дипломатических отношений I956-I986. Международные отношения, М., I988. с. 272.

I76 См.: U.S.-Japan Relation and Security of East Asia. The next decade.Ed.by Weinstein F.B.Colorado:Westiview press.Boulder, 1978,p.10.

I77 См.: Japan Times, 1980, February 17.

I78 См.: Вага гайко-но кинкё (Обзор внешней политики Японии). Токио, I982, с.9-I0; Asian Security, Tokyo,1981,pp.199-201.

I79 См.:Тюо-корон, I98I, № I, с.77-79. ~~Дж. Кеннон, У.Роетоу.~~

I80 См.: Сёкун, I980, № 7, с.26.

I8I См.: Morgenthau, H.I. In Defence of the National Interest, N.Y., 1952, p.92.

I82 См.: Канагава Х. Сэкай сидзё-ни окэру нитиро канкэй-но косацу (см. на с.2I2). (Размышление о роли японо-русских отношений в мировой истории). - Гайко дзихо, I977, № 6, с.20. Перевод В.Б.Набокова с уточнением автора.

I83 См: Там же, с.20.

I84 См.:Там же, с.I8.

I85 См.: International environment and Japan's grand strategy for 21st centure (Summary).Ed.by Saeki K. Tokyo,1977. Приводится по: Международные отношения на Тихом океане. Ч.I, М., I979, с. 38-39; Саэки Кинти. Вага куни-но боэй-о кангаэру.(Размышления о безопасности нашей страны). Токио, I977., с.24.

I86 См.: Кимура Хироси. Сэнго нисео канкэй (Отношения между Японией и СССР после войны). - Кокусай канкэй (Международные отношения). Токио, I980. с.3I0.

I87 Кимура Х. Указ. соч., с.4II-4I7.

I88 См.: Правда, I983, 8 апреля.

I89 Санкэй симбун, I983, I апреля.

190 См.: США: экономика, политика, идеология. 1981, № 9, с.41.
191 Дзэнъэй, 1951, № 60, с.3.
192 Минсю сэйнэн симбун, 1969, 4 апреля.
193 Нихон кёсанто 50-нэн (50 лет Компартии Японии). Токио, 1972.
194 Акахата, 1959, 25 марта.
195 Акахата, 1959, 25 марта.
196 Акахата, 1969, 20 декабря.
197 См.: Акахата, 1969, 6 марта.
198 Акахата, 1969, 20 декабря.
199 Акахата, 1969, 20 декабря.
200 Асахи симбун, 1970, 1 января.
201 Там же.
202 Акахата, 1971, 27 марта.
203 Правда, 1977, 12 июня.
204 Правда, 1977, 26 июня.
205 Правда, 1977, 26 июня.
206 Правда, 1977, 12 июня.
207 Окума Р. Тисима Огасавара сима сико (Исторический очерк Курильских островов и островов Огасавара). Токио, 1969, с. 2-4.
208 Окума Р. Указ. соч., с.5-6.
209 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI, М., 1958, с. 106.
210 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI, М., 1958, с. 106.
211 Хоппо рёдо-но кисо тисики (Основополагающие сведения по северным территориям). Токио, 1968, с.20.
212 Кокусайхо гайко (Международное право и дипломатия). Т.16.

Токио, 1962, № 4, с.199-203 (637-641).

213 См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970, с. 469-470; Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974; с. 96-97; Орловский А.В. Ответственность государства за агрессию. Минск, 1969, с. 66.

214 См.: Дурденевский В.М. и Крылов С.Б. Организация Объединенных Наций, с. 58.

215 См.: Тункин Г.И. Указ. соч., с.470.

216 См.: Ответственность за военные преступления против человечества (Сборник документов). М., 1969, с. 38-39, 40-41; Рагинский М.Ю. и Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1950, с.88, 91.

217 См.: Рагинский М.Ю. и Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. - Международная жизнь, 1968, № 8, с.159-160.

218 См.: Дурденевский В.Н. и Крылов С.Б. Указ. соч., с.53.

219 Дурденевский В.Н. и Крылов С.Б. Указ. соч., с.53.

220 Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.27, с.288.

221 Клименко Б.М., Ушаков Н.А. Нерушимость границ - условие международного права. М., с.49.

222 Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970, с.466-467.

223 См.: Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973, с.138-139.

224 См.: Правда, 1964, 2 сентября.

225 Окума Р. Указ. соч., с. 6.

226 Такано Ю. Указ. соч., с. 168-171.

227 См.: Международное право. М., 1957, с.177.

228 Тамура Косаку. Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). - Гайко дзихо, 1969, № 10, с. 21-24.

229 Минасян Н.М. Сущность современного международного права. Ростов-на-Дону, 1962, с.276.

230 Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник документов по проблеме северных территорий). Изд, Ассоциации помощи соотечественникам на юге. Токио, 1968, с.1.

231 Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). Сост. Э.Д. Гримм. М., 1927, с.52.

232 См.: Хорэй дзэнсё, 1869 (Полный сборник законов за 1869 г.). Токио, 1888, с.300.

233 Хорэй дзэнсё, 1876 (Полный сборник законов за 1876 г.) Токио, 1890, с.3.

234 Хорэй дзэнсё, Токио, 1904, с.1.

235 См.: Understanding Japan. Notes on Maps and Figers concerning Japan in the geography Texbooks of Other countries. No 23. Tokyo, 1969. Fig. 170 etc., p.86 etc.

236 См.: Тёгаку сякайка тидзутё (Географический атлас по обществоведению для средней школы). Токио, 1951, с. 33; Тюто сякайка синтидзутё (Новый географический атлас для средней школы). Токио, 1952, с.19; Синсякайка тидзу (Новые карты по обществоведению). Токио, 1952, с.22,26.

237 См.: Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник материалов по проблеме северных территорий). Токио, 1968, с.223.

238 См.: Understanding Japan, No. 23 ,1969, p.19,51,86 etc. Fig. 13, 87, 170 etc.

239 Миядзаки С. Кокусайхо-ни окэру кокка то кодзин. Токио, 1963, с.294.

240 См.: Судзуки Д., Китадзава Т. Сёгай тосэки дзиму-но рирон то дзицурэй (Теория и практика прописки иностранцев), Токио,

I965, с.8.

241 Ямамото А., Судзуки Х.Косёку сэнкёхо тикудзё кйсэцу (Постатейный комментарий к закону об избирательном праве). Токио, I967, с. 59.

242 Оппенгейм Л. Международное право. Т.I. Полутом 2. М., I949, с. I52.

243 Гэнко хоки (Сборник действующих законов и постановлений). Токио, I969, с.I240.

244 Судно вело рыболовный промысел в территориальных водах СССР у о-ва Кунашир без лицензии японских властей, за что было обвинено в нарушении японского законодательства.

245 Окума Р. Указ. соч. с.2-3.

246 См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., I970, с.I65.

247 Тункин Г.И. Указ. соч., с. I65.

248 См.: Эйдус Х.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., I964, с.I55.

249 Революционной перестройке - идеологию обновления. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева на Пленуме ЦК КПСС I8 февраля I988 г. // Правда, I988, I9 февраля.

250 Известия, I956, 20 октября.

251 См.: Организация Объединенных Наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности. Сост. Дурденевский В.Н. и Крылов С.П. Госюриздат. М., I956, Ч.I, с.58-59.

252 United Nations Conference on International Organizations. Report of Committee 3 to Comissions III on Chapter XII. Document 1095 III/3/5C, p.4. - L.Goodreech and E.Hambro;Chapter of the United Nations. Boston, 1946, pp.289-290.

253 См.: Правда, I946, II февраля.

254 См.: Известия, I943, 3 декабря.

255 Сборник действующих договоров, конвенций и соглашений СССР с иностранными государствами. Вып.XI. М., I958, с.I37-I38. После подписания Потсдамской декларации 26 июля I945 г. на Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании к ней присоединился Советский Союз.

256 См.: Хоппо рёдо сирёсю (Сборник документов по проблеме северных территорий). Изд. Общества соотечественников на Юге. Токио, I968; с.597.

257 См.: Сборник документов и материалов по Японии (I95I-I954). МИД СССР. М., I954, с.I24.

258 См.: Хоппо рёдо сирёсю (Сборник документов по проблеме северных территорий). Изд. Общества соотечественников на Юге. Токио, I968, с.88

259 Организация Объединенных Наций, с.58.

260 Термин "вражеское государство", как он применен в пункте I ст.53, "относится к любому государству, которое в течение второй мировой войны являлось врагом любого государства, подписавшего настоящий Устав". - Устав ООН. Политиздат. М., I945, с.23.

26I Там же, с.23.

262 United Nations. General Assembly..Official Records. Plenary Meetings. XXV Session, 1842nd Meeting, p. 9.

263 См.: Саркисов К.О. Япония и Организация Объединенных Наций. М.: Наука, I975, с.224. Одна из целей договора - отпор агрессии Японии.

264 См.: Нихон гайкоси (История японской дипломатии). Т.32. Токио, I972, с.86.

265 См.: Вага гайко-но кинкё (Обзор внешней политики Японии), I978, № 22. МИД Японии, с. 35; I979, № 23, с. 36; Ежегодник

ЕСЭ, 1974, с.450.

266 Вага гайко-но кинкё, 1978, № 22, с.336.

267 См.: Вага гайко-но кинкё, 1988, № 26, с. 434-435.

268 См.: Ежегодник ЕСЭ, 1986. с.400.

269 См.: Ежегодник ЕСЭ, 1987, с.450.

270 См.: Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Сорок вторая сессия. Distr. General. A/42/100, 15 June 1987, Russian, p. 367.

271 См.: Правда, 1988, 24 февраля.

272 Акахата, 1986, 31 января. Из этого высказывания следует, что, по мнению Я.Накасонэ, в Ялтинском соглашении южные Курилы включались в понятие Курильских островов.

273 Японо-китайские отношения (1972-1982). Сб. документов и материалов. АН СССР. ИДВ. М., 1985, с.4.

274 Documents on American Foreign Relations. Vol. VIII. July 1, 1945 - December 31, 1946. Ed. by Raymond Dennet and Robert K.Terner. Boston, 1948, p. 267.

275 Известия, 1945, 4 сентября.

276 См.: Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. М.: Международные отношения, 1973, с. 140,167.

277 См.: Такое положение было включено в ст.20 Устава Лиги Наций.

278 Такого мнения придерживается, например. А.Н. Талалаев (указ. соч., с.131), ссылающийся в подтверждение на высказывание Х.Лаутерпахта о том, что "все эти соглашения, поскольку они несовместимы с Уставом (ООН - К.Ч.), практически лишены силы и не могут быть приведены в исполнение..." (Там же, с. 131).

279 Международное право в избранных документах. М.: Международные отношения, 1957, с.331.

280 См.: The Department of State Bulletin, vol. XXV, No 838, September, 1956, p. 406.

281 Sakamoto Yoskikazu. Rejecting the Military Path. - Japan Echo, 1986, No 1, p.59.

282 Хоппо рёдо мондай сирёсю, с.172.

283 Хоппо рёдо-но тии, с.220.

284 См.: Хоппо рёдо-но тии, с.221-222.

285 Известия, 1945, 4 сентября.

286 См.: Эта точка зрения, высказанная японским юристом-международником Сигэки Миядзаки подробнее рассматривается в работе К.Е.Черевко "Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XУП-XX вв.) М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1988, с.190.

287 См.: Хоппо рёдо мондай сирёсю, с.88.

288 Application instituting proceedings field in the Registry of the Court on June 2nd, 1955. Ariel incident of October 7th, 1952 (United States *V*.Union of Soviet Socialist Republics).

289 Котани Х. За возбуждение проблемы северных территорий в Международном суде. - Санкэй, 1987, 3 сентября.

290 Международное право в избранных документах, с. 320.

ГЛАВА II

1 См., например: Ёсида Такэдзо. Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы о Такэсиро Мацуура). Токио, 1966, с. 264. На эту проблему проливают свет вышедшие в последние годы работы как советских (А.П.Окладников, Р.С.Васильевский, А.П.Деревянко, В.Е.Ларичев, Р.Б.Козырева, В.А.Голубев и др.), так и зарубежных археологов (в частности, японских и амери-

канских: О.Баба, Т.Сэридзава, К.Хаяси, В.Самшэй, М.Ёсидзаки, Х.Бэфу, Ч.Чадра, В.Морлана, В.Лафлина и др.). См. также Черевко К.Е.: Как заселялись прибрежные острова Северо-Восточной Азии. - Проблемы Дальнего Востока, 1978, № 1, с. 127-138.

2 Алексеев В.П. В поисках предков. М., 1972, с.135.

3 См.: Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973. с.41-45.

4 См.: Алексеев В.П. Указ. соч., с.241-244.

5 См.: Васильевский Р.С. Указ. соч., с.191-196, 203, 209; Хидэо Фудзимото. Кита-но хака (Северные погребения). Токио, 1971, с.212-213.

6 См.: Фудзимото Х. Айну-но хака (Айнские погребения). Токио, 1974, с.212-213, 238-239.

7 Васильевский Р.С. Указ. соч., с.174-175.

8 См., Фудзимото Х. Айну-но хака..., с.213; Васильевский Р.С. Указ. соч., с.194.

9 Фудзимото Х. Кита-но хака..., с.212.

10 Окладников А.П. Олень Золотые Рога. М.-Л., 1964, с.171; Алексеев В.П. Указ. соч., с.232-233; Фудзимото Х. Кита-но хака..., с.214-215.

11 Окладников А.П. Указ. соч., с.25.

12 См.: Оно Сусуму. Нихонго-но рэммэй (Становление японского языка). - Гэндай-но экусцури, 1966, № 1, с.134-135.

13 См.: Фудзимото Х. Указ. соч., с.214-215.

14 Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967, с.87; Сакурай К. Айну-но хисси (Сокровенная история айнов). Токио, 1967, с.86.

15 См.: Там же, с.111.

16 См.: Воробьев М.В. Древняя Япония. М., 1968, с.96-97, 100.

17 См.: Воробьев М.В. Указ. соч., с. 96-97, 100, 100-102.

18 См.: Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине. Новосибирск, 1976, с.12, 14-15.

19 См.: Кёкасё-о куцугаэсу Такаидокоро гэндзин (Первобытный человек из Такаидокоро, опровергающий учебники). Сюкан посуто, сентябрь 1976, с. 174.

20 См.: Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, 1981, с.166.

21 См.: Васильевский Р.С., Голубев В.А. Указ. соч., с.15.

22 См.: B.Rensberger. Studies of Teeth Link Japanese of Influx of Chinese in 200 B.C. - New York Times, 8.IX.1976.

23 См.: Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с. 64; Козырева Р.В. Указ. соч., с.52.

24 См.: Сакураи К. Указ. соч., с.85-87.

25 См.: Ёсида Т. Сюи Мацуура Такэсиро (Наследие Т.Мацуура), т.2, Токио, 1964, с. 261.

26 См.: Сакураи К. Указ. соч., с.37.

27 См.: Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950, т.П, с.23-24; Дикон Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки, Магадан, 1969, с.230; Сакураи К. Указ. соч., с. 71-72.

28 См.: Тамура Дзицудзо. Екусо (воцзюй). - Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия). Токио, 1968, т.22, с.468.

29 См.: Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России, т.П, ч.I, Токио, 1909, с.5.

30 Полевой Б.П. Сахалин в истории России (Середина XVП - начало XIX вв.). - Автореф. канд. дис. Л., 1970. с.20.

[31] Воробьев М.В. Указ. соч., с. 102; Мори Кадзуо. Мост коропоккуру (перевод с японского Черевко К. и Бейко Б. М.), 1963, с.2, 34.

[32] Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Пг., 1923, с.11. Известно, что древнеяпонское "у" соответствует позднейшему "о" (см., например, топоним Нусиро-Носиро в кн."Нихон рэкиси" (История Японии), т.3, Токио, 1963, с.154); "и" представляет собой эпентезу (вставку), которая употреблялась айнами для благозвучия (см. Пилсудский Б.О. Аборигены о.Сахалина, - "Живая старина", вып. 2-3, кн. 70-71, 1909, с.5), и что конечное "и" в камуи/комуи (с чередованием а-о) могло выпадать (ср.айнские "камуи" и "каму") (см. Сыромятников Н.И. Семантические компоненты родственных корней в японском языке. Вопросы семантики, тезисы докладов. АН СССР, Институт востоковедения, Москва, 1971, с.190, 192).

[33] См.: Ябата Итиро. Коропоккуру. - Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия), т. 9, Токио, 1967, с.172.

[34] См.: Конрад Н.И. Указ. соч., с.9.

[35] См.: Кодзики тайсэй (Компендиум исследований "Запись о делах древности"), т.6, Токио, 1967, с.211-212. Т.3, Токио, 1968, с.245; Nihongi. London, 1956. Vol.1, pp. 129,192-195, 198.

[36] См.: Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн). - Памятники письменности народов Востока, XXIII. М., 1969, с.37.

[37] См.: Оно Сусуму. Нихонго-но кигэн (Происхождение японского языка). Токио, 1957, с.199-200.

[38] См.: Конрад Н.И. Указ. соч., с.10-11.

[39] См.: Древние фудоки, с.136-139.

[40] См.: Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с.62-63.

[41] См.: Пилсудский Б.О. Аборигены о.Сахалина. - "Живая стари-

на", в.2, кн.70, 1909, с.16.

42 См.: Иакинф (Бичурин). Указ. соч., с. 23-24, где говорится: "Илэу есть древнее царство Сушэнь".

43 Стариков В.С. Тунгусо-маньчжурские народы. - Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965, с. 673.

44 Исии К. Гайко ёряку (Дипломатические комментарии). Токио, 1930, с.3.

45 См.: Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с. 67.

46 Крюков М.В., Чебоксаров Н.Н. Древнее расселение человека. - Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965, с. 73.

47 Цубои Киёхико. Указ. соч., с.47; Нихонго-но рэкиси (История японского языка), т.7, Токио, 1965, с.395.

48 Хаттори Кэн. Гирякудзоку (Нивхи). - Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия), т.6, Токио, 1967, с.341.

49 Ёсида Т. Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы Т.Мацуура). Токио, 1966, с. 316-317; Хаттори К., Указ. соч., с.342.

50 Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967, с. 117-118.

51 Ёсида Т. Сюи Мацуура Такэсиро (Наследие Т.Мацуура). Токио, 1966, с.261.

52 Там же.

53 Хоппо рёдо-но кисо тисики (Основные сведения о северных территориях). Токио, 1968, с.4.

54 Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с.230.

55 Цубои Киёхико. Указ. соч., с.71.

56 Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с.120; Диков Н.Н.

57. См.: Пилсудский Б. . Указ. соч., с.5, I24

58. См.: Козырева Р.В. Указ. соч., с.II3

59 См.: Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., I97I, с. I95, 258-259

60 См.: Артюнов С.А., Сергеев Д.А., Таксами Ч.М., Этнокультурные связи коренных народов прибрежной северо-восточной Азии. - "Этническая история народов Азии", М., I972, с. 93.

6I См.: Оно Сусуму. Нихонго-но кигэн (Происхождение японского языка). Токио, I957, с. 33

62 См.: Эгами Намио. Айну-но тяси то Роска-но городэиситиэ (Айнское тяси и русское городище). - Миндзокугаку кэнкю, I949, № 3, с. 2.

63 См.: Sansom G. Japan. A Short Cultural History. L., 1962, p.4.

63а Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии.-Народы Восточной Азии. М.-Л., I965, с.95.

64 Голубев В.А., Лавров В.Л. Сахалин в эпоху камня. Наука, Новосибирск, I988, с.I6.

65 Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Наука, Новосибирск, I98I, I73 с.

66 Там же, с. I53-I54.

67 См.: Там же, с. 23.

68 Там же, с. I6.

69 См.: Там же, с. I5

70 См.: Там же, с.94.

7I Там же, с. I02

72 См.: Там же, с. I00.

73 См.: Фудзимото Хидэо. Айну-но хака (Захоронения айнов). Токио, 1974, с. 212-239.

74 См.: Васильевский Р.С. Указ. соч., с. 156-157.

75 См.: Там же, с. 111-112.

76 См.: Там же, с. 117

Указ. соч., с.99-100, 208, 209-210, 212.

77 См.: Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с. 63.

77а Павел Иовий Новокомский. Книга о Московитских делах. СПб, 1908, с. 26

78 Шуб Т.А. Старожилое русское население низовьев р. Индигирки. - Труды 2-го Всесоюзного географического съезда. Т.3, М., 1949, с. 315; Русский фольклор. М.-Л., 1956, с.208.

79 Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971, с.211.

80 Сибирский вестник. Часть пятнадцатая. СПБ, 1821, с.45-46 (262-273).

81 Миллер Г.Ф. Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран. Архив внешней политики России, ф. Сибирские дела, оп. 130/1. 1732 г., дело без номера, л. 50 об. - 51.

82 Полевой Б.П. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? - Материалы по истории географических знаний, вып.1, Л., 1962, с. 68.

83 Полевой Б.П. Амур - "слово московское", - Дальний Восток, 1972, № 1, с. 138, 142.

84 Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, с. 63.

85 Вестник Академии наук СССР, 1972, № 11, с. 100.

86 См.: Изъявления, прибыточные государству, Федора Салтыкова. - Записки историко-филологического факультета имп. СПб университета, ч.42, СПб, 1897, приложение, с.32, приводится по: Полевой Б.П. К истории открытия Татарского пролива. - Страны и народы Востока, вып. 6, М., 1968, с.73.

87 См.: Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, с. 19, 32.

88 Полевой Б.П. Указ. соч., с. 105.

89 Позднеев Д. Указ. соч., т.I, с.216.

90 См.: Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в., - Сибирский географический сборник. М.-Л., 1964, с. 230, 237-238.

91 Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVIII веке. Сост. М.И.Белов. М.-Л., 1952, с. 63.

92 Сибирский вестник, часть пятнадцатая, СПб, 1821, с.45-46 (272-273).

93 Русская тихоокеанская эпопея, с.110.

94 См.: История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969, с. 290-291. Еще раньше в "Описании новые земли сиречь Сибирского царства (XVII в., после 1683 г. по датировке А.Х.Востокова) говорилось, что "от Чюндона устья реки (р.Чендон на северо-западе Камчатки. - К.Ч.) великий камень пошел в океан-море теплое на 500 поприщ".

95 См.: Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетия. - Морской сборник, № I, 1859, неофициальный отдел, с.39.

96 См.: Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, СПб, 1882, с.420-423.

97 Дивин В.А. Русские мореплавания в Тихом океане в XVIII веке. М., 1971, с.26. См. также: Черевко К.Е. Игнатий Козыревский - автор "Описания Апонского государства". - Проблемы Дальнего Востока, 1975, № 2, с. 137-142.

98 Русская тихоокеанская эпопея, с.453.

99 Акидзуки Т. Козыревски танкэн то Тисима тидзу (Экспедиция

Козыревского и чертеж Курильских островов. - Хоппо бунка кэнкю, 1968, № 3, с.157.

100 См.: Бэр К. Заслуги Петра I по части распространения географических знаний. - Записки Географического общества", кн.3 СПб, 1849, с.233-234.

101 См.: Майнити симбун, 1966, 9 августа. Приводится по: Окума Р. Хоппо рёдо мондай-но рэкиситэки хайкэй (Историческая подоплека проблемы северных территорий). Токио, 1964, с.319.

102 Черевко К.Е. "... И называют русских братьями". - Неделя, 1985, № 31.

103 Дивин В.А. Указ. соч., с.200.

104 См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960, с.25.

105 См.: История открытия и исследования советской Азии. М., 1969, с.297.

106 См.: Полевой Б.П. Петр Первый, Николай Витсен и проблема "сошлася ли Америка с Азией". - Страны и народы Востока, вып. XVII. М., 1975, с. 24-26, 29-31.

107 Дивин В.А. Указ. соч., с. 73.

108 Ефимов А.В. История великих русских географических открытий. М., 1949, Приложение, с.129.

109 Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с.35.

110 См.: Покровский А.Л. Беринг В. и его экспедиция. - Экспедиция Беринга. М., 1941, с.26.

111 См.: Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, изд. Главсевморпути. Л.-М., 1940, с.45.

112 См.: Сергеев М.А. Курильские острова. М., 1947, с. 80; См. также: Рапорт капитана М.П.Шпанберга в Адмиралтейств-коллегию об его плаваниях в 1738-1739 гг. - Русские откры-

тия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Сборник документов. М., 1948, с.93.

113 Абэ Мицудзо. Бакумацуки нитиро канкэй (Японо-русские отношения в конце периода правления сёгунов). - Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Сборник статей. Токио, 1962, с.8-9 (446,447).

114 См.: Lensen G. Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in Nothern Japan. Hakodate, 1954. p.4, 146, 196 etc.

115 Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Сборник документов. М., 1948, с.250.

116 Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке. М., 1948, с.267,271 и 274.

117 См.: Фудзимото Хидэо. Айну-но хака (Захоронения айнов). Токио, 1964, с.108-112.

118 Любопытно, что на это обстоятельство обращают внимание японские исследователи истории открытия и освоения Сахалина и Курильских островов. См., например, Окума Р. Хоппо рёдо мондай-но рёкисётэки хайкэй (Историческая подоплека вопроса о северных территориях). Изд-во Общества помощи соотечественникам на юге. Токио, 1964, с.14.

119 См.: История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969, с. 318.

120 Полонский А. Курилы. СПб, 1871, с.403.

121 См.: Harrison J. Japan's Nothern Frontier. Gainesville, 1963, p. 29.

122 См.: Siebold F. Nippon. Anmerkungen. Leiden, 1853, S.193.

124 См., напр., Никольский А.М. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. – Записки Российской императорской Академии наук, т. 60, СПБ, 1889, с.1; Рыжков А.Н. Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов. – В кн. "Сахалинская область". Южно-Сахалинск, 1960, с. 49.

125 См.: Окуяма Рё. Синко Хокнайдо-си нэмпё (Хронология истории Хоккайдо в свете новых данных). Саппоро, 1970, с.17.

126 Анучин Д.Н. Материалы по антропологии Восточной Азии. Племя айнов. – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XX, кн. 2, вып. I. М., 1876, с. 29.

127 Окума Р. Хоппо рёдо мондай-но рэкиситэки хайкэй (Историческая подоплека вопроса о северных территориях). Токио, 1964, с. 15.

128 См.: Фрадкин Н.Г. Географические открытия в их современной трактовке. – История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 2, М., 1967, с.22.

129 Такакура Синъитиро. Очерк истории Курильских островов (перевод с японского). Токио, 1961, с.25.

130 Там же, с.25.

131 Краткая история о японском государстве, из достоверных известий собранная. М., 1773, с.157.

132 См.: Нихон рэкиси дайдзитэн (Японская историческая энциклопедия). Т.12, Токио, 1958, с.270.

133 См.: Позднеев Д. Указ. соч., т. II, с. 95-96, 98, 102;

133а Мотоки Сэйго. Хоппо торай (Экспедиция в северные районы). Токио, 1962, с.32, 199.

134 См.: ПСЗРИ, т. XУ, СПб, 1830, с. 773-774; т.XУI, с.126.

135 Полонский А. Указ. соч., с. 38.

136 См.: Kuno Y. Japanese expansion on the Asiatic continent.

Vol.II. Berkley and Los Angeles, 1940, p. 227.

137 Полонский А. Указ. соч., с.50.

138 Полонский А. Указ. соч., с. 46-47.

139 См.: Сакураи Киёхико. Айну хиси (Сокровенная история айнов). Токио, 1967, с. 136.

140 См.: Стибнев А. Указ. соч., с. 52. Ср. с: Окамото Р. Нитиро косё Хоккайдо сико (История Хоккайдо в свете японо-русских отношений). Токио, 1898. Здесь по данным "Официальных донесений Эдзосских земель" на 1804 г. население доступных японцам Курил (южной части) составляло 1471 чел. Приводится по: Позднеев Д. Указ. соч. Т.I, с.19.

141 См.: Полонский А. Указ. соч., с.91.

142 См.: Там же, с.91.

143 См.: ЦГДА, ф.Госархива, разряд 7, д.2539, лл. 144-146.

144 См.: Окамото Р. Указ. соч. Т.II., лл. 72-74. Приводится по: Позднеев Д. Указ. соч., Т.I, с.283.

145 Оппенгейм Л. Международное право. Т.I, полутом 2.И., 1949, с.131.

146 Полонский А. Указ. соч., с.88-89.

147 Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. т. XX, СПб., 1830, с.814.

148 См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с.41-42; Оросиякоку суймудан (Воспоминания о России). Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарий В.М.Константинова, АН СССР, М., 1961, с.35.

149 Кондо Дзюдо Морисигэ. Личное изложение службы. Цит. по: Позднеев Д. Указ. соч., т.II, ч.2, с.69.

150 См.: Эномото Мориэ, Кими Нобухико. Хоккайдо-но рэкиси (История Хоккайдо). Токио, 1969, с.78.

151 Позднеев Д. Указ. соч. Т.II, ч.2, с.13-14.

I52 См.: Нумада Итиро. Нитиро гайкоси (История русско-японских отношений). Токио, I943, с.2-4.

I53 См.: Позднеев Д. Указ. соч. Т.П, ч.2, с.5.

I54 См.: Полевой Б.П. Новое о Г.И.Невельском. - В кн.: Путешествия и географические открытия в XУ-XУШ веках. - М.-Л., I965, с.I02-I03.

I55 См.: Lensen G. The Russian push towards Japan. Princeton, New Jersy, 1959, p, 94, 271-272.

I56 См.: Файнберг. Указ. соч., с. 43.

I57 Соколов А.П. Приготовление кругосветной экспедиции I787 г. под начальством Муловского. - Записки Гидрографического департамента. СПб., I848, Ч.IV, с.I75.

I58 Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР, фонд гр.Чернышева, д.376, л.322.

I59 См. также: Дивин В., Черевко К. Русские выходят к океану. - Морской сборник, I976, с. 65-68. [I59а Книжное обозрение, №3, 1989, 21 июл.]

I60 См.: Фунакоси Акио. История карт северных районов (Хопподзу-но рэкиси). Токио, I976, с.250.

I6I См.: Попов К.М., Япония. М., I964, с.282-283, 284-285; Магидович И.П. Русские имена на морской карте мира. - Русские мореплаватели. М., I953 г., с.578-626; Гурецкий В.О. Русские географические названия в Японии. - Известия Всесоюзного географического общества. М., I952, № 6, с.6I6.

I62 Окамото Р. Указ. соч. Приводится по: Позднеев Д. Указ.соч. т.I, с.I76.

I63 См.: Позднеев Д. Указ. соч., т.I, с. I69-I70.

I64 См.: Kuno Y. Op. cit., p. 227.

I65 См.: Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени,

Ч.I, СПб., I86I, Приложения, с.I9.

I66 Там же, с.2I. Привилегии на эксплуатацию Курильских островов Российско-Американской компании возобновились царским правительством в I82I и I844 гг. Там же, с.55-57.

I67 См.: Черевко Е. Ниссо канкэй рэкиситэки косацу. (Изучение истории советско-японских отношений). Доклады Общества японо-советских связей. Токио, I967, № I, с.I-5. Сэкай Дайхякка Дзитэн (Всемирная энциклопедия). Т.3, Токио, I96I.

I67а Ямагути Кэйдзи. Эдзо кайкацу (Освоение Эдзо).

I68 Такакура Синъитиро. Очерк истории Курильских островов. Токио, с.64. I962, с.43; см. также Эномото М. и Кими Н. Указ. соч., с.79.

I69 Мацунага Тёкэн. Карафуто оёби Камсакка (Сахалин и Камчатка). Цит. по: Позднеев Д. Указ. соч., т.II, ч.2, с.58.

I69а Нумада Итиро. Нитиро Канкэйси (История Японо-русских отношений). Токио, I943, с.5.

I70 К.Ямагути. Кондо Дзюдзо. Сэкай дайхякка Дзитэн, Т.9. С. 234; Нихон-но рэкиси (История Японии). Т.I3, Токио, I964, с.I033; Позднеев Д. Указ. соч., т.I, с.I78; Черевко К. США и так называемая "проблема северных территорий". - США - экономика, политика, идеология, № 9, I98I, с.43.

I7I См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с.69.

I72 См.: Кэрэ хоппо рёдо (Верните северные территории). Саппоро, I968, с.38.

I73 Нумада И. Указ. соч., с.5-6.

I74 См.: Позднеев Д. Указ. соч., Т.I, с.I78.

I74а Тосикки Акидзуки. Эдодзудай-ни о кэру Ниходзин-но Росикан. (Взгляды японцев на Россию в эпоху Эдо). - Нихон то Росия (Япония и Россия). Сб.статей. Токио, I987, с.8-9.

I75 Е.Корияма. Указ. соч., с.320.

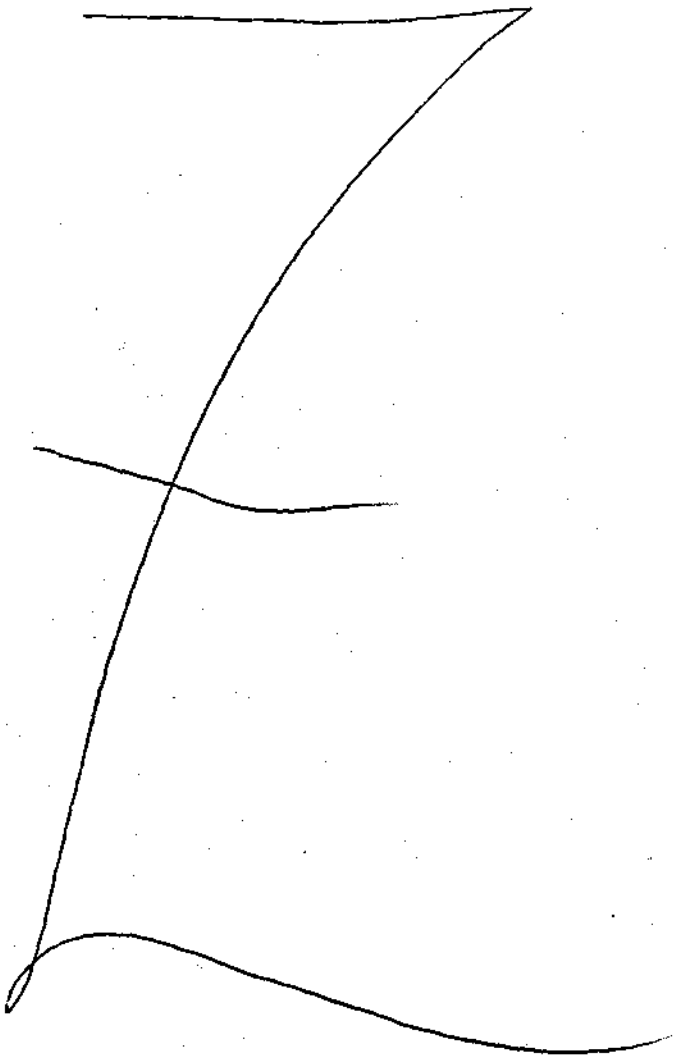
I76 Окамото Р. Указ. соч. Приводится по: Позднеев Д. Указ. соч. Т.I. С.I6-I7.

I77 См.: Окуяма Рё. Синко Хоккайдоси нэмпё (Хронология по истории Хоккайдо в свете новых данных). Саппоро, I970, с.28.

I78 См.:

I79 Мацудайра Садзнобу. Кайбо докугэн (Мое мнение о морской обороне). Приводится по: Позднеев Д. Указ. соч. Т.П, ч.П, с.I3.

I80 Позднеев Д. Указ. соч., с.I4.



I8I Там же, с.I4-I5.

I82 См.: Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, I979, с.5I7.

I83 Черевко К.Е. Японские "советологи" в воинственном походе, - Морской сборник, I98I, № 9, с.94.

I84 Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в I803, I804, I805 и I806 годах на кораблях "Надежда" и "Нева". Владивосток, I976, с.364.

I85 Ё. Кориями. Бакумацу нитиро канкэй кэнкюси (История исследования японо-русских отношений в конце периода сёгуната. Токио, I980, с.I5I.

I86 В своих письмах в Петербург в августе I804 г. Н.П.Резанов считал, что такие фактории должны быть созданы не только на Урупе, но и на Кунашире. См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с 8I,92.

I87 См.: Абэ Мицудзо. Бакумацуки нитиро канкэй (Японо-русские отношения в конце периода правления сёгунов). - Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, I962, с.I7.

I88 См.: Там же, с.I7.

I89 См.: Кимэй коки фуроку (Приложение к Записям о блистательной добродетели). Токио, I803, т. 6, с.763-767; т. 7, с.842-843, 952.

I90 См.: Е.Кориями. Указ. соч., с.I83-I84.

I9I А.А.Преображенский. О русско-японских отношениях в начале XIX в. - Феодальная Россия в историческом процессе. М., I972, с. 4I9.

I92 См.: Позднеев Д. Указ. соч. Т.П., ч. 2, с.I48.

I93 См.: Сноу Д. Курильская гряда. Владивосток, I902, с.2I. В примечании С.И.Новаковский указывает, что речь идет о русско-поданных айнах с о.Уруп.

194 См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с.93.

195 Е.Кориями. Указ. соч., с.196.

196 Там же, с.244.

197 См.: Цуко итиран (Обзор плаваний). Т.7, с.225-228. Приводится по: Ё.Кориями. Указ. соч., с.211.

198 См.: Там же, с.211.

199 См.: Хабуто С. Кюмэй коки ико (Предварительные материалы к "Записям о блистательной добродетели"). Т.8. Эдо, 1803, с.1331-1338.

200 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т.40. Общие приложения, указ № 23207-а. СПб., 1830, с.55.

201 См.: Абэ М. Указ. соч., с.20; Сгибнев А. Указ. соч., с.70; Токутоми И. Кинсэй Нихон кокуминси (Новая история японского народа). Т.44, Токио, 1936, с.264. Нумада И. Указ. соч., с.13.

202 См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с.109.

203 См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с.109.

204 См.: Полонский А. Указ. соч., с.202.

205 Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. СПб., 1851, ч.2, с.130. 205а С.Такакура. Указ. соч., с.67-68.

206 См.: Токутоми И. Кинсей Нихон кокуминси (Японский народ в новое время). Токио. 1936, с.265.

207 См.: Сбигнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. - Морской сборник, 1869, № 7, с.93.

208 Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч.1. Приложения СПБ., 1861, с.27.

208а Н.Н.Болховитинов. Русско-американские отношения. 1815-1832. М., 1975, с.194-197.

209 Stephan J. Forward.-V. M. Golovnin. Around the World on the Kamchatka. Honolulu, 1979 p. XIV

210 См.: Полевой Б.П. Новое о Г.И.Невельском. - Путешествия и географические открытия в XУ-XIX веках. М.-Л., 1965, с.99-102.

211 См.: Таксами Ч.И., Черевко К.Е. Преображенный край. - Проблемы Дальнего Востока, 1975, № 4, с.173.

212 См.: Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.I. М., 1973, с.111, 212а АВПР, ф.Гл.архив, I-9, оп.8, д.17, ч.П, лл.94-96.

213 См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч., с.155.

213а Там же, лл.113-114. 213б Известия, № 237. 1991. 4 октября.

214 См.: Фунакоси Акио. Хопподзу-но рекиси. (История карт северных районов). Токио, 1976, с.264.

214а АВПР, ф.Гл.архив, I-я, оп.8, д.17, ч.П., лл.275-276.

214б Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925) Сост. Гримм Я.Л. М., 1927, с.52.

215 Такакура С. Указ. соч.с.73-74.

216 См.: Попов К.М. Япония. М., 964, с.415-416.

217 Сборник действующих трактатов. СПб., 1891, т.Ш, с.297.

218 См.: Барсуков И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Кн. П. М., 1891, с.278-279.

219 Такакура С. Указ. соч., с.79-80.

220 См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860-1895). М., 1956, с.266.

221 См.: Дайнихон гайко бунсё (Дипломатические документы Великой Японии) в 10 томах. Токио, 1936-1940. Т.7, с.418-419.

222 См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860-1895). М., 1956, с.150.

223 См. Там же, с.15.

224 Сборник действующих трактатов. СПб., 1891, ч.Ш, с.292-293.

225 См.: Такакура С. Указ. соч., с.4.

226 Сборник действующих трактатов..., с.293. Лисовский В.И. Международное право. Киев, 1955.

227 См.: Русская Тихоокеанская эпопея, с.580.

ГЛАВА Ш

I См.: Борьба за Советы в Забайкалье. Чита, I974, с.335.

2 См. Правда, 28.УШ.I946; подробнее: А.И.Крушанов. Гражданская война на Дальнем Востоке (I9I8-I920). Владивосток, I972.

3 См.: Соловьев А.И.. Курильские острова. М., I974, с.53.

4 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.42, с.93.

5 См.: Уэда Т. Сибэриа сюппэй то Кита Карафуто мондай (Сибирская экспедиция и проблема Северного Сахалина) - Хоппо рёдоно тии (Статус северных территорий). Токио, I962, с.99-I00.

6 См. Победа Советской власти на Северном Сахалине. Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, I959, с.I98.

7 Цит.по: Григорцевич С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (I9I8-I922). М., I957, с.87-89.

8 Там же, с.9I.

9 Там же, с.I07.

I0 См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом юстиции, № I, отдел первый. М., I923, с.3.

II См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т.П., М., I944, с.622-623.

I2 См.: Документы внешней политики СССР. Т.УШ. М., I963, с.70-75.

I2а Архив Внешней политики СССР, ф.06, оп.2, пор. № I8, п.3, л.45.

I2б Там же, оп.3, пор. № 383, п.28, л.I6; Л.Н.Смирнов, Е.Б.Зайцев.

I3 Там же. с.77. Суд в Токио. М., 78, с.225.

I4 См.: Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., I979, с.87.

I5 См.: Такакура Синъитиро, Указ. соч., с.99-I00; J. Stephan.

Russo-Japanese Frontier in the Pacific, p. 134-135, 138.

I6 См.: Мажоров С.Т.Советско-японские отношения в ходе второй мировой войны (I94I-I945). - СССР-Япония. М., I975, с.54.

I7 Международная жизнь. I968, № 9, с.I59-I60.

I8 Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., I978, с.263.

I9 См.: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., I982, с.36I, 392.

20 Известия, I94I, I5 августа и 26 сентября.

2I Kutakov Leonid N. Japanes Foreign Policy on the Eve of the Pacific War: A Soviet View. Tallahasse,1972, p. 185.

22 См.:Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences of Cairo and Teheran, No, 943. Wash. 1961., p.869.

23 См.: Русская тихоокеанская эпопея,с.583; Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945, Wash.. 1955. p. 378-379.

24 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. I94I-I945. М., I979 Т.4, с.I29.

25 Leahy W. I was there. L., 1950, p.318.

26 Черевко К.Е. США и так называемая "проблема северных территорий". - США - экономика, политика, идеология. I98I, № 9, с. 4I.

26а Там же, с. 41.

27 "Мне известно, - писал Г.Трумэн в своем ответе на послание И.В.Сталина от II августа I945 г., - что мой предшественник согласился поддержать при мирном урегулировании приобретение этих островов советской стороной" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Отечественной войны I94I-I945 гг. Т.2. М., I967, с.263).

28 См.: Там же, с.258, 264.

29 США - экономика, политика, идеология. 1981, № 9, с.44.

30 Documents on Russian-American Relations. Ed. by Stanley S. Jados. Washington, 1865, p. 233.

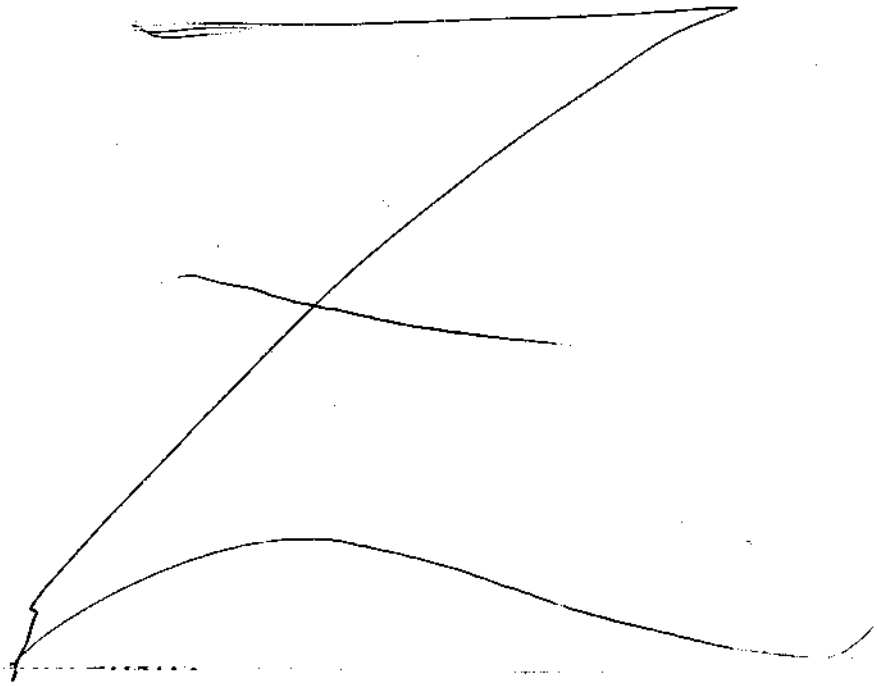
31 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского народа. М., 1950, с.251.

32 Ведомости Верховного Совета СССР, 16.П.1946, № 5 (414), с. 4.

33 Ведомости Верховного Совета СССР. 12.П.1947, № 2 (456), с. 1.

34 Сахалинская область. Административно-территориальное деление. Южно-Сахалинск, 1967, с. 9, 66.

35 Русская тихоокеанская эпопея, с.584.



36 См.: Варэра-но хоппо рёдо (Наши северные территории). Токио, 1977, с.9.

37 Сосирэйбу обоэгакисю (Сборник директив штаба верховного главнокомандующего) Токио, 1949, с.109.

38 С.Миядзаки. Кокусайхо-ни окэру кокка то кодзин (Государство и личность в международном праве). Токио, 1962, с.294.

39 Там же, с. 294-295.

40 См.напр. Ёсан иинкай дайнибу бункакай гидзисоккироку (Стенографическая запись протоколов второй подкомиссии Бюджетной комиссии палаты советников), ч.I, раздел 3, № I. Токио, 6 сентября 1948 г., с.2-3, и резолюцию палаты представителей парламента Японии от 30 апреля 1950 г. - Дзоку хикиагэ энго-но кироку сирё (Протокольные записи и материалы по вопросам содействия репатриации). Токио, 1955, с.7.

41 С.Миядзаки. Указ. соч., с.295.

42 Кампо (Вестник правительства), 22 ноября 1945 г., № 5661, с.180.

43 ~~Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т.Ш., М., 1947, с.337.~~

44 ~~Внешняя политика Советского Союза, 1948 год, Ч.I. М., 1960,~~ с.42.

45 Акахата. 6.Ш.1969.

46 Русская тихоокеанская эпопея, с.586.

47 Русская тихоокеанская эпопея, с.585.

48 Сборник документов и материалов по Японии, 1951-1954 гг. М., 1954, с.124.

49 Там же, с. 124.

50 Эйдус Х.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., 1964, с.97-105. Кроме того, 28 марта 1951 г. государственный секретарь Д.Даллес на пресс-конференции заявил, что правительство США выступает против включения островов Хабомаи в состав Курильских островов, в отношении которых была достигнута договоренность по

Ялтинскому соглашению 1945 г., не возразив, однако, против включения в их состав наряду с о-вами Итуруп и Кунашир острова Шикотан. На 12-й сессии парламента 19 октября 1951 г. депутат Окамото в спецкомитете палаты представителей по вопросам мирного договора и японо-американского договора об обеспечении безопасности обратил на это внимание японского правительства. (Такано Юити. Нихон-но рёдо. Токио, 1982, с.175).

49 Congressional Records. 20.III,1952.Vol.98.Part2.p.2594.

50 См.: Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Ч.I., М., 1950, с.42.

51 Стенограмма Конференции по заключению мирного договора с Японией. М., 1951, с.112-113.

52 Правда, 13.IX.1954.

53 См.: Акахата, 8.Ш.1970.

54 Там же.

55 См.: Березин В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М., 1977, с.75-76.

56 См.: Нихон гайкоси (История японской дипломатии). Т.29, полутом I, ч.2. Токио, 1973, сс. 159, 166,170.

~~См.: Такаяма Сатоси. Нисо канкэй (Японо-советские отношения). Токио, 1977, с.33-34.~~

57 См.: Кутаков Л.Н. Указ. соч., с.498.

58 См.: Нихон гайкоси (История японской дипломатии). Т.29, полутом I, ч.2, с.214-216.

59 The Department of State Bulletin. Vol. XXV, No 838, September 1956, p.406.

60 Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962, с.599-600 (1035-1036).

61 Хэйва то сокайсюги, 1982, 10 января.

62 На совещании руководителей правительства и ЛДП в середине сентября 1956г. председатель ее внешнеполитического комитета Асида заявил, что с точки зрения международного права это будет означать признание законным владения СССР "северными территориями". См.: Нихон гайкоси (История японской дипломатии). Т.29, полутом I, ч.2, с.222.

63 См.: Там же, с.224.

64 См.: Там же, с.230.

65 Sugiyama Sigeo. Northern Territories of Japan. Association of Nortern Territories Problem. Tokyo, 1972, p.17.

66 Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник документов по вопросу о северных территориях). Токио, 1968, с.178.

67 Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.I., с.359.

68 Утида Кэндзо. Сэнго Нихон-но хосю сэйдзи (Правление консерваторов в послевоенной Японии). Токио, 1969, с. 100.

69 См. Нихон гайкоси (Японская дипломатия). Т.29, полутом I, ч.2, с.236.

70 Vishwanathan Savistri. Normalization of Japanese-Soviet Relations. 1945-1970. The Diplomatic Press. Tallahassee, 1973, p. 85.

71 См.: Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник документов по вопросу о северных территориях), с.177-178.

72 См.: Моджорян Л.А., Собакин В.К. Международное право в избранных документах. Т.3. М., 1957, с.340.

73 Там же, с.341.

74 Так, прекращая состояние войны с Германией, правительство Гватемалы заявило, что "оно не намерено в настоящее время восстанавливать с нею дипломатические отношения. Известны

случаи, когда мирный договор, например, заключенный между Болгарией и Сербией в I886 г., содержит одну статью, содержащую лишь констатацию восстановления мира между государствами. Keesing's Contemprorary Archives. Weekly Diary of World Events. Vol. 8. Bristol, 1950-1952, p. 11304.

См.: Соколов В.А. Мирный договор. Саратов,I965, с.84.

75 См.: Известия, 20.X.I956. 76 См.: Там же.

77 Кутаков Л.Н. Указ. соч., с.5I6.

78 См.: Правда, I960, 26 февраля.

79 См.: Правда, I956, 20 октября.

80 См.: Правда, I960, 29 января.

8I См.: Правда, I960, I9 февраля.

82 См.: Правда, I960, 24 апреля.

83 Хоккай таймудзу, I969, 2 ноября.

84 Асахи симбун, I967, 3I октября (вечерний выпуск).

85 См.: Правда, I970, 29 августа.

86 См.:Правда, I979. 29 августа.

87 См.: Асахи симбун, I970, 22 октября.

88 См.: История Японии. М., I978, с.7, 4I3.

~~89 Материалы XXIV съезда КПСС. Политиздат, I972, с.27.~~

89 См.: Правда, I973, II октября.

90 См.: Правда, I966, 22 января.

9I См.: Правда, I972, 23 декабря.

92 См.: Правда, 1977, 7 июня.

93 См.: Правда, 1977, 7 июня.

94 См.: Правда, 1978, 23 февраля.

95 Osaki Evening News, 1979, August 23.

96 См.: Известия, 1981, 15 июня.

97 Asian Security, 1980, Токио, 1981, Гр. 174.

98 См.: Варэра-но хоппо рёдо (Наши северные территории). МИД Японии. Токио, 1980, с.10.

99 Иомиури симбун, 1968, 28 декабря.

100 См.: Токио-но угоки. 1968, 1 ноября, с.24.

101 См.: Нихон кэйдзай симбун, 1969, 10 ноября.

102 См.: Токио симбун, 1974, 24 марта.

103 См.: Хоккайдо симбун, 1982, 20 августа.

104 См.: Хоккайдо симбун, 1981, 27 декабря.

105 См.: Там же, 1981. 16 марта.

106 См.: Там же, 1982, 23 февраля.

107 См.: Хоппо рёдо-о кангаэру (Размышления о северных территориях). Отв. ред. Хироси Кимура. Токио, 1981, с.289.

108 См.: Хоккай таймудзу, 1982, 30 декабря.

109 М.С.Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.,Политиздат, 1988, с.145.

110 См.: Правда, 1981, 17 февраля.
См.: Правда, 1981, 30 апреля .

111 См.: Иомиури симбун, 1981, 16 мая. Впервые Вашингтон поддержал Токио по этому вопросу в 1956 г.

112 С обращением МИД Японии солидаризировались США, Египет и еще несколько государств. – См.: Николаев Н., Павлов А. СССР – Япония: курс на добрососедство и его противники. – Международная жизнь, 1982, № 7, с.34.

II3 Правда, I98I, I7 февраля.

II4 Санкэй симбун, I983, I марта. Решение о переписи населения островов Хабомаи на аналогичных условиях было принято в апреле I959 г. мэром г.Немуро. На конец февраля I983 г. зарегистрировалась в качестве жителей этих островов 5I семья - всего I28 чел.

II6 См.: Майнити симбун, I982, 22 апреля.

II7 См.: Асахи симбун, I98I, 8 октября.

II8 См.: Известия, I982, II июня.

II9 См.: Известия, I982, 5 октября.

I20 См.: "Правда", I983. 29 марта.

I2I Хоккайдо симбун, I983, I5 апреля.

I22 См.: Правда, I983, 20 июня.

I23 Известия, I984, II октября.

I24 См.: Известия, I985, I6 марта.

I25 "Асахи симбун", I984, 2 ноября.

I26 См.: Известия, I985, I2 апреля.

I27 Майнити симбун, I985, I5 марта.

I28 Правда, I985, 22 мая.

I29 Нихон кэйдзай симбун, I985, 23 мая.

I30 См.: Известия, I984, 9 сентября.

I3I См.: Иомиури симбун, I985, 7 сентября.

I32 Правда, I985, 2I сентября.

I33 См.: Там же.

I34 См.: Правда, I984, 3 января.

I35 См.: Акахата, I985, I6 апреля.

I36 См.: Токио симбун, I985, I3 октября.

I37 Асахи симбун, I985, I3 октября.

I38 Правда, I986, 20 января

I39 См.: Mainichi Daily News, 1986, January 20.

I40 Акахата, I986, 20 января.

I4I Там же.

I42 Акахата, I986, 28 января.

I43 Правда, I986, 3I мая.

I44 Асахи симбун, I986, 3I мая.

I45 Майнити симбун, I986, 3I мая.

I46 См.: Правда, I986, 29 июля.

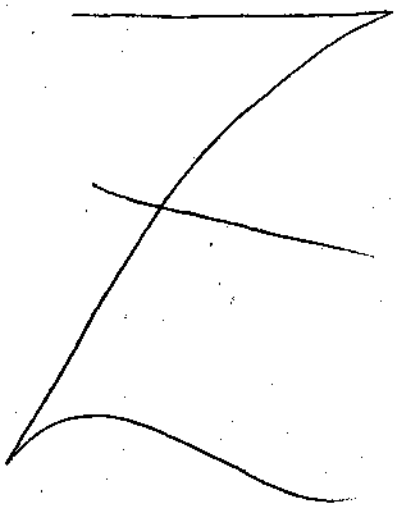
I47 Асахи симбун. I986, 29 июля.

I48 Майнити симбун, I986, 29 июля.

I49 Санкэй симбун, I986, 29 июля.

I50 См.: Накадзима Минэо (Тюсо сэнряку, Нихон сэнтаку) Стратегия Китая и СССР и позиция Японии. Пи-эйч-пи кэнкюдзё, Токио-Киото, I988, с.I44-I45.

I5I См.: К.Ниидзэки Три волны в японо-советских отношениях - Проблемы Дальнего Востока. I990, № I, с.I0I (перевод автора) I94 М. Накадзима. Указ. соч. с.I60-I6I.



152 Правда, 1987, 23 июля.

153 См.: Там же, 1988, 16 февраля.

154 Правда, 1988, 20 декабря.

155 Известия, 1988, 21 декабря.

156 См.: В.А.Нечаев. Птицы южных Курильских островов. Наука, Л., 1969, с.2-4.

157 См.: Известия, 1989, 27 марта.

158а См.: Там же.

159 Правда, 1989. 7 мая.

160 См.: Известия, 1989, 17 ноября.

161 См.: Правда, 1989, 20 октября, Санкэй, 1989, 23 октября.

162 См.: Сообщения информационного агенства "Киодо цусин", 1989, 21 октября; Санкэй, 1989, 23 октября, Хокайдо симбун, 1989, 21-23 октября.

163 Советская молодежь, 1990. 1 февраля, Новое время, 1990, № 6, с.20.

164 См.: Н.Танака. Камень преткновения или функция? - Правда, 1989, 2 января.

165 Известия, 1990, 16 февраля.

166 Правда, 1990, 17 января.

167 Там же.

168 Там же.

169 Правда, 1990, 16 января.

170 Там же.

171 Известия, 1990, 11 февраля.

172 Правда, 1990, 16 марта.

173 Правда, 1990, 6 марта.

174 Известия, 1991, 24 января.

175 Правда, 1991, 20 апреля.

176 Там же.

177 Там же.

I78 Там же.

I79 Там же.

I80 Там же.

I8I Там же.

I82 Там же.

I83 Российская газета, I99I, I8 апреля.

I84 Правда, I990, 27 апреля.

I85 Правда, I99I, 20 апреля.

I86 Асахи симбун, I99I, I9 апреля.

I87 Известия, I99I, 20 апреля.

I88 Комсомольская правда, I99I, 20 апреля.

I89 Правда, I99I, 29 апреля.

I90 Mainichi Daily News, I99I, May I3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I А.П. Марков. Послевоенная политика Японии в Азии и Китай. М., I979, с.96.

2 Хоппо рёдо мондай сирёсю (сборник документов по проблеме северных территорий). Токио, I960, с.92.

3 Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США, премьер-министрами Великобритании во время Отечественной войны I94I-I945 годов. Т.2., М., I957, с.263-264.

4 Вада Харуки. Хоппо рёдо-о кангаэру (Размышления о северных территориях). Токион, I990, с.I08.

5 Я. Броунли. Международное право. Кн.первая, М., I977, с.23I.

6 Там же, с.229.

7 Хоккайдо симбун, 1939, 17 июля, вечерний выпуск.

8 Аргументы и факты, апрель, 1991, № 15 (548), с.3.

9 Современная Япония, М., 1973, с.772.

10 А.Н.Талалаев. Указ, 104, с.230, Я.Броунли. указ соч. с.252.

11 Э.Орловский. Северные территории - не Курильские острова.-- Новое время, 1991, апрель, № 17, с.19.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ (АВПР)

ф. Главный архив, отделы I-I, I-7, I-9, I-I3, II-I3, II-I6, II-27.

ф. Российско-Американская компания.

ф. Сибирские дела.

ф. Японские дела.

ф. Японский стол.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ (ЦГАДА)

ф. Государственный архив, разряды УП, XI.

ф. 9 Кабинет Петра I.

ф. 24 Сибирский приказ и управление Сибирью.

ф. I99 Портфели Миллера.

ф. 248. Сенат.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (ЦГАВМФ)

ф. 2I2 Государственная адмиралтейств-коллегия.

ф. 2I6 Канцелярия капитан-командора В.Й.Беринга , капитана А.И.Чирикова и капитана I ранга П.К. Креницына.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ф. ВУА Военно-ученый архив Главного управления Генерального штаба.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ф. I239 Именные указы и высочайшие повеления Сенату(Коллекция

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ф.3. Канцелярия и комиссия Академии наук XVШ в.

ф.2I Миллер Герард Фридрих.

Мемуары, дневники, научные записки и заметки

Андреев А.И. Новые материалы о русских плаваниях и открытиях в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVШ-XIX вв. -"Известия Всесо юзного географического общества", I943, Т.75, вып.5.

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатны источникам (Материалы для биографии). Кн. I-П, М., *1891*.

Баскин В.Н. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остро Сахалин, капитан-лейтенанта Подушкина. - "Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете". М., I875, кн.2.

Головнин В.М. Записки в плену у японцев в I8II, I8I2 и I8I3 годах и жизнеописание автора. Ч.I-3, СПб, I8I6.

Головнин В.М. Путешествие на шлюпе- "Диана" из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота капитана Головнина в I807-I8II гг. М., I96I.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесения и других неопубликованных материалов. М.-Л., I949.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в I803, 4,5 и I806 годах по повелению е.и.в. Александра Первого, на кораблях "Надежда" и "Нева". Т.I-П, СПб., I809-I8I2.

Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971.

Публикации документов на японском языке

Дайнихон гайко бунсё (Документы внешней политики великой Японии). I-X, 1936-1949.

Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник документов по вопросу о северных территориях). Токимо, 1968.

Публикации документов на русском языке

Архив адмирала Н.В.Чичагова. Вып. I. СПб., 1885.

Архив князя Воронцова. Кн. I-4. М., 1870-1895; кн.5,1872.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке (XVII-XVIII вв.). М., 1964.

Атлас Российской империи, состоящий из 46 карт. СПб.,1792.

Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт. СПб.,1796.

Белов М.И. (сост.). Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. М.-Л., 1952.

Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов в Японию и Китай в 1852-1855 гг. - "Морской сборник", 1856, № 10.

Выступление А.А.Громыко на конференции в Сан-Франциско 5 сентября 1951 г. - "Новое время", 1951, № 37. Приложение.

Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.-Л., 1940.

Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946.

Документы внешней политики СССР. Т.I-2. М., I957-I958.

Документы и материалы о кануне второй мировой войны. Т.I-2. М., I948.

Документы о капитуляции Японии. - "Международная жизнь". I955, № 2.

Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири. - "Записки военно-топографического депо", I947, ч.X.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.П-IУ. СПб., I846-I85I.

Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., I950 (документы, карты).

Замечания правительства СССР по поводу политики США в отношении мирного договора с Японией. - "Новое время", I95I, № 22. Приложение.

Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана советника Верховного суда США А.Пальмера. - "Старина и новизна", кн. П.СПб.

Заявление Советского правительства правительству Японии. - "Блокнот агитатора". I945, № 24.

К вопросу о незаконных действиях японских концессионеров на острове Сахалине. - "Мировое хозяйство и мировая политика", I939, № 9.

К истории интервенции в Сибири. - "Красный архив", I929, т. 3.

К истории Российско-Американской компании. Сборник документов. Красноярск, I957.

Карта новых открытий в Восточном океане. СПб., I78I.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке

в XУШ в. Л., I935.

Конец русско-японской войны (Военное совещание 24 мая I905 г. в Царском селе). - "Красный архив", I928, Т.3.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Серия 2. Вып.I. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, I906.

Коростовец И.Я. Дневник секретаря графа С.Ю.Витте во время Портсмутской конференции, июль-сентябрь I905 г. - "Былое", I9I8, № I-3.

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. Т.I., I874; Т.IX- XI, I892; Т. XII, I902.

Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. I-4. СПб., I86I.

Махов В. Фрегат "Диана". Путевые записки бывшего в I854-I855 годах в Японии протоиррея Василия Махова. СПб., I867.

Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XУШ века. - "Труды Московского историко-архивного института", I954, Т.7.

Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных. Перевод с немецкого. Ч.I-2. СПб., I758.

Наврот М.И. Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции. - "Летопись Севера", I97I, т.У.

Нота правительства СССР правительству США о мирном договоре с Японией. - "Новое время", I95I, № 24. Приложение.

Об оккупации японскими войсками Северного Сахалина в I920-I925 гг., "Красный архив", I937, Т.3.

Обмен письмами между Н.С.Хрущевым и Х.Икэда. - "Международная жизнь", 1961, № II, 1962, № I.

Общий обзор событий на Дальнем Востоке. - "Вестник НКИД", 1920, № 6-7.

Оросиякоку суймудан (Сны о России). М., 1961.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. М., 1951.

Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. I-2. СПб., 1882-1885.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1957.

Позднеев Д. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т.I. Иокогама, 1909; Т.II, Токио, 1909.

Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1891.

Протоколы Конференции по заключению трактата о торговле и мореплавании между Россией и Японией. 1906-1907 гг. СПб., 1907.

Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб., 1906.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.-М., 1952.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Сборник документов. Сост. Андреев А.И., М., 1948.

Русская тихоокеанская эпопея. Сб. документов. Сост. Дивин В.А., Черевко К.Е., Исаенко Г.Н., Хабаровск, 1979.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.Сост. Федорова Т.С., Глазунова Л.В., Иоффе А.Е., Спиридонова Л.И. - М., 1984.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сост. Федорова Т.С., Глазунова Л.И., Федорова С.Г. - М., 1989.

Сборник документов и материалов по Японии. 1951-1954 (Мирная конференция в Сан-Франциско, мирные договоры и другие соглашения с Японией, а также ноты и официальные заявления, касающиеся Японии). М., 1954.

Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии. 1943-1946 гг. М., 1947.

Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVIII веке. М.-Л., 1952.

Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. М., 1949.

Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии. Март 1946 - январь 1950. М., 1950.

Сборник нот, заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии. Июль 1947г. - июль 1951 г. М., 1951.

Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч.I СПб., 1861. Приложения.

Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовлен к печати А. Покровским. М., 1941.

I. ИССЛЕДОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

а) Международные отношения, история, география

Монографии, сборники, учебники

Алексеев А.И. Дело всей жизни. Книга о подвиге адмирала Г.И.Невельского (1813-1876 гг.). Хабаровск, 1972.

Алексеев А.И. Колумбы Российские. Магадан, 1966.

Алексеев А.И. Сыны отважные России (С.И.Дежнев, В.И.Беринг, Ф.П.Лаптев, Ф.П.Врангель, Г.И.Шелихов). Магадан, 1970.

Аварин В. Борьба за Тихий океан. М., 1957.

Азатьян А.А., Белов М.И., Гвоздецкий Н.А., Каманин Л.Г., Мурзаев Э.М., Югай Р.Л. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.-Л., 1965.

Андриевич В. История Сибири. Ч.1-2. СПб., 1889.

Анучин Д.П. Географические работы. М., 1954.

Багров Л.С. Карты Азиатской России. Исторические заметки. Пг., 1914.

Берг Л.С. История русских географических открытий. М., 1962.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725-1742. М.-Л., 1946.

Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.-Л., 1946.

Березин В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализаций отношений СССР с послевоенной Японией. М., 1977.

Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. Ч.1. М., 1947.

Брылкин А. Статистические сведения о южной части Сахалина. СПб., 1868.

Буссе Н.В. Остров Сахалин; Экспедиция 1853-54 гг. СПб., 1872.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.-М., 1940.

Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. I-II. СПб., 1873-1876.

Внешняя политика России. Историография. М., 1988.

Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939г. - декабрь 1941 г.). М., 1959.

Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. 1642 - после 1720. М., 1965.

Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом Океане в XVIII в. М., 1971.

Дружинин Н.М. Русские мореплаватели в старой Японии. Л., 1924.

Дубинский А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.

Ефимов А.В. Из истории великих русских географических отрытий XVII-XVIII вв. М., "Наука", 1971.

Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII в. М., 1948.

Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., 1962.

Жуков Е.М. История Японии. Краткий очерк. М., 1939.

Жуков Е.М. Советский Союз в борьбе за демократическое решение послевоенных проблем Дальнего Востока. М., 1950.

Жуков Ю. Русские и Япония. Забытые страницы из истории русских путешествий. М., 1945.

Зибольд Ф. Путешествие по Японии или описание Японской империи, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дефа, Шарльвуа, графа Гогендропа, Крузенштерна, Гунберга, Титсинга, Варениуса и др. СПб., 1854.

Знаменский С. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Владивосток, 1929.

Иноуэ К., Оконоги С. и Судзуки С. История современной Чпонии. М., 1955.

Итоги задачи изучения внешней политики России. М., 1981.

История внешней политики СССР. 1917-1970. Т. I-2. М., 1966-1971.

История и культура народов Дальнего Востока. Доклады и сообщения, прочитанные на 2-й сессии Дальневосточных исторических чтений в Южно-Сахалинске в 1971 г. Южно-Сахалинск, 1973.

Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток.Вторая половина XУП - начало XX вв. Хабаровск, 1973.

Каманин Л.Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1946.

Карон Ф. Описание о Японе. СПб., 1734; 1768.

Карпенко З. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922 гг.). М., 1934.

Колгушкин В.В. Описание старинных атласов, карт и планов XУI, XУП, XУШ вв. и половины XIX в., хранящихся в архиве Центр. картогр. производства МВФ. Л., 1958.

Костылев В. Очерки истории Японии. СПб., 1888.

Краткая история о японском государстве, из достоверных источников собранная. М., 1773.

Крушанов А.И. Гражданская война на Дальнем Востоке. Владивосток, 1972.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. Из истории отношений Японии с Россией и СССР, 1905-1945. М., 1961.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.

Кутаков Л.Н. Очерки дипломатических отношений Москва-Токио 1956-1986. М., 1988.

Кюнер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Романовых. Владивосток, 1913.

Латышев И.А. Правящая либерально-демократическая партия Японии. М., 1967.

Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования. М., 1971.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Марков С.Н. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. М., 1971.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1-2. М., 1973.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1-2, М.-Л., 1937-1941.

Мицуль М. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873.

Народы Восточной Ащии. М.-Л., 1965.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. М., 1956.

Невельский Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849-1855. Хабаровск, 1969.

Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918.

Очерки новой истории Японии (1640-1917). М., 1958.

Петров Д.В. Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965.

Петров Д.В. Япония в мировой политике. М., 1973.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Ю.-Сахалинск, 1959.

Полевой Б.П. Григорий Шелихов - Колумб Российский. Биографический очерк. Магадан, 1960.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). М.-Л., 1955.

Рыжков А.Н. Из истории открытия, исследований и освоения Сахалина, Южно-Сахалинск, 1960.

Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. до установления Советской власти). Автореф. докт. дисс. М., 1966.

Сергеев М.А. Курильские острова. М., 1948.

Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978.

Сноу Д. Курильская гряда. Владивосток, 1902.

Соловьев А.И. Курильские острова. М.-Л., 1947.

Стрельбицкий. Земельные приобретения России в царствование Александра П. СПб., 1881.

Такакура Синьитиро. Очерк истории Курильских островов. Токио, 1961.

Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч.I-II. СПб., 1861-1863.

Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией. Автореферат канд. дисс. М., 1956.

Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX в. М., 1954.

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960.

Фель С.К. Картография в России XVШ века. М., Геодезиздат, 1960.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоеваний сей земли российским оружием. Пер. с англ. СПб., 1774.

Штернберг Л.Я. Айнская проблема. Сборник музея антропологии и этнографии. Т.УШ. Л., 1929.

Эйдус Х.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., 1964.

СТАТЬИ

Аболтин Н.В. Как был возвращен СССР Северный Сахалин. - "Северная Азия", 1927, № 4.

Андреев В. Курильские острова. - "Морской сборник", 1938, № 11, 12.

Баскин С.И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719-1722). - "Известия Всесоюзного географического общества", 1952, Т. 84, вып. 4.

Бутковский Я. Сазалин и его значение. - "Морской сборник". СПб., 1874, № 4.

Венюковый М.И. Материалы для обозрения русских границ в Азии. - "Морской сборник", 1872, № 3-12.

Венюковый М.И. Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет, 1850-1880. - "Русская мысль", 1880, № 4.

Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века (Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг.). - "Русская старина", т. XXXIУ, июль-октябрь 1895.

Гальперин А.Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XУП в. - середине XIX в. -"Очерки по истории русского востоковедения". Сб.2. М., 1956.

Добротворский М. Южная часть Сахалина (Извлечено из военно-медицинского отчета доктора Добротворского за 1868 г.) - "Известия сибирского отдела Императорского Русского географического общества". Иркутск, 1870, Т.I, Вып.2,3.

Дивин В.А. К освещению истории исследования и освоения северной части Тихого океана и Восточной Азии. - "Морской сборник", 1970, № 2.

Дивин В.А., Черевко К.Е. Русские выходят к океану. - "Морской сборник", 1976, № 12.

Ефремов Ю.К. К истории названий Большой и Малой Курильских гряд. - "Вопросы географии", 1951, сб.24.

Зорин В.А., Исраэлян В.Л. Марксистско-ленинский подход к решению территориальных споров. - "Коммунист", 1964, № 2.

Исраэлян В.Л. Проблема государственных границ в трудах В.И.Ленина. - "Ученые записки Института международных отношений", 1960, вып.2.

Конрад Н.И. Япония: народ и государство. Пг: 1923

Константинов В.М. Свидетельства японцев о России XУШ века. - "Советское востоковедение", 1958, № 2.

Миллер Г.Ф. Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россией граничат. - "Сочинения

и переводы, к пользе и увеселению служащие", 1761, Т.14, ноябрь, д декабрь.

Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. Пер. с нем. - "Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие", 1758, Т.7, январь, февраль, март, апрель, май; Т.8, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь.

[redacted]

Невельский Г.И. По поводу воспоминаний Н.В.Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г. - "Вестник Европы", СПб., 1872, кн. 8.

Огрызко И.И. Открытие Курильских островов. - "Ученые записки Ленинградского университета". Серия факультета народов Севера, № 157, 1953, вып.2.

Петрова О.П. Адмирал Е.В. Путятин в бухте Хэда (К истории русско-японских отношений в середине XIX в.). - "Советское востоковедение", 1949, № 6.

Покровский А.А. Беринг и его экспедиция (1725-1743). М., 1941.

Полевой Б.П. Доходил ли Иван Московитин до устья Амура? - "Материалы по истории географических знаний". Вып. I. Л., 1962.

Полевой Б.П. Забытые сведения спутников В.Д.Пояркова о Сахалине (1644-1645). - "Известия Всесоюзного географического общества", 1958, Т.90, Вып.6.

Полонский А. Курилы - "Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии". 1871, Т.IУ.

Самойлов В. Из истории сношений России и Японии в XУП-XУШ

веках. – "Исторический журнал", 1940, № 6.

Свешников И. Необъявленные войны Японии против Советского Союза. К итогам Токийского процесса. – "Новое время", 1948, № 46.

Сгибнев А. Большой Камчатский наряд (экспедиция Елчина). – "Морской сборник", 1868, т. 99, № 12.

Сем Ю.А. Особенности национально-колониальной политики царизма на Дальнем Востоке в эпоху феодализма и капитализма. – "Труды ДВНЦ АН СССР". Владивосток, 1971, Т.8, Серия ист.

Сенченко И.А. Их не забудет Россия. – Исследователи Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1961.

Спасский Г. Монах Игнатий Козыревский. – "Сибирский вестник", 1823, ч.1.

Черевко К.Е. (в соавторстве с Исаенко Г.М.) Хождение встреч солнца. Введение (исторический очерк). Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

Черевко К.Е. (в соавторстве с Дивиным В.А.) Введение (исторический очерк) Земля Российского владения. Хабаровск, 1979.

Черевко К.Е., Яковлев А.Г. Вопреки исторической правде (о книге К.Сакамото "Приграничные районы в истории советско-китайских отношений"). – "Мировая экономика и международные отношения", 1976, № 8.

Черевко К.Е. Как заселялись острова прибрежной Северо-Восточной Азии. – "Проблемы Дальнего Востока", 1978, № 1.

Черевко К.Е. Как в Россию проникали первые сведения о

Японии. – "Проблемы Дальнего Востока", 1976, № 6.

Черевко К.Е. Новые материалы по истории русско-японских отношений. – "Народы Азии и Африки", 1971, № 1.

Черевко К.Е. Описание "Апонского государства" монаха Игнатия Уозыревского. – "Проблемы Дальнего Востока", 1975, № 2.

Черевко К.Е. Памятник японо-русской дружбы. – "Проблемы Дальнего Востока", 1973, № 3.

Черевко К.Е. Политические и экономические отношения между СССР и Японией в начале 80-х гг. – АН СССР. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень № 38. М., 1984.

Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина. История и современность. – "Проблемы Дальнего Востока", 1979, № 4.

Черевко К.Е. Кто мешает улучшению советско-японским отношениям" – "Аргументы и факты", 1984, № 31.

Черевко К.Е. Курильские острова в отечественной и зарубежной картографии (XVII-XX вв.). – "Использование старых карт в географических и исторических исследованиях". М., 1980.

Черевко К.Е. Межгосударственные отношения СССР с Японией в 1984-1985 гг. – АН СССР. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень № 41. М., 1987.

Черевко К.Е. Объективное свидетельство японского историка . "Проблемы Дальнего Востока", 1981, № 2.

Черевко К.Е. США и так называемая "проблема северных территорий". – "США: экономика, политика, идеология", 1981, № 9.

Черевко К.Е. По следам древних культур Хоккайдо. – "Проблемы Дальнего Востока", 1982, № 4.

Черевко К.Е. Японская советология в воинственном походе.– "Морской сборник", 1981, № 9.

Черевко К.Е. Внешняя политика СССР в кривом зеркале японской советологии. – "Проблемы Дальнего Востока", 1983, № 2.

Черевко К.Е. (в соавторстве с К.Андреевым). Правда и выдумка о "северных территориях". – Международная жизнь, 1983, № 3.

Черевко К.Е. "И называют русских братьями". – Неделя, 1985, № 31.

Черевко К.Е. Вокруг мирного договора. – "Аргументы и факты", 1987, № 51.

Черевко К.Е. Рецензия на книгу: Кулаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. – История СССР, 1989, № 4.

Черевко К.Е. Рецензия на книгу: Х. Влад. Размышления о северных территориях (Хопподзо о кангаэру). Токио, 1990. – Общественная мысль за рубежом. 1991, №3.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Монографии, сборники, учебники

Клименко Б.М. Государственная граница – проблема мира. М., 1964.

Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974.

Клименко Б.М., Ушаков Я.А. Нерушимость границ – условие международного мира. М., 1975.

Кожевников Ф.И. Великая Отечественная война и некоторые вопросы международного права. М., 1954.

Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право (до XX века). М., 1947.

Коровин Е. Япония и международное право. М., 1936.

Минасян Н.М. Сущность современного международного права. Ростов-на-Дону, 1962.

Родионова В.А. Территория в международном праве. Лекция для студентов Всесоюзного юридического заочного института. М., 1955.

Оппенгейм Л. Международное право. Т.I, полутом 2. М., 1949.

Ротинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1950.

Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М., 1953.

Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973.

Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970.

Яновский М.В. Проблема "приобретения" государственной территории в международном праве. Ташкент, 1956.

С т а т ь и

Аваков М.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и проблема правопреемства. – "Ученые записки" (Белорусский институт народного хозяйства). Вып. I, 1955.

Багинян К.А. К вопросу об определении агрессии. – "Советское государство и право". 1955, № I.

Голунский С.А. Суд над японскими военными преступниками. – "Новое время", 1947, № 18.

Дубровский Д. Токийский процесс. – "Дальний Восток", 1949, № I.

Дурденевский В.Н. Довоенные договоры после войны. – "Советское государство и право", 1947, № I.

Дурденевский В.Н. Советская территория в актах международного права за 30 лет (1917-1947). – "Вестник Московского Университета", 1947, № II.

Кожевников Ф.И. Творческая роль СССР в справедливом разрешении территориальных вопросов. – "Ученые записки Академии общественных наук". Вып. 3, 1949.

Кутаков Л.Н. Восстановление исторических прав. – "Известия АН СССР". Серия истории и философии. Т.УШ,1951, № 2.

Ладыженский А.М. Юридическая природа территориального верховенства. – "Вестник Московского университета", 1948, № 10.

Лазарев М.И. Государственная граница СССР – решающий фактор мира и международной безопасности. – "Известия Академии Наук СССР". Отделение экономики и права, 1950, № 2.

Молодцов В.С. Границы и право. – "Международная жизнь", М., 1964, № 4.

Молодцов В.С. Некоторые вопросы территории в международном праве. – "Советское государство и право", 1954, № 8.

Перетерский И.С. Значение международного договора для третьего государства. – "Советское государство и право", 1957, № 4.

Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Хабаровский процесс над японскими военными преступниками. – "Советское государство и право", 1950, № 3.

Раппопорт М. Международно-правовые вопросы суда над главными японскими преступниками войны. – "Ученые записки Ленинградского государственного университета". Серия юридических наук. Вып.1, 1948.

Розенблит С.Я. Токийский международный процесс. – "Советское государство и право", 1947, № 3.

Трайнин И.П. Вопросы территории в государственном праве. – "Известия Академии наук СССР". Отделение экономики и права, 1947, № 4 и 6.

Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией. – "Советское государство и право", 1952, № 5.

Шатов Л. Нарушение американской дипломатией общепринятых норм процедуры на Сан-Францисской конференции 1951 года. – Вопросы международного права в теории и практике США. М., 1957.

3. Исследования на европейских языках

I) Международные отношения

а) Монографии

Japan, Ministry of Foreign Affairs. The Northern Islands, Background of Territorial Problems in the Japanese-Soviet Negotiations. Tokyo, 1955.

Akagi R.H.,Japan's Foreign Relations, 1542-1936, A Short History, Tokyo, 1936.

W.G.Aston. Russian Descents into Saghalen and Itorup. in the year 1806 and 1807. Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol.1,Yolohama, 1972.

D.Dallin. The Rise of Russian in Asia, New Haven, 1949.

F.A.Golder. Russian Expansion on the Pacific 1641-1850, Cleveland. 1914.

F.A. Golder. Berings Voyages. An Account of Asia and America, 2 vols. New York, 1922-1825.

H.Isbert,Geschichte, Natur und Bedeutung der Insel Sachalin, Bonn,1907.

S.A.Korff. Russia's Foreign Relations During the Last Half Century, New York, 1922.

J.J.Korostovetz, Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem, London, 1920.

Kuno Yoshi, S. Japanese Expansion on the Asiatic Continent. A Study in the History of Japan with Special Reference to Her International Relations with Vhina. Korea and Russia. Vol.I-III, Berkekey-Los Angeles, 1937-1940.

G.A.Lensen. Report from Hokkaido: The Remains of Russian Cultury in Northern Japan, Hakodate, 1954.

G.A.Lensen. Russia's Japan Expedition of 1852 to 1855.

Gainesville, 1955.

A.B.Lobanov-Rostovsky. Russia and Asia. New-York, 1933.

Müller. Die Japanische Kolonie Karafuto (Sachalin), Petermanns Geographische Mitteilunden. Bd.62, Tiel 1, 1916.

J.Murdoch and I.Yamagata. A History of Japan. 3 vols., London, 1903-1926.

E.B.Price. The Russo-Japanese Treaties of 1907-1916, Baltimore.

Ramming. Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den westlichen Mächten, Tokyo, 1926.

Ravenstein E.G. The Russians on the Amur; Its Discovery, Conquest and Colonisation. London, 1861.

P.F. von Siebold, Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben und Schutzländern jezo mit den Südlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liykiu, Würzburg-Leipzig, 1897,

H.J.Snow. Notes on the Kuril Island, London, 1897.

J.J.Stephan. Sakhalin. A History. Oxford, 1971.

E.Stettinius. Roosvelt and the Russians. The Yalta Conference, New York, 1949.

v.Ursyn-Pruszynski. Die Kämpfe auf der Insel Sachalin wäkrend des Russisch-Japanischen Krieges. Wien, 1910.

б) Статьи

W.C.Amidon. The Issue of Sakhalin in Russo-Japanese Relations, Center of Japanese Studies. Occasional Papers. No.7. Ann Arbor, 1957.

C.Fink. Der Kampf um Sachalin, Ostasiatische, Rundschau. Bd.6, 1925.

D.Itchikawa. Die insel Sachalin, Zur Erinnerung ad die Friedensverhandlungen in Portsmouth, Asien. Bd.6, 1906-1907.

B.J.Kerner. The Russian Eastward:Some Observations on Its Historical Significance,Pacific Historical Review. Vol. XVII. May 1948.

G.A.Lensen. Early Russo-Japanese Relations. The Far Eastern Quarterly. Vol.X, No 1, November 1950.

G.A.Lensen. The Importance of Tsarist Russia to Japan, Contemporary Japan. Vol. XXIV, Nos.10-12. April 1957.

C.M.Salwey. Japanese Monograph No. 18: The Kuril Islands, Called by the Japanese, Chishima Asiatic Quarterly Review. 3 Series, 34 (1912).

H.E. Wildes. Russia's Attempts to Open Japan. The Russian Review, Vol.V, No 1, Autumn 1945.

ЛИТЕРАТУРА НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Монографии

Ваки Тэцу. Тисима то нихондзин (Курильские о-ва и японцы). Токио, 1970.

Ёсида Сиэн. Хоппо рёдо (Северные территории). Токио. 1973.

Ёсида Такэдзо. Хоппосо нюмон (Введение в историю северных районов). Токио, 1974.

Кадзима Морииосукэ. Кинрин сёкоку сёби рёдо мондай (Территориальный вопрос и соседние страны). Токио,1970.

Камэй Такаёси. Дайнидзи сэкай тайсэн хисси (Тайная история второй мировой войны). Токио, 1958.

Кё Синъя. Айну миндзюку тэйкоси (История сопротивления айнской народности). Токио, 1974.

Кодама Ёити. Роэйбэйфуцу синрёку-но ато-о каэримитэ (История проникновения России, Англии, США и Франции на Дальний Восток). Токио, 1938.

Кодзима Нобору. Токё сайбан (Токийский процесс), тт.1-2. Токио, 1971.

Мансю рэкиси тири (Историческая география Маньчжурии), тт.1-2. Токио, 1913.

Масуда Тадао. Мансю коккё мондай (Проблемы государственной границы Маньчжурии). Токио, 1941.

Мацунага Тёкэн. Карафуто оёби Камусакка (Сахалин и Камчатка). Токио, 1905.

Мита Хидзаки. Хоппо рёдо (Северные территории). Токио, 1974. Миядзаки Райхати. Карафутоси моногатари (Очерки по истории Сахалина). Токио, 1944.

Накамура Синтаро. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские). Токио. 1978.

Нисидзуру Садаёси. Карафуто-но рэкиси (История Сахалина). Токио, 1977.

Нумада Итиро. Нитиро гайкоси (История русско-японских дипломатических отношений). Токио, 1943.

Обата Дзюн, Токиноя Масару. Сэйсэцу Нихонси (Апробированная история Японии). Токио, 1967.

Окамото Рюносукэ. Нитиро косё Хоккайдо сико (Очерк истории Хоккайдо в связи с японо-русскими отношениями). Токио, 1898.

Окума Рёити. Хоппо рёдо мондай рэкиситэки хайкэй (Историческая подоплека проблемы северных территорий). Токио, 1964.

Окума Рёити. Тисима Огасавара сико (Очерк истории Курильских островов и островов Огасавара). Токио, 1969.

Отиай Тадаси. Хоппо рёдо (Северные территории). Токио, 1971.

Сигэтада Манабэ. Нитиро канкэйси (История японо-русских отношений. 1967-1875). Токио, 1978.

Симидзу Такахиса. Рэнин то Симода дзёяку (Ленин и Симодский трактат). Токио, 1974.

Симидзу Такэхиса. Тайнити Сорэн сэнсо то Ярута кётэй (Война СССР против Японии и Ялтинское соглашение). Токио, 1976.

Симидзу Такахиса. Хоппо рёдо мондай кайкэцу-но сихосики (Всестороннее методологическое исследование разрешения проблемы северных территорий). Токио, 1977.

Такакура Синъитиро. Айну сэйсакуси (История политики в отношении айнов). Токио, 1972.

Такакура Синъитиро. Тисима гайси (Очерк истории Курильских островов). Токио, 1962.

Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971.

Такано Юити. Нихон-но рёдо (Территория Японии). Токио, 1962.

Такама Сатоси. Ниссо канкэй. Рёдо гайко то кэйдзай кёрёку (Японо-советские отношения. Дипломатия по территориальному вопросу и экономическое сотрудничество). Токио, 1978.

Тамура Косаку. Кокусайко-кара мита хоппо рёдо мондай (Проблема северных территорий с точки зрения международного права). Токио, 1961.

Торий Рюдзо. Тисима айну (Айны Курильских островов). Токио, 1903.

Тояма Сигэки. Сэнго-но рэкисигаку то рэкиси исики (Историческая наука и понимание истории после войны). Токио, 1976.

Хаяси Сабуро. Кантогун то Кёкуто Сорэнгун (Квантунская армия и Советская армия на Дальнем Востоке). Токио, 1974.

Хоппо рёдо-но кисо тисики (Основополагающие сведения по северным территориям). Токио, 1968.

Хора Томио. Карафутоси кэнкю (Исследование истории Сахалина). Токио, 1956.

Хора Томио. Мамия Риндзо. Токио, 1960.

Хора Томио. Хоппо рёдо-но рэкиси то сёрай (История северных территорий и будущее). Токио, 1973.

Фудзимото Хидэо. Айну-но хака (Айнские погребения). Токио. 1974.

Фудзимото Хидзо. Кита-но хака (Северные погребения). Токио, 1972.

Фудзимото Хидэо. Вадзин синряку то айну кайхо ундо (Японская агрессия и освободительное движение айнов). Токио, 1972.

Фунакоси Акио. Хопподзу-но рэкиси (История карт северных районов). Токио, 1976.

Эномото Мориэ, Кими Нобухико. Хоккайдо-но рэкиси (История Хоккайдо). Токио, 1969.

2. Статьи

Абэ Мицудзо. Бакумацуки нитиро канкэй (Японо-русские отношения в конце периода правления сёгунов). - "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Акидзуки Тосикки. Кодзуирэфусуки-но танкэн то Тисима тидзу (Экспедиция Козыревского и чертеж Курильских островов). - "Хоппо бунка кэнкю", Ш. Токио, 1968.

Баба Осаму. Кокогакудзё-ёри митару Кита Тисима (Северные Курилы с точки зрения археологии).- "Дзинруйгаку сэнсигаку кодза" (Лекции по антропологии и предыстории), X.2, XI.4.

Токио, 1939.

Ватанабэ Сигэру. Хоппо рёдо то кёкасё (Северные территории и учебная литература. - "Минами то Кита". Токио, 1969, № 49.

Ириэ Кэйсиро. Сэнрё канрика-но хоппо рёдо (Северные территории в условиях оккупации). - В сб. "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Исида Сигэо. Поцумасу дзёяку то хоппо рёдо мондай (Портсмутский договор и территориальная проблема). - В сб. "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Иси Такаси. Вага бакумацу сёдзёяку-но рэкиситэки тии (Исторический статус наших договоров в конце периода правления сёгунов). "Кокусай сэйдзи". Токио, 1960.

Куба Такэо. Хоппо рёдо то Тюго канкай (Северные территории и китайско-советские отношения). - "Асахи дзянару". Токио, 14 мая 1971.

Кувабара Тэрумити. Хопо рёдо-но хэнкан ёкю ундо (Движение за возвращение северных территорий). - В сб. "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Мацумото Сюнъити. Хоппо рёдо мондай то Тюго коккё фунсо (Проблема северных территорий и китайско-советские отношения).- "Минами то Кита". 11, Токио, июль 1969.

Маэбара Мицуо. Хоппо рёдо-но хотэки тии (Юридический статус северных территорий). - В сб. "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Накадзима Минэо. Горубатёфу-га тогэру тайнити сэнряку-но букими-на хэнкаку (Стратегия политики Горбачева в отношении Японии - крученый мяч и непредсказуемой траекторией). - Гэндай 1986, № 12.

Оноэ Масао. Сэнго-но нисссо канкэй (Советско-японские отношения в послевоенный период). – В сб. "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Ояма Адзуса. Мэйдзи сёки-но хоппо рёдо мондай (Проблема северных территорий в начальный период Мэйдзи). – В сб. "Хоппо рёдо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Синобу Сэйдзабуро. Тисима Карафуто кокан дзёяку (Договор об обмене Курильских о-вов на Сахалин). – "Кокусай сэйдзи". Токио, 1957, № 4.

Такано Акира. Б.Полевой-но Мамия Риндзо хихан-ни цуйтэ (О критике Б.Полевым Мамия Риндзо). – "Росиаго Росиа бунгаку кэнкю". Токио, 1973, № 5.

Сугимори Кодзи. Москва-кара Сорэн-но тайнитикан о Бунсэки-суру (Анализ Москвы позиции СССР в отношении Японии). Дзию, 1086, № 12.

Такано Акира. Эбурэинофу то Рудзин-но Тисима танкэн-ни цуйтэ (Об экспедиции Еврейнова и Лужина на Курильские острова). – "Кайдзиси канкю". Токио, 1968, № 10.

Такано Юити. Рёдо (Территория). – В сб. статей "Хэйва дзёяку-но сого кэнкю" (Комплексное исследование мирного договора). Ч.I. Токио, 1952.

Такано Юити. Хоппо рёдо-но хори (Правовые нормы в отношении северных территорий). – В сб. "Хоппо редо-но тии" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Тамура Косаку. Кова дзёяку то рёдо мондай (Мирный договор и территориальный вопрос). – "Тоё кэйдзай симпо". Токио, 1950, 4 марта.

Тамура Косаку. Хоппо рёдо мондай-но кияи то кэйка (Происхождение и состояние проблемы северных территорий). –

В сб. "Хоппо рёдо-но тин" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Утида Хисаси. Сорэн-но рёкай сэйдо (Система территориальных вод СССР). – В сб. "Хоппо рёдо-но тин" (Статус северных территорий). Токио. 1962.

Утида Хисаси. Совэто рёсуй рирон-ни цудзит (О советской концепции территориальных вод). Ч.I. – "Кокусай гайко дзасси". Токио, 1955, № 6; Ч.II – там же, 1966 № 2.

Уэда Кацуо. *Рёдо кидзоку канкэйси* (История отношений с другими странами в связи с присоединением территорий). – В кн. "Хэйва дзёяку-но сого кэнкю" (Комплексное исследование мирного договора), ч.II. Токио, 1953.

Уэда Кацуо. Сибэрия сюппэй то Кита Карафуто мондай (Сибирская экспедиция и проблема Северного Сахалина). – В сб. "Хоппо рёдо-но тин" (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Ханами Тацудзи. Нихон то рёдокэн (Япония и территориальное право). – "Доко". Токио, 1962, № 1.

Хора Томио. "Кою рёдо" минами Тисима (Южные Курилы как "исконная территория"). – "Рэкиси хёрон". Токио, 1968, № 211-213.

Хосоя Тихиро. Нитиро ниссо канкэй-но тэнкай (Развитие японо-русских и японо-советских отношений). – "Кокусай сэйдзи". Токио, 1965, № 2.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

I. На русском языке:

Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1969-1980.

Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1969-1980.

Современная Япония. М., 1973.

Япония. Ежегодник. М., 1973-1989.

2. На японском языке:

Асахи нэнкан (Ежегодник "Асахи"). Токио, 1965-1989.

Боэй нэнкан (Ежегодник по вопросам обороны). Токимо, 1965-1989.

Иомиури нэнкан (Ежегодник "Иомиури"), 1964-1989.

Кокумин сэйдзи нэнкан (Ежегодник по вопросам политической жизни народа); Токио, 1962-1989.

Нихон сэйдзи нэнкан (Японский политический ежегодник). Токио, 1960-1989.

Сэйдзи нэнкан (Политический ежегодник). Токио, 1968-1989.

3. На английском языке:

Asian Security. Tokyo, 1979-1989.

K.B.S. Bibliography of Standart Reference Books for Japanese Stadies with Descriptive Notes. Tokyo, 1959-1965.

Keesing's Contemprorary Archives (Weekly Diary of World Events).

Bristol, 1970-1989.

Military Balance. L., 1970-1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... I

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ II

I. Японская историография формирования русско-японской границы II

I.I. Японская историография XVШ -первой половины XX века II

I.2. Японская историография после второй мировой войны 28

2. Западноевропейская и американская историография формирования русско-японской границы..... 47

3. Русская и советская историография формирования русско-японской границы..... 58

4. Зарубежная политология о советско-японских отношениях и проблеме "северных территорий"..... 66

5. Отношение основных политических партий Японии к вопросу о территориальных претензиях к СССР.... 89

6. Правовые концепции японских ученых по проблеме территориального урегулирования между СССР и Японией..... 97

Глава П. ЯПОНИЯ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ.....I38

I. Предпосылки территориального размеживания между Россией и Японией.....I38

2. Сближение рубежей России и Японии в XУП-XУШ вв. Открытие Сахалина и Курильских островов русскими землепроходцами и их первоначальное освоение.....I53

3. Территориальное размежевание между Россией и Японией в конце XУШ - начале XX в. Приобретение Японией Курильских о-вов и Южного Сахалина.....I79

Глава Ш. ГРАНИЦЫ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ..... 205

I. Попытки территориальной экспансии Японии против СССР в период до второй мировой войны..... 205

2. Вопрос о территориальном урегулировании СССР с Японией в период второй мировой войны. Решения союзников о восстановлении прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова 213

3. Территориальное размежевание СССР с Японией после второй мировой войны. Попытка США и Японии отказаться от оформления прав СССР в международных соглашениях во второй половине 40-х - 50-х годах..219

4. Проблема "северных территорий" в советско-японских отношениях на современном этапе..... 241

4.I. Территориальные претензии Японии к СССР в двусторонних межгосударственных отношениях в 60 годах.. 241

4.2. Активизация в Японии движения с территориальными претензиями к СССР в 70-х - 80-х годах..... 247

4.3. Проблема "северных территорий" в условиях ухудшения советско-японских отношений в первой половине 80-х годов.....257

4.4. Территориальный вопрос в советско-японских отношениях в условиях развития диалога в период "перестройки".....267

Заключение.....300

Список рисунков.....313

Примечания.....314

Библиография.....363